

**КОМАРРА
ВСЕЛЕННАЯ МАЙЛЗА**

**ЛОИС МАКМАСТЕР
БУДЖОЛД**

**КОМАРРА
ВСЕЛЕННАЯ МАЙЛЗА**

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

**ЛОИС МАКМАСТЕР
БУДЖОЛД**

**ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ**

LOIS McMASTER
BUJOLD

KOMARR
MILES'S UNIVERSE

SHORT STORIES
AND ESSAYS

ЛОИС МАКМАСТЕР
БУДЖОЛД

КОМАРРА
ВСЕЛЕННАЯ МАЙЛЗА
РАССКАЗЫ И ЭССЕ

аст
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2001

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Б 90

Серия основана в 1999 году

Перевод с английского

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник А.Е. Дубовик

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc., New York*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Spectrum Literary Agency и «Права и переводы».

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Буджолд Л.М.

Б90 Комарра. Вселенная Майлза: Роман, повесть, эссе / Пер. с англ. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 576 с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-004123-3.

Майлз Форкосиган, ныне — Имперский Аудитор, послан на планету Комарра, на орбите которой при весьма загадочных обстоятельствах взорвался солнечный отражатель, дающий свет этому сумрачному миру. Рутинное расследование? Или смертельно опасная борьба с группой жестоких заговорщиков? Возможно, от отваги и хладнокровия лорда Аудитора зависит судьба не только Комарры, но и всей Барраярской империи...

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-17-004123-3

© ООО «Издательство АСТ», 2001

KOMAPPA

ГЛАВА 1

Последние серебристые лучи комаррского солнца исчезли за небольшими холмами на западе, и яркий свет, отбрасываемый висящим в небе солнечным отражателем, казался еще ярче на фоне пурпурно-синего неба. Когда Катриона впервые увидела на Комарре искусственное солнце, ей показалось, что в небе распустился огромный, сотканный из звезд фейерверк, какой обычно бывает на Зимнепраздник, успокаивающий и красивый. И вот теперь, облокотившись о перила балкона, выходящего на центральный городской парк, она сосредоточенно изучала преломленные лучи, бьющие сквозь прозрачный купол. Слишком яркие на фоне темного неба. Три из шести дисков отражателя не работали вовсе, а седьмой, центральный, сделался тусклым и матовым.

В свое время ей довелось прочесть, что древние земляне, наблюдая кометы, взрывы сверхновых, падающие звезды, считали это знамениями, предвещавшими различные катастрофы. Само слово «катастрофа» уже содержит в себе астрологическую суть. И произошедшее две недели назад столкновение грузового каботажного корабля с солнечным отражателем уж точно было катастрофой в самом буквальном смысле слова. Оно принесло мгновенную смерть полудюжине комаррцев из обслуживающего

персонала станции. Но на большинство жителей Комары, укрытых в своих куполах, это событие практически не повлияло. Внизу, в парке, команда рабочих наладила дополнительное освещение. На пищевых фермах уже приняли меры, чтобы уберечь зеленые насаждения и оборудование. Здесь, на Комарре, любая зелень под куполами служила не просто украшением. Каждое растение вносило свою лепту в биологический резервуар, необходимый для поддержания жизни. Сады под куполами должны жить, несмотря ни на что, и их симбионты, люди, тщательно о них заботятся.

Но за пределами куполов, там, где хрупкие растения трудятся для терраформирования планеты, все обстоит иначе. Катрионе были известны данные о потерях, столь жарко обсуждавшиеся вот уже две недели за ее обеденным столом. Особенно силен был урон, нанесенный растениям на экваторе. Зимний холод сковал всю планету. Сколько времени пройдет, пока здесь все починят? И когда, собственно говоря, начнут чинить? Для диверсии — если это, конечно, диверсия — такие последствия кажутся бессмысленными. А если это неудавшаяся диверсия, тогда все непонятно вдвойне. Попытаются ли они снова — если эти «они» вообще существуют? Если это вообще злой умысел, а не глупейший несчастный случай.

Вздохнув, Катриона отвернулась и включила дополнительное освещение своего крошечного садика на балконе. Кое-какие барраярские растения были особенно чувствительны к недостатку солнечных лучей. Проверив уровень освещенности, она придвинула две лианы ближе к источнику света и установила таймер. Определив опытным пальцами температуру и влажность почвы, Катриона кое-где подлила воды. Она ненадолго задумалась, не внести ли в помещение старый бонсаи, но в результате отказалась от этой мысли. В конце концов, здесь,

на Комарре, даже на балконе все равно что в помещении. Уже почти год, как Катриона не чувствовала на своих волосах дуновения ветра. Внезапно она ощутила родство с высаженными за пределами купола растениями, которые медленно гибнут без света и тепла, задыхаясь в ядовитой атмосфере... *Дура! Прекрати немедленно! Нам повезло, что мы здесь.*

— Катриона! — раздался из глубины квартиры требовательный рев мужа.

— Я на балконе, — ответила она, всунув голову на кухню.

— Ну так иди сюда!

Уложив садовые принадлежности в ящик, Катриона плотно прикрыла за собой дверь на балкон и поспешила на зов. Она пересекла комнату и быстро спустилась по винтовой лестнице. Тьен, с коммом на запястье, нетерпеливо поджидал ее возле входной двери.

— Только что звонил твой дядя. Он приземлился в пассажирском порту. Я еду за ним.

— Я заберу Николаса и поеду с тобой.

— Не стоит. Я встречу его у выхода на Западной станции. Он велел передать тебе, что с ним гость. Еще один Аудитор, похоже, что-то вроде помощника. Но просил не суетиться, сказал, что они оба непритязательны. Кажется, он вообразил, что мы собираемся кормить их на кухне. Ха! Целых два Имперских Аудитора! И вообще, зачем тебе понадобилось его приглашать?

Она изумленно уставилась на мужа.

— Как может дядя Фортиц побывать на Комарре и не заглянуть к нам? И потом, разве его расследование не касается твоего департамента? Конечно, он хочет нас видеть. Я думала, он тебе нравится.

— Нравился, когда был старым добрым профессором, — похлопывая себя по бедру, ответил Тьен. —

Эксцентричный дядя Фортиц, фор-технарь. Назначение его Имперским Аудитором застало всю семью врасплох. Не представляю, на какие рычаги он нажал, чтобы добиться такой должности!

А ты считаешь, что люди делают карьеру только таким способом? Но вслух она этого не сказала.

— Из всех политических постов наименее вероятно получить таким образом должность Имперского Аудитора, — пробормотала Катриона.

— Наивная Кэт. — Тьен коротко улыбнулся и обнял ее за плечи. — В Форбарр-Султане никто ничего не получает просто так. За исключением, пожалуй, помощника твоего дяди, который, как я слышал, близкий родственник самого Форкосигана. Он, судя по всему, получил свой пост на халяву. Невероятно молод для такой должности, если это именно тот, кто приносил присягу во время Зимнепраздника. Легковесный тип, надо полагать, хотя все, что сказал о нем твой дядя Фортиц, это что он весьма болезненно воспринимает свой рост и не стоит заострять на этом внимание.

Тьен сунул комм в карман куртки. Его рука слегка тряслась. Катриона схватила его за запястье и повернула ладонь вверх. Дрожь усилилась. Она с тревогой посмотрела на мужа.

— Нет, черт подери! — Он вырвал руку. — Ничего не происходит! Я просто немного нервничаю. И устал. И к тому же голоден, так что позаботься приготовить что-нибудь путное к нашему приезду. У твоего дяди вкусы, возможно, и непритязательные, но я сильно сомневаюсь, что их разделяет выросший в Форбарр-Султане лорд.

Сунув руки в карманы, Тьен отвернулся, чтобы не видеть несчастное выражение ее лица.

— Ты сейчас старше, чем был тогда твой брат.

— А про вариабельность ты помнишь? Мы скоро поедем. Обещаю.

— Тьен... Я хочу, чтобы ты бросил этот план насчет галактического лечения. Здесь, на Комарре, медицина ничуть не хуже, чем на Колонии Бета или где-нибудь еще. Когда ты получил назначение сюда, я думала, ты приступишь к лечению. Забудь о секретности, попроси о помощи открыто. Или лечись анонимно, если тебе так хочется. Но только не надо больше тянуть!

— Они здесь не умеют держать язык за зубами. Наконец-то я начал делать карьеру, и мне сейчас абсолютно ни к чему слухи о мутации.

Если мне все равно, мутант ты или нет, то какое тебе дело до мнения других?

Поколебавшись, она все же продолжила:

— Ты поэтому не хочешь видеть дядю Фортица? Тьен, поверь, из всех моих родственников — да и твоих, если на то пошло, — его меньше всего будет волновать, генетическое твое заболевание или нет. Он позаботится о тебе и о Никки.

— Я все держу под контролем, — настойчиво возразил он. — И не вздумай выдать меня дяде, когда я уже так близок к цели. Все под контролем. Вот увидишь.

— Просто не... следуй примеру твоего брата. Обещай мне!

— То, что случилось с флайером, не было несчастным случаем. Это был итог многолетнего кошмарного ожидания и наблюдения за симптомами...

— Я вовсе не намерен творить ничего подобного. Все идет по плану. Когда истечет срок моего комаррского контракта, мы все втроем — ты, я и Николас — отправимся в длительный отпуск, будем путешествовать по галактике. За это время мы все приведем в норму, и никто ничего не узнает. Если, конечно, ты не потеряешь голову и не устроишь панику в самый ответственный момент! — Схватив ее за руку, он вымученно улыбнулся и выскочил за дверь.

«Подожди, и я все приведу в норму. Верь мне». Последнее время ты мне это постоянно твердишь. И до этого твердил, и еще раньше... Так кто кого предает? Тьен, у тебя уже выходит время, разве ты не видишь?»

Катриона побрела на кухню, соображая, что подать на ужин, дабы удовлетворить столичного фор-лорда. Белое вино? Ее небогатый опыт общения с аристократами подсказывал, что если их как следует «накачать», то совершенно не имеет значения, чем их кормить. Она положила одну бутылку из драгоценных, привезенных из дому запасов в морозильник. Нет, пожалуй, стоит добавить еще пару.

Катриона поставила еще один стул к стоящему на балконе столу, где они обычно ужинали. Жаль, что она не наняла ради такого случая на вечер слугу. Но слуги-люди обходятся на Комарре так дорого! К тому же ей хотелось спокойно, по-домашнему поболтать с дядей Фортицем. Все официальные средства информации только и толкуют о том, что произошло, и прибытие на орбиту Комарры не одного, а аж целых двух Имперских Аудиторов несколько не уменьшило количество слухов. Во время недолгого разговора Катрионы с только что прибывшим на орбиту дядей (временная задержка, вызванная расстоянием, не способствовала длительной беседе) обычно спокойный и меланхолический дядя Фортиц достаточно раздраженно отзывался о поднятой вокруг него шумихе. И намекнул, что с удовольствием скрылся бы от назойливого внимания. Поскольку за долгие годы преподавательской деятельности дядя, несомненно, привык к глупым вопросам, Катриона сильно подозревала, что на самом деле его раздражение вызвано тем, что сейчас он просто не знает, как отвечать.

Но больше всего, признавалась она себе, ей хочется снова окунуться в атмосферу счастливого прошлого. После смерти матери она два года жила с тетей и дядей Фортицами, под их ненавязчивым присмотром посещая Им-

перский университет. Жизнь с профессором и его женой была более спокойной и не такой регламентированной, как в доме ее отца в пограничном городке Южного континента, где царила консервативная форская атмосфера. Возможно, так было потому, что тетя с дядей относились к ней как к взрослой, а не как к ребенку, каковым она на самом деле тогда являлась. И ей это очень льстило. Катриона с легким чувством вины признавала, что дядя с тетей были ей ближе, чем родители. В то время, очень недолго, ей казалось, что перед ней открыты все пути.

А потом она выбрала Этьена Форсуассона, или он — ее. *Тогда ты была этим вполне довольна.* Она сказала «да» на предложение свахи, причем совершенно добровольно. *Но ты же не знала.* И Тьен не знал. Дистрофия Форзонна. Никто в этом не виноват.

В кухню ворвался девятилетний Николас.

— Мам, я есть хочу! Можно мне кусочек пирога?

Она перехватила торопливую ручонку.

— Ты можешь пока что выпить стаканчик сока.

— У-у! — протянул сын, но согласился на предложенную замену, выданную ему в высоком бокале для вина. Он мигом проглотил сок, ни на секунду не переставая болтать. *Просто перевозбужден или унаследовал нервную систему отца? Прекрати выдвигать предположения!* — приказала она себе. *Мальчик целых два часа сидел у себя в комнате, занимаясь своими моделями. Ему надо выпустить накопившуюся энергию.*

— Ты помнишь дядю Фортица? — спросила Катриона. — Три года назад мы были у него в гостях.

— Ага! — Сын прикончил сок. — Он водил меня в свою лабораторию. Я думал, там будут всякие колбы и булькающие жидкости, а там оказались только огромные машины и бетон. И пахло так смешно.

— Да, правильно, пахло озоном, — кивнула она, обрадованная, что сынишка так хорошо все помнит. Кэт забра-

ла у сына бокал. — Давай руки. Я хочу посмотреть, насколько большим ты вырастешь. Из щенков с большими лапами, как правило, вырастают крупные собаки. — Никки протянул ладошки, и она приложила к ним свои. Его пальчики были на пару сантиметров короче ее. — Ух ты!

Никки сверкнул самодовольной улыбкой и быстро глянул себе на ноги. Большой палец торжественно высовывался из свежей дырки в новом носке.

Его детские светлые волосы уже начали темнеть. Должно быть, в конце концов они станут такими же темно-каштановыми, как у нее. Ростом ей по грудь, хотя Кэт готова была поклясться, что еще пятнадцать минут назад он был ей по пояс. А глаза карие, как у его па. Чумакая ладошка — и где он ухитряется под куполом найти столько грязи? — совсем не дрожала, а глаза оставались чистыми и ясными. *Не трясутся.*

Ранние проявления дистрофии Форзонна были схожи по симптомам с доброй дюжиной других заболеваний и могли проявиться в любой момент, начиная с подросткового возраста. Но не сегодня, не у Николаса.

Пока нет.

От входной двери донеслись мужские голоса. Никки помчался вниз. Когда Кэт подросла следом за ним, он уже висел на плотном седовласом мужчине, который, казалось, заполнил собой все помещение.

— Уф! — выдохнул дядя Фортиц, обхватив повисшего на нем Николаса. — Как ты вырос, Никки!

Несмотря на свой громкий новый титул, дядя Фортиц совсем не изменился: тот же внушительный нос и большие уши, привычная мятая, висящая мешком одежда, вечно выглядевшая так, будто он в ней спал. Тот же басистый смех. Поставив внучатого племянника на пол, он крепко обнял племянницу, ответившую ему тем же, и наклонился к своему чемодану.

— Кажется, Никки, для тебя здесь что-то есть...

Николас нетерпеливо выплясывал вокруг деда, а Кэт отошла в сторонку, дожидаясь своего часа.

Нагруженный багажом Тьен протиснулся в дверь. И только тогда Кэт заметила стоящего в стороне мужчину, с отстраненной улыбкой наблюдавшего за семейной сценкой.

Она с трудом удержала изумленный возглас. Мужчина оказался ростом с девятилетнего Никки, может, чуть выше, но за ребенка его принять было никак нельзя. Большая голова на короткой шее, слегка сгорбленная спина. Худошавый, но крепкий. В сером костюме, белой рубашке и начищенных до блеска сапогах. Одежда лишена любых украшений, так любимых высшими форами, но сидит великолепно — должно быть, сшита по индивидуальному заказу, фигура у него, мягко говоря, нестандартная. Катриона даже не осмелилась прикинуть, сколько может стоять такой костюм.

Определить возраст мужчины было трудновато. Возможно, чуть старше нее? Седины в темных волосах нет, но морщинки у глаз и вокруг рта резко выделяются на бледной коже. Повернувшись полюбоваться, как Никки атаковал деда, он несколько неловко опустил на пол свой чемодан, но калекой не выглядел. Неприметным назвать его было нельзя, но, во всяком случае, он явно старался быть ненавязчивым. Неловко себя чувствует в обществе? Катриона внезапно вспомнила свои обязанности дочери фора и подошла к гостю.

— Добро пожаловать в мой дом... — *Ой, Тьен ведь не назвал его имени!* — милорд Аудитор!

Протянув руку, он вежливо сжал ей ладонь.

— Майлз Форкосиган. — Рука у него оказалась сухой и теплой, меньше, чем ее, но рукопожатие мужественное. Ногти — чистые и аккуратные. — А вы, сударыня?..

— Ой! Катриона Форсуассон...

Он выпустил ее руку, не поцеловав — к ее величайшему облегчению. Кэт быстро глянула на его макушку, находящуюся на уровне ее ключиц, сообразила, что его лицо находится прямо напротив ее бюста, и чуть отошла. Он посмотрел на нее, едва заметно улыбнувшись.

Никки, гордо демонстрируя свою силу, уже волок самый большой чемодан дяди Фортица в гостевую комнату. Тьен вежливо проследовал за своим старшим гостем. Катриона быстро произвела перерасчет. Совершенно очевидно, что она не может устроить этого Форкосигана в комнате Никки. Детская кроватка ему, безусловно, подойдет идеально, но это так неловко! Уложить Имперского Аудитора на кушетке в гостиной? Вряд ли можно назвать эту мысль блестящей. Жестом она предложила гостю проследовать за ней в ее кабинет-оранжерею. Возле одной стены стояла рабочая скамья и полки со всякой всячиной, нежные зеленые земные и коричневые баррарские растения вились по другой. Свободное пространство оставалось лишь возле широкого окна.

— У нас не очень много места, — извинилась она. — Увы, даже баррарским администраторам приходится довольствоваться тем, что им предлагают. Я закажу для вас гравитационную койку, ее доставят еще до конца ужина. Но по крайней мере эта комната изолированная. Мой дядя так роскошно храпит... Ванная комната чуть дальше направо по коридору.

— Все нормально, — заверил он ее.

Подойдя к окну, Майлз посмотрел на простиравшийся внизу парк. Огни ближайших домов мягко светились в сумеречном освещении полупогасшего солнечного отражателя.

— Я понимаю, что это не совсем то, к чему вы при-
выкли...

Форкосиган улыбнулся уголком рта:

— Однажды я целых шесть недель спал на грязной земле. Вместе с десятью тысячами чумазных мэрилакцев, многие из которых храпели весьма прилично. Так что уверяю вас, все нормально.

Кэт улыбнулась в ответ, не зная, как реагировать на шутку. Если это вообще шутка. Оставив гостя устраиваться, она поспешила на кухню, чтобы заказать гравикойку и завершить приготовления к ужину.

В конце концов все всё равно собрались на кухне, и коротышка Аудитор снова нарушил планы Кэт, позволив ему налить лишь полбокала вина.

— Я провел семь часов в скафандре. Если выпью больше, то еще до десерта усну лицом в тарелке, — сверкнул он глазами.

Кэт рассадилась всех вокруг стола на балконе и подала пряное жаркое на основе искусственных протеинов, которое, как она и предполагала, пришлось дяде по вкусу. Пустив по кругу хлеб и вино, она наконец выбрала время для разговора с дядей.

— Как продвигается ваше расследование? Сколько вы здесь пробудете?

— Боюсь, не дальше, чем ты слышала в новостях, — хмыкнул Фортиц. — Возможно, мы пробудем здесь до тех пор, пока аварийная команда не закончит собирать обломки. Нам недостает пока кое-каких очень важных кусков. Грузовик был загружен под завязку и обладал колоссальной массой. Когда двигатель взорвался, обломки разлетелись во все стороны. Нам просто необходимы все части системы управления, которые только удастся отыскать. Если повезет, большую часть аварийщики выловят дня за три.

— Значит, это диверсия? — поинтересовался Тьен.

Дядя Фортиц пожал плечами:

— Поскольку пилот погиб, доказать это будет крайне сложно. Во всяком случае, аварийщики пока что не обнаружили никаких следов взрывчатки.

— Взрывчатка в данном случае была бы лишней, — пробормотал Форкосиган.

— Вращающийся грузовик влетел в отражатель под самым скверным углом, — продолжил дядя Фортиц. — Половина урона нанесена обломками самого отражателя. При такой силе удара и инерции он просто сам себя разнес на части.

— Если именно этого они и добивались, то математический расчет должен быть просто сногшибательно точен, — сухо заметил Форкосиган. — Одно лишь это склоняет меня к мысли, что произошел действительно несчастный случай.

Катриона наблюдала за мужем, который исподволь не сводил глаз с коротышки Аудитора, и читала в его взгляде молчаливый приговор: «Мутант!» Что может думать Тьен о человеке, в котором столь явно видны признаки отклонения от нормы, но который воспринимает это без всякого чувства вины или стеснительности?

Тьен с любопытством повернулся к Форкосигану:

— Я понимаю, почему император Грегор направил сюда профессора, поскольку лорд Фортиц — самый признанный имперский авторитет в области анализа инженерных неполадок. А каково... хм... ваше участие в этом деле, лорд Аудитор Форкосиган?

Губы Форкосигана искривились в ухмылке.

— У меня есть кое-какой опыт по работе с космическими конструкциями. — Наклонившись вперед, он поднял голову. В его глазах мелькнула на мгновение ирония и тут же исчезла. — Вообще-то, пока идет расследование причин катастрофы, я всего лишь пристяжной. Это первая по-настоящему интересная задача, с которой мы стол-

кнулись с тех пор, как я принес присягу Аудитора три месяца назад. И мне захотелось посмотреть, как ведется следствие. Поскольку император Грегор собирается жениться на комаррианке, он кровно заинтересован в том, чтобы эта авария имела как можно меньше политических последствий. Сейчас очень неподходящее время для осложнений в барраяро-комаррских отношениях. Но будь то диверсия или просто несчастный случай, повреждение отражателя так или иначе скажется на Проекте Терраформирования. Кстати, насколько мне известно, ваш сектор «Серифоза» весьма показателен в плане осуществления этого проекта?

— Да. Завтра я проведу для вас экскурсию, — пообещал Тьен. — У меня есть полный отчет, специально подготовленный моими комаррскими помощниками. Но самые важные выкладки по-прежнему чисто умозрительные. Как скоро починят отражатель?

Форкосиган, поморщившись, поднял маленькую ладонь.

— Зависит от того, сколько денег выделит империя. И вот тут все действительно принимает очень серьезную политическую окраску. Ведь на самом Барраяре тоже активно ведется терраформирование, а эмигранты с обеих планет заполнили практически все рейсы на Зергияр, и поэтому кое-кто из членов правительства открыто удивляется, зачем мы тратим столько средств из имперской казны на Комарру.

По его ровному тону Кэт так и не поняла, разделяет он сам это удивление или нет.

— Терраформирование на Комарре началось за три века до того, как мы ее завоевали, — недоуменно сказала она. — Вряд ли мы можем сейчас остановить этот процесс.

Форкосиган пожал плечами:

— Есть еще одна позиция, чисто военная. Сокращение численности населения под куполами сделает Комарру бо-

лее уязвимой с военной точки зрения. Зачем давать жителям покоренного мира больше жизненного пространства, где они смогут перегруппироваться и набраться сил? Эта позиция базируется на очень любопытном предположении, что через триста лет, когда терраформирование уже завершится, население Барраяра на Комарре еще не ассимилируется. Потому что если народ ассимилируется, то купола станут нашими, и нам уж точно не захочется, чтобы они были уязвимы, а?

Он помолчал, пережевывая жаркое, выпил глоток вина и продолжил:

— Поскольку ассимиляция — основная цель политики Грегора, а там, где дело касается проводимой им политики, он давит всем весом своей императорской власти... то проблема возможного мотива диверсии становится — хм — более запутанной. Возможно, диверсанты — барраярские изоляционисты? Или комаррианские экстремисты? И намерены публично возложить вину на противника? Насколько эмоционально привязаны живущие под куполами комаррианцы к цели, осуществление которой не увидит никто из ныне живущих? Может, они в данный момент предпочтут сэкономить деньги? Диверсия или простая авария — с технической точки зрения разницы никакой, но с политической — огромная.

Они с Фортицем обменялись быстрыми взглядами.

— Так что я наблюдаю, слушаю и жду, — закончил Форкосиган и обратился к Тьену: — А как вам нравится Комарра, администратор Форсуассон?

Тьен, усмехнувшись, пожал плечами:

— Все прекрасно, кроме самих комаррцев. Оказываются, они чертовски обидчивы.

Брови Форкосигана поползли вверх.

— У них нет чувства юмора?

Катриона удивленно поглядела на него, невольно вздрогнув от сухости его тона, но явно ничего не заметивший Тьен лишь хмыкнул.

— Они делятся примерно поровну на жадных и сварливых. Осуждение баррарцев считается здесь патриотическим долгом.

— А вы как считаете, госпожа Форсуассон? — Форкосиган протянул Катрионе опустевший бокал.

Наполнив бокал до краев, прежде чем гость успел ее остановить, Кэт задумалась над ответом. Если дядя — технический эксперт в этом аудиторском дуэте, то, значит, на долю Форкосигана остается... политическая оценка? Так кто же действительно главный в этой команде? Уловил ли Тьен скрытый смысл речи маленького лорда?

— Мне не так просто обзавестись друзьями среди комаррцев. Николас ходит в баррарскую школу. А я не работаю.

— Фор-леди не обязаны работать, — улыбнулся Тьен.

— Как и фор-лорды, — очень тихо добавил Форкосиган, — и тем не менее...

— Это зависит от способности правильно выбрать родителей, — немного желчно заметил Тьен и искоса глянул на Форкосигана. — Удовлетворите мое любопытство. Вы родственник бывшего лорда-регента?

— Он мой отец, — коротко ответил Форкосиган. Он больше не улыбался.

— Значит, вы — тот самый лорд Форкосиган, наследник графа.

— Да. Само собой разумеется.

Теперь Форкосиган говорил неприятно сухо.

— Должно быть, ваше детство было очень трудным, — выдохнула Катриона.

— Он справился.

— Я имею в виду — для вас!

— А! — Быстрая улыбка вернулась и тут же снова исчезла.

Катриона чувствовала, что разговор свернул совершенно не в то русло. Она не осмеливалась открыть рот, чтобы попытаться сменить тему. Тьен тем временем продолжал:

— Ваш отец, великий адмирал, был очень огорчен, что вы не можете сделать военной карьеры?

— Гораздо больше расстраивался мой дед, великий генерал.

— Я сам отслужил десять лет, как положено. В управлении. Скуотища! Так что уж поверьте мне, вы не много потеряли, — благосклонно отмахнулся Тьен. — Но ведь сегодня каждый фор не обязан быть военным, а, дядя Фортиц? И вы — тому живое подтверждение!

— Если не ошибаюсь, капитан Форкосиган прослужил... э-э-э... тринадцать лет, кажется, да, Майлз? В Имперской безопасности. Галактические операции. Тебе было скучно?

Форкосиган на мгновение радостно и искренне улыбнулся профессору.

— Вот уж нет! — Он вскинул голову в явно привычном нервном тике. И Катриона впервые заметила тонкие шрамы на его короткой шее.

Она выпорхнула на кухню, чтобы принести десерт и дать разговору поутихнуть. Когда она вернулась, все более или менее успокоилось, во всяком случае, Николас перестал вести себя неестественно прилично, то есть тихо, и вовсе приставал к деду, чтобы тот поиграл с ним после ужина в его последнюю любимую игру. Это позволило всем мирно дотянуть до того момента, когда доставили заказанную кровать и великий инженер отбыл со всем мужским населением проследить за ее установкой. А Катриона с благодарностью вернулась к привычным делам — мытью посуды и уборке.

Тьен заглянул, чтобы сообщить ей об успешной установке гравикойки и заверить, что фор-лорд устроен вполне прилично.

— Тьен, ты хорошо рассмотрел этого парня? — спросила Катриона. — Мутант, фор-мутант, а ведет себя так, будто ничего необычного в его внешности нет. Если уж он может... — Она замолчала, не договорив «то наверняка сможешь и ты», предоставив это Тьену.

— Не начинай заново, — нахмурился Тьен. — Ведь совершенно очевидно, что он думает, будто на него правила не распространяются. Он — сын Эйрела Форкосигана, черт подери! Фактически сводный брат императора! Ничего удивительного, что он заполучил это роскошное императорское назначение.

— Я так не считаю, Тьен. Ты что, совсем его не слушал? — *Весь этот скрытый смысл...* — Я думаю... Мне кажется, он — доверенное лицо императора, посланный, чтобы оценить весь Проект Терраформирования. Он очень могущественный... Возможно, опасный...

— Это его отец был могущественным и опасным, — покачал головой Тьен. — А он всего лишь пользуется привилегиями. Чертов зануда фор! Не беспокойся за него. Твой дядя довольно скоро нас от него избавит.

— Я беспокоюсь вовсе не за него!

Лицо Тьена потемнело.

— Мне это начинает надоедать! Ты оспариваешь практически все, что я говорю, унижаешь мой интеллект перед твоим столь высокопоставленным родственником...

— Ничего подобного!

Или так оно и есть? Она в растерянности стала мысленно перебирать свои высказывания за ужином. Что же она такого сказала, что его так взбесило...

— То, что ты племянница великого Аудитора, не делает тебя кем-то значительным, девочка! Это измена, вот что это такое!

— Нет-нет, извини меня...

Но он уже вышел вон. Значит, ночью между ними повиснет ледяное молчание. Кэт чуть было не бросилась за мужем, чтобы вымолить прощение. Ему так тяжело на работе, и сейчас действительно не самое подходящее время, чтобы давить на него с лечением... Но ей внезапно до смерти все это надоело. Убрав остатки еды, она взяла полбутылки вина и бокал и вышла на балкон. Она долго сидела, в молчании глядя на огни комаррского города. Покореженный отражатель почти скрылся за горизонтом следом за солнцем.

На кухне мелькнула белая фигура, на мгновение испугав ее. Но это оказался всего лишь лорд-мутантик, скинувший свой элегантный пиджак и сапоги. Он сунул голову в дверной проем:

— Привет!

— Приветствую, лорд Форкосиган. Я тут сижу и люблюсь на заход отражателя. Не хотите ли... хм... немного вина? Сейчас я принесу вам бокал...

— Нет, не вставайте, госпожа Форсуассон. Я сам все сделаю. — Он едва заметно улыбнулся в ответ на ее слабую улыбку. С кухни раздался приглушенный звон, и через мгновение гость снова появился на балконе. Как вежливая хозяйка, Кэт наполнила его бокал, который он поставил подле ее рюмки. Форкосиган взял бокал и подошел к перилам, глядя на то, что можно было рассмотреть на небе через купол.

— Это самое большое преимущество нашего жилища, — заметила она. — Кусочек вида на запад. — Солнечный отражатель великолепно смотрелся на линии горизонта, но его обычный блеск сильно померк из-за последствий аварии. — Обычно заход отражателя гораздо более эффектен, чем сейчас.

Потягивая прохладное вино, она наконец почувствовала, что мозги несколько затуманиваются. Это было приятно. Легкое опьянение успокаивало.

— Вижу, что это должно быть очень красиво, — согласился он, глядя в небо, и сделал большой глоток. Может, решил выпить побольше, чтобы уснуть?

— По сравнению с домом местный горизонт кажется слишком загруженным и замкнутым. На мой взгляд, эти купола вызывают клаустрофобию.

— А где для вас дом? — повернулся он к ней.

— На Южном континенте. В Вандевилле.

— Значит, вы росли среди терраформирования.

— Комаррцы бы сказали, что это не терраформирование, а всего лишь «благоустройство почвы». — Он смеялся вместе с ней над столь метко переданным ею комаррским технократическим снобизмом. — И они правы, конечно, — продолжила она. — Нам не пришлось тратить полтысячелетия на преобразование атмосферы целой планеты. Единственная трудность была в Период Изоляции, когда мы были лишены передовых технологий. И все же... дома я любила открытые пространства. И скучаю по огромному небу от края до края.

— Ваши слова относятся к любому городу, не важно, под куполом он или нет. Так, значит, вы сельская девочка?

— Отчасти. Хотя, когда я училась в университете, мне нравился Форбарр-Султан. Там открывались другие горизонты.

— Вы изучали ботанику? Я обратил внимание на вашу библиотеку и на стенку с растениями у вас в кабинете. Весьма впечатляет.

— Нет. Это скорее хобби.

— Вот как? А я бы принял это за страсть. Или профессию.

— Нет. Тогда я еще не знала, чего хочу.

— А теперь знаете?

Кэт рассмеялась, испытывая некоторую неловкость. Она не ответила. Форкосиган, чуть заметно улыбаясь, прошелся по балкону, изучая высаженные ею растения, и остановился перед бонсаи, сидевшем, как Будда, в своем крошечном горшке. Ветки алого растеньица торчали в позе молчаливой мольбы.

— Позвольте поинтересоваться, а это что такое? — жалобно произнес он.

— Это бонсаи дерева скеллитум.

— Правда?! Да это же... Я и не знал, что со скеллитумом можно такое сотворить! Обычно они пятиметровой высоты. И очень мерзкого коричневого цвета.

— У меня была двоюродная бабушка со стороны отца, которая увлекалась садоводством. Ребенком я обычно ей помогала. Она была очень жесткой женщиной пограничья, ярко выраженной фор-леди. Бабушка приехала на Южный континент сразу после окончания цетагандийского вторжения. Пережила нескольких мужей, пережила... ну, все пережила. Я унаследовала бонсаи от нее. Это единственное растение, которое я привезла с Барраяра на Комарру. Ему больше семидесяти лет.

— Бог мой!

— Это зрелое дерево, полностью сформировавшееся.

— И... э-э-э... низенькое!

Кэт на мгновение испугалась, что невольно оскорбила его, но, судя по всему, все обошлось. Форкосиган покончил с осмотром и вернулся к перилам и вину. Нахмурившись, он вновь посмотрел на уходящий за горизонт отражатель.

Было в этом лорде что-то такое, что, невзирая на его явные физические недостатки, не позволяло отпускать шуточки по поводу его внешности. Но коротышка-фор всю жизнь с этим жил, и у него было время привыкнуть. Для него мутация не оказалась ужасным сюрпризом, как

для Тьена, узнавшего правду из бумаг покойного брата и выявившего потом при помощи тайно проведенных тестов дистрофию Форзонна у себя и у Николаса. «Ты же мог анонимно пройти тестирование!» — спорила она. «Да, но лечиться анонимно невозможно!» — возражал он.

За время пребывания на Комарре она уже практически созрела, чтобы нарушить обычаи, закон и приказы своего супруга и повелителя и отвести сына к врачу. Знают ли комаррские доктора, что, согласно барраярским законам, фор-леди не является законным опекуном собственного сына? Может, ей лучше сказать, что генетический дефект унаследован от нее, а не от Тьена? Вряд ли. Любой мало-мальски грамотный генетик быстро установит истину.

Немного помолчав, Кэт задумчиво произнесла:

— Мужчина-фор в первую очередь верен своему сюзеру, императору, а фор-леди — своему мужу.

— Исторически и по закону это так. — В голосе Форко-сигана прозвучало веселье, когда он повернулся к ней. — И это было фор-леди не всегда во вред. Когда мужа казнили за измену, подразумевалось, что жена лишь следовала его приказам, и потому она оставалась жива и невредима. Вообще-то я всегда подозревал, что за этим кроется более прозаическая вещь. Просто планета с малым количеством населения не могла позволить себе роскошь терять производительниц.

— А вам это не казалось несколько странным и неправильным?

— Но для женщины так гораздо проще. У большинства барраярских женщин бывает в жизни всего один муж, а императоров форам приходилось выбирать слишком часто. И что тогда? Кому бы женщины отдали предпочтение? Скверный выбор мог оказаться смертельно опасным для всей планеты. Впрочем, когда мой дед, генерал Пе-

тер, вместе со своей армией покинул безумного императора Ури, для Ури это оказалось смертельным. Но полезно для Барраяра.

Кэт отпила глоток вина. Со своего стула она видела искореженный силуэт Майлза на фоне темнеющего купола.

— Верно. А ваша страсть — политика, не так ли?

— Господи, нет! Я так не считаю!

— История?

— Только в прошлом. — Он поколебался. — Когда-то это была воинская служба.

— Когда-то была?

— Когда-то была, — решительно повторил он.

— А теперь?

На сей раз пришла его очередь промолчать. Он поглядел на свой бокал и покачал его, взболтнув остатки вина на дне.

— В барраярской политической структуре все взаимосвязано. Простолюдины хранят верность своим графам, графы — императору, а император, предположительно, верен империи в целом, империи как... э-э-э... живой плоти. Этот пункт я считаю несколько абстрактным. Как он может отвечать перед всеми, не отвечая перед каждым в отдельности? И таким образом мы возвращаемся к пункту «А». — Форкосиган опустошил бокал. — Так насколько же мы ответственны за других?

Я уже теперь и не знаю...

Повисло молчание. Оба наблюдали за последними исчезающими бликами скрывшегося за холмами отражателя. Бледные отсветы еще несколько минут светились в небе.

— Что ж, кажется, я немного перебрал. — Ей он вовсе не показался пьяным, но лорд Форкосиган, покатав бокал в ладонях, оттолкнулся от перил. — Спокойной ночи, госпожа Форсуассон.

— Спокойной ночи, лорд Форкосиган. Приятных сн
Прихватив свой бокал, он исчез во тьме.

ГЛАВА 2

Майлз выплыл из сна. Ему снились волосы хозяйки дома. Не сказать, что сон был эротическим, но до неловкости чувственным. Распущенные, а не затянутые в скромную прическу, как вчера, темно-каштановые с янтарным отливом волосы струились сквозь его пальцы... Майлз надеялся, что пальцы были именно его, ведь сон-то видел он, а не кто-то другой. *Я слишком рано проснулся. Тьфу!* Во всяком случае, нынешнее видение не имело ничего общего с его обычными гротескными кошмарами, после которых он просыпался в холодном поту с бешено колотившимся сердцем. А сейчас ему было тепло и уютно лежать на дурацкой гравийке, которую она зачем-то для него заказала.

Госпожа Форсуассон не виновата, что относится к определенному типу женщин, вызывающему в голове Майлза старые видения. Некоторые мужчины одержимы весьма странными вещами... Сам же он был заиклен, как уже давно выяснил, на высоких хладнокровных брюнетках со спокойными сдержанными лицами и теплым альтом. Вообще-то в мире, где люди меняют лица и тела с той же легкостью, как обновляют гардероб, в ее красоте нет ничего необычного. Пока не вспомнишь, что она не местная, и не сообразишь, что ее кожа цвета слоновой кости не знакома с косметической хирургией... Интересно, определила ли она за его идиотской болтовней на балконе скрытую сексуальную панику? Это странное замечание об обязанностях фор-леди не являлось ли пре-

дупреждением, чтобы он не раскатывал губу? Но он ведь, кажется, ничем не проявил своей заинтересованности. Или он настолько прозрачен?

Буквально через пять минут после приезда в этот дом Майлз понял, что ему не следовало позволять гениальному и эксцентричному Фортицу тащить его на планету, но этот человек явно не мог не поделиться тем, что имеет. То, что эта семейная встреча может оказаться далеко не столь радостным событием для постороннего человека, совершенно очевидно не приходило профессору в голову.

Майлз вздохнул от зависти к хозяину дома. Администратор Форсуассон, судя по всему, сумел создать совершенный маленький форский клан. Конечно, ему хватило мозгов начать его создавать лет десять назад. Появление галактических медицинских технологий на Барраяре привело к сокращению численности младенцев-девочек. Самый пик этого кризиса пришелся на поколение Майлза, хотя сейчас, кажется, к родителям начал возвращаться здравый смысл. Однако это не меняло того факта, что все знакомые Майлзу женщины, подходящие ему по возрасту, были уже замужем, и давно. Может, ему придется дожидаться своей невесты еще лет двадцать?

Не бегай за замужними, парень! Ты теперь Имперский Аудитор. Предполагалось, что девять Имперских Аудиторов должны являть собой образец респектабельности и сдержанности. Майлз не мог припомнить ни одной сплетни о скандальных похождениях кого-нибудь из этих высокопоставленных агентов-наблюдателей императора Грегора. Конечно, откуда бы? Остальным Аудиторам по восемьдесят лет, и пятьдесят из них они женаты! Майлз зарычал. К тому же она скорее всего полагает, что он мутант, хотя, к счастью, достаточно хорошо воспитана, чтобы не говорить об этом. Ему в лицо.

Так узнай, нет ли у нее сестры, а?

Откинув боковины гравикойки, он сел и постарался прочистить себе мозги. По самым скромным предположениям, сотни две тысяч слов в новых отчетах об аварии с отражателем и ее последствиях помогут ему справиться с неожиданно возникшей личной проблемой. Майлз решил, что, пожалуй, начнет с холодного душа.

Облачиться в удобный комбинезон сегодня не получится. Выбрав один из трех новых официальных костюмов (разных оттенков серого, серого и серого), Майлз причесал влажные волосы и отправился на кухню госпожи Форсуассон, откуда доносились голоса и аромат свежего кофе. Там он увидел Николаса, жующего хлопья с молоком по-барраярски, полностью одетого администратора Форсуассона, готового, судя по всему, отбыть на службу, и профессора Фортица в пижаме, хмуро перебирающего новые дискеты с данными по аварии. У его локтя стоял нетронутый стакан розового фруктового сока. Глянув на вошедшего, профессор сказал:

— А, Майлз! Доброе утро! Рад, что ты уже встал.

— Доброе утро, лорд Форкосиган, — вежливо приветствовал Форсуассон. — Надеюсь, вы хорошо спали?

— Спасибо, отлично. Что нового, профессор?

— Из местного отделения СБ прибыл твой комм. — Фортиц указал на лежащий возле его тарелки приборчик. — Как я заметил, мне они такого не прислали.

— Ваш отец не так прославился во время захвата Комарры, — скривился Майлз.

— Верно, — согласился Фортиц.

— Старый джентльмен был как раз из того странного поколения, которое оказалось слишком юным во время цетагандийского вторжения и слишком старым во время вторжения на несчастную Комарру. Что постоянно служило для него источником великого огорчения.

Майлз прикрепил комм к левому запястью. Прибор служил компромиссом между ним и отделением Имперской службы безопасности Серифозы, которое отвечало здесь за его здоровье. СБ хотела было окружить его ненавязчивой толпой телохранителей, но Майлз попробовал прибегнуть к своему авторитету Имперского Аудитора. К его великому удовольствию, это сработало. Комм обеспечивал прямую связь с СБ и позволял определить его, Майлза, местонахождение. Майлз постарался подавить чувство, будто он — некое выпущенное на свободу подопытное животное.

— А это что? — кивнул он на дискеты.

Фортиц швырнул дискеты на стол, как бросают карты при плохом раскладе.

— С утренним курьером прибыли записи с последними сведениями о ночной охоте за обломками. И кое-что специально для тебя, раз уж ты любезно согласился следить за медицинской стороной дела. Результаты предварительной аутопсии.

— Они наконец-то нашли пилота? — Майлз забрал дискеты.

— Ее куски, — скривился Фортиц.

Как раз в это время с балкона на кухню вошла госпожа Форсуассон.

— О Боже! — воскликнула она.

Кэт, как и вчера, была одета по комаррской моде: свободные брюки, блузка и длинный, скрывающий фигуру пиджак. Все в скучных коричневых тонах. А она бы была просто великолепна в красном или хороша до умопомрачения в нежно-голубом, с ее-то синими глазами... Волосы Катриона, к великому облегчению Майлза, скромно собрала в узел на затылке. Было бы несколько неприятно думать, что после его последнего ранения, помимо этих чертовых припадков, у него развились еще и способности провидца.

Поздоровавшись с госпожой Форсуассон, Майлз снова повернулся к профессору:

— Должно быть, я крепко спал. Не слышал, когда прибыл курьер. Вы уже их просмотрели?

— Мельком.

— Какие куски пилота они нашли? — заинтересованно спросил Николас.

— Не твоего ума дело, молодой человек, — твердо отрезал дед.

— Спасибо, — тихо поблагодарила его Катриона.

— Во всяком случае, это последнее из найденных тел. Отлично, — бросил Майлз. — Для близких всегда большая трагедия, когда кого-то не находят. Когда я был... — Он резко замолчал. *Когда я был галактическим опером и командовал флотом, мы небо переворачивали, чтобы найти своих погибших и вернуть их тела родственникам.* Теперь эта глава его жизни закончена.

Госпожа Форсуассон, эта роскошная женщина, протянула ему чашку кофе. Затем поинтересовалась, что ее гости хотят на завтрак. Майлз исхитрился вынудить Фортица ответить первым и присоединился к его выбору. Пока Кэт подавала завтрак и убирала посуду Никки, администратор Форсуассон сообщил:

— Мой департамент будет готов предстать перед вами сегодня после обеда, Аудитор Фортиц. А на утро — Катриона спрашивала, не хотите ли вы посетить школу Николаса. После знакомства с моим департаментом, возможно, останется время облететь некоторые наши объекты.

— По-моему, неплохая программа. — Профессор Фортиц улыбнулся Николасу. При всей поспешности отлета с Барраяра он — или его супруга — не забыл о подарке внучатому племяннику. *Мне бы тоже следовало привезти парнишке что-нибудь,* запоздало подумал Майлз. *Лучший способ очаровать мать.*

— Э-э... Майлз?

Майлз положил кипу дискет рядом с тарелкой.

— Подозреваю, что мне будет чем заняться сегодня утром. Госпожа Форсуассон, в вашем кабинете я видел комм-пулт. Могу ли я им воспользоваться?

— Конечно, лорд Форкосиган!

Что-то вежливо бормоча о необходимости навести порядок в департаменте, Форсуассон удалился, а вскоре и завтрак подошел к концу. Все разбрелись по своим делам. Майлз с дискетами в руке вернулся в превращенный временно в спальню кабинет госпожи Форсуассон.

Прежде чем сесть за комм, он немного постоял у окна, глядя на парк и прозрачный купол, сквозь который пробивались солнечные лучи. Поднимающегося на востоке комаррского солнца отсюда не было видно, поскольку окно выходило на запад, но его лучи освещали дальний конец парка. Поврежденный солнечный отражатель еще не показался над горизонтом.

Итак, не означает ли это семь столетий несчастья?

Вздохнув, он затемнил окно, что было в общем-то лишним, уселся за комм и начал скармливать ему диски с данными. Нынче ночью нашли пару десятков довольно больших обломков. Майлз просмотрел видеосъемку вращающихся в космосе кусков, заснятых со спасательного корабля. Теория гласила, что если вы найдете все куски, точно рассчитаете их траекторию и вращательный момент, то в конечном итоге сможете построить математическую модель катастрофы и таким образом определить ее причины. Увы, в реальной жизни практика сильно расходилась с теорией, но мельчайшие детали все равно могли оказать существенную помощь. Комаррская СБ до сих пор прочесывала все орбитальные пересадочные станции в поисках туристов, возможно, снимавших на видео именно этот участок пространства в момент столкнове-

ния. Майлз не без оснований полагал, что теперь это уже бесполезное занятие. Обычно свидетели, ежели таковые имеются, объявляются моментально, возбужденные и жаждущие оказать помощь.

Фортиц с аварийщиками пришли к выводу, что рудовоз к моменту столкновения с отражателем уже развалился на части. Вывод, который еще не оглашался. Итак, уничтоживший все возможные улики взрыв двигателей был причиной или следствием этой катастрофы? И в какой момент эти искореженные куски металла и пластмассы получили самые любопытные повреждения?

Майлз снова просмотрел — уже двадцатый раз за последнюю неделю — рассчитанный компьютером курс грузовика до момента столкновения и еще раз отметил аномалии. На корабле был только пилот, и осуществлял он рутинный — и жутко скучный — перелет от пояса астероидов до орбитального перерабатывающего завода. В момент аварии двигателя, по идее, не должны были работать в активном режиме, поскольку ускорение уже закончилось, а торможение еще не должно было начаться. Грузовик опережал график примерно на пять часов, но лишь потому, что рано вылетел, а не потому, что летел быстрее обычного. Он отклонился от курса примерно на шесть процентов, в пределах нормы, и проводить корректировку было еще рано, хотя пилот и могла забавляться тем, что пыталась провести корабль более точно в каких-то минимальных пределах. Даже если имелось небольшое исправление курса, маршрут транспорта все равно пролегал в нескольких сотнях километрах от отражателя. На самом деле даже дальше, если бы он точно следовал курсу.

К чему действительно привело отклонение от курса, так это к тому, что грузовик следовал практически параллельно одному из неиспользуемых комаррских п-в-туннелей. Космическое пространство вокруг Комарры было необычайно

богато действующими п-в-переходами. Факт, имеющий огромные стратегические и исторические последствия: один из туннелей был единственным выходом Барраяра к окружающим мирам. И именно из-за контроля над п-в-туннелями, а не ради обладания этой холодной планетой барраярский флот захватил тридцать пять лет назад Комарру. И до тех пор, пока имперские военные удерживают п-в-переходы, их интерес к населению Комарры и его проблемам оставался, мягко говоря, умеренным.

Однако именно через этот туннель не было ни движения, ни торговли. И военной угрозы он тоже не представлял. Исследовательские экспедиции попадали через него либо в пустое пространство, либо к звездам, не имеющим пригодных для заселения или богатых ресурсами планет. Никто не осуществлял через этот туннель переход. И никто не должен был его осуществлять. Возможность появления из туннеля какого-то негодяя, напавшего на безобидный рудовоз, причем — не стоит забывать — с каким-то не оставляющим следов оружием, и тут же запрыгнувшего обратно, была только что отмечена ввиду отсутствия каких-либо доказательств, а в поисках доказательств этот участок был уже прочесан вдоль и поперек. Подобный сценарий всюду эксплуатировали местные средства массовой информации, но никаких следов, обычно оставляемых прошедшими через п-в-туннель кораблями, обнаружено не было.

Аномалии пятимерного пространства п-в-туннеля вообще невозможно отследить из трехмерного пространства. И в любом случае они никак не могли воздействовать на грузовик, даже если бы корабль пролетал прямо напротив центра выхода из туннеля. Транспорт был каботажным судном, без двигателей Неклина, и не имел возможности осуществить скачок. И все же... там есть лишь п-в-туннель. И ничего больше.

Майлз помассировал шею и вернулся к файлу с отчетом о результатах аутопсии. Жутких, как обычно. Пилотом транспорта была тридцатипятилетняя жительница Комарры. Это, если угодно, можно было назвать баррарским мужским шовинизмом, но женские трупы всегда производили на Майлза гораздо более гнетущее впечатление, чем мужские. Смерть — такой хитрый и злобный уничтожитель человеческого достоинства. Неужели он, Майлз, тоже выглядел таким же выпотрошенным и выставленным напоказ, когда попал под огонь джексоновского снайпера? Тело пилота отражало обычный в таких случаях ход событий: раздавленное, разорванное вакуумом, облученное и замороженное. Все типичные признаки смерти в космосе. Одна рука оторвана — скорее всего в самом начале, судя по вытекшей из обрубка крови. Что ж, по крайней мере смерть была мгновенной. Но Майлз слишком хорошо знал все это на собственном опыте, чтобы добавить «и почти безболезненной». В тканях не обнаружено никаких следов алкоголя или запрещенных наркотиков.

Комаррский медэксперт, помимо шести заключительных отчетов, прислал запрос Майлзу на разрешение передать тела шестерых погибших на отражателе техников семьям. Бог ты мой, неужели этого до сих пор не сделали? Как Имперский Аудитор, Майлз должен был не вести расследование, а лишь наблюдать за его ходом и докладывать о результатах. Он вовсе не желал, чтобы его присутствие подавляло чью-то инициативу. Майлз немедленно отправил разрешение прямо с комманданте госпожи Форсуассон.

Он приступил к работе с шестью заключениями. Отчеты были подробнее, чем предварительные, но никаких сюрпризов не содержали. А ему сейчас очень хотелось какого-нибудь сюрприза, любого, какого угодно, только не «корабль взорвался без всякой причины. Семеро погибших».

И еще поистине астрономического счета за причиненный ущерб. Когда Майлз переварил три заключения, а скудный завтрак начал вызывать глубокие сожаления у его желудка, он откинулся на спинку стула, чтобы мысленно еще раз обдумать прочитанное.

Размышляя, он лениво просматривал файлы госпожи Форсуассон. Один из них, озаглавленный «виртуальные сады», показался заманчивым. Может, она не обидится, если он в них заглянет? Файл «водный сад» заинтриговал Майлза, и он открыл его.

Как он и предполагал, это оказалась программа по дизайну ландшафта. Она позволяла разглядывать под любым углом, в любой проекции и масштабе и в самых мельчайших деталях любой участок. С этой программой практически кто угодно мог спроектировать сад на любом уровне. Майлз выбрал сад с чем-то там до пяти футов высотой. Растения росли в соответствии с реальными условиями, с учетом освещения, влажности, силы тяжести, удобрений. На них даже обрушивались виртуальные вредители. Сад был заполнен примерно на треть — трава, фиалки, водяные лилии и папоротники. Он только что пережил вспышку роста лишайников. В незаконченных уголках сада краски и очертания резко обрывались, будто на него надвигался какой-то чуждый серый геометрический мир.

В Майлзе проснулось любопытство, и в лучшем стиле оперативника Имперской безопасности он принялся копаться в программе в поисках задействованных уровней. Самым загруженным, как он выяснил, оказался тот, что был озаглавлен «барраярский сад». Майлз вывел его на дисплей, снова выбрал соответствующий своему росту масштаб и открыл файл.

Это оказался вовсе не красивый, засаженный земными растениями традиционный сад Барраяра, а созданный из

одних лишь барраярских растений парк. Майлз и предположить не мог, что такое возможно, не говоря о том, что это так красиво. Он всегда считал, что буро-красная растительность Барраяра в лучшем случае навевает тоску. Единственные барраярские растения, которые он знал и мог назвать, были те, что вызывали у него жуткую аллергию. Но госпожа Форсуассон каким-то образом сумела использовать цвет и форму для создания чего-то очень безмятежного. Камни и вода обрамляли островки светлой и острой как бритва травы, которая, как его когда-то заверили, с точки зрения ботаники и не трава вовсе. Хотя режущие качества этой растительности никто не оспаривал. Судя по народным названиям, первым барраярским колонистам не нравилась их новая ксеноботаника: чертов сор, индюшкина погибель, овечья отравка.

...Это прекрасно. Как ей удалось создать такую красоту? Майлз в жизни не видел ничего подобного. Наверное, с таким видением мира нужно родиться. Как с талантом художника, которого, впрочем, у Майлза тоже не наблюдалось.

В Форбарр-Султане, имперской столице, возле особняка Форкосиганов на месте снесенного ветхого здания имелся крошечный унылый зеленый парк. Он был устроен скорее для безопасности лорда-регента, чем из эстетических соображений. Разве не будет просто здорово заменить его укрупненной версией вот этого компьютерного великолепия и дать таким образом почувствовать столичным штучкам прелесть их собственной планеты? Даже если на то, чтобы деревья выросли, потребуется — Майлз уточнил на компьютере — пятнадцать лет.

Компьютерная парковая программа предположительно должна была сэкономить время на дорогостоящую разработку макета и помочь избежать ошибок. Но когда единственный имеющийся в твоём распоряжении сад лег-

ко умещается в багаже, то можно смело предположить, что перед ним хобби госпожи Форсуассон. Виртуальный сад, безусловно, изящнее реального и — главное — его гораздо легче соорудить. Так почему же у него складывается такое впечатление, что ее это удовлетворяет примерно так же, как голодного — зрелище еды по видео? А может, она просто скучает по дому... Майлз нехотя закрыл файл.

Исключительно по старой привычке он вызвал ее финансовую программу, чтобы подвергнуть ее быстрому анализу. Оказалось, что это ее домашняя бухгалтерия. Катриона вела дом, исходя из исключительно экономного бюджета, надо полагать, в рамках зарплаты администратора Форсуассона. Еженедельные расходы были скорее минимальны. И она отдавала своему ботаническому хобби гораздо меньше времени, чем, судя по результатам, стоило бы. Еще какие-то хобби, скрытые пороки? Путь денег обычно лучше всего отражает истинные цели людей. Именно по этой причине барраярская служба безопасности нанимала лучших имперских бухгалтеров — чтобы скрыть свою деятельность. Итак, госпожа Форсуассон очень мало тратит на одежду, кроме одежды для Николаса. Майлзу доводилось слышать высказывания родителей о том, чего стоит одеть детей, но в данном случае это что-то совершенно из ряда вон... Стоп-стоп, это вовсе не затраты на одежду. Средства, вытасченные отсюда, отсюда и отсюда, стеклись на маленький частный счетик, названный «лечение Николаса». Почему? Разве ей с сыном как членам семьи барраярского служащего на Комарре траты на лечение не покрываются из имперской казны?

Майлз вызвал счет на дисплей. Ее сбережения за год не очень впечатляли, но тем не менее поступления сюда шли постоянно. Майлз, несколько озадаченный, вызвал всю программу. Есть ли ключ к разгадке?

Один из файлов в конце списка не имел названия. Майлз немедленно попытался его открыть. Файл оказался единственным в ее комме, который затребовал пароль. Любопытно...

Программное обеспечение комма было простейшим, одним из самых дешевых. Стажеры Имперской безопасности вскрывали такого рода файлы, как орешки. Майлза на мгновение одолела тоска по дому. Чуть покопавшись, он через пять минут получил пароль. Дистрофия Форзонна? Н-да, такой пароль навскидку не вычислишь...

Привычные рефлексy преодолели возникшую было неловкость. Он мгновенно открыл файл, запоздало подумав: «Ты ведь уже не оперативник СБ. Стоит ли это делать?»

В файле оказались сведения медицинского характера об указанной в пароле болезни, собранные из всевозможных барраярских и галактических источников. Очень редком и малоизученном барраярском генетическом заболевании. Дистрофия Форзонна появилась в Период Изоляции главным образом, как вытекало из названия, в форской среде, но не была определена как мутация вплоть до возвращения на Барраяр галактической медицины. Впервые, она не имела внешних проявлений, из-за которых ему самому, например, перерезали бы глотку при рождении. Болезнь проявлялась в зрелом возрасте, приводя сначала к физической немощи, а затем — к разрушению мозга и к смерти. В мрачном барраярском прошлом носители этой болезни умирали от других причин задолго до проявления симптомов заболевания, успев наплодить наследников. Сумасшедших хватало во многих семьях... *Включая и моих дорогих предков Форратьеров, спятивших по другим причинам.*

Но сейчас ведь это лечится, разве нет?

Да, хотя лечение вылетает в копеечку. Из-за редкости заболевания. Майлз быстро пробежал статьи. Симп-

томы подавлялись при помощи дорогостоящих биохимических средств, вымывающих и заменяющих поврежденные молекулы. Полное генетическое излечение тоже можно получить, но за гораздо более высокую цену. Ну, почти полное. Всех потомков все равно необходимо подвергать генсканированию на предмет выявления дистрофии Форзонна, желательно во время оплодотворения и до перемещения в маточный репликатор.

Разве юный Николас созрел не в маточном репликаторе? Господи ты Боже мой, ведь не настаивал же Форсуассон на том, чтобы его жена — и ребенок — прошли через все опасности естественного вынашивания и родов? Лишь немногие из самых консервативных форов все еще придерживались традиции, той самой, которую мать Майлза подвергала самой жестокой и язвительной критике, которую ему доводилось когда-либо слышать из ее уст. И она имеет на это полное право.

Что за чертовщина тут происходит? Сжав губы, Майлз откинулся на стуле. Если, исходя из содержимого файлов, уже известно, что Николас, возможно, является носителем гена дистрофии Форзонна, то один из его родителей — или оба сразу — являются носителями того же недуга. Как давно им об этом известно?

Тут до Майлза вдруг дошло то, на что он не обратил внимания прежде, ослепленный кажущимся семейным благополучием, которое ухитрились продемонстрировать Форсуассоны. Всегда труднее всего восстанавливать недостающие звенья. И в данном случае этим звеном является отсутствие других детей. Как насчет парочки сестричек для Никки, а, предки? Так ведь нет. Они узнали об этом как минимум вскоре после рождения сына. Какой кошмар для них! Но кто же носитель, он или она? Майлз надеялся, что это не госпожа Форсуассон. Страшно подумать, что столь утонченная красота может исчезнуть из-за взрыва внутренней бомбы замедленного действия...

Я не хочу ничего этого знать.

Его недозволительное любопытство только что было наказано. Это идиотское подглядывание недостойно Имперского Аудитора, хотя и осуществлено тайным агентом Имперской безопасности. Бывшим агентом. И где же теперь его сверкающие доспехи Имперского Аудитора? С таким же успехом он мог сунуть нос в ее комод с нижним бельем.

Я не могу оставить тебя ни на минуту без присмотра, да, парнишка?

Он много лет всяческим образом пытался обойти военный устав и наконец заполучил работу, не ограниченную вообще никакими правилами и уставами. Чувство, что он умер и попал в рай, продлилось не более пяти минут. Имперский Аудитор — Голос самого императора, его глаза и уши, а иногда и руки. Очень миленькое описание работы до той минуты, пока не задумаешься, что эта симпатичная поэтическая метафора действительно означает.

Итак, стоит ли подвергать самого себя тестированию, задавшись вопросом: «Могу ли я представить себе Грегора, делающим то или это?» Кажущаяся императорская замкнутость Грегора скрывала его почти болезненную застенчивость. Мозги Майлза скрипели. Ну ладно, поставим вопрос иначе. Может ли он представить себе Грегора, делающего нечто подобное в своем кабинете? Какие действия, неправомерные для простого смертного, вполне законны для Имперского Аудитора при исполнении обязанностей? Множество всяких-разных, исходя из прецедентов, о которых Майлзу довелось прочесть. Значит, Основное Правило гласит: «Делай что хочешь, пока не допустишь ошибки, а тогда мы тебя уничтожим»? Майлз совсем не был уверен, что такая постановка вопроса ему нравится. Скорее вовсе нет.

Даже во время службы в СБ залезать в личные файлы можно было только к врагам или, как минимум, к подозреваемым. Ну и к возможным кандидатам для вербовки. А также к нейтралам, на чьей территории действуешь. А еще... а еще... Майлз хихикнул сам над собой. Во всяком случае, Грегор хотя бы лучше воспитан, чем Имперская служба безопасности.

Очень смущенный, Майлз закрыл файл, уничтожил все следы своей деятельности, вызвал на экран следующее заключение аутопсии и уставился на снимки искореженного тела. У смерти есть температура, и эта температура чертовски низкая. Майлз прервался на минутку, чтобы усилить на пару градусов работу комнатного обогревателя.

ГЛАВА 3

Катриона и подумать не могла, что визит Имперского Аудитора так перебудоражит сотрудников школы, где учился Николас. Но профессор, сам преподаватель с большим стажем, быстро дал понять, что это не официальный визит, и произнес все, что необходимо, дабы успокоить учителей. И все же они с дядей Фортицем пробыли в школе значительно меньше, чем рекомендовал ей Тьен.

Чтобы еще немного протянуть время, она провела для дяди небольшую экскурсию по достопримечательностям купола «Серифоза». Показала ему самые красивые сады, самые высокие смотровые площадки, откуда можно было увидеть комаррские ландшафты за пределами купола. Серифоза была столицей этого сектора планеты, но Катрионе по-прежнему приходилось делать над собой усилие, чтобы по барраярской привычке не думать о ней как о

провинции. Границы баррарских провинций не были столь упорядочены, они шли вдоль рек и горных склонов, по следам бывших битв, где графские армии проигрывали исторические сражения. Комаррские сектора аккуратно делили всю планету на геометрически правильные части. Но в самих так называемых куполах находились тысячи разнообразных строений, потерявших свои правильные очертания столетия назад, поскольку строились еще под открытым небом и в самых разных, зачастую совершенно не сочетающихся архитектурных стилях.

Несколько запоздало она сообразила, что заслуженного инженера стоило бы провести по самым глубоким техническим туннелям, показать ему энергетические установки и воздушные станции. Но уже пришло время обеда. В ходе экскурсии они оказались возле любимого ресторана Кэт, расположенного якобы на пленэре, где столики стояли в парке под застекленным небом. Поврежденный солнечный отражатель уже взошел и медленно проплывал по небосводу среди облаков — отражатель как бы прятался за ними, стыдясь своей искореженности.

Огромная власть Голоса императора, данная Имперскому Аудитору, практически не изменила дядю, с удовольствием отметила Катриона. Он по-прежнему искренне радовался великолепному десерту и под ее чутким руководством выбрал самые лучшие блюда в меню. Но сказать, что он не изменился вовсе, Катриона не могла: дядя стал несколько более сдержан и тщательно взвешивал свои слова, и не только тогда, когда речь заходила о математических и инженерных расчетах.

Сделав заказ, она проследила за взглядом дяди, который смотрел наверх, изучая отражатель.

— Реальной угрозы, что империя забросит проект с солнечным отражателем, ведь нет, правда? — спросила она. — Мы должны хотя бы его починить. Я хочу ска-

зять... в нынешнем виде он кажется каким-то... каким-то разбалансированным.

— Вообще-то так оно и есть. Из-за солнечного ветра. И с этим придется что-то делать, причем чем быстрее, тем лучше, — ответил Фортиц. — Лично мне, во всяком случае, идея забросить данный проект очень не по душе. Это величайшее инженерное достижение первых колонистов Комарры, если, конечно, не считать куполов. Великое творение лучших людей. Если это диверсия... что ж, тогда ее совершили худшие представители рода человеческого. Вандализм, голый, бессмысленный вандализм.

Вряд ли художник, описывающий разрушение какого-нибудь великого произведения искусства, мог говорить более ядовито, чем дядя.

— Мне доводилось слышать рассказы комаррцев о том, что они испытали, когда войска адмирала Форкосигана захватили отражатель, а захватили они его в первую очередь. Не думаю, что отражатель имеет большое тактическое значение, с учетом огромных скоростей, на которых ведутся космические сражения, но психологический удар был, безусловно, очень силен. Будто мы захватили их солнце. Думаю, возвращение отражателя под контроль Комарры несколько лет назад было очень верным политическим шагом. Надеюсь, что нынешнее происшествие не сорвет это дело.

— Трудно сказать, — последовал сдержанный ответ.

— Поговаривали о том, чтобы снова открыть его смотровую площадку для туристов. Хотя теперь, надо думать, они счастливы, что не успели этого сделать.

— Но существуют экскурсии для особо важных персон. Я сам там был, когда несколько лет назад читал краткий курс в университете Солстиса. К счастью, в день аварии посетителей там не было. Но отражатель должен

быть непременно открыт для публики, это полезно со всех точек зрения, в том числе — и для обучения. И возможно, стоит там создать музей, где бы рассказывалось, как его построили. Это был великий труд. Странно осознавать, что его основное практическое применение — создание болот на планете.

— Болота создают пригодный для дыхания воздух. Постепенно, — улыбнулась Катриона.

В представлении дяди чисто инженерная эстетика явно затмевает всякие там «глупые» биологические последствия.

— Ну да, а следующим номером ты начнешь защищать крыс. Насколько я понимаю, здесь водятся настоящие крысы?

— О да! В подкупольных туннелях крыс полно. А также хомяков и морских свинок. Ребятишкам нравится их ловить и держать как домашних любимцев. Вообще-то, если подумать, скорее всего эта живность тут появилась от привезенных домашних питомцев. Лично я считаю, что чернобелые крысы очень сообразительны. Сотрудники ветеринарной службы, занимающиеся контролем над популяцией, вынуждены работать в глубокой тайне от своих юных родственников. Еще у нас здесь есть тараканы. А где их нет? И в Экиноксе — дикие какаду. Несколько десятков лет назад сбежали две пары, а может, их просто выпустили. Теперь эти здоровущие яркие птицы летают повсюду, и люди их кормят. Санитарный контроль хотел было от них избавиться, но акционеры купола проголосовали против.

Официантка принесла заказанные салаты и ледяной чай, и разговор временно прервался, пока дядя с аппетитом поглощал свежий шпинат, манго, лук и сладкий пекан. Кэт так и думала, что сладкий пекан ему понравится. Продукция гидропоники Серифозы была лучшей на всей Комарре.

Воспользовавшись паузой во время перемены блюд, Кэт направила разговор в более интересующее ее русло.

— Ваш коллега лорд Форкосиган, он действительно прослужил тринадцать лет в службе безопасности?

Или ты это сказал просто потому, что тебя раздражает Тьен?

— Три года в Военной академии и десять лет в Имперской службе безопасности, если быть точным.

— Как ему удалось туда поступить, ведь там экзамен по физподготовке?

— Непотизм, я думаю. В некотором роде. Но надо отдать ему должное, в дальнейшем он, судя по всему, этим преимуществом не пользовался. Я с большим интересом прочитал его полностью засекреченное досье, когда Грегор попросил меня вместе с другими Аудиторами рассмотреть кандидатуру Форкосигана.

Кэт подавила легкое разочарование.

— Засекреченное... Значит, ты мне ничего не сможешь рассказать...

— Ну, — ухмыльнулся Фортиц с набитым салатом ртом. — Был там один эпизод на Дагуле. Несколько лет назад. Ты наверняка слышала о нем. О побеге из цетангандийского лагеря для военнопленных огромной группы заключенных мэрилакцев.

Кэт смутно что-то такое припоминала. В то время она была полностью захвачена радостями материнства и мало обращала внимания на новости, особенно на что-то столь далекое, как галактические новости. Но она кивнула, поощряя дядю продолжать.

— Теперь это уже старая история. Насколько я понял со слов Форкосигана, мэрилакцы снимают фильм на этот сюжет. Называется «Великий побег» или что-то в этом роде. Они пытались нанять его — точнее, того, под чьей личиной его знали, — в качестве технического консуль-

танта фильма. Это предложение он был вынужден с сожалением отклонить. Но стремление Имперской безопасности сохранить в тайне события, которые мэрилакцы собираются показать по галактическому видео, кажется мне задачей несколько сложноватой даже для службы безопасности. Ну, в любом случае Форкосиган был тайным агентом Барраяра, и именно он организовал этот побег.

— А я и не знала, что там действовал наш агент.

— Он был подсадной уткой в самом лагере.

Получается, что та шуточка о храпящих мэрилакцах... вовсе не шутка.

— Если он был настолько хорош, то почему ушел в отставку?

— Хм. — Прежде чем ответить, дядя хлебом подобрал с тарелки остатки подливки. — Я могу тебе выдать только отредактированную версию событий. Он ушел не добровольно. Пару лет назад он был тяжело ранен, настолько тяжело, что потребовалась криозаморозка, и некоторые ее последствия оказались неизлечимы. Он был вынужден уйти по состоянию здоровья, и он... хм... не очень хорошо справился с ситуацией. Не мое дело обсуждать подробности.

— Если он был настолько тяжело ранен, что потребовалась криозаморозка, значит, он был мертв! — изумленно воскликнула Кэт.

— Технически, надо полагать, так оно и было. В наши дни понятия «жив» и «мертв» не так определены, как в Период Изоляции.

Итак, у дяди есть сведения медицинского характера о мутации Форкосигана, которые ее так интересуют. Если, конечно, дядя вообще обратил на них внимание. А сведения есть наверняка, потому что военная медицинская комиссия очень строгая и скрупулезная.

— Так что, дабы такая подготовка и огромный опыт не пропали втуне, — продолжил дядя Фортиц, — Грегор подыскал Форкосигану подходящую работу на гражданке. Как правило, обязанности Имперского Аудитора не требуют отменной физической подготовки... Хотя, должен признаться, мне лично очень пригодилось наличие человека моложе меня и значительно, я бы сказал, миниатюрнее, чтобы провести исследования наружной стороны отражателя в открытом космосе. Боюсь, я несколько злоупотребил его терпением, но он действительно оказался весьма наблюдательным.

— Он и правда ваш помощник?

— Ни в коем случае! Какой идиот это сказал?! Все Аудиторы равны. Главенство хорошо лишь иногда, чтобы разобраться с делами чисто административного характера в тех редких случаях, когда мы работаем командой. Форкосиган, как благовоспитанный молодой человек, вежлив к моим сединам, только и всего, но он абсолютно независимый Аудитор, обладающий всеми правами, и волен делать все, что ему заблагорассудится. В данный момент ему заблагорассудилось изучить мои методы. А я не премину воспользоваться этим, чтобы изучить его методу.

Видишь ли, по нашей работе учебников нет. Когда-то было предложение, чтобы Аудиторы сами его создали, но они сочли — и, по-моему, очень мудро, — что от этого будет больше вреда, чем пользы. Вместо этого у нас есть архивы, где хранятся отчеты Аудиторов. Просто прецеденты, никаких правил. Не так давно некоторые из вновь назначенных Аудиторов предприняли попытку еженедельно читать несколько старых отчетов, а затем собираться за ужином, чтобы их обсудить и проанализировать. Очень захватывающее мероприятие. А ужины — просто объедение. У Форкосигана — фантастическая повариха.

— Но это ведь его первое задание, да? И... он был назначен просто так, по императорскому пожеланию?

— Сначала у него было первое задание как у временного, Девятого Аудитора. Очень трудное, внутри самой СБ. Совершенно не для меня работенка.

— О Господи! Неужели он имеет какое-то отношение к тому, что прошлой зимой в Имперской службе безопасности сменилось два шефа?

— Лично я предпочитаю технические расследования, — дипломатично заметил дядя.

Пока Катриона переваривала информацию, появились заказанные ими сэндвичи с цыпленком. Так чего же она на самом деле ищет? Какой поддержки? Она вынуждена признаться, что Форкосиган, с его холодной улыбкой и теплыми глазами, ее волнует, но не могла понять почему. Он довольно-таки язвителен. Уж наверняка она не испытывает подсознательного предубеждения к мутантам, когда Никки...

В Период Изоляции, если бы у меня родился кто-то вроде Форкосигана, то во имя сохранения генофонда моим материнским долгом было перерезать младенцу горло.

Никки, к счастью, избежал бы подобной участи. На время.

Периоду Изоляции пришел конец. Навсегда. Слава Богу.

— Мне кажется, Форкосиган вам нравится, — попробовала она подобраться с другой стороны к интересующему ее вопросу.

— И твоей тете тоже. Мы с ней прошлой зимой несколько раз приглашали его на ужин. Вообще-то, если припомнить, именно тогда ему пришла в голову мысль устроить эти дискуссионные встречи. Я знаю, что сначала он тихий — из осторожности, надо полагать, — но становится очень шустрым, как только представляется возможность.

— Он тебя забавляет?

На саму Катриону Форкосиган произвел какое угодно впечатление, только не забавное.

Проглотив кусок сэндвича, дядя вновь поглядел на скрытый за облаком отражатель.

— Я преподаю инженерное дело вот уже более тридцати лет. Это довольно утомительное занятие. Но каждый год я с удовольствием обнаруживаю среди своих студентов нескольких очень ярких и талантливых, ради которых и стоит преподавать. — Он отпил глоток пряного чая и заговорил еще медленнее. — Но гораздо реже — в лучшем случае раз в пять, а то и десять лет, среди моих учеников появляется настоящий гений, и тогда удовольствие преподавать становится честью, которую ты лелеешь всю жизнь.

— Вы думаете, он гений? — подняла бровь Кэт. *Этот зануда фор?*

— Ну, пока что я не очень хорошо его знаю. Но полагаю, что да, он гений. По крайней мере периодами.

— Разве можно быть гениальным периодами?

— Все гении, встречавшиеся мне на пути, были гениальны именно периодами. Чтобы тебя признали гением, достаточно проявить гениальность один раз, знаешь ли. Но в нужный момент. А, вот и десерт! М-м, просто великолепно! — Дядя Фортиц радостно набросился на шоколадный десерт со взбитыми сливками и орехом пекан.

Кэт нужны были сведения личного характера, но она по-прежнему получала лишь информацию о карьере интересовавшего ее лица. Придется, видимо, действовать более прямолинейно. Аккуратно отломив ложечкой кусочек яблочного пирога с мороженым, она наконец набралась храбрости:

— Он женат?

— Нет.

— Меня это удивляет. — *Или нет?* — Он ведь из высших форов, из самых высших. В один прекрасный день он станет графом, ведь так? Он, мне кажется, богат, занимает высокое положение... — Кэт замолчала. Господи, что она творит?! Она что, намеревается спросить, что же с ним не так, из-за чего он до сих пор не женат? Какое генетическое нарушение сделало его таким, какой он есть? И от кого он его унаследовал, от отца или от матери? Он импотент, стерилен, как он действительно выглядит без этих дорогих одеяний? Скрываются ли под его одеждой более серьезные уродства? Он гомосексуалист? Не опасно ли оставлять Никки с ним наедине? Ничего этого она спросить не может, а обходные и наводящие вопросы явно не приведут к цели. Черт побери, куда проще было бы получить нужные ей сведения, разговаривая с ней с дядей, а с его женой.

— Последние десять лет он все больше находился за пределами империи, — ответил профессор, будто это что-то объясняло.

— У него есть братья или сестры? — *Нормальные братья или сестры.*

— Нет.

Плохой признак.

— Ой, нет, вру, — спохватился дядя Фортиц. — У него есть брат. Не в обычном смысле, правда. У него есть клон. Хотя и не похожий на него.

— Это... Если он... Я не понимаю...

— Если тебя это интересует, то придется тебе попросить объяснений у самого Форкосигана. Это все достаточно сложно даже по его меркам. Сам же я этого парня пока не видел. — Проглотив очередную ложку десерта, он добавил: — Кстати, о братьях и сестрах, когда вы планируете подарить их Николасу? В твоей семье вскоре могут возникнуть проблемы, если ты и дальше будешь с этим тянуть.

Кэт улыбкой скрыла охватившую ее панику. Осмелится ли она все рассказать дяде? Брошенное ей Тьеном обвинение в предательстве все еще звучало у нее в голове, но она так устала, просто до смерти устала от этой дурацкой таинственности. Если бы только здесь была тетя...

Она мрачно подумала о противозачаточном имплантате, этом кусочке галактической медицины, который Тьен безоговорочно принял. Имплантат давал ей галактическую стерильность без галактической свободы. Современные женщины охотно расставались с риском и тяготами естественного вынашивания плода в пользу безопасного и весьма эффективного маточного репликатора, но одержимость Тьена сохранить его заболевание в тайне лишила Кэт этого блага галактической медицины. Даже если он и излечится соматически, то генетически все равно останется болен, и все его потомство будет подвергаться генсканированию. Неужели он действительно не хочет иметь больше детей? Когда она как-то раз попыталась поговорить с ним об этом, он отмахнулся от нее, заявив, что всему свое время. А когда стала настаивать, разозлился и обвинил ее в занудстве и эгоизме. И это его заявление безотказно сработало, заставив ее замолчать. Как всегда.

— Мы столько раз переезжали с места на место, — уклончиво ответила Катриона. — Я ждала, когда положение Тьена наконец сделается стабильным.

— Он кажется довольно... э-э-э... суматошным. — Дядя Фортиц приподнял бровь, предлагая ей... *Что?*

— Я... Я не стану утверждать, что все идет гладко. — В общем, недалеко от истины. Тринадцать мест работы за десять лет. Может, для делающего карьеру бюрократа это нормально? Тьен утверждает, что это необходимо. Никто не дорастает до руководящих должностей, сидя на одном месте, и ни один начальник не потерпит над со-

бой бывшего подчиненного. Так что для того чтобы достичь высокой позиции, нужно пошевеливаться. — Мы восемь раз переезжали. Я бросила шесть садов. А в двух наших последних резиденциях я не сажала ничего, только в горшках. И при переезде сюда вынуждена была бросить большую часть своих растений.

Может, на своем комаррском посту Тьен все-таки останется? Как он может рассчитывать на повышение, если нигде не задерживается достаточно долго для того, чтобы его заслужить? Первые предложенные ему должности были весьма незначительны, тут она с ним согласна. И Кэт прекрасно понимала, что он хочет продвинуться как можно быстрее. Первые годы жизни молодой семейной пары и должны быть не очень обустроены, поскольку они только вступают во взрослую жизнь. Ну, во всяком случае, так было с ней. В конце концов, ей ведь было тогда только двадцать. А Тьену — тридцать, когда они поженились.

На каждом новом месте он начинал работать с большим энтузиазмом и очень напряженно. Ну, по крайней мере по многу часов. Вряд ли кто мог работать более напряженно, чем он. А потом энтузиазм постепенно угасал, он начинал жаловаться, что работы много, а отдачи мало и поощряют его редко. Коллеги ленивые, начальники — придиры. Во всяком случае, по его словам. Когда он начинал материть своих начальников, это означало, что вскоре предстоит поиск новой работы... хотя с каждым разом найти ее становилось все труднее и труднее. А потом он снова загорится энтузиазмом, и все пойдет по кругу. Но пока что, на этой очередной работе, сверхтонкий слух Катрионы не улавливал плохих признаков, а они на Комарре вот уже почти год. Может быть, Тьен наконец нашел свою — как там сказал Форкосиган? — свою страсть. Его нынешний пост оказался лучшим из всех, что у него были. Может, ради разнообра-

зия все пойдет на лад? Если она выдержит еще немного, все устроится и добродетель будет вознаграждена? А учитывая, что над ними висит дамоклов меч дистрофии Форзонна, у Тьена есть веские основания быть нетерпеливым. Он-то ведь не располагает неограниченным временем.

А ты собираешься жить вечно? Она моргнула, прогоняя эту мысль.

— Твоя тетя не уверена, что ты счастлива, детка. Тебе не нравится Комарра?

— Да нет, нравится, — быстро ответила она. — Признаться, что немного скучаю по дому, но это не значит, что мне здесь плохо.

— Она считала, что ты воспользуешься возможностью отдать Никки в комаррскую школу, чтобы он обогатил, как она изволит выражаться, свое культурное образование. Я не хочу сказать, что та, где мы были сегодня утром, плоха, наоборот. И я непременно сообщу об этом тете, чтобы она успокоилась.

— Было у меня такое искушение. Но в комаррской школе у Никки могли возникнуть проблемы. Ведь он бар-рареец, инопланетник. Вы ведь знаете, как могут быть жестоки дети этого возраста к тем, кто отличается от них. Тьен посчитал, что закрытая школа будет более подходящей. Очень многие семьи высших форов, живущие в этом секторе, отправляют туда своих детей. Тьен решил, что там Никки сможет приобрести хорошие знакомства.

— У меня не сложилось впечатления, что Никки обладает социальными амбициями. — Сухость дядино-го тона несколько смягчили морщинки в углах глаз.

Ну что она может на это сказать? Защищать решение, принятое не ею? Признать, что считает Тьена неправым? Но как только она начнет жаловаться на Тьена, то вряд ли сможет остановиться прежде, чем выложит свои самые больные проблемы. К тому же тот, кто жа-

луется на своего супруга или супругу, как правило, выглядит ужасно.

— Ну, знакомства для меня. — У нее никогда не было желания обзаводиться ими, хотя Тьен и считал, что она просто обязана.

— А! Это хорошо, что у тебя появились друзья.

— Да... — Она собрала с блюда остатки яблочного сиропа.

Подняв глаза, Кэт заметила приятного молодого комаррца, стоявшего в дверях патио и не сводившего с нее глаз. Чуть поколебавшись, юноша подошел к их столу.

— Госпожа Форсуассон? — неуверенно проговорил он.

— Да? — вопросительно подняла бровь Кэт.

— О, я так и думал, что это вы. Меня зовут Андро Фарр. Мы с вами встречались на приеме в честь Зимне-праздника, устроенном для служащих Проекта Терраформирования несколько месяцев назад, помните?

С трудом.

— Ах да! Вы были чьим-то гостем?

— Да. Марии Трогир. Она — инженер-технолог отдела использования избыточного тепла. Или была им... Вы ее знаете? То есть я хочу сказать, она никогда с вами не разговаривала?

— Нет, мы не очень хорошо знакомы. — Катриона встречала эту молодую комаррианку раза три от силы, на тщательно спланированных официальных мероприятиях. И Кэт всегда на этих приемах отдавала себе отчет, что является представителем Тьена и ей необходимо сердечно улыбаться и приветствовать всех пришедших, так что на частные беседы у нее просто не было времени. — А она собиралась со мной поговорить?

Юноша огорченно вздохнул:

— Не знаю. Я подумал, что вы с ней, возможно, подруги или хотя бы приятельницы. Я разговаривал со всеми ее друзьями, которых смог отыскать.

— Ах вот как... — Катриона не знала, стоит ли продолжать этот разговор.

Фарр, казалось, почувствовал ее настроение и слегка покраснел.

— Простите. Кажется, я оказался в довольно сложной семейной ситуации и не могу понять почему. Это застало меня врасплох. Но... Но, видите ли... около шести недель назад Мария сказала мне, что выезжает на полевые работы по заданию департамента и вернется примерно недель через пять, но точно не уверена. Она не дала мне никаких комм-кодов, по которым ее можно найти, и сказала, что, по всей вероятности, сама звонить тоже не сможет и чтобы я не беспокоился.

— А вы... хм... живете с ней?

— Да. Ну, время шло и шло, а от нее ни слуху ни духу... В конце концов я позвонил начальнику ее отдела, администратору Судхе. Он сказал мне что-то маловразумительное. На самом деле мне кажется, он просто хотел от меня поскорее отделаться. Так что я заявился туда сам и разыскал его, и он сказал, — Фарр судорожно сглотнул, — что она внезапно уволилась шесть недель назад и уехала. Как и ее шеф, Радоваш, тот самый, с которым Мария сказала, что едет в поле. Похоже, Судха считает, что они... уехали вместе. Все это полная бессмыслица.

Идея бегства от сожителя, не оставляя ему своих координат, для Катрионы очень даже имела смысл, но вряд ли сейчас было уместно об этом говорить. Кто знает, какую глубоко упрятанную неудовлетворенность Фарр не сумел разглядеть у своей дамы?

— Мне очень жаль, но я ничего об этом не знаю. Тьен никогда об этом не упоминал.

— Простите, что побеспокоил вас, сударыня. — Поколебавшись, он собрался уйти.

— А вы говорили с госпожой Радоваш? — осторожно поинтересовалась Катриона.

— Пытался. Она отказалась со мной разговаривать.

И это тоже вполне понятно, если ее пожилой супруг сбежал с более молодой и красивой женщиной.

— Вы смотрели списки пропавших в службе безопасности купола? — спросил Фортиц. Катриона сообразила, что не представила дядю, но, поразмыслив, решила этого не делать.

— Пока нет. Но, наверное, посмотрю.

— М-м... — протянула Катриона. Стоит ли поощрять парня на дальнейшие поиски этой девушки? Похоже, та решила просто сбежать от него. Интересно, почему девушка выбрала такой способ разрыва отношений — потому что сама стерва или потому что он чудовище? Трудно сказать. Никогда не знаешь, какой скелет спрятан в чужом шкафу и какие страшные пороки скрываются за очаровательными улыбками.

— Она оставила все свои вещи. И своих кошек. Я теперь не знаю, что с ними делать, — жалобно проговорил парень.

Катрионе доводилось слышать об отчаявшихся женщинах, бросавших все, включая даже детей, но тут вмешался в разговор дядя Фортиц:

— Как-то это довольно странно. На вашем месте я обратился бы в службу безопасности, хотя бы ради собственного спокойствия. В случае необходимости вы всегда сможете потом извиниться.

— Я... Пожалуй, я так и сделаю... Всего доброго, господа Форсуассон, сэры. — Взъерошив рукой волосы, молодой человек вышел через псевдокалитку в парк.

— Наверное, нам пора возвращаться, — предложила Катриона, когда юноша скрылся из виду. — Следует ли нам прихватить что-нибудь из еды для лорда Форкосигана? Здесь готовят всякие вкусные вещи на вынос.

— Не уверен, что он вообще замечает, что пропустил обед, когда занят какой-то проблемой, но предложение стоящее.

— Вы не знаете, что он любит?

— Все, насколько я понимаю.

— Нет ли у него аллергии на какую-либо еду?

— По-моему, нет.

Катриона быстро выбрала несколько питательных и сбалансированных блюд, надеясь, что все эти красиво выложенные овощи не окажутся в конечном итоге в помойке. Ведь с мужчинами никогда нельзя быть в чем-то уверенной. Получив заказ, они с дядей Фортицем покинули ресторан и направились к ближайшей станции автокаров, чтобы вернуться в секцию Серифозы, где жили Форсуассоны. Катриона по-прежнему не очень понимала, каким образом Форкосиган сумел справиться со своим положением мутанта на их запуганной мутагенными катастрофами планете. Может, за счет того, что большую часть времени пребывал за пределами Барраяра? Только вот есть ли какая-нибудь польза от этой информации для Никки?

ГЛАВА 4

Департамент, который курировал Этьен Форсуассон, занимал два этажа в верхней части башни, где располагались административные службы купола «Серифоза». Башня, построенная в конце одного из боковых ответвлений купола, стояла отдельно от других имеющих пригодную для дыхания атмосферу строений. Пока они поднимались вверх по эскалатору, Майлз без всякого удоволь-

ствия глядел на атриум со стеклянной крышей. Он готов был поклясться, что слышит свист утекающего воздуха через плохо затянутый вентиль.

— А что будет, если кто-нибудь швырнет камень в окно? — шепнул он стоящему рядом профессору.

— Да практически ничего, — так же шепотом ответил Фортиц. — Возникнет довольно-таки приличная тяга, но разница давления не такая уж большая.

— Верно. — Купол «Серифоза» был на самом деле не аналогичен космической станции, несмотря на обманчивое сходство в архитектуре. Воздух внутри купола по большей части получали из наружной атмосферы. Вентиляционные шахты, разбросанные над всем комплексом купола, втягивали воздух Комарры, фильтровали его, избавляя от избытка углекислого газа, свободно пропускали азот и доводили до пригодной концентрации кислорода. Процентное содержание кислорода в природной атмосфере Комарры было по-прежнему слишком низким для крупных млекопитающих, вынужденных пользоваться респираторами, но общее количество его было огромно по сравнению с количеством кислорода даже в самых богатых куполах планеты. — До тех пор, пока работает энергетическая система.

Они сошли с эскалатора и проследовали за Форсуасоном из центрального атриума по коридору. Вид ящика с респираторами, висящего возле пожарного шланга, несколько успокоил Майлза — значит, комаррцы не совсем уж отмахиваются от привычной опасности. Хотя выглядел ящик подозрительно пыльным. Интересно, а пользовались ли им вообще хоть раз с того момента, как он был тут установлен много лет назад? И проверяли ли его? Если бы Майлз был здесь с военной инспекцией, то наверняка поразвлекся бы, остановив всю компанию прямо сейчас и разобрав ящик на части, чтобы удостове-

риться, что респираторы и баллоны находятся в рабочем состоянии. Впрочем, как Имперский Аудитор он и сейчас может это проделать и вообще предпринять все, что ему в голову взбредет. Когда он был помоложе, его самым большим грехом была импульсивность. Иногда в припадке ночной меланхолии Майлз размышлял, не горячился ли император Грегор, назначив его Имперским Аудитором. Власть, как известно, развращает, но в данном случае Майлз скорее чувствовал себя котом в бочке со сметаной. *Владей собой, мой мальчик!*

Ящик с респираторами благополучно остался позади. Форсуассон, прямо как туристический гид, показывал на помещения, занимаемые различными подразделениями своего департамента, не предлагая, впрочем, зайти внутрь. Вообще-то, откровенно говоря, в этих административных офисах особенно и смотреть было не на что. То, что действительно представляло интерес, находилось за пределами купола, на опытных станциях, экспериментальных секциях и биотических участках, разбросанных по всему сектору «Серифоза». А в этих помещениях Майлз обнаружил бы лишь комм-пульты. И конечно, комаррцев. Много-много комаррцев.

— Сюда, господа. — Форсуассон провел их в комфортабельную просторную комнату с большим головидео. Помещение выглядело как любой конференц-зал, которых Майлз за свою резко оборвавшуюся военную карьеру видел во множестве во время всяких совещаний. И запах тут стоял соответствующий. Везде одно и то же. *Что-то мне подсказывает, что самой сложной задачей для меня сегодня будет не заснуть.* Вокруг стола сидели полдюжины мужчин и женщин, нервно теребя папки с досье и видеодиски, а еще двое, бормоча извинения, вошли в зал следом за двумя Аудиторами. Форсуассон жестом предложил высоким гостям места слева и справа от себя.

Поприветствовав собравшихся улыбкой, Майлз уселся на стул.

— Лорд Аудитор Фортиц, Лорд Аудитор Форкосиган, позвольте мне представить вам начальников подразделений серифозского отделения департамента Проекта Терраформирования Комарры. — Форсуассон обошел вокруг стола, представив каждого из руководителей и называя возглавляемый им отдел. Три основных подразделения — бухгалтерия, оперативный и исследовательский отдел — были поделены на более мелкие подразделения, носящие громкие названия: регулирования СО₂, гидрологии, микробиологической классификации, опытных участков, использования избыточного тепла и озеленения. Все сотрудники до единого — комаррцы. Форсуассон был единственным среди них выходцем с Барраяра.

Форсуассон, продолжая стоять, обернулся к вновь вошедшим:

— Господа, позвольте также представить вам господина Венье, моего заместителя. Венни подготовил для вас небольшой ознакомительный доклад, после чего мои сотрудники с радостью ответят на все ваши вопросы.

Форсуассон сел, а Венье кивнул каждому из Аудиторов, пробормотав что-то нечленораздельное. Господин Венье был худощавым мужчиной ниже Форсуассона, с пронзительными карими глазами и вялым подбородком, что в сочетании с несколько нервным поведением придавало ему облик слегка потрепанного кролика. Нервно потеряв руки, он подошел к панели управления головида, перебрал принесенные им дискеты, выбрал было одну и тут же положил обратно. Прокашлявшись, он заговорил:

— Господа, мне было предложено начать с небольшого экскурса в историю. — Он снова кивнул лордам Аудиторам, чуть задержав взгляд на Майлзе, и, вставив дискету в аппарат, включил красивую голограмму Ко-

марры. — Первые исследователи п-в-туннеля сочли Комарру подходящим объектом для терраформирования. Сила тяжести, равная примерно 0,9 земной, и огромные запасы газообразного азота, обширный набор инертных газов и достаточное количество льда существенно упрощали задачу по сравнению, например, с такими холодными и засушливыми планетами, как Марс.

Надо полагать, это были одни из самых первых исследователей, размышлял Майлз, раз прибыли сюда и обосновались до того, как были обнаружены более подходящие для заселения планеты и столь амбициозные проекты стали казаться экономически невыгодными. Ну во всяком случае, если ты уже не живешь на такой неуютной планете. К тому же... здесь огромное количество п-в-туннелей.

— Минусом — продолжал между тем Венье, — являлось высокое содержание углеводорода в атмосфере, опасное для человека, а недостаток солнечного тепла не позволял ни озеленить планету, ни растопить лед. Комарра тогда представляла собой безжизненный мир, холодный и темный. Ранние подсчеты показали, что необходимо больше воды, поэтому были искусственно вызваны так называемые «легкие» столкновения с кометами, в результате чего мы теперь можем благодарить наших предков за образовавшиеся на юге кратерные озера. — На цветной голограмме высветилась цепочка голубых кругов в нижнем полушарии планеты. — Но растущие потребности в космической воде, а также в летучих веществах для орбитальных станций и станций возле п-в-туннелей вскоре положили этому конец. Ну и конечно, обитатели планеты опасались последствий неточного расчета траекторий сбрасываемых на планету комет.

Вполне обоснованные опасения, насколько помнил Майлз из истории Комарры. Он искоса глянул на Фортица. Профессор казался очень довольным лекцией Венье.

— На самом деле, — продолжил Венье, — дальнейшие исследования показали, что ледяные шапки на по-

люсах Комарры значительно толще, чем предполагалось изначально, хотя и не такие толстые, как на Земле. И начался путь к теплу и свету.

Майлз посочувствовал первым комаррцам. Он отчаянно ненавидел арктический холод и тьму.

— Наши предки построили первый солнечный отражатель, который поколение спустя был усовершенствован. — Появилась новая голограмма, тут же сменившаяся следующей. — Через сто лет этот отражатель, в свою очередь, был заменен тем, что мы видим сегодня. — Появился шестиугольник с семью дисками — один в центре, шесть по вертикали — и повис над изображением планеты. — Теперь освещение экватора оказалось достаточным, чтобы получить воду, и растения начали постепенно снижать содержание углерода и выделять столь необходимый кислород. За последующие десятилетия были созданы и выпущены в верхние слои атмосферы искусственные газовые смеси, необходимые для удержания солнечной энергии. — Венье передвинул руку, и четыре из семи дисков померкли. — А потом произошла авария.

Сидевшие за столом комаррцы мрачно уставились на голограмму поврежденного отражателя.

— Есть ли сведения об уменьшении интенсивности отражения? С цифрами? — мягко поинтересовался Фортиц.

— Да, милорд Аудитор. — Венье придвинул профессору дискету. — Администратор Форсуассон сказал, что вы инженер, так что я не стал расшифровывать данные. Здесь все цифры.

Руководитель отдела использования избыточного тепла, Судха, тоже инженер, скривился и закусил палец, услышав о столь вопиющем незнании реального профессионального статуса Фортица. Профессор же лишь ограничился словами благодарности:

— Спасибо. Очень вам признателен.

А где мой экземпляр? Но вслух Майлз этого не сказал.

— А не могли бы вы коротко изложить ваши выводы для нас, неинженеров, господин Венье?

— Конечно, лорд Аудитор... Форкосиган. Очень серьезные проблемы с флорой и фауной на северных и южных широтах, не только в секторе «Серифоза», но по всей планете, начнутся буквально через сезон. И с каждым последующим годом мы будем отступать все дальше. А к концу пятилетия кривая охлаждения резко устремится вверх, к катастрофическим последствиям. Создание солнечного отражателя заняло двадцать лет. И я молюсь, чтобы на его восстановление не ушло как минимум столько же. — На голографической модели полярная шапка расплзлась по планете, как белая опухоль.

Фортиц бросил взгляд на Судху.

— Таким образом, срочно требуются новые источники обогрева, как минимум на некоторое время.

Судха, крупный мужчина лет пятидесяти, с большими руками, откинулся на спинку стула и кисло улыбнулся. Он тоже откашлялся, прежде чем заговорить:

— На заре терраформирования надеялись, что тепло, вырабатываемое нашими растущими отражающими поверхностями, внесет существенный вклад в обогрев планеты. Как выяснилось в дальнейшем, прогнозы оказались слишком оптимистическими. Планета с зарождающейся гидрологией представляет собой огромную термальную буферную систему, которая в сочетании с выделяемым при разжижении теплом растапливает весь этот лед. В настоящее время — до аварии — лучшим применением избыточного тепла считалось создание микроклимата вокруг куполов как резервуара для следующей волны высшей флоры и фауны.

— С инженерной точки зрения это звучит как полный бред: «Необходимо тратить больше энергии на по-

терю тепла», — согласился Фортиц, — но я предполагаю, что здесь все обстоит именно так. Какова возможность использования некоторых источников, реакторов, например, для выделения тепловой энергии?

— Кипятить океан по чайной ложке? — скривился Судха. — Конечно, это возможно, и я бы с удовольствием использовал эту технологию для развития небольших областей в секторе «Серифоза». Но экономически — нет. Обогреть таким образом планету обойдется гораздо дороже, чем починка — или увеличение — отражателя. О чем мы просили империю годами. Но безуспешно. А если построили реактор, то почему бы заодно не построить и купол? Тепло будет поступать наружу все равно. — Он передвинул дискеты Фортицу и Майлзу. На сей раз обоим по экземпляру. — Вот наш последний отчет. — Он оглянулся на одного из своих коллег. — Мы все заинтересованы в том, чтобы высадить высшие растения еще при нашей жизни. Но пока что самое большое наше достижение — это биологическая активность на уровне микробов. Филипп?

Мужчина, которого представили как главу отдела микробиологической классификации, улыбнулся — не очень чтобы благодарно — Судхе и повернулся к Аудиторам.

— Ну, в общем, так и есть. Бактерии плодятся вовсю. И выведенные нами, и дикая генерация. С годами сюда переселились все земные типы бактерий. К несчастью, микробы обладают тенденцией быстрее приспосабливаться к окружающей среде, чем мы. Мой сектор занят по горло всякими мутациями. Как всегда, нужно больше тепла и света. И, откровенно говоря, господа, большее финансирование. Хоть наша микрофлора и быстрорастущая, умирает она так же быстро, вновь выбрасывая в атмосферу свои углеродные составляющие. Нам необходимо переходить к более развитым организмам, чтобы

поскорее изъять избытки углерода. Может, ты продолжишь, Лиз? — обратился он к симпатичной полной даме средних лет, заведующей отделом регулирования CO_2 .

Женщина радостно улыбнулась, из чего Майлз заключил, что дела вверенного ей подразделения в этом году идут совсем неплохо.

— Да, господа. У нас есть ряд высших растительных форм, прошедших основные полевые испытания и подвергнутых генетическим изменениям и улучшению. Самое высокое наше достижение — с морозо- и CO_2 -устойчивыми торфяниками. Им, конечно, тоже нужна вода, и, безусловно, гораздо больше пошла бы на пользу более высокая температура. В идеале их следовало бы разместить в низменностях, чтобы они действительно долгое время поглощали углерод, но в секторе «Серифоза» таких мест нет. Так что мы выбираем наиболее подходящие места, которые по мере оттаивания полюсов в дальнейшем покроются озерами и небольшими морями, и избыточный углерод, таким образом, будет закрыт наносными пластами. Если этот процесс правильно запустить, в дальнейшем он станет работать сам, без человеческого вмешательства. Если бы мы могли изыскать достаточно средств, чтобы увеличить вдвое или втрое зону наших плантаций в течение ближайших нескольких лет... Короче, вот мои предложения. — Фортиц забрал очередную дискету. — Мы начали полевые испытания с более крупными растениями, чтобы посадить их на торфяниках. Крупные растения, безусловно, значительно легче контролировать, чем быстро мутирующую микрофлору. Они уже сейчас готовы к высадке на более обширные плантации. Но им же грозит и большая опасность от уменьшения количества солнечной энергии. Нам необходимо знать, сколько времени займет починка отражателя, прежде чем мы осмелимся разрабатывать дальнейшие планы по посадкам.

Она многозначительно посмотрела на Фортица, но тот лишь ограничился нейтральным «благодарю вас, сударыня».

— У нас еще запланирован на сегодня облет торфяников, — сообщил ей Форсуассон. Дама, временно удовлетворившись, устроилась поудобнее на стуле.

Так оно и шло дальше по кругу. Майлз узнал о terra-формировании Комарры гораздо больше, чем ему хотелось, а также услышал завуалированные и открытые просьбы об увеличении финансирования. И о тепле и свете. Власть развращает, но мы хотим энергии. Лишь бухгалтерия и отдел использования избыточного тепла догадались принести экземпляр своих отчетов для Майлза. Он с трудом подавил желание указать кому-нибудь на этот факт. Неужели ему действительно хочется почитать на сон грядущий очередные несколько тысяч слов? К тому времени, когда все высказались, его свежие шрамы стянуло, и на сей раз он не мог, как вчера, отнести это за счет длительного пребывания в скафандре. Майлз с трудом поднялся со стула. Фортиц собрался было поддержать его под локоть, но Майлз заметным кивком запретил профессору это делать. Не то чтобы ему было так уж необходимо выпить, просто до смерти хотелось пропустить стаканчик.

— Да, администратор Судха, — окликнул Фортиц проходившего мимо них завотделом использования избыточного тепла, — можно вас на пару слов?

Судха остановился, чуть улыбнувшись:

— Слушаю вас, милорд Аудитор.

— Существует ли какая-то особая причина, по которой вы не смогли помочь этому молодому человеку, Фарру, в поисках его пропавшей дамы?

— Прошу прощения? — неуверенно переспросил Судха.

— Парню, который ищет вашу бывшую сотрудницу, Марию Трогир? Кажется, он так ее назвал. Есть ли причина, по которой вы не смогли ему помочь?

— Ах этот... Она... Ну, э-э-э... Это не так просто, видите ли. — Он огляделся по сторонам, но в комнате уже никого не осталось, кроме Форсуассона и Венье, почтительно ожидавших своих высокопоставленных гостей.

— Я посоветовал ему заявить о ее исчезновении в службу безопасности купола. Так что они вполне могут прийти к вам с вопросами.

— Вряд ли я окажусь им более полезен, чем Фарру. Боюсь, что действительно не знаю, где она. Видите ли, она уволилась. Причем совершенно внезапно, практически без предупреждения. И у меня в штате образовалась дыра в самое неподходящее время. Мне это не очень-то понравилось.

— Фарр так и сказал. Я просто подумал, что с кошками получилось как-то странно. Одна из моих дочерей держит кошек. Мерзкие маленькие паразиты, но она их любит.

— С кошками? — Судха казался все более озадаченным.

— Судя по всему, Трогир оставила их на попечение Фарра.

Судха недоуменно моргнул:

— Я всегда придерживался правила, что личная жизнь моих сотрудников меня не касается. Мужчины, кошки — это личное дело Трогир. Если на это не тратится рабочее время. Я... Что-нибудь еще?

— Да нет, — протянул Фортиц.

— Тогда, милорд Аудитор, позвольте откланяться, — снова улыбнулся Судха и удалился.

— О чем шла речь? — поинтересовался Майлз у Фортица, пока они шагали по коридору.

— Небольшой внутренний скандалчик, — ответил Форсуассон. — Подчиненная Судхи, техник, сбежала с одним из его инженеров. Судя по всему, эта история за-

стала его врасплох. Он явно чувствует себя неловко. Кстати, а вы-то как об этом узнали?

— Юный Фарр обратился в ресторане к Катрионе, — пояснил Фортиц.

— Он на редкость зануден, — вздохнул Форсуассон. — Я не виню Судху за то, что он старался избегать этого малого.

— Я всегда полагал, что комаррцы к таким вещам относятся довольно легко, — заметил Майлз. — Отношения в галактическом стиле и все такое. Не так легко, как бетанцы, но все же. А данный вариант напоминает баррарский провинциальный подход.

Конечно, без необходимости избегать давления провинциальной среды, вроде разъяренных родственников, жаждущих защитить честь клана.

— По-видимому, культурный обмен между мирами не может все время идти в одну сторону, — пожал плечами Форсуассон.

Маленькая группка проследовала в подземный гараж, где почему-то не оказалось вызванного Форсуассоном аэрокара.

— Подождите здесь, Венье.

Бормоча ругательства, Форсуассон удалился выяснять, в чем дело. Фортиц пошел с ним.

Упустить возможность неформально пообщаться с обитателем Комарры Майлз никак не мог. Так что же собой представляет Венье? К какой категории комаррцев относится? Майлз повернулся к Венье, но тот его опередил.

— Это ваше первое посещение Комарры, лорд Форкосиган?

— Никоим образом! Я неоднократно бывал на станциях. Хотя, должен признаться, на саму планету спускался не часто. А в Серифозе я впервые.

— А в Солстисе бывали?

Главный город планеты.

— Конечно.

Венье чуть отошел в сторону и встал на тускло освещенном пятачке за бетонной колонной. Он едва заметно улыбался.

— А посещали вы там когда-нибудь часовню Убиенных?

К наглým чертовым комаррцам, вот к какой категории он относится! Солстисская бойня была самым гнусным событием периода барраярской агрессии. Двести комаррских советников, Сенат того периода, сдались, согласившись на условия захватчиков. И были перебиты на каком-то стадионе барраярскими силами безопасности. Политические последствия этой резни едва не привели к катастрофе. Улыбка Майлза стала чуть натянутой.

— Конечно. Как я мог там не побывать?

— Всем барраярцам следовало бы совершить туда паломничество. С моей точки зрения.

— Я был там с близким другом. Он хотел совершить поминальное возжигание своей тете.

— Родственник одного из мучеников — ваш друг? — Венье ошарашенно заморгал, слегка оживив беседу, поначалу показавшуюся Майлзу прекрасно срежиссированной. Интересно, как долго Венье готовил свои реплики, дожидаясь удобного момента?

— Да. — Майлз сознательно сделал свой взгляд более вызывающим.

Венье явно ощутил перемену и чуть занервничал.

— Поскольку вы — сын своего отца, то я просто несколько удивился, вот и все.

Чему? Что у меня есть друзья-комаррцы?

— Именно потому, что я сын своего отца, вам не следовало бы удивляться.

Брови Венье изумленно поползли вверх.

— Ну... Существует мнение, что бойня произошла по прямому приказу императора Эзара, без ведома адмирала Форкосигана. Конечно, Эзар был довольно жестоким.

— Да, жесток. Но далеко не дурак. Это была блестящая идея старшего политофицера экспедиционного корпуса Барраяра, за что мой отец заставил его поплатиться жизнью, хотя толку от этого уже было мало. Не говоря о моральном аспекте, эта резня в первую очередь была исключительной глупостью. Моего отца обвиняли во многих вещах, но в глупости, как мне кажется, никогда и ни разу. — В голосе Майлза зазвучали опасные нотки.

— Думаю, всей правды мы никогда не узнаем, — сказал Венье.

Это что, предложение перемирия?

— Можно твердить человеку правду весь день напролет, но если он не хочет ее слышать, то, я полагаю, никогда ее и не узнает, — осклабился Майлз. *Нет, держи себя в руках. Зачем показывать этому комаррцу, что он сумел-таки тебя достать?*

Двери ближайшей лифтовой шахты открылись, и Венье внезапно потерял для Майлза всяческий интерес, поскольку появились госпожа Форсуассон с Никки. На ней был все тот же унылый костюм, что и утром, на руке висели толстые куртки. Помахав рукой, она быстро приблизилась.

— Я очень опоздала? — спросила она, чуть запыхавшись. — Добрый день, Венье.

Проглотив готовую сорваться с языка идиотскую реплику, которая звучала «вам, миледи, я рад в любое время», Майлз сумел промямлить:

— Э-э, добрый день, госпожа Форсуассон, Николас. Я вас не ждал. Вы поедете с нами? — *Я надеюсь.* — Ваш муж только что ушел разыскивать аэрокар.

— Да. Дядя Фортиц сказал, что это будет познавательно для Никки. Да мне и самой нечасто предоставля-

ется возможность побывать вне купола. Так что я воспользовалась приглашением. — Она улыбнулась, поправив выбившуюся из прически прядь темных волос. — Я не знала, будем мы где-либо садиться и ходить пешком, но на всякий случай прихватила по куртке для каждого.

Из-за угла выплыл большой аэрокар и остановился перед ними. Откинулся колпак кабины, и наружу выбрался Форсуассон. Он поприветствовал жену с сыном. Профессор, восседающий на переднем сиденье, улыбнулся, услышав, как проблему, кому и где сидеть, разрешил Никки, заявивший, что хочет сидеть с дедулей и па.

— Может, Венье сможет нас сегодня повозить? — ненавязчиво предложила госпожа Форсуассон.

Форсуассон одарил ее неожиданно злобным взглядом:

— Я вполне способен справиться с этим и сам!

Ее губы зашевелились, но она не издала больше ни звука.

Тяни жребий, милорд Аудитор, мысленно ухмыльнулся Майлз. Ты предпочитаешь, чтобы пилотировал человек с, по всей вероятности, уже проявившимися первыми симптомами дистрофии Форзонна или чтобы аэрокар, полный баррарских форов, вел комаррский... э-э-э... патриот?

— Мне все равно, — честно пробормотал он.

— Я принесла куртки.

Госпожа Форсуассон протянула одежду. У нее самой, ее мужа и Николаса были свои куртки. Запасная куртка Форсуассона с трудом сходилась у профессора на животе.

Куртка, что она выдала Майлзу, принадлежала ей, как он немедленно определил по едва осязательному аромату, исходящему от подкладки. Вдохнув поглубже этот аромат, Майлз натянул куртку на себя:

— Спасибо. Она вполне подойдет.

Форсуассон нырнул в задний отсек и вылез оттуда с респираторами, которые тут же раздал. У них с Венье

имелись персональные, с их именами, написанными на боковых планках. На остальных было написано «посетитель». Один большой, два средних, один маленький.

Госпожа Форсуассон, повесив свой респиратор на руку, надела второй на Никки и проверила батареи и уровень кислорода.

— Я уже все проверил, — сказал ей Форсуассон. В его голосе явственно слышался едва сдерживаемый гнев. — Тебе незачем делать это заново.

— О, извини! — ответила она. Но Майлз, чисто по привычке проверяя свой прибор, обратил внимание, что она тем не менее тщательно довела проверку респиратора до конца. Форсуассон тоже это заметил и нахмурился.

После непродолжительных дебатов в бетанском стиле все наконец расселись. Форсуассон с сыном и профессор устроились впереди, а Майлз с госпожой Форсауссон и Венье расположились сзади. Майлз не понял, радует его такое соседство или огорчает. У него было четкое ощущение, что он смог бы завязать с каждым из них весьма захватывающую дискуссию, но лишь в отсутствие второго. Они опустили респираторы на шею, чтобы в случае чего мгновенно натянуть на лицо.

Аэрокар вырулил из гаража и поднялся в воздух. Венье снова вернулся к своей манере профессионального лектора, указывая на объекты, входящие в состав Проекта Терраформирования. С этой небольшой высоты видны были плоды терраформирования — небольшие зеленые клочки во влажных низменных местах и кусочки лишайников и мхов на камнях. Госпожа Форсуассон задавала Венье весьма профессиональные вопросы, а поскольку Майлз в данный момент был не способен родить ничего умного, то несказанно этому радовался.

— Учитывая ваш интерес к ботанике, я удивляюсь, госпожа Форсуассон, что вы не заставили вашего мужа

взять вас на работу в его департамент, — через некоторое время заметил Майлз.

— О! — Казалось, такая идея просто не приходила ей в голову. — Но я не могла этого сделать!

— Почему, собственно?

— Разве это не было бы nepoтизмом? Или что-то вроде конфликта интересов?

— Едва ли, если бы вы хорошо справлялись с работой, в чем я нисколько не сомневаюсь. В конце концов, вся барраярская система форов строится на nepoтизме. Для нас это не порок, а образ жизни.

Венье подавил невольный взглас, возможно, хмыканье, и посмотрел на Майлза с растущим интересом.

— Так почему вы должны быть исключением? — продолжал между тем Майлз.

— Это всего лишь хобби. Мне недостает профессиональной подготовки. Знаний по химии, для начала.

— Вы могли бы начать с технической должности и ходить на вечерние занятия, чтобы заполнить пробелы. Не успеете оглянуться, как увязнете по уши в какой-нибудь интересной проблеме. В любом случае им придется брать кого-то на работу.

И тут задним числом Майлз сообразил, что если носитель дистрофии Форзонна — она, а не Форсуассон, то могут быть весьма неприятные причины, по которым она до сих пор не занялась такой работой. Он ощущал в ней кипящую скрытую энергию, подавляемую, загнанную глубоко внутрь и медленно угасающую там. Может, это потому, что она боится наступающей болезни? Черт побери, так кто же из них носитель? Ему же по должности положено быть классным следователем, и эту задачу он уж точно должен легко расщелкать.

Ну, в принципе он может запросто это сделать. Достаточно связаться со штаб-квартирой Имперской службы без-

опасности на Комарре и запросить полное досье на Форсуассонов. Взмахнуть своей волшебной палочкой Аудитора и получить всю интересующую его информацию. Нет! Все это не имеет никакого отношения к аварии с отражателем. А утренний эпизод с ее комм-пультом довольно наглядно показал, что ему пора уже строго разделять свои профессиональные и личные интересы, как он всегда разделял личные и имперские финансы. Не быть ни казнокрадом, ни соглядатаем. Придется ему выгравировать эту надпись на табличке и повесить у себя в комнате на стенку, чтобы не забывать. Что ж, хоть деньги его не соблазняют. Майлз чувствовал нежный запах Катрионы, цветочный и очень живой, легко осязаемый в отфильтрованном воздухе, насыщенном запахом пластмассы...

— Вам действительно стоит об этом подумать, госпожа Форсуассон, — к изумлению Майлза, произнес Венье.

Ее лицо, оживившееся во время полета, снова стало замкнутым.

— Я... Там видно будет. Может быть, на следующий год. После... Если Тьен решит остаться.

Раздавшийся по внутреннему комму голос Форсуассона прервал разговор. Они приближались к торфяникам, лежавшим в простирившейся внизу длинной узкой долине. Зрелище оказалось гораздо более впечатляющим, чем предполагал Майлз. Во-первых, это была настоящая земная яркая зелень, во-вторых, она тянулась на многие километры.

— Этот вид выделяет кислорода в шесть раз больше, чем его земной предок, — гордо провозгласил Венье.

— Значит, если окажешься снаружи без респиратора, можно заползти в них и дожидаться там спасателей? — задал Майлз практический вопрос.

— Ну-у... Если сможете задержать дыхание лет этак на сто.

Майлз начал подозревать у Венье за неказистой внешностью скрытое чувство юмора. Ну, как бы то ни было, аэрокар, описав петлю, спустился ниже, и Майлз переключил внимание на площадку, куда они намеревались приземлиться. У него имелся весьма неприятный и очень, так сказать, тесный опыт общения с коварными арктическими торфяниками. Но Форсуассон сумел посадить аэрокар на довольно надежный камень, и все застегнули респираторы. Колпак кабины откинулся, впуская холодный и непригодный для дыхания комаррский воздух. Все выбрались наружу и принялись лазить по окрестностям, чтобы лично рассмотреть крошечные зеленые растения. Да, этого добра тут хватало. Зелень простиралась до самого горизонта. Много. Растительности. Зеленой. Влажной. Майлз с некоторым усилием заставил себя прекратить составлять длиннющий доклад императору в эдаком телеграфном стиле и попытаться воздать должное насыщенному специальной терминологией описанию Венье последствий потенциального урона, который может нанести мороз этому химико-какому-то циклу.

Они еще некоторое время поизучали окружающий ландшафт — остающийся неизменным, — пока Никки, прыгающий вокруг, как кузнечик (мать за ним явно не поспевала), едва не свалился в болото. После этого вся команда загрузилась обратно в аэрокар. Облетев соседнюю зеленую долину и пролетев — для сравнения — над следующей, незасаженной и мертвой, они повернули к куполу «Серифоза».

Тут внимание Майлза привлекло виднеющееся слева на горизонте огромное сооружение, питающееся от собственных реакторов и окруженное буйной зеленью.

— Что это? — поинтересовался он у Венье.

— Главная опытная станция по использованию избыточного тепла, — пояснил комарец.

Майлз коснулся комм.

— Нет ли возможности слетать туда посмотреть? — спросил он Форсуассона.

Чуть замаявшись, тот ответил:

— Я не уверен, что в этом случае мы успеем вернуться в купол до темноты. И не хотел бы рисковать.

Майлз сомневался, что ночной полет так уж и опасен, но, возможно, Форсуассон знал предел своих возможностей. К тому же на борту находились его жена и сын, не говоря уже об Императорском Грузе, каковым являлись Майлз с профессором. И все же внезапные проверки всегда были самыми забавными, если ты действительно хочешь найти что-либо стоящее. С точки зрения аудита.

— Это наверняка будет очень интересно, — пробормотал Венье. — Я сам там уже не бывал несколько лет.

— Может, в другой раз? — предложил Форсуассон.

Майлз не стал настаивать. Они с Фортицем все же были здесь скорее в роли пожарных, чем генеральных инспекторов. Решение их проблемы в космосе, а не на планете.

— Возможно. Если будет время.

Через десять минут на горизонте показался купол «Серифоза». Внушительное сооружение, сверкающее огнями в надвигающихся сумерках, с сияющими башнями и открытыми туннелями для вылета аэрокаров.

Все-таки мы, человеки, очень даже неплохо справляемся, подумал Майлз. Если, конечно, нас оценивать под правильным углом зрения.

Аэрокар скользнул в туннель и сел в гараже. Венье увел его прочь, а Форсуассон собрал респираторы. Госпожа Форсуассон сияла, довольная прогулкой.

— Не забудь заправить свой респиратор, — чирикнула она мужу, протягивая ему свой.

Форсуассон потемнел.

— Не нуди, — прошипел он, стиснув зубы.

Она чуть вздрогнула, и лицо ее мгновенно стало замкнутым. Майлз отошел к колоннам, вежливо сделав вид, что не заметил этой небольшой стычки. Вряд ли его можно было считать специалистом в области семейных отношений, но в данном случае даже он понимал, что произошло. Проявленную ею, может, и не совсем ко времени любовь и заботу явно уставший и напряженный Форсуассон воспринял как сомнение в его компетентности. Госпожа Форсуассон заслуживала лучшего отношения, но Майлз ничем не мог помочь. У него-то отродясь не было жены, чтобы было с кем ссориться. Не то чтобы он недостаточно пытался жениться...

— Ну-с, — изрек Фортиц, тоже сделавший вид, что ничего не видел, — думаю, что все почувствуют себя гораздо лучше, закинув в желудок немного еды, а, Катриона? Позвольте мне пригласить вас всех. Нет ли еще какого-нибудь любимого вами славного местечка вроде того, где мы обедали?

Возникшая было неловкость растаяла в очередных дебатах а-ля Колония Бета на тему, куда пойти поужинать. На этот раз Никки с успехом переспорил взрослых. Майлзу есть не хотелось, и соблазн удрать домой к комму, забрав у Фортица сегодняшний урожай дискет, был велик, но, возможно, пропущенный стаканчик, а лучше три помогут ему пережить еще один семейный ужин с кланом Форсуассонов? В последний раз, пообещал себе Майлз.

Чуть более пьяный, чем хотелось бы, Майлз раздевался, чтобы провести еще одну ночь в гравикойке. Кучу дискет он бросил на стол дожидаться утра, кофе и просветления в мозгах. Последнее, что он сделал, это достал из кейса свой активатор, искусственно вызывающий при-

ступ. Усевшись по-турецки на кровать, Майлз мрачно на него уставился.

Барраярские врачи не нашли способа вылечить посткриогенные приступы, которые и положили конец его военной карьере. Лучшее, что они смогли предложить, это внутричерепной чип-контроллер и активатор к нему, чтобы припадки были не так интенсивны и проходили не на глазах у изумленной публики в момент стрессов, а в интимной обстановке. И проверка своего собственного состояния стала для Майлза теперь таким же привычным ритуалом, как чистка зубов. Как и рекомендовали врачи. Он коснулся левого виска, где был вшит имплантат, и включил активатор. Единственное, что он ощутил, это мягкое теплое покалывание.

Опасный предел еще не достигнут. Еще несколько дней, и ему придется вставлять загубник и провоцировать приступ. Поскольку его оруженосец Пим, обычно исполнявший обязанности слуги, остался на Барраяре, придется ему подыскать другого помощника. Врачи настаивали, чтобы он никогда не делал эту пакостную вещь в одиночку. Майлз предпочел бы лежать беспомощным и в бессознательном состоянии — и бьющимся, как выброшенная на землю рыба (во всяком случае, он так предполагал, поскольку был единственным, у кого не имелось никаких шансов лицезреть свой припадок) — в гордом одиночестве. Возможно, ему все-таки придется просить профессора.

*Будь у тебя жена, она могла бы быть твоим помощником.
Да, вот уж ей было бы радости-то!*

Скривившись, Майлз осторожно убрал прибор в кейс и заполз в койку. Может, во сне обломки корабля сами соберутся обратно, как на видео, и раскроют ему свои тайны. Лучше уж пусть снятся обломки, чем трупы.

ГЛАВА 5

Готовясь ко сну, Катриона исподволь следила за Тьеном. Напряжение, сквозившее в каждом его движении, подсказывало, что лучше ей побыстрее предложить ему заняться сексом. Его состояние пугало ее. Как всегда. Уже давно пора дать ему возможность спустить пар. Чем дольше она ждет, тем труднее будет потом. Он будет становиться все напряженнее, и закончится это вспышкой ярости.

В глубине души Кэт считала, что секс должен быть романтическим, полностью раскованным и дарующим партнерам взаимную радость. А не чем-то вроде терапии, как у нее. Тьен всегда требовал от нее должной реакции и прилагал к этому немало усилий. Не то что многие другие мужчины, о которых ей доводилось слышать. Те, что думают лишь о себе и, получив удовольствие, поворачиваются спиной и засыпают. Хотя иногда Катриона жалела, что Тьен не из таких. Он сердился — на себя? на нее? — если она не отвечала так, как ему хотелось. Неспособная лгать телом, Кэт давно научилась отключаться и таким образом высвобождать какой-то там внутренний канал, который позволял плоти довлеть над разумом. Эротические фантазии, к которым она прибегала, чтобы добиться этого, становились все необузданнее и ярче. Что это, неизбежный побочный эффект глубинного постижения неприглядных сторон человеческих возможностей или врожденный дефект души?

Как же я это ненавижу!

Тьен повесил рубашку и криво улыбнулся жене. Но взгляд его оставался таким же напряженным.

— Мне бы хотелось, чтобы ты завтра оказала мне услугу.

Все, что угодно, чтобы отодвинуть неизбежное.

— Конечно. Какую именно?

— Возьми на себя обоих Аудиторов и поводи их где-нибудь подольше. Они меня достали. Эти их планетарные каникулы сильно мешают работе моего департамента. Мы убили целую неделю на то, чтобы подготовить для них сегодняшнее шоу. Может, они найдут какое-нибудь другое место, куда им еще сунуть нос, а потом уберутся наверх.

— Куда их вести и что показывать?

— Да все, что угодно!

— Я уже показала дяде Фортицу окрестности.

— А университетский городок? Может, его это интересует. Твой дядя вообще интересуется многими вещами, а этому коротышке-фору, полагаю, совершенно все равно, куда идти. Лишь бы вина было в достатке.

— Понятия не имею, что может заинтересовать лорда Форкосигана.

— Так спроси! Предложи что-нибудь сама. Поведи его... Ну, не знаю... По магазинам, что ли.

— По магазинам? — усомнилась она.

— Или еще куда.

Все еще натянуто улыбаясь, он наклонился к ней, обнял и легонько коснулся губами. Она ответила на поцелуй, стараясь не показывать, что делает это по обязанности. Она чувствовала жар его тела, рук и чувствовала, насколько искусственна его нежность. Ах да, еще одна сегодняшняя обязанность — разрядка Тьена. Очень непростое дело. Кэт приступила к привычному ритуалу жестов, слов и всего прочего, что обычно предшествовало физической близости.

Уже в постели она закрыла глаза, пока он ласкал ее, частично для того, чтобы лучше чувствовать, частично — чтобы не видеть его взгляда, становившегося все более жарким и довольным. Кажется, на Земле есть какая-то птица, которая считает, что если она тебя не видит, то и

ты не видишь ее? И прячет голову в песок. Занятное зрелище. Интересно, и долго при таком подходе ей удастся сохранять голову на шее?

Она открыла глаза, когда Тьен, перегнувшись через нее, притушил лампу. Под его жадным взором она чувствовала себя не любимой и желанной, а уродливой и униженной. Как можно изнасиловать женщину одними лишь глазами? Как можно быть с кем-то в интимных отношениях и при этом каждый раз наедине с этим человеком чувствовать, что он унижает твое «Я», твое достоинство? *Не смотри, Тьен.* Полный абсурд. С ней действительно что-то не так.

Тьен наклонился ближе, и она покорно раздвинула губы, быстро подчинившись его требовательному поцелую. Она не всегда была такой разумной и осторожной. Тогда, в самом начале, все было не так. Или изменилась лишь она?

Теперь пришла ее очередь вернуть ласки. Это было довольно просто. Тьен зарылся лицом в подушку и некоторое время молчал, пока ее руки порхали по его телу, глядя мышцы и скрытно ища симптомы. Кажется, дрожь сейчас несколько утихла. Возможно, сегодня была ложная тревога и руки у него тряслись от голода и нервозности.

Кэт знала, когда с ней все это началось. Примерно за четыре или пять мест работы до нынешней. Когда Тьен вдруг решил по каким-то до сих пор ей непонятным причинам, что она ему изменяет. С кем именно, Кэт тоже по сию пору так и не поняла, поскольку те два имени, которые он в конечном счете все же назвал, звучали полным бредом. Она и представления не имела, что в его голове бродят такие мысли, пока не заметила, что он следит за ней, оказываясь в необычных местах и во внеурочное время. Может, именно поэтому та служба так плохо кончилась? В конце концов она вытянула из него, в чем он ее обвиняет. И пришла в ужас. Ей было больно и немного страшно. Можно ли считать преследованием,

если преследует тебя собственный муж? У нее не хватило мужества поинтересоваться, с кем можно проконсультроваться по этому поводу. Единственным источником безопасности была твердая уверенность, что она никогда не была наедине в неподобающем месте ни с одним посторонним мужчиной. Хотя в этом ей пригодилось форское воспитание. И тогда Тьен обвинил ее в том, что она спит со своими подругами.

И вот тут в ней что-то сломалось, исчезло всякое желание что-либо ему доказывать. Как можно объяснить что бы то ни было человеку, который верит во что-то не потому, что это истина, а потому, что он сам идиот? Никакие доводы, возмущение и протест не имели смысла, потому что проблема была не в обвиняемом, а в обвинителе. И тогда она начала думать, что он живет в каком-то другом, параллельном мире, с иными физическими законами и иной историей. И с обитателями, очень отличающимися от тех, которых знала она под теми же именами. Вкрадчивыми доппельгангерами.

И все же этого обвинения хватило, чтобы лишить ее друзей, теплоты общения, сменившейся каким-то новым и нежеланным уровнем отгороженности. Дальше — больше. Тьен в очередной раз сменил работу, и время и расстояние вообще оборвало все ее связи. А после следующего переезда она перестала даже пытаться завести новых друзей.

Катриона до сих пор не знала, не воспринял ли он ее безразличное нежелание защищаться за скрытое признание вины. После того скандала вопрос отпал сам собой. Тьен больше его не поднимал, а она не снисходила. Считает ли он ее невиновной, или полагает себя безгранично благородным за то, что простил ей несуществующие грехи?

Ну почему он такой невозможный?

Ей не хотелось слышать ответа, но он пришел все равно. *Потому что боится тебя потерять.* И в панике

начал крушить все вокруг, уничтожив попутно ее любовь и тем самым воплотив в жизнь то, чего боялся? *Похоже, так оно и есть. Хотя ты, вообще-то говоря, не можешь не признать, что его опасения небезосновательны.* Любовь в ней давно уже умерла. В последнее время она сидит на голодной диете верности данным клятвам.

Я — фор. Я поклялась поддерживать его в болезни. Он болен. Я не нарушу данную клятву потому лишь, что возникли проблемы. Ведь именно в этом смысл клятв. Некоторые вещи, единожды нарушенные, не подлежат восстановлению. Данные клятвы, доверие...

Она не знала, в какой степени его иррациональное поведение связано с заболеванием. Возможно, когда он пройдет лечение, его эмоциональное состояние тоже улучшится. Или она сможет хотя бы определить, в какой степени это воздействие дистрофии Форзонна, а в какой... просто личные качества Тьена.

Они сменили позицию. Опытные руки мужа поглаживали ей спину, проверяя, насколько она расслаблена и готова к дальнейшему. И тут ей пришла в голову еще более тягостная мысль. Не может ли такого быть, что Тьен подсознательно или осознанно специально оттягивает лечение, потому что интуитивно понимает, что именно его болезнь и связанная с нею уязвимость — одна из немногих оставшихся нитей, все еще связывающих жену с ним? *Не по моей ли вине он откладывает лечение?* У нее зверски болела голова.

Тьен, все еще продолжавший поглаживать ей спину, что-то протестующе забормотал. Ей никак не удавалось расслабиться. Так не пойдет. Кэт решительно настроила свои мысли на эротическую фантазию, весьма не романтическую, но которая обычно хорошо срабатывала. Может, это что-то вроде скрытой формы фригидности, этот ее самогипноз, к помощи которого она все время прибе-

гает, чтобы получить сексуальную разрядку, несмотря на столь близкое присутствие Тьена? В чем разница между тем, что человек просто не любит секс, и тем, что не любит того единственного человека, с которым когда-либо занимался сексом?

И все же ей страшно хотелось ощущать живое тело, теплое прикосновение мужских рук — то, чего не могли дать никакие самые эротические фантазии. И Тьен в этом плане был действительно очень хорош. Он ласкал ее очень долго, хотя иногда и тоскливо вздыхал, за что она никак не могла его винить. Его мягкие прикосновения, тепло и уют постели привели наконец к тому, что она расслабилась. Она могла бы наслаждаться этим часами — тут Кэт приоткрыла глаз и глянула на часы. Нет, жадничать, пожалуй, не стоит. Какая же все-таки у Тьена вывернутая психика: с одной стороны, требовать от нее сексуального шоу, а с другой — обвинять в неверности. Чего он хочет — чтобы она растаяла или задеревенела? *Что бы ты ни выбрала, выбор окажется неправильным.* Нет, так дело не пойдет. Она слишком долго пытается настроить себя на нужный лад. Пора возвращаться к работе. Кэт снова постаралась обратиться к своим сексуальным фантазиям. Может, у него и есть права на ее тело, но ее душа и мысли принадлежат только ей. Это — единственная ее часть, к которой у него нет доступа.

Все пошло по плану, и в конечном итоге поставленная задача была выполнена. Когда все закончилось, Тьен поцеловал ее.

— Ну вот, все пошло на лад, — пробормотал он. — В последнее время у нас ведь все стало налаживаться, да?

Она пробормотала обычные заверения — стандартный набор фраз. Хотя предпочла бы честное молчание. И притворилась, что заснула, пока не услышала храп. И тогда пошла в ванную, чтобы выплакаться.

Глупое, совершенно иррациональное хныканье. Она рыдала, заглушая плач полотенцем, чтобы, не дай Бог, ни муж, ни Никки, ни гости не услышали и не пришли выяснять, в чем дело.

Я его ненавижу. Ненавижу себя. Ненавижу его за то, что он вынуждает меня ненавидеть самое себя...

Но больше всего она презирала себя за неистребимое желание физической близости, каждый раз возрождавшееся в ее сердце, несмотря на все усилия выкорчевать его окончательно. И это желание, эту зависимость, эту жажду теплых прикосновений необходимо уничтожить во что бы то ни стало. Потому что она предает ее хуже всего остального. Если она сможет убить в себе жажду любви, то тогда все прочие связывающие ее нити — долг, честь, а в первую очередь все страхи — можно будет тоже последовательно отбросить. *Если я смогу убить в себе все это, то освобожусь от него.*

Я превращусь в ходячего мертвеца, но стану свободна.

Отрыдавшись, Кэт умылась и выпила три таблетки от головной боли. Теперь, пожалуй, она сможет заснуть. Но, вернувшись в спальню, она обнаружила, что Тьен не спит. Его глаза сверкали в темноте. Услышав ее приглушенные ковром шаги, он включил лампу. Кэт попыталась сообразить, является ли бессонница одним из ранних симптомов его заболевания. Он приподнял простыни, чтобы она могла лечь.

— Что это ты там делала так долго? Развлекалась без меня?

Кэт не знала, что это — шутка и ей надо посмеяться, или он ждет от нее возмущенного отрицания. Поэтому решила сменить тему:

— Ой, Тьен, я чуть не забыла! Сегодня днем звонили из банка. Говорили что-то о том, что требуется моя под-

пись и оттиск ладони для подтверждения закрытия твоего пенсионного вклада. Я им сказала, что, по-моему, это неправильно, но переговорю с тобой, а потом им перезвоню.

Потянувшийся было к ней Тьен замер:

— Они не имели права звонить тебе по этому поводу!

— Если ты хотел, чтобы я сделала то, о чем они говорили, то должен был предупредить меня заранее. Они сказали, что приостановят это дело до моего звонка.

— Приостановят?! Нет! Ты глупая сучка! — сжал он кулаки.

От его брани ее затошнило. После всех приложенных нынче ночью усилий, чтобы его утихомирить, — такое! Все насмарку!

— Я что-то не так сделала? — обеспокоенно спросила она. — Тьен, в чем дело? Что происходит? — Кэт мысленно молилась, чтобы он не начал опять колотить кулаком в стенку. Если услышат дядя или Форкосиган, то как она объяснит...

— Нет... Нет. Извини. — Он потер лоб, и Кэт облегченно вздохнула. — Я забыл, что здесь действует комаррское законодательство. На Барраяре у меня не было проблем с закрытием пенсионного счета, если таковой имелся, когда я менял работу. А на Комарре они хотят получить подпись указанного наследника. Все в порядке. Завтра утром им срочно позвони и реши это дело.

— Ты ведь не собираешься увольняться, нет? — В ней начала подниматься волна паники. *О Боже, только не очередной переезд... Не так скоро...*

— Нет. Нет, черт побери! Расслабься. — Он криво улыбнулся.

— О! Хорошо. — Чуть поколебавшись, она спросила: — Тьен... У тебя есть какие-нибудь сбережения с предыдущих мест работы на Барраяре?

— Нет. Я всегда закрывал счета. Зачем позволять им крутить наши деньги, если мы и сами можем найти им применение? И эти средства нас не раз выручали, знаешь ли. — Он язвительно улыбнулся. — При сложившихся обстоятельствах ты должна признать, что идея откладывать деньги на мою старость не особенно рациональна. И ты ведь очень хотела тогда провести отпуск на Южном континенте, не так ли?

— По-моему, ты сказал, что мы едем на твое выходное пособие.

— Так и было. В некотором роде.

Значит... Если с Тьеном что-то случится, у них с Никки не останется ничего... Если он как можно быстрее не начнет лечиться, то это самое «что-то» случится очень скоро.

— Да, но... — И тут ее осенило. *Неужели...* — Ты это делаешь, потому... Мы уедем, чтобы ты начал лечение, да? Ты, Никки и я? Ой, Тьен, как здорово! Наконец-то! Ну конечно! Мне бы следовало самой сообразить. — *Так вот для чего ему понадобились деньги! Наконец-то!* Она обняла мужа и прижалась к нему. *Но хватит ли этих средств? Если там меньше, чем требуется...* — А этих денег хватит?

— Я... Я не знаю. Как раз сейчас выясняю.

— Я немного скопила из средств на хозяйство, так что могу добавить, — предложила Кэт. — Это позволит нам отправиться раньше.

Он облизнул губы и некоторое время молчал.

— Не знаю... Мне не нравится идея позволить тебе...

— Так я именно для этого и копила. То есть, конечно, это не я их заработала, но я смогла сэкономить. Это может быть моим вкладом...

— И сколько у тебя?

— Около четырех тысяч имперских марок! — Она улыбнулась, гордая своим достижением.

— Ого! — Казалось, он мысленно что-то подсчитывает. — Да, это будет существенным подспорьем.

Он поцеловал ее в лоб, и Кэт расслабилась еще больше.

— Мне никогда не приходило в голову использовать твой пенсионный вклад на лечение. Даже не думала, что это можно сделать. Как скоро мы сможем уехать?

— А... Это мне тоже предстоит еще выяснить. Я все узнал бы еще на этой неделе, но мой департамент серьезно пострадал от нашествия Имперских Аудиторов.

Она улыбнулась шутке. В свое время он довольно часто заставлял ее смеяться. И если с годами стал более желчным, то его вполне можно понять. Но чернота его юмора стала не столько развлекать ее, сколько утомлять. Цинизм теперь производил на нее гораздо меньшее впечатление, чем в двадцать лет. Может, принятое решение принесло и ему облегчение тоже.

И ты действительно думаешь, что в этот раз он таки сделает то, о чем говорит? Или тебя одурачили. Снова. Нет. Если подозрительность — одно из самых тяжких оскорблений, то вера всегда оправданна, даже если эта вера окажется обманутой. Удовлетворенная его обещанием, она уютно примостилась в его объятиях, и на сей раз кольцо его рук не показалось ей ловушкой. Может быть, им наконец удастся поставить свою жизнь на рациональную основу.

— По магазинам? — эхом повторил лорд Форкосиган, сидя за завтраком. Он встал самым последним. Дядя Фортиц уже сидел за коммом в кабинете Тьена, сам Тьен ушел на работу, а Никки убежал в школу. Губы Форкосигана оставались сжатыми, но в уголках глаз появились смешливые морщинки.

— Такого рода предложение довольно редко поступало сыну моей матери... Боюсь, мне не нужно... Нет, погодите, кое-что все же нужно. Свадебный подарок.

— А кто из ваших знакомых женится? — спросила Катриона, довольная тем, что ее предложение вроде бы прошло, поскольку другого у нее просто не было. Она приготовилась оказать всяческое содействие.

— Грегор и Лаиса.

Она не сразу сообразила, что он говорит об императоре и его комаррской невесте. Помолвка состоялась на Зимнепраздник, а свадьба была назначена на праздник Середины лета.

— О! Э-э... Я не уверена, что в куполе «Серифоза» вы сможете найти что-то достойное... Возможно, в Солстисе есть подходящие магазины... О Господи!

— Но мне необходимо что-то привезти, поскольку я буду шафером Грегора в свадебном круге. Может, мне удастся найти что-то, что будет напоминать Лаисе дом. Хотя, возможно, это и не самая блестящая идея, не знаю... Мне совершенно не улыбается спровоцировать у нее ностальгические чувства в медовый месяц. А вы что думаете?

— Полагаю, мы можем поискать... — Здесь имелись очень дорогие магазины, куда Кэт даже не отваживалась заглянуть. Может, теперь у нее появился повод?

— А еще, чуть не забыл, Дув с Делией. Да, мои общественные обязанности в последнее время растут как на дрожжах.

— Кто?

— Делия Куделка — моя подруга детства. Она выходит замуж за commodора Дува Галени, нового шефа департамента по делам Комарры Имперской службы безопасности. Возможно, вы о нем еще не слышали, но услышите наверняка. Он уроженец Комарры.

— От родителей-барраярцев?

— Нет, от участников комаррского сопротивления. Мы соблазнили его служить империи. И мы с Дувом пришли к совместному выводу, что решающую роль в этом соблазнении сыграли блестящие сапоги.

Он произнес эту тираду с каменным выражением лица. Наверняка шутит. Или нет? Кэт нерешительно улыбнулась.

Тут на кухню пожаловал дядя Фортиц:

— Как там насчет кофейку?

— Конечно! — Кэт налила ему кофе. — Как дела?

— По-всякому. По-всякому. — Отхлебнув кофе, дядя благодарно улыбнулся племяннице.

— Я так понимаю, что утренний курьер уже был, — сказал Форкосиган. — Как прошел ночной улов? Есть что-нибудь для меня?

— К счастью, нет, если вы имеете в виду еще части тела. Они притащили кучу различного оборудования.

— Эти находки как-то влияют на ваш любимый сценарий происшедшего?

— Нет, но я продолжаю надеяться, что что-нибудь появится. Уж очень мне не нравятся результаты векторного анализа.

Взгляд Форкосигана стал заметно пристальнее.

— Вот как? И почему?

— М-м... Возьмем точку А как момент перед аварией — корабль, целый, конечно, и отражатель, спокойно сидящий на своей орбите. И возьмем точку В как момент после аварии, когда всякие обломки полетели во все стороны на разной скорости. По всем законам старой доброй классической физики, В должно равняться А плюс X , где X — какая-то сила — или масса, — добавленная в момент аварии. А нам известно, а чем больше В мы собрали, тем больше мы сузим возможности X . Нам по-прежнему недостает кое-каких частей системы управления, но аварийщики уже собрали большую часть изначальной массы системы корабль — отражатель. По предварительным подсчетам получается, что X очень велик и имеет весьма странную форму.

— Это зависит от того, когда и как взорвались двигатели. Взрыв мог добавить чертовски большой импульс, — заметил Форкосиган.

— Удивляет не столько величина внешней силы, сколько ее направление. Фрагменты чего-либо, получившие ускорение в свободном падении, должны лететь по прямой, с учетом местной гравитации, конечно.

— А обломки рудовоза летели не так? — поднял брови Форкосиган. — Тогда что же, по вашему мнению, собой представляет этот Х?

Дядя Фортиц пожевал губу.

— Мне нужно еще над этим поразмыслить. Поиграть с цифрами и виртуальными вариантами. Кажется, мои мозги начинают стареть.

— А что... что это за форма такая этой силы, почему вы говорите, что она странная? — спросила Катриона, с большим интересом прислушиваясь к разговору.

Дядя Фортиц поставил чашку и сложил ладони ковшиком.

— Это... Как бы сказать... Обычная масса в космическом пространстве создает гравитационный колодец, или воронку, если угодно. А в данном случае это выглядит скорее как желоб.

— Идущий от рудовоза к отражателю? — Поинтересовалась Катриона, пытаясь себе это представить.

— Нет, — ответил дядя Фортиц. — Идущий от скачковой позиции ближайшего п-в-туннеля к отражателю. Или наоборот.

— И рудовоз в него... э-э-э... влетел? — уточнил Форкосиган. Он казался не менее озадаченным, чем Катриона.

Дядя Фортиц тоже выглядел не лучше.

— Мне бы не хотелось делать публичное заявление, это уж точно.

— Гравитационная сила? — спросил Форкосиган. — Или, возможно... Гравитационный польдер?

— Ну, выглядит это уж точно не как известные мне гравитационные польдеры. Нда-с... — Он взял свой кофе и собрался вернуться к своему комму.

— Мы как раз планировали, куда нам пойти, — сказала Катриона. — Вы не хотите еще что-нибудь посмотреть в Серифозе? Купить подарок тете?

— Я бы с удовольствием, но, полагаю, сегодня мой черед остаться дома и поработать, — ответил дядя. — А вы вдвоем идите и развлекайтесь. Хотя, если тебе попадется что-то, что, по-твоему, может понравиться твоей тете, я буду чрезвычайно признателен, если ты это купишь. Затраты я тебе компенсирую.

— Хорошо... — Идти только с Форкосиганом? Вдвоем? Кэт предполагала, что дядя пойдет с ними в роли дуэньи. Впрочем, если они будут ходить по общественным местам, то у Тьена не будет повода для подозрений. Хотя, как ни странно, Тьен, кажется, и не воспринимает Форкосигана как возможную угрозу. — Вам больше не нужно посещать департамент Тьена?

Ой, Боже, кажется, я не очень удачно сформулировала... Что, если он скажет, что нужно?

— Я еще не успел просмотреть первую партию их отчетов, — вздохнул дядя. — Может, возьмешь это на себя, Майлз?

— Ага, я ими займусь. — Его глаза блеснули при виде озабоченного выражения, появившегося на лице Катрионы. — Попозже. Когда вернемся.

Катриона повела лорда Форкосигана через парк перед домом к ближайшей стоянке. Ноги у него, возможно, и были короткими, но шагал он быстро, и она обнаружила, что ей нет необходимости подстраиваться под него. Более того, ей приходилось ускорять шаг. Некоторая затрудненность в движениях, которую она за ним заметила, судя по всему, в течение дня то появлялась, то исчезала. Взгляд его тоже был быстр, он живо оглядывал окрестности. В одном месте даже остановился и вернулся назад, чтобы внимательней рассмотреть что-то, что его заинтересовало.

— Есть у вас на примете конкретное место, куда вы хотели бы пойти? — спросила Кэт.

— Я Серифозу практически не знаю. Так что отдаюсь на вашу милость, сударыня, как моего гида. Когда я в последний раз совершал грандиозные покупки, то это было военное оборудование.

— Да, это совсем другое дело! — рассмеялась она.

— Не настолько, как вы можете подумать. Ради продажи действительно высококласного оборудования поставщики готовы для встречи с вами пролететь полгалактики. Моя тетя Элис Форпатрил именно таким способом покупает одежду — вообще-то если подумать, то это тоже высококласное оборудование, в некотором роде. Модельеры присылают к ней своих подхалимов. На старости лет я начал любить подхалимов.

Его «старость лет» измеряется годами тридцатью, решила Катриона. Причем недавно разменянными — как и ее собственные и до сих пор непривычные.

— А графиня, ваша матушка, тоже так совершает покупки?

И как его мать справляется с тем фактом, что он мутант? Судя по всему, очень даже неплохо.

— Мама просто покупает то, что ей скажет тетя Элис. Мне всегда казалось, что она чувствовала бы себя гораздо уютней в своей старой форме бетанского Астроэкспедиционного корпуса.

Знаменитая графиня Форкосиган была галактической эмигранткой, причем весьма редкостным видом — бетанкой с Колонии Бета. Прогрессивной, высокотехнологичной, процветающей Колонии Бета. Или коррумпированной, опасной, зловещей Колонии Бета. В зависимости от ваших политических взглядов. Неудивительно, что лорд Форкосиган ведет себя как гражданин галактики. Он в буквальном смысле слова наполовину инопланетник.

— А вы были на Колонии Бета? Там действительно все такое рафинированное, как они говорят?

— Да. И нет.

Они подошли к стоянке, и Кэт повела гостя к четвертой по счету машине, отчасти потому, что она была пустая, отчасти — чтобы выкроить себе еще несколько секунд и определиться, куда ехать. Как только они уселись на переднее сиденье, лорд Форкосиган машинально нажал кнопку на панели, закрыв кабину. Либо он привык ездить в одиночестве, либо еще не сталкивался с кампанией «Дождись попутчиков», которая сейчас велась в куполе «Серифоза». Как бы то ни было, Катриона была рада, что на сей раз ей не придется ехать с чужаками.

Комарра на протяжении столетий была космическим перекрестком и несколько десятилетий — торговым центром Барраярской империи. Даже в таком относительно болоте, как Серифоза, имелось огромное количество магазинов, как минимум не уступавших магазинам Форбарр-Султана. Кэт потерела губу, затем решительно вставила кредитную карточку в панель и указала местом назначения район шлюзов космопорта. Через несколько секунд они влетели в туннель и начали ускорение. Скорость набиралась медленно. Не очень хороший признак.

— Кажется, я несколько раз видела вашу мать по головиду, — нарушила молчание Кэт. — Она сидела рядом с вашим отцом во время какой-то официальной церемонии. Довольно давно, в бытность его еще регентом. Это странно... Когда вы смотрите на родителей по видео, вы воспринимаете их по-другому?

— Нет, я по-другому воспринимаю видео.

Машина летела по темному туннелю, освещенному мелькающими перед глазами фонарями, затем резко выскочила на свет, поднимаясь по дуге к следующему комплексу. По мере подъема скорость все замедлялась. Катриона

видела, что летящие над ними машины тоже ползут с черепашьей скоростью, похожие на бусины на нитке.

— О Боже, этого я и боялась! Похоже, мы застряли.

— Авария? — вытянул шею Форкосиган.

— Нет, просто система перегружена. В определенное время суток на некоторых дорогах можно стоять минут по двадцать — сорок. У них сейчас идет местная дискуссия по поводу пассажирских перевозок. Одна группа желает сократить безопасное расстояние между машинами и увеличить скорость движения. Вторая желает построить больше дорог. Третья — чего-то там еще...

Его глаза весело блеснули.

— А, понимаю! И сколько лет уже длится эта дискуссия?

— Как минимум пять лет, насколько мне известно.

— Ну разве местная демократия не великолепна? — пробормотал он. — И подумать только, комаррцы считают, что мы оказываем им любезность, оставляя наземные проблемы под традиционным контролем их секторов!

— Надеюсь, вы не боитесь высоты, — неуверенно сказала Кэт, когда их машина практически совсем остановилась на самой высокой точке дуги. Несколько искаженные стеклом кабины и туннеля хаотически разбросанные строения Серифозы предстали перед их взором. Сидевшая через две машины впереди них пара воспользовалась случаем, чтобы слиться в затычном поцелуе. Катриона всячески делала вид, что не замечает этого. — Или... Небольших замкнутых пространств.

— Нет, если в этом небольшом пространстве температура выше заморозки.

Намек на криозаморозку, через которую он прошел? Кэт не осмелилась спросить. Она попыталась вернуть разговор к его матери в надежде узнать, как та справлялась с его мутацией.

— Астроэкспедиционный корпус? Я полагала, что ваша мать служила в бетанских экспедиционных войсках во время эскобарской войны.

— До войны она одиннадцать лет прослужила в Астроэкспедиционном корпусе.

— В администрации или... Она ведь не прыгала вслепую в новые п-в-туннели, правда? То есть я хочу сказать, что все космолетчики немного чудные, но первопроходцы считаются психами из психов.

— Так и есть. — Он глянул наружу, когда машина, чуть подпрыгнув, начала двигаться, спускаясь к следующему сектору города. — Я с некоторыми из них встречался. Должен признаться, что никогда не ставил на одну доску правительственные исследовательские службы и вольных стрелков. Независимые исследователи совершают слепые прыжки к возможной смерти в надежде разбогатеть. А Астроэкспедиционный корпус... совершает прыжки к смерти за зарплату, премии и пенсию. Хм. — Он уселся поудобнее, на лице его вдруг появилось веселое выражение. — До войны она дослужилась до капитана корабля. Возможно, она была более подготовлена к Барраяру, чем я думал. Интересно, а не надоело ли и ей прошибать стены? Надо будет у нее спросить.

— Прошибать стены?

— Извините, это личная метафора. Когда вы рискуете слишком часто, то впадаете в странное состояние. От адреналиновой зависимости довольно трудно избавиться. Я всегда полагал, что мою... хм... былую любовь к такого рода эскападам я унаследовал от барраярских предков. Но близкое общение со смертью вынуждает тебя пересмотреть приоритеты. Так много рисковать, и так долго... В конечном итоге ты либо становишься абсолютно уверенным в том, кто ты есть и чего ты хочешь, либо ты становишься... ну, не знаю, бесчувственным, что ли.

— А ваша мать?

— Ну, уж она-то точно не бесчувственна.

Кэт осмелилась на более рискованный вопрос:

— А вы?

— Хм. — Он чуть улыбнулся. — Знаете, а ведь большинство людей, если им удастся зажать меня в угол, пытаются прокачать меня насчет отца.

— О! — Кэт вспыхнула от смущения и выпрямилась. — Простите. Я была непозволительно груба.

— Вовсе нет. — Он действительно не выглядел раздраженным, когда придвинулся к ней поближе. — Вовсе нет.

Несколько успокоившись, Катриона решила попробовать развить тему дальше. В конце концов, когда еще ей представится такая возможность?

— Возможно... то, что произошло с вами, было для нее тоже своего рода стеной.

— Да, полагаю, вы способны посмотреть на это с ее позиции.

— А что... что на самом деле произошло...

— Со мной? — закончил он за нее фразу. Но вовсе не напрягся, как это произошло тогда за столом, а задумчиво посмотрел на нее с такой серьезностью, что она едва не всполошилась. — А что вам известно?

— Не очень многое. Я слышала, что сын лорда-регента родился калеккой во время дворцового переворота Фордариана. Лорд-регент славился тем, что его личная жизнь всегда была очень закрытой. — Вообще-то Кэт слышала, что наследник регента — мутант и его прячут подалеже от глаз.

— И все? — Он казался едва ли не оскорбленным. Чем? Что он не настолько знаменит? Или одиозен?

— Я не входила в высшие слои общества, — поспешила объяснить она. — Мой отец — мелкий провинциальный бюрократ. Боюсь, что в большинстве провинциальных форов больше провинциального, чем форского.

Его улыбка стала шире.

— Верно! Вам бы следовало познакомиться с моим дедом... А может, и нет... Ну... Хм. Вообще-то особо рассказывать нечего. Убийца, покушавшийся на моего отца, умудрился отравить обоих моих родителей ядовитым газом, называемым солтоксин.

— Во время переворота?

— Буквально перед ним. Моя мать была на пятом месяце беременности. И надышалась этой пакости. И вот результат. — Он провел рукой вдоль своего тела, дернув при этом головой в нервном тике, причем оба жеста одновременно выглядели как вызов. — На самом деле повреждения носят тератогенный характер, а не генетический. — Он искоса бросил на нее странный взгляд. — В свое время для меня было очень важно, чтобы окружающие это знали.

— Было? А сейчас уже нет? — Однако ей он рассказал об этом довольно быстро. Но правда ли, что у него поражено лишь тело, а не хромосомы?

— Сейчас... Сейчас я полагаю, что, возможно, оно и к лучшему, если меня считают мутантом. Если я смогу сделать так, чтобы это действительно не имело значения для окружающих, возможно, для других мутантов все будет гораздо проще. В некотором роде дополнительная услуга, не требующая от меня никаких особых усилий.

Но было совершенно очевидно, что ему это все же чего-то стоило. Кэт подумала о Никки, который вскоре должен был вступить в подростковый возраст, а этот период никогда не был простым даже для нормальных детей.

— Как вы себя тогда ощущали? Когда росли?

— Ну, безусловно, я был в некотором роде защищен высоким постом и титулом моего отца.

Она обратила внимание на это «в некотором роде». «В некотором роде» — далеко не то же, что «полностью».

— Я сдвинул несколько гор, чтобы попасть на военную службу. После нескольких... хм... фальстартов я в конце кон-

цов нашел подходящее для себя место в службе безопасности, среди оперативников. Работал с нерегулярными частями. СБ больше заинтересована в результатах, чем во внешней оболочке, а я обнаружил, что могу давать очень неплохие результаты. Не считая того — небольшой просчет с моей стороны, — что все мои достижения, на которые я так рассчитывал, погребены в недрах Имперской безопасности, будучи классифицированы как секретные. Так что я закончил свою тринадцатилетнюю карьеру уволенным по состоянию здоровья практически никому не известным капитаном, — вздохнул он.

— Имперские Аудиторы не бывают неизвестными!

— Нет, лишь скрытными. — Он просветлел. — Так что еще есть надежда!

Почему он вызывает у нее желание рассмеяться? Кэт с трудом подавила смех.

— Вы желаете прославиться?

Его глаза на мгновение сузились.

— В свое время я бы не отказался. А теперь полагаю... Я просто хотел быть кем-то значительным сам по себе. Не обманывайтесь, мне нравится быть сыном своего отца. Он великий человек. Во всех смыслах. И знать его — большая честь. И тем не менее есть у меня тайная мечта, чтобы когда-нибудь, где-нибудь в исторических трудах Эйрела Форкосигана представляли значительной фигурой в основном потому, что он был отцом Майлза Нейсмита-Форкосигана.

И тут она расхохоталась, хотя и мгновенно приглушила смех, зажав рот рукой. Но лорд Форкосиган не обиделся, лишь сверкнул глазами.

— Это действительно очень забавно, — уныло пробурчал он.

— Нет... нет, не в этом дело, — поторопилась заверить она. — Просто звучит несколько... ну, высокомерно, что ли.

— О, это и есть высокомерие из высокомерия. — Вот только он вовсе не казался смущенным перспективой, а скорее просчитывающим варианты.

Лорд Форкосиган задумчиво поглядел на нее, затем прокашлялся и начал:

— Когда я вчера утром работал на вашем комме... — И остановился, когда машина начала тормозить. — Черт... — пробормотал он, потирая шею.

— Что-нибудь не так? — озабоченно спросила Кэт.

— Нет-нет! — Он нажал на кнопку панели, открывая кабину. — Итак, давайте посмотрим, чем радуется район доков и шлюзов.

Лорд Форкосиган, казалось, наслаждался прогулкой по организованному хаосу района шлюзов космопорта, хотя маршрут выбрал, надо сказать, весьма необычный. Он пробирался зигзагами в те места, которые Катриона считала изнанкой района, туда, где люди и машины грузили и разгружали грузы и где находились бары и гостиницы для небогатых космолетчиков. В этом районе было полно странной публики, всех цветов и размеров, в необычной одежде. До ее ушей доносилась многоязычная речь. Взгляды, которыми они одаривали обоих баррарцев, были Форкосиганом замечены, но полностью проигнорированы. Катриона решила, что он не реагирует потому, что инопланетники смотрят так не только на него, а на всех.

А еще она обнаружила, что его притягивают самые мерзкие магазины из представленных здесь. Он действительно в течение нескольких минут серьезно размышлял, не приобрести ли якобы настоящую лампу XX века, сделанную на Архипелаге Джексона и состоящую из двух колб с цветной жидкостью, переливающейся вверх и вниз.

— Это выглядит как плавающие в плазме кровяные тельца, — заявил он, зачарованно глядя на светящиеся колбы.

— Но как свадебный подарок?! — выдохнула Кэт, позабавленная и несколько ошарашенная. — Что подумают люди, глядя на это?

— Грегор посмеется, — ухмыльнулся он. — Такого рода подарки ему редко доводится получать. Но вы правы, подходящий свадебный подарок должен быть... хм... подходящим. Не личным, а с общественным и политическим смыслом. — С сожалением вздохнув, он поставил лампу обратно на полку. Но через некоторое время передумал и взял ее опять, купил и отослал. — На свадьбу я ему куплю что-нибудь еще, а это ему на день рождения.

После этого он позволил Катрине отвести себя в более приличный квартал, где продавались ювелирные изделия, произведения искусства и антиквариат, а также творения местных модельеров, которые вполне могли засылать своих подхалимов к его тете. Форкосиган, судя по всему, нашел все это гораздо менее забавным, чем галактическую свалку. Он помрачнел и ходил довольно унылый, пока не углядел что-то необычное в ювелирном киоске.

Крошечные модели планет, размером с кончик ее большого пальца, вращались в гравитационной камере на черном фоне. Маленькие шарики были размещены на разных уровнях и представляли собой точную копию тех миров, которые изображали. На них виднелись не только горы и океаны, но и города, дороги и плотины, причем с полным соблюдением цветовой гаммы. Более того, терминатор двигался по миниатюрным ландшафтам в точном соответствии с планетарным циклом данной планеты. Находящиеся на ночной стороне города зажигали огни, как живые драгоценности. Их можно было носить парно, как серьги, или как подвеску или браслет. В продаже имелись почти все планеты, включая Колонию Бета и Землю, вокруг которой вращалась ее знаме-

нитая Луна, хотя как эту пару можно носить, было не совсем понятно. Цены, на которые Форкосиган даже не глянул, были кошмарными.

— Очень даже неплохо, — одобрительно бормотал он, зачарованно глядя на крошечный Барраяр. — Интересно, как они это делают?

— Они больше похожи на игрушки, чем на драгоценности, но, должна признать, они потрясающи.

— О да, типичная инженерная игрушка — почти нигде нет в этом году, повсюду на следующий год, затем вообще исчезает, пока не всплывет у антикваров. И все же... Было бы забавно составить имперский набор — Барраяр, Комарра и Зергияр. Впрочем, мне что-то не попадались женщины с тремя ушами... Возможно, серьги и кулон, хотя немедленно возникает социально-политическая проблема, в каком порядке распределять миры...

— Можно повесить все три на шею.

— Верно. Или... Думаю, маме определенно понравится Зергияр. Или Колония Бета. Хотя нет, это может вызвать у нее ностальгические воспоминания. Да, Зергияр будет очень кстати. К тому же вскоре Зимнепраздник и куча дней рождения... Так, прикинем: мать, Лаиса, Делия, тетя Элис, сестрицы Делии, Дру... Пожалуй, мне придется заказать дюжину комплектов и еще пару на всякий случай.

— Э-э... — Список произвел на Катриону большое впечатление. — А эти дамы знакомы друг с другом?

Это все его любовницы? Наверняка он не стал бы перечислять их в одном ряду с матерью и тетей. Или он их поклонник? Но... поклонник их всех?

— О, конечно!

— Вы действительно уверены, что стоит дарить всем одинаковые подарки?

— Нет? — с сомнением в голосе спросил он. — Но... ведь они все знают меня...

В конечном итоге он обуздал свои аппетиты и ограничился покупкой двух комплектов сережек, в каждый из которых входили Барраяр и Комарра, для обеих невест. И Зергияр на цепочке для матери. В последний момент он купил еще один Барраяр, но не сказал для кого. Крошечные планетки завернули в подарочную упаковку.

Чувствуя себя несколько обалдевшей от комаррского базара, Катриона повела его полюбоваться одним из ее самых любимых парков. Он располагался в конце района и обрамлял очень красивое озеро. Когда они обходили озеро по пешеходным дорожкам, Катриона мысленно запланировала зайти выпить кофе с пирожными.

Они остановились у перил на краю невысокого крутого берега, откуда виднелись самые высокие башни Серифозы. Поврежденный отражатель светил сквозь прозрачный купол парка, и освещенные им воды озера красиво искрились. Издалека доносились веселые голоса людей, играющих на искусственно-натуральном пляже.

— Здесь очень красиво, — сказала Катриона. — Его содержание стоит огромных денег. Городское озеленение здесь — основной вид деятельности. Все здесь создано человеческими руками — леса, камни, трава, — все.

— Мир в коробочке, — пробормотал Форкосиган, глядя на блестящую поверхность. — Требуется сборки.

— Некоторые жители Серифозы считают, что их парковая система — прообраз будущего, своего рода банк, — продолжила Кэт. — Но другие, я подозреваю, не знают разницы между их крошечными парками и настоящими лесами. Я иногда думаю, что к тому времени, когда атмосфера на планете станет пригодной для дыхания, прапраправнуки современных комаррцев будут уже настолько подвержены агорафобии, что не осмелятся покинуть купола.

— Многие бетанцы уже этим страдают. Когда я там был в последний раз... — То, что он хотел сказать, оста-

лось тайной, поскольку раздался внезапный глухой взрыв. Катриона не сразу сообразила, что это груз сорвался с крана, работающего на какой-то стройке за деревьями буквально у них за спиной. Форкосиган мгновенно развернулся с ловкостью кошки, отбросил в сторону пакет с подарками, который держал в правой руке, левой рванул Кэт себе за спину, а освободившейся правой выхватил из кармана парализатор, о наличии которого Катриона и не подозревала. И все это он проделал за считанные доли секунды, прежде чем тоже определил, что это за звук.

— Виноват, — извинился он, увидев широко раскрытые глаза женщины. — Немного перестарался.

Оба внимательно оглядели купол над головой. Тот был в целости и сохранности.

— Ну, в любом случае парализаторы бесполезны против того, что издает звук наподобие этого. — Он засунул оружие в карман.

— Вы уронили ваши планеты, — заметила Кэт, оглядываясь в поисках пакета.

Форкосиган перегнулся через перила.

— Вот черт!

Она проследила за его взглядом. Пакет перелетел за ограждение и теперь болтался примерно в метре под ними на ветке какого-то растения, нависшего над водой.

— Думаю, что смогу его достать... — Он перелез через ограждение, на котором виднелась предупреждающая надпись «Осторожно! Не сходите с дорожки!», и лег на землю прежде, чем она успела произнести «Но ваш прекрасный костюм...». Кэт сильно подозревала, что Форкосиган не из тех, кто привык сам себя обстирывать. Он потянулся к пакету, и перед ней на мгновение предстало жуткое видение летящего головой в пруд Имперского Аудитора, находящегося под ее попечением. Не обвинят ли ее в государственной измене? Берег был высотой метра четыре. Какая же здесь может быть глубина?

— Давайте я, у меня руки длиннее, — предложила она, пролезая за ним.

На мгновение отвлекшись, он сел.

— Мы можем найти палку. Или еще лучше — подхалима с палкой. — Он злорадно посмотрел на прикрепленный к запястью комм.

— Думаю, что вызывать в данном случае службу безопасности — это немножко перебор, — мягко заметила Кэт. Она легла и потянулась вниз. — Все в порядке, думаю, что смогу...

Ее пальцы тоже не дотягивались до пакета, но лишь чуть-чуть. Она продвинулась немного вперед, чувствуя, что ненадежная почва под ней проваливается. Кэт подалась назад...

Кусок берега под ней просел, и она заскользила вперед. Кэт взвизгнула и попыталась отскочить, но лишь еще больше ускорила процесс падения. И тут ее руку как тисками зажали чьи-то пальцы, но тело продолжало скользить, и в считанные секунды Кэт оказалась висящей над водой, беспомощно болтая ногами. Ее вторую руку тоже поймали, и Кэт увидела над собой лицо Форкосигана. Он лежал на краю, крепко держа ее запястья. Майлз напряженно стиснул зубы, серые глаза горели огнем.

— Отпустите, идиот! — закричала Катриона.

Его лицо стало вдруг совершенно диким.

— Ни за что! — выдохнул он. — Ни за что снова...

Его ноги цеплялись за... воздух, сообразила она, когда он начал скользить за ней следом. Но мертвая хватка не ослабевала. В его глазах вдруг мелькнул ужас. А в следующую секунду законы физики победили героизм, и оба барраряца практически одновременно свалились в довольно прохладную воду, взметнув кучу брызг и грязи.

Как выяснилось при ближайшем рассмотрении, глубина здесь не превышала метра. Дно было мягким и или-

стым. Кэт вскочила на ноги. Одна туфелька куда-то исчезла. Катриона отбросила с лица волосы, озираясь в поисках Форкосигана. Лорда Форкосигана. Вода ей доходила до груди, значит, ему точно не выше головы, и ноги в сапогах тоже нигде не торчали. Плавать-то он хоть умеет?

Он вынырнул рядом с ней, отплевываясь и протирая глаза. С уха свисала водоросль. Отбросив водоросль, он увидел Катриону, потянулся к ней и замер.

— Ой! — пискнула Кэт. — Кошмар...

Повисла пауза, затем Форкосиган заговорил.

— Госпожа Форсуассон, — мягко протянул он, — вам никогда не приходило в голову, что вы чуточку слишком чопорны?

Она ничего не могла с собой поделать и расхохоталась. Но тут же зажала рот ладонью, с испугом ожидая всплеска мужской ярости.

И не дождалась. Он лишь ухмыльнулся. Оглядевшись по сторонам, он увидел пакет, теперь издевательски висевший у них над головой.

— Ха! Наконец-то сила тяжести работает на нас! — Форкосиган добрал до остатков куста, нырнул и вытащил пару камней. Сбив камнем пакет с ветки, он одной рукой поймал его прежде, чем тот коснулся воды. Снова ухмыльнувшись, он подбрел к Кэт и предложил ей руку таким светским жестом, будто они собирались на официальный прием.

— Сударыня, не соблаговолите ли вы побрести со мной?

Устоять перед его юмором было невозможно. Она обнаружила, что кладет руку на его рукав.

— Почту за честь, милорд.

Кэт перестала нашаривать ногой исчезнувшую туфельку. Они побрели к ближайшему берегу с таким достоин-

ством, какое Катрионе редко доводилось видеть. Взяв пакет в зубы, он полез впереди нее, ухватился за тонкое деревце и протащил ее по грязи с видом телохранителя, помогающего госпоже выйти из машины. К великому облегчению Катрионы, их маленькое шоу прошло незамеченным. Интересно, высокий статус лорда Форкосигана как Имперского Аудитора спас бы их от ареста за купание в запрещенном месте?

— Вы не огорчены этим несчастьем? — застенчиво спросила она, все еще не способная до конца поверить, что ей повезло и он не сердится. Пробежавший мимо спортсмен уставился на них и замер. Форкосиган жестом велел ему убираться.

— Поверьте мне, госпожа Форсуассон. — Он сунул пакет под мышку. — Иглограната — это несчастье. А то, что сейчас произошло, — лишь забавное недоразумение. — Но тут улыбка пропала, лицо напряглось, а дыхание стало прерывистым. Он быстро заговорил: — Должен предупредить вас, что у меня в последнее время иногда бывают припадки. Я отключаюсь и бьюсь в конвульсиях. Припадок длится примерно пять минут, затем все проходит, я прихожу в себя и никаких проблем. Если такое произойдет, не пугайтесь.

— У вас сейчас будет припадок? — запаниковала она.

— Я себя чувствую несколько странно, — признался он. Неподалеку на дорожке стояла лавочка.

— Вот, присядьте. — Она подвела его к скамейке.

Форкосиган рухнул на лавку и уронил голову на руки. Его начало трясти от холода в мокрой одежде, как и ее, но бьющая его дрожь была настолько сильной, что сотрясала все его маленькое тело. Уж не начинается ли припадок? Кэт с ужасом уставилась на него.

Через пару минут его дыхание восстановилось. Он крепко потер лицо и поднял глаза. Он был очень бледен, до зелени. Его улыбка была настолько натянутой, что Кэт предпочла бы видеть его хмурым.

— Прошу прощения. Со мной такого не случилось довольно давно. Во всяком случае, когда я бодрствую. Извините.

— Это припадок?

— Нет-нет! Ложная тревога. Запоздалая реакция на давний бой. Я вдруг пережил его снова. Извините... Обычно я... Я никогда... Обычно со мной такого не бывает, правда. — Он говорил прерывисто и неуверенно, в совершенно непривычной для него манере, и ему не удалось успокоить Катриону.

— Мне сходить за помощью? — Кэт не сомневалась, что его нужно отвести куда-нибудь, где он сможет согреться, причем чем скорее, тем лучше.

— Ха! Нет. Слишком поздно, и намного. Нет, правда, со мной все будет в порядке через пару минут. — Он искоса глянул на Кэт. — Просто сделанное мной благодаря вам открытие меня сильно поразило.

Катриона судорожно сжала руки.

— Либо прекратите нести чушь, либо замолчите вовсе! — резко заявила она.

Он решительно поднял голову, и его улыбка стала чуть более живой.

— Да, вы заслуживаете объяснения. Если хотите. Но должен предупредить, рассказ будет несколько страшноватый.

Катриона к этому времени уже настолько устала, что с удовольствием вырвала бы объяснения из его глотки. Выход обуревавшим ее чувствам она нашла в издевательской светскости, которая помогла им с таким достоинством вылезти из пруда.

— Будьте так любезны, милорд!

— А, ну вот... Дело было на Дагуле. Не знаю, слышали ли вы...

— Кое-что.

— Это была эвакуация под огнем. Такая каша! Перегруженные катера взлетали один за другим. Подробности сейчас не важны, кроме одной. Там была одна женщина, сержант Беатрис. Гораздо выше ростом, чем вы. На нашем катере возникли проблемы с трапом. Его заклинило. И мы не могли выйти из атмосферы, пока не избавимся от него. К этому моменту мы уже взлетели не знаю на какую высоту. Но уже вошли в облака. Нам удалось сбросить трап, но она полетела вниз следом за ним. Я кинулся к ней, чтобы удержать, даже коснулся ее руки, но промахнулся.

— Она... погибла?

— О да. — Он как-то странно улыбнулся. — К этому времени мы уже поднялись на большую высоту. Но, видите ли... Есть кое-что, чего я не понимал все эти годы, до нашего с вами падения в пруд. Шесть лет я прокручивал в голове те события. Нет, не постоянно, поймите, а лишь тогда, когда по какой-то причине вспоминал. Если бы я был тогда чуть проворней, держал крепче, не выпустил бы ее, то смог бы втащить ее обратно. Я не переставал себя корить. И все эти годы я так и не представлял себе, что бы действительно произошло, держи я ее крепче. Она весила почти вдвое больше, чем я.

— Она потянула бы вас за собой, — тут же ответила Кэт.

Несмотря на простоту его слов, она немедленно и очень ярко представила себе, как бы все происходило. Катриона потеряла красные пятна на запястьях. *Потому что ты ни за что ее бы не выпустил.*

Тут Форкосиган впервые увидел следы на ее руках.

— Ой, прошу прощения!

— Все в порядке. — Она, сама того не заметив, перестала массировать запястья.

Тогда он взял ее руки и нежно потер синяки, будто хотел их стереть.

— Кажется, я как-то неправильно оцениваю свое тело, — сказал он.

— Вы мысленно считаете, что вы шести футов ростом?

— Судя по всему, мое подсознание именно так и полагает.

— Осознание истины... улучшило дело?

— Нет, не думаю. Просто все стало восприниматься... по-другому. Непривычно.

Руки у них обоих были ледяными. Кэт встала, сделав вид, что не заметила его попытки ее удержать.

— Нам нужно обсохнуть и согреться, не то мы оба... окажемся в том еще состоянии.

Поймаешь смерть, как говорила обычно в таких случаях ее двоюродная бабушка. Довольно неудачная сейчас цитата. Она выбросила оставшуюся туфлю в ближайшую урну.

По дороге к стоянке Катриона осмелилась заскочить в ближайший магазинчик и купила пачку цветных полотенец. Когда они сели в машину, Кэт включила обогрев на максимальную мощность.

— Вот, — протянула она полотенца лорду Форкосигану, едва машина тронулась. — Снимите хотя бы мокрый китель и обсушитесь немного.

— Логично. — Китель, шелковая рубашка и термическая футболка шлепнулись на пол, и он начал энергично растирать голову и торс. Его кожа приобрела красноватый оттенок и покрылась пятнами. Розовые и белесые шрамы отчетливо выделялись на более темном фоне. Шрамы, шрамы, шрамы, множество шрамов. Большей частью тонкие хирургические швы, налагающиеся друг на друга, ставшие с годами бледнее и тоньше. Шрамы на плечах, предплечьях и пальцах, на шее и уходящие под волосы, опоясывающие грудную клетку и идущие вдоль позвоночника. А на груди — более свежие, розовые, кривые и уродливые, похожие на переплетенные щупальца.

Катриона смотрела с немым изумлением. Он перехватил ее взгляд.

— Насчет иглогранаты вы ведь не шутили, да? — косвенно извинилась она за любопытство.

Форкосиган коснулся ладонью груди.

— Нет. Но по большей части это все старые хирургические швы, которые я приобрел благодаря пораженным солтоксином хрупким костям. Постепенно мне почти все кости заменили искусственными. По частям, так сказать, но я полагаю, что с медицинской точки зрения было бы не очень практично просто вытряхнуть из меня старый скелет, стряхнуть меня с него, как мешок, и натянуть на новый костяк.

— О Боже!

— Достаточно иронично, но все это шоу отражает успешную починку. Рану, вышибившую меня со службы в СБ, увидеть нельзя. — Он коснулся лба и завернулся в пару полотенец, как в тогу. Полотенца оказались с огромными желтыми маргаритками. Он уже не так дрожал, и кожа постепенно приобретала нормальный цвет. — Я не хотел вас тогда напугать.

Катриона немного поразмышляла, затем сказала:

— Вам следовало бы сказать мне об этом раньше.

Ну да. Что, если бы с ним внезапно приключился припадок сегодня утром? Что бы она тогда стала делать? Она хмуро посмотрела на него.

Форгосиган неловко заерзал.

— Вы совершенно правы. Хм. Совершенно правы. Нечестно утаивать некоторые секреты от... членов своей команды. — Он отвел взгляд, потом снова посмотрел на нее и напряженно улыбнулся. — Тогда, утром, я начал вам рассказывать, но в последний момент струсил. Когда я работал на вашем комме вчера утром, я случайно наткнулся на ваш файл о дистрофии Форзонна.

У Катрионы перехватило дыхание.

— Разве я... Как вы могли случайно... — Может, она каким-то образом оставила файл незакрытым? Быть не может!

— Я могу вам показать как, — предложил он. — Начальная подготовка сотрудников СБ действительно начальная. Думаю, что смогу вас обучить этому фокусу минут за десять.

Слова вылетели прежде, чем она успела подумать.

— Вы специально его открыли!

— Ну да. — Улыбка его стала виноватой. — Меня одолело любопытство. Я как раз решил передохнуть от просмотра результатов аутопсии. Кстати, ваши... хм... сады просто великолепны.

Она пораженно глядела на него. В груди клокотал ураган страстей — унижение, ярость, страх... и облегчение? *Ты не имел права!*

— Да, я не имел права, — согласился он, что-то прочитав в ее взгляде. Кэт попыталась обуздать себя и надеть беспристрастную маску. — И приношу свои извинения. В свое оправдание могу лишь сказать, что на службе в Имперской безопасности приобретаешь ряд скверных привычек. — Он глубоко вздохнул. — Что я могу для вас сделать, госпожа Форсуассон? Все, что вам понадобится... Я к вашим услугам.

Маленький человечек отвесил ей полупоклон — совершенно неуместный архаичный жест. Завернутый в полотенца, он походил на старого мудрого графа Периода Изоляции в официальной мантии.

— Вы ничего не можете для меня сделать, — холодно ответила Катриона. Осознав, что сидит скрючившись, крепко сжав руки, она с усилием выпрямилась. О Господи, какотреагирует Тьен на то, что она выдала, хоть и произвольно, его смертельную — ну, во всяком случае, он ведет себя так, будто она смертельная, — тайну? Те-

перь, когда практически впервые за все время он почти преодолел себя и наконец предпринял активные шаги для лечения?

— Прошу прощения, госпожа Форсуассон, но, боюсь, я по-прежнему не очень четко понимаю ситуацию. Совершенно очевидно, что вы держите это в строжайшей тайне, если даже ваш дядя не знает, и я готов поспорить, что он не...

— Не говорите ему!

— Конечно, без вашего позволения я этого не сделаю, госпожа Форсуассон, заверяю вас. Но... если вы больны или ожидаете, что заболете, то для вас очень многое можно сделать. — Он поколебался. — Содержание файла показало, что вы уже об этом знаете. Кто-нибудь вам помогает?

Помощь. При одной только мысли об этом ей показалось, что она тает, но Кэт стойко оттринула соблазн.

— Я не больна. И нам не требуется никакая помощь. — Гордо вскинув голову, Кэт добавила ледяным тоном: — Очень нехорошо с вашей стороны читать мои личные файлы, лорд Форкосиган.

— Да, — просто ответил он. — Но в данном случае я не сожалею, поскольку могу предложить вам любую помощь, которую только способен оказать.

А какую помощь и в каких размерах может оказать Имперский Аудитор Форкосиган... Лучше об этом не думать. Слишком больно. Кэт запоздало сообразила, что, объявив себя здоровой, фактически сказала, что болен Тьен. Разброду в ее мыслях положило конец торможение машины. Они приехали.

— Все это вас совершенно не касается.

— Тогда умоляю вас, подумайте о том, чтобы обратиться к вашему дяде. Я абсолютно уверен, он сделает все возможное.

Покачив головой, она резко нажала на клавишу, открывая колпак кабины.

Домой они возвращались в напряженном молчании, резко контрастирующим, как остро ощутила Кэт, с их прежней легкостью в общении. Форкосиган тоже не казался счастливым.

Дядя Фортиц встретил их в дверях квартиры, все еще в рубашке с закатанными рукавами и дискетой в руке.

— А! Форкосиган! Вернулся раньше, чем я думал. Отлично! Я собирался уже связаться с тобой по комму. — Он на секунду замолчал, оглядев их странные мокрые одеяния, затем пожал плечами и продолжил: — Нас навестил второй курьер. И принес кое-что для тебя.

— Второй курьер? Должно быть, что-то горяченькое. Прорыв? — Форкосиган вытащил руку из-под наброшенного на плечи полотенца и взял дискету.

— Пока не уверен. Они нашли еще одно тело.

— Но число погибших было известно точно, и все тела уже найдены. Наверняка речь идет о какой-то части тела. Руке пилота, возможно?

Дядя Фортиц покачал головой:

— Тело. Практически целое. Мужчина. Они сейчас проводят идентификацию. А число погибших действительно было точно известно. — Фортиц скривился. — Теперь, похоже, мы имеем запасного.

ГЛАВА 6

Майлз долго отмокал под горячим душем, пытаясь привести себя в порядок. Тогда, во время их прогулки, он довольно быстро сообразил, что все вопросы госпожи

Форсуассон о его матери скрывали ее глубокую озабоченность по поводу собственного сына, поэтому Майлз отвечал ей настолько искренне, насколько мог. И был вознагражден, видя, как она постепенно оттаивает и приоткрывается. Когда она смеялась, ее голубые глаза сияли и лицо светилось. Она постепенно расслабилась. Ее чувство юмора, медленно вылезающее из укрытия, пережило даже их дурацкое падение в пруд.

Мгновенный ошарашенный взгляд Кэт, когда он разделся по пояс в машине, чуть было не вернул Майлза в то время, когда он так переживал из-за своего искореженного тела, но все обошлось. Похоже, он наконец достаточно повзрослел, чтобы принимать себя таким, какой он есть, и именно это придало ему мужества объясниться с ней. Поэтому, когда после его признания в проявленном любопытстве ее лицо мгновенно помрачнело... Майлзу стало больно.

Он ведь справился с паршивой ситуацией настолько хорошо, насколько это вообще возможно, так? Да? Или нет? Как он жалел, что не удержал рот на замке! Нет. Лгать госпоже Форсуассон было невыносимо. *Невыносимо? Не слишком ли сильно сказано? Неловко, быстро поправил себя Майлз. Короче, паршиво.*

Но раскаяние заслуживает прощения. Если бы чертова машина снова где-нибудь зависла, если бы у него было еще хотя бы минут десять, он смог бы довести дело до конца. И не стоило ему отпускать эту дурацкую шуточку насчет того, что он ей покажет, как...

Ее ледяное «Нам не требуется никакая помощь» вызвало у него такое ощущение... будто он не удержал хватку. Его бы пронесло дальше, а она бы упала вниз и исчезла в тумане, и он бы ее больше не увидел.

Ты слишком все драматизируешь, мальчик. Госпожа Форсуассон ведь не на поле боя, кажется.

Нет, как раз именно там. И с изящной медлительностью скользит к смерти.

Майлзу отчаянно хотелось выпить. Желательно рюмок несколько. Но вместо этого он вытерся, надел чистый костюм и пошел к профессору.

Облокотившись на комм-пульт в гостиной — по совместительству домашнем кабинете Тьена Форсуассона, — Майлз изучал на головице изуродованное лицо мертвеца. Он надеялся обнаружить в застывших чертах удивление, ярость или страх, которые могли бы подсказать, как и отчего погиб этот малый. Но перед ним находилось самое обычное мертвое лицо. Ничего примечательного.

— А они уверены, что он действительно наш? — спросил Майлз, подтаскивая стул и усаживаясь. Изображение сопровождалось голосом медика, дававшего обычным ровным тоном свои комментарии. — Полагаю, он не дрейфовал откуда-то еще?

— Увы, нет, — вздохнул Фортиц. — Судя по скорости и траектории в момент столкновения, он находился непосредственно в точке катастрофы, предварительные данные о времени наступления смерти свидетельствуют о том же.

Майлзу давно хотелось, чтобы в расследовании появились какие-то новые данные, позволившие продвинуться в более плодотворном направлении. Однако он даже не предполагал, что его желания обладают волшебным свойством сбываться. *Будь осторожен в своих желаниях...*

— Они могут сказать, откуда он: с корабля или со станции?

— На основании одной лишь траектории — нет.

— М-м, пожалуй... Вообще-то его не должно было быть ни там, ни там. Что ж, подождем результатов идентификации. Надеюсь, новости об этой находке еще не поступили в СМИ?

— Нет. Даже ни намека, что удивительно.

— Если доказательства того, что он там находился, не будут железными, то вряд ли мы сможем удовлетвориться приблизительными данными. — За последние две недели Майлз, видит Бог, изучил столько данных, что сыт ими как минимум на год.

— Тела — это по твоей части, — добродушно отмахнулся профессор. Предварительный просмотр видеозаписи закончился, но ни один из лордов Аудиторов не потянулся, чтобы запустить ее заново.

Что ж, откровенно говоря, политические последствия шли по ведомству Майлза. Похоже, ему действительно вскоре придется побывать в Солстисе, хотя в столице у Имперского Аудитора больше шансов «ходить на поводке». Именно поэтому Майлз сначала и отправился в провинцию, откуда проще смотреть на вещи без столичного официоза.

— Инженерное оборудование — на мне, — добавил Фортиц. — Они отловили некоторые части контрольных систем корабля, которые я ждал. Думаю, мне придется вскоре возвращаться на орбиту.

— Сегодня вечером? — Под этим предлогом Майлз смог бы перебраться в какую-нибудь гостиницу. К своему великому облегчению.

— Если я отправлюсь сейчас, то буду там к ночи. Так что подожду до утра. А еще они обнаружили какие-то странные штуковины. Не входящие в инвентарный список.

— Странные штуковины? Старые или новые?

На станции валялись тонны неучтенного сломанного оборудования, вековые скопления устаревшей и неисправной техники, которые дешевле было оставить валяться, чем выбрасывать. Если аварийщикам сейчас придется заниматься рассортировкой этого добра, это должно означать, что первоочередные задачи уже практически выполнены.

— Новые. Вот что и странно. И их траектория совместима с траекторией этого трупa.

— Мне ни разу не попадался корабль, на котором в каком-нибудь углу не имелись запрещенный дистиллятор или контрабандное оборудование.

— Как и станции. Но наши комаррские ребята достаточно сообразительны, чтобы узнать дистиллятор.

— Возможно... Я поеду завтра с вами, — задумчиво проговорил Майлз.

— Хорошо бы...

Собрав в кулак остатки воли, Майлз отправился на поиски госпожи Форсуассон. У него был последний шанс поговорить с ней наедине. Но, к разочарованию Майлза, в пустых комнатах раздавался лишь звук его шагов, и никто не откликнулся на зов. Она ушла, может быть, за Никки или еще куда. *Опять мимо! Черт!*

Майлз зашел в ее кабинет, чтобы еще раз просмотреть последнюю запись, а потом полученные вчера отчеты по терраформированию. Он машинально включил комм, совершенно иррационально ожидая, что Кэт может в любой момент заглянуть сюда и посмотреть, чем он занят. Хотя нет, скорее она будет его всячески избегать. Огорченно вздохнув, Майлз запустил головид.

Он обнаружил, что к словам профессора можно мало что добавить. Таинственная восьмая жертва оказалась мужчиной средних лет, среднего роста и плотного для комаррца телосложения. Если это, конечно, комаррец. Невозможно определить, был ли он при жизни красавцем или уродом. Вся одежда в момент катастрофы либо сгорела, либо изорвалась, и самое печальное, что исчезли карманы, а вместе с ними — кредитки и всякие документы, что могло бы помочь установить личность погибшего. Оставшиеся на теле обрывки походили на клочки обычного

для космоса комбинезона, на который легко за считанные секунды натянуть скафандр.

И все-таки — кто же это такой? Майлз прокрутил в голове десяток возможных вариантов. Ему до смерти хотелось галопом помчаться на орбитальную станцию, куда доставили труп, но, если он прибудет наверх и начнет дышать в затылок экспертам, это будет только отвлекать их и еще сильнее замедлит дело. Если вы сами выделили для работы лучших людей, вы просто обязаны доверять и им, и своему выбору.

Но вот что он реально может сделать в этом направлении, так это побеспокоить другого высокопоставленного контролера. Майлз набрал личный номер шефа Имперской безопасности на Комарре, который тот, как и положено, дал ему, едва лорд Имперский Аудитор прилетел в пространство Комарры.

Генерал Ратьенц появился на экране сразу. Средних лет, подтянутый и очень занятой. Как и положено человеку его ранга и должности. Но вот что интересно: генерал предпочитал комаррский стиль одежды имперской зеленой форме. Из чего следовал вывод, что он либо хороший политик, либо любит комфорт. Майлз посчитал, что скорее первое. Ратьенц был главой СБ на Комарре и подчинялся напрямую Дуву Галени в штаб-квартире Имперской службы безопасности в Форбарр-Султане.

— Слушаю вас, милорд Аудитор. Чем могу быть полезен?

— Насколько мне известно, сегодня утром обнаружили еще одно тело, и оно, судя по всему, как-то связано с аварией на отражателе. Вы слышали об этом?

— Только что узнал. И еще не успел просмотреть предварительный доклад.

— А я просмотрел. Не слишком-то он информативен. Скажите, каковы стандартные процедуры по уста-

новлению личности? Как скоро вы ждете конкретных результатов?

— Выяснение личности жертвы несчастного случая, в космосе или на планете, обычно производится местными службами. Но, поскольку обнаруженный труп связан с делом о возможной диверсии, мы ведем собственное расследование параллельно с комаррскими властями.

— Вы с ними сотрудничаете?

— Да, конечно. Точнее, они сотрудничают с нами.

— Понятно, — невозмутимо кивнул Майлз. — И сколько времени, по-вашему, уйдет на идентификацию?

— Если это комаррец или инопланетник, прошедший через контроль на одной из скачковых станций, то результат будет в считанные часы. Если же барраярец, то это займет чуть дольше. Если он каким-то образом миновал регистрацию... Ну, тогда это уже другая проблема.

— Как я понимаю, по спискам пропавших он не проходит?

— Это бы значительно ускорило дело. Нет, не проходит.

— Значит, он пропал почти три недели назад, но его никто не разыскивает? Хм-м.

Генерал Ратьенц посмотрел на свой внутренний комм.

— Вы знаете, что звоните с открытого комм, лорд Форкосиган?

— Да. — Именно поэтому дискеты из местной СБ им доставляли с курьером. Аудиторы не рассчитывали задерживаться здесь надолго, поэтому не имело смысла устанавливать специальный закрытый комм. А стоило бы. — Я сейчас просто собираю первичные сведения. А когда устанавливают личность, то как об этом сообщают родственникам?

— Обычно местная служба безопасности посылает своего офицера. В случае, если дело касается Имперской

безопасности, мы направляем и нашего агента, чтобы проинформировать начальную оценку и просчитать дальнейший ход следствия.

— Хм. В данном случае сначала поставьте в известность меня. Возможно, я тоже поеду и понаблюдаю.

— Но это может случиться в самое неурочное время.

— Не важно. — Майлзу хотелось занять мысли чем-то более живым, чем чьи-то отчеты. Его обуревала жажда деятельности. И еще ему безумно хотелось выбраться из этой квартиры. Он думал, что ему было неудобно здесь в первую ночь потому, что Форсуассоны — незнакомые ему люди, но это ничто по сравнению с тем, насколько неловко он чувствовал себя сейчас, познакомившись с ними поближе.

— Хорошо, милорд.

— Благодарю, генерал. Пока на этом все. — Майлз выключил комм.

Вздохнув, он вернулся к материалам по Проекту Терраформирования, начав с отчета отдела использования избыточного тепла об энергетическом обеспечении купола. Но в его воображении на него по-прежнему смотрела пара гневных голубых глаз.

Дверь в комнату он оставил открытой на случай — или в надежде? — что госпожа Форсуассон пройдет мимо и пожелает вернуться к разговору.

Бесполезность своего ожидания сидящий спиной к дверям Майлз осознал одновременно с ощущением, что он больше не один. Услышав шорох в дверях, он нацепил на себя самую доброжелательную улыбку и развернул стул.

В дверях, опершись на косяк, стоял Никки, что-то неуверенно прикидывая в уме. Он застенчиво улыбнулся.

— Привет, — несмело проговорил мальчик.

— Привет, Никки. Уже пришел из школы?

- Ага.
- Тебе там нравится?
- Не-а!
- Вот как? А как было сегодня?
- Тощища!
- Что же ты такое скучное изучаешь?
- Ничего.

Эти односложные ответы должны несказанно радовать родителей, которые явно платят немалые деньги за обучение сына. Улыбка Майлза стала ехидной. Успокоенный промелькнувшей в глазах взрослого усмешкой, мальчик осмелился войти. Он оглядел Майлза с ног до головы более откровенно, чем осмеливался раньше. Майлз мужественно вынес Пристальное Изучение. *Да, ты можешь осваиваться со мной, малыш.*

— Вы правда были шпионом? — внезапно спросил Никки.

Майлз откинулся на стуле, изогнув бровь.

— С чего ты это взял?

— Дедушка Фортиц сказал, что вы работали в Имперской безопасности. Галактические операции, — напомнил Никки.

Ах да, в первый вечер их пребывания здесь, за ужином.

— Я был курьером. Знаешь, что это такое?

— Не-а, не очень. Я думал, что курьер — это скачковый корабль...

— Корабль так называется как раз из-за той работы, которую выполняют курьеры-люди. Курьер — это своего рода громко называемый посыльный. Я возил туда-сюда имперскую почту.

Никки недоверчиво нахмурился:

— Это опасно?

— Ну, считается, что нет. Обычно я долетал до нужного места и немедленно возвращался обратно. А в дороге мно-

го читал. Составлял доклады. Ну и учился. У СБ есть специальные обучающие программы, которые ты предположительно должен выполнять в свободное время и за которые по возвращении из рейса должен отчитаться.

— О! — Никки казался несколько озадаченным тем, что, оказывается, и взрослым приходится делать домашнее задание. Он с большим сочувствием поглядел на Майлза, затем глаза его блеснули.

— Но вы ведь летали на скачковых кораблях, да? Имперских скоростных курьерах?

— Да.

— Мы летели сюда на скачковом корабле. Это был Форсмит-Дельфин-776 с двойным пространственным двигателем, четырьмя двигателями Неклина, катерами и командой из двенадцати человек. Он вез сто двадцать пассажиров. — На лице Никки появилось задумчивое выражение. — Вообще-то по сравнению со скоростным курьером это просто корыто. Но маме удалось уговорить пилота, и он разрешил мне посмотреть его кабину. И позволил посидеть в его кресле, и еще дал померить шлем. — Горевшая в глазах искорка превратилась в пламя при воспоминании о столь достойном событии.

Майлз всегда мог распознать страсть.

— Готов поспорить, ты восторгаешься скачковыми кораблями.

— Я хочу быть скачковым пилотом, когда вырасту. А вы? Или... вам не разрешили бы? — Лицо мальчика стало озабоченным. Уж не предупреждали ли его взрослые, что нельзя упоминать необычный облик Майлза? *Да, давайте дружно делать вид, что не замечаем очевидное. Это должно облегчить ребенку освоение мира.*

— Нет, я хотел быть стратегом. Как мой па и дедушка. И в любом случае на скачкового пилота я не прошел бы медкомиссию.

— Мой па был солдатом. По-моему, это довольно скучно. Он почти все время просидел на одной базе. Я хочу быть имперским пилотом, водить самые быстрые корабли и повидать разные места.

Подальше отсюда. Да. Такое желание Майлз как раз понимал очень хорошо. И тут до него дошло, что даже если сейчас ничего никому не известно, армейская медицинская комиссия все равно выявит у Никки дистрофию Форзонна. И даже если ее успешно вылечить, все равно этот врожденный дефект закрывает перед Никки все пути стать военным пилотом.

— Имперским пилотом? — удивленно поднял брови Майлз. — Ну, я думаю... Знаешь, если ты действительно хочешь увидеть разные миры, то военная карьера не лучший вариант.

— А почему?

— Если не считать редких курьерских или дипломатических миссий, военные скачковые пилоты в основном летают с Барраяра на Комарру, Зергияр и обратно. Старым добрым маршрутом, из года в год. И ты все время ждешь, когда наступит твой черед по списку, как рассказывали мне знакомые пилоты. Так что если ты действительно хочешь повидать миры, то полеты с комаррским торговым флотом откроют перед тобой гораздо больше возможностей — весь путь до Земли и дальше. Их маршруты куда как длиннее, и остановок в пути больше. И еще можно выбрать самому класс корабля. Пилоты проводят гораздо больше времени в рейсах. А когда прилетают в разные интересные места, они могут спокойно изучать окрестности.

— О! — Никки некоторое время переваривал информацию. — Подождите! — вдруг воскликнул он и куда-то умчался.

Буквально через пару минут мальчик вернулся, таща коробку, битком набитую игрушечными моделями скачковых кораблей.

— Вот это Дельфин-776, на котором мы летели, — протянул он Майлзу игрушку. Затем порывлся и достал другой кораблик. — Вы летали на курьерах, как вот этот?

— Сокол-9? Да, пару раз. — Одна из моделей привлекла внимание Майлза. Он опустился на пол рядом с Никки, расставившим свою коллекцию. — Бог мой, это ведь грузовик РГ?

— Это древность. — Никки протянул Майлзу кораблик. Майлз взял игрушку. Глаза его горели.

— Когда мне было семнадцать, мне принадлежал один такой, из самых последних. Вот это точно было корыто!

— Такая игрушечная модель, как эта? — неуверенно спросил Никки.

— Нет, у меня был настоящий нуль-звездолет.

— У вас был настоящий скачковый корабль?! Ваш лично?! — захлебнулся мальчик.

— Ну... На самом деле я владел им совместно с кучкой кредиторов. — Майлз улыбнулся воспоминаниям.

— А вы его пилотировали? Ну, то есть в обычном пространстве, не пятимерном?

— Нет, тогда я не умел пилотировать даже катера. Этому я научился позже, уже в академии.

— А что случилось с РГ? Он еще у вас?

— Да нет. Хотя... я не уверен. Он угодил в аварию у Тау Верде, протаранив... э-э-э... столкнувшись с другим кораблем. Разнес вдребезги свои двигатели Неклина. После этого совершать скачки он больше уже не мог, так что я сдал его в аренду местному торговцу, и мы бросили его там. Я сказал Арду — это мой друг, скачковый пилот, — что если он сможет заменить двигатели, то пусть забирает старый РГ себе.

— У вас был скачковый корабль и вы отдали его?! — Глаза Никки округлились. — А еще у вас есть?

— В данный момент нет. Ой, смотри, крейсер класса «Генерал»! — Майлз взял модель. — Когда-то таким коман-

давал мой отец, если не ошибаюсь. А у тебя нет кораблей бетанского Астроэкспедиционного корпуса?

Сидя голова к голове, они расставили миниатюрный флот на полу. Никки, как с удовольствием отметил Майлз, неплохо знал технические характеристики каждого звездолета. Мальчик буквально расцвел на глазах, и его голосок, сначала неуверенный, стал громче и оживленнее, когда он с энтузиазмом описывал свою технику. Акции Майлза заметно возросли, когда он сообщил мальчугану, что лично знаком с доброй дюжиной оригиналов из представленных моделей, а заодно рассказал несколько специфических анекдотов на тему скачковых кораблей, пополнив и без того довольно богатую коллекцию Никки.

— Но как можно стать пилотом, если не пойти в армию? — через некоторое время поинтересовался Никки.

— Сначала поступаешь в училище, затем летаешь учеником. Мне известно как минимум четыре таких училища здесь, на Комарре, и еще парочка дома, на Барраyre. На Зергияре пока таких нет.

— А как туда поступить?

— Подать заявление и заплатить деньги.

Мальчик сник.

— Много денег?

— М-м, не больше, чем в любую другую школу или торговое училище. Дороже всего хирургическое имплантирование чипа. К тому же если уж ставить, то наилучший, а это дорогое удовольствие. Но можно кое-что предпринять, чтобы увеличить шансы, — ободряюще добавил Майлз. — Существуют контракты на оплату обучения и договоры между учеником и хозяином, которые облегчают поступление, если их заключить. Но в любом случае для этого тебе должно быть не меньше двадцати лет, так что у тебя еще впереди много времени на размышление.

— Ой! — Для Никки такой срок, вдвое больше, чем он прожил, должно быть, казался просто невыносимым. Майлз посочувствовал мальчику. А если бы в детстве ему сказали, что придется ждать тридцать лет, чтобы получить то, что ему хочется больше всего? Он попытался сообразить, чего бы ему хотелось больше всего и что он мог бы получить. Но как-то ничего не выплывало.

Никки принялся складывать модели в коробку. Положив на место Сокол-9, он погладил на нем знаки Имперских военных сил.

— А у вас все еще есть серебряные глаза Имперской службы безопасности? — спросил он.

— Нет, мне пришлось их отдать, когда меня вы... когда я ушел в отставку.

— А почему вы ушли?

— Я не хотел. Но у меня возникли проблемы со здоровьем.

— И тогда вас вместо этого сделали Имперским Аудитором?

— Ну, примерно так.

Никки ненадолго задумался, соображая, как бы продолжить вежливый взрослый разговор.

— И вам это нравится?

— Ну, пока еще рано что-либо говорить. Но, похоже, на этом посту придется делать много домашней работы. — Майлз виновато посмотрел на стопку дискет с отчетами, поджидавших его у комм-пульта.

Никки с сочувствием поглядел на него:

— Ой, это плохо!

Голос Тьена Форсуассона заставил обоих вздрогнуть.

— Никки, ты что здесь делаешь? Встань с пола!

Никки быстро вскочил, а Майлз остался сидеть потурецки, внезапно осознав, что его совсем недавно продрогшее тело снова задеревенело.

— Ты что тут надоедаешь лорду Аудитору? Мои извинения, лорд Форкосиган! Дети не умеют себя вести!

— Да нет, он вел себя прекрасно. Мы очень интересно побеседовали о скачковых кораблях.

Майлз прикинул, как бы ему достаточно грациозно встать перед соотечественником-барраярцем без какого-нибудь несвоевременного спазма или колики, которые могли бы создать ложное впечатление инвалидности. Готовясь встать, он потянулся.

Форсуассон изобразил кислую улыбку.

— Ах да, самое последнее увлечение. Не наступите босой ногой на одну из этих чертовых шуток, иначе покале... будет очень больно. Что ж, полагаю, все мальчишки проходят эту стадию. Мы это перерастем. Собери все, Никки.

Майлз из своего сидячего положения видел, как опущенные глаза Никки на мгновение протестующе сощурились. Мальчик нагнулся, чтобы подобрать остатки своего миниатюрного флота.

— Некоторые, вырастая, наоборот, воплощают свои мечты в жизнь, а не перерастают их, — пробормотал Майлз.

— Это зависит от того, насколько реальны мечты, — возразил Форсуассон, скривившись в мрачной усмешке. Ах да! Форсуассон наверняка прекрасно осведомлен о тайном препятствии медицинского порядка, стоящем между Никки и его мечтой.

— Вовсе нет. — На губах Майлза промелькнула улыбка. — Это зависит от того, насколько упорным ты вырастешь.

Было трудно сказать, понял ли Никки эту фразу, но он ее услышал. Направляясь к двери со своей коробкой под мышкой, мальчик сверкнул глазами на Майлза.

Форсуассон подозрительно нахмурился, но сказал лишь:

— Кэт послала меня сообщить всем, что ужин готов. Никки, иди мыть руки и позови дедушку Фортица.

Последний ужин Майлза с семейством Форсуассонов оказался довольно напряженным. Госпожа Форсуассон весь вечер занималась тем, что подавала отличную, надо отметить, еду. Ее поведение явно говорило: «Оставь меня в покое». Так что поддерживать беседу было предоставлено профессору, чьи мысли, совершенно очевидно, витали где-то в другом месте, и Тьену, который, не зная толком, о чем еще говорить, жестко, но без глубоких познаний рассуждал о комаррских политиках, весьма авторитетно разъясняя ход мысли людей, с которыми, насколько понял Майлз, лично никогда не встречался. Никки, опасаясь отцовского гнева, не осмеливался в его присутствии снова заговорить о нуль-звездолетах.

А Майлз размышлял, как это его угораздило в первый вечер принять молчаливость госпожи Форсуассон за безмятежность, а напряженное состояние Этьена Форсуассона — за кипучую энергию. До тех пор, пока Катриона ненадолго не оживилась сегодня днем, он и не предполагал, насколько ее суть скрыта от глаз. Точнее, насколько она замкнута в присутствии мужа.

Теперь, когда он уже знал, что искать, он видел под свойственной всем обитателям купола бледностью Тьена серый оттенок и замечал мелкое подрагивание мышц, выдаваемое за неловкое обращение крупного мужчины с мелкими предметами. Сначала Майлз боялся, что носитель болезни — Кэт, и был готов едва ли не вызвать Тьена на дуэль за пренебрежение женой и за то, что тот не предпринял кардинальных и решительных мер. Будь госпожа Форсуассон его, Майлза, женой... Но, судя по всему, Тьен сам откладывал решение проблемы, играя со своим заболеванием. Майлз, как никто другой, знал, насколько коренные

барраярцы боятся генетических нарушений. «Смертельно неудобно» — не просто идиоматический оборот. Он и сам не особенно широко рекламировал свои припадки, хотя в глубине души и испытывал облегчение, что поделился секретом с Кэт. Хотя теперь, когда он уезжает, это, конечно, не имеет большого значения. Нежелание принимать меры — полное право Тьена, это его выбор, каким бы глупым он ни был. Может, этот малый надеется, что его прихлопнет метеоритом прежде, чем болезнь разовьется дальше. Майлз, с его собственными, загнанными глубоко внутрь суицидальными наклонностями вполне понимал такой подход. Да, но ведь тем самым Этьен сделал выбор и за Николаса!

В середине ужина — как раз подали рыбное филе с картофелем в чесночном соусе — раздался звонок в дверь. Госпожа Форсуассон поспешила открыть. Полагая, что с точки зрения безопасности не следует отпускать ее одну, Майлз направился следом. Николас — возможно, в предвкушении чего-то необычного, — попытался пройти с ними и был усажен отцом доедать ужин. Госпожа Форсуассон оглянулась на Майлза, но промолчала.

Она посмотрела на установленный у двери монитор.

— Очередной курьер. О, на этот раз — капитан! Обычно к вам приходит сержант. — Госпожа Форсуассон открыла дверь, за которой стоял молодой барраярец в зеленой форме с Глазами Гора на воротнике. — Проходите.

— Госпожа Форсуассон, — кивком приветствовал ее офицер и, войдя, перевел взгляд на Майлза. — Лорд Аудитор Форкосиган, я капитан Тумонен, начальник отделения Имперской службы безопасности Серифозы. — Темноволосому и кареглазому, как большинство барраярцев, Тумонену было около тридцати. Чуть более вылощенный и подтянутый, чем обычный кабинетный служака, хотя и бледнокожий, как все жители купола. В одной руке он держал

коробочку с дискетами, в другой — ящик побольше, поэтому, не имея возможности отсालютовать, ограничился доброжелательным кивком.

— Да, генерал Ратьенц говорил о вас. Мы польщены визитом столь высокопоставленного курьера.

— Отделение Имперской безопасности Серифозы небольшое, милорд, — пожал плечами Тумонен. — Генерал Ратьенц отдал приказ, чтобы вас проинформировали как можно быстрее, как только личность найденного будет установлена.

Майлз бросил быстрый взгляд на запечатанную коробочку дискет:

— Отлично. Проходите, садитесь. — Он провел капитана в гостиную Форсуассонов и указал на диванчик. Как и почти вся мебель здесь, диванчик был комаррского производства. Может, госпожа Форсуассон чувствует себя тут скорее как в гостинице? — Госпожа Форсуассон, не будете ли так любезны пригласить вашего дядю присоединиться к нам? Только пусть сначала закончит ужин.

— Я бы так же хотел побеседовать с администратором Форсуассоном, когда он поест, — добавил Тумонен.

Кивнув, Кэт ушла. В ее глазах светилось любопытство, но она по-прежнему старалась быть как можно более незаметной, будто желала стать невидимой для Майлза.

— И что мы имеем? — поинтересовался Майлз, усевшись. — Я говорил Ратьенцу, что хочу присутствовать при первой встрече с родственниками.

Тогда он сможет прямо сейчас собрать вещи и больше не возвращаться.

— Да, милорд. Потому я и здесь. Ваш таинственный мертвец оказался местным, из Серифозы. Этот человек является, точнее, являлся служащим местного департамента Проекта Терраформирования.

Майлз моргнул:

— Это, случаем, не инженер по фамилии Радоваш?
Тумонен изумленно уставился на него:

— Откуда вы знаете?

— Такое предположение просто напрашивается, поскольку Радоваш исчез несколько недель назад. Вот черт! Ведь Форсуассон мог опознать его с первого взгляда! А может, и нет... Он довольно сильно изуродован. Хм. Шеф Радоваша считает, что его подчиненный смылся с одной из лаборанток, Марией Трогир. Ее тела, случаем, там, наверху, не обнаружили?

— Нет, милорд. Но, судя по всему, придется начать поиски.

— Да. Следует провести тщательный поиск и проверку, я полагаю. И не исходите из того, что она мертва. Если она жива, то мы наверняка захотим задать ей ряд вопросов. Вам нужен от меня особый приказ?

— Не обязательно, но готов поспорить, что это значительно ускорит события. — Глаза Тумонена загорелись энтузиазмом.

— Значит, вы его получите.

— Благодарю, милорд. Я подумал, что вам понадобится вот это. — Он протянул Майлзу запечатанную коробку. — Перед уходом из конторы я составил полное досье на Радоваша.

— У Имперской безопасности есть досье на всех граждан Комарры или он какой-то особенный?

— Нет, досье на всех мы не держим. Но у нас есть специальные поисковые программы, которые могут при необходимости выудить самые обширные сведения из сети. В первой части его биография, школьное досье, медицинское, финансовые и проездные документы, все как обычно. Я на них лишь глянул. Но на Радоваша также имеется небольшое досье Имперской безопасности, еще со студенческих времен, когда было Комаррское Восстание. Оно закрыто по амнистии.

— Представляет интерес?

— На основании только его одного я бы не стал делать глубоких выводов. Тогда половина комаррской молодежи принимала участие либо в студенческих митингах протеста, либо в деятельности так называемых революционных групп, моя теща в том числе. — Тумонен напряженно замер, ожидая реакции Майлза.

— А, так, значит, вы женаты на местной?

— Вот уже пять лет.

— А сколько лет вы служите в Серифозе?

— Почти шесть.

— Рад за вас. — *И даже очень! Потому что таким образом для нас высвободилась еще одна барраярская женщина!* — Значит, насколько я понимаю, вы хорошо ладите с местными.

Тумонен расслабился.

— В основном да. Кроме тещи. Но сомневаюсь, что в данном случае дело в политике. — Тумонен подавил усмешку. — Зато наша дочурка вертит ею, как хочет!

— Понятно, — улыбнулся Майлз офицеру. Задумчиво нахмурившись, он перевернул коробку, достал из кармана аудиторскую печать и открыл замок. — Ваш аналитический сектор что-нибудь пометил здесь для меня?

— Аналитический сектор Серифозы — это я, — уныло признался Тумонен. И тут же взгляд его стал более проницательным. — Насколько я понял, вы сами — бывший офицер Имперской безопасности, милорд. Так что я подумал, что лучше вам сначала все прочесть самому, без моих комментариев.

Брови Майлза поползли вверх. Тумонен что, не доверяет своим суждениям? Прибытие двух Имперских Аудиторов на вверенную ему территорию его нервирует? Или он просто пытается ухватиться за возможность для взаимной проверки на вшивость?

— И какое же досье на некоего Майлза Форкосигана вы быстренько прочли, прежде чем сегодня прийти сюда?

— На самом деле я прочел ваше досье еще позавчера, милорд, когда мне сообщили о вашем прибытии в Серифозу.

— И что показал анализ?

— Почти две трети вашего досье — под грифом «совершенно секретно», и для доступа необходимо разрешение из штаб-квартиры Имперской службы безопасности в Форбарт-Султане. Но в открытых материалах содержится довольно внушительный список наград и отличий. Весьма необычно для человека, выполняющего рутинную работу курьера. Приблизительно в пять раз больше, чем у следующего по количеству имеющихся наград имперского курьера за всю историю существования Имперской службы безопасности.

— И какой же вывод, капитан Тумонен?

На губах Тумонена зазмеилась улыбка.

— Вы отродясь не были никаким курьером, капитан Форкосиган!

— А знаете, Тумонен, кажется, мне понравится с вами работать!

— Надеюсь, что так, сэр. — Он оглянулся на вошедших профессора и Тьена Форсуассона.

Фортиц вытер губы салфеткой, рассеянно сунул ее в карман и обменялся рукопожатием с Тумоненом. Затем представил своего зятя. Когда все расселись, Майлз сообщил:

— Тумонен привез сведения об идентификации нашего лишнего покойника.

— Отлично! И кто же этот бедолага? — спросил Фортиц.

Майлз бросил взгляд на Тумонена, не сводившего глаз с Тьена Форсуассона, и изрек:

— Как ни странно, администратор Форсуассон, это один из ваших служащих. Доктор Барто Радоваш.

Тьен, и без того бледный, сделался еще бледнее
— Радоваш?! Какого черта он там забыл, наверху?

Майлз готов был поклясться, что изумление и ужас, отразившиеся на лице Форсуассона, были подлинными и удивление в голосе — ненаигранным.

— Я надеялся, что у вас найдутся какие-нибудь предположения на это счет, сэр, — ответил Тумонен.

— О Боже! Ну... Он был на корабле или на станции?

— Мы этого еще не выяснили.

— Вообще-то я мало что могу вам о нем рассказать. Он работал в отделе Судхи. И Судха никогда мне не жаловался на его работу. Радоваш получал повышения в положенный срок. — Тьен покачал головой. — Но какого черта он делал... — Он озабоченно посмотрел на Тумонена. — Он ведь уже не мой служащий, знаете ли. Уволился несколько недель назад.

— По нашим подсчетам, за пять дней до гибели, — уточнил Тумонен.

Тьен нахмурился:

— Ну... тогда он никак не мог быть на борту рудовоза, верно? Как он мог оказаться на втором кольце астероидов и сесть там на рудовоз, если в это время он еще не покинул Комарру?

— Он мог попасть на рудовоз по дороге, — заметил Тумонен.

— Ну, думаю, такое возможно. Боже! Он ведь женат. Был женат. Его жена еще здесь, в городе?

— Да, — кивнул Тумонен. — У меня в самое ближайшее время назначена встреча с местным офицером безопасности, которому поручено официально уведомить вдову Радоваша о случившемся.

— Она три недели ничего о нем не слышала, — сказал Майлз. — Так что еще час роли не играет. Думаю, перед уходом мне стоит ознакомиться с вашим докладом, капитан.

— Конечно, милорд.

— Присоединитесь, профессор?

Кончилось тем, что они пошли в кабинет Форсуассона всей командой. Лично Майлз считал, что вполне обошелся бы без Форсуассона, но Тумонен не сделал попытки исключить Тьена.

Доклад содержал даже не поверхностный анализ, а скорее просто упорядоченные сведения со сделанными Тумоненом на скорую руку пометками. Полный анализ наверняка вскоре прибудет из штаб-квартиры Имперской безопасности на Комарре. Взяв стулья, они устроились возле монитора. После общего обзора Майлз предоставил профессору отслеживать пути карьеры Радоваша.

— Он потерял два года в середине обучения во время Восстания, — заметил Фортиц. — Тогда университет Солстиса на некоторое время закрыли.

— Но, похоже, он добрал баллы во время двухгодичной стажировки на Эскобаре, — указал Майлз.

— Там с ним могло произойти что угодно, — высказал мнение Тьен.

— Согласно вот этому, не очень многое, — суховато бросил Фортиц. — Работа по контракту на их орбитальных верфях... Он даже не смог подготовить приличный научный отчет... Университет Солстиса не возобновил с ним контракт. Судя по всему, педагогическим даром он не обладал.

— Его отказались взять в Имперский исследовательский институт из-за участия в Восстании, — пояснил Тумонен. — Несмотря на амнистию.

— Амнистия гарантировала лишь, что его не расстреляют, — чуть нетерпеливо бросил Майлз.

— Но ему отказали не на основании недостаточной компетенции, — пробормотал Фортиц. — Так вот, он пошел на работу гораздо ниже уровня полученного им образования, на комаррские орбитальные причалы.

Майлз быстренько произвел проверку.

— Да, но к этому моменту у него уже было трое маленьких детей. Надо было зарабатывать деньги.

— Затем несколько лет он сидел на месте, — продолжил профессор. — Менял место работы лишь раз, из-за существенного повышения в зарплате и должности. Затем его нанимает Судха. Сам недавно назначенный, он берет Радоваша в Проект Терраформирования и постоянно продвигает по службе.

— Но без увеличения жалованья. Профессор, — жалобно протянул Майлз и ткнул пальцем в одну точку последнего периода карьеры Радоваша, — вам не кажется странным перелет вниз, на планету, для человека, специально обученного и имеющего опыт работы со скачковыми технологиями? Он ведь специалист по пятимерной математике.

Тумонен натянуто улыбнулся, из чего Майлз сделал вывод, что в буквальном смысле попал пальцем в ту самую точку, что беспокоила капитана.

— Ну, тут может быть много разных причин, — пожал плечами Фортиц. — Ему могла надоесть прежняя работа. Могли появиться новые интересы. Госпоже Радоваш могла попросту надоесть жизнь на космической станции. Думаю, вам придется спросить ее.

— Но ведь это довольно необычно, — закинул пробный шар Тумонен.

— Может быть, — хмыкнул Фортиц. — А может, и нет.

— Ну что же, — вздохнул Майлз после долгого молчания. — Пора заняться самой трудной частью.

Дом, где жили Радоваша, оказался в другом конце города, но, поскольку в столь позднее время проблем с движением не было, они добрались быстро. Следуя за Тумоненом, Майлз, Фортиц и Тьен — которого, если па-

мать Майлзу не изменяла, никто не приглашал, но который каким-то образом увязался с ними, — вошли в холл, где их довольно нетерпеливо поджидала молодая женщина в форме СБ купола «Серифоза».

— А, значит, местный коп — женского пола, — шепнул Майлз Тумонену. Он оглядел их кавалькаду. — Отлично. Значит, мы будем меньше смахивать на оккупационную армию.

— Я на это и рассчитывал, милорд.

После краткого знакомства они поднялись на лифте в коридор, практически ничем не отличающийся от всех виденных Майлзом в домах Серифозы. Дама-полицейский, представившаяся им как участковый Ригби, позволила в дверь.

После паузы, достаточно продолжительной для того, чтобы Майлз успел усомниться, дома ли хозяйка, дверь открылась. Стоящей в дверях изящной, со вкусом одетой женщине, на барраярский взгляд Майлза, было лет сорок пять, что скорее всего означало, что ей около шестидесяти. На ней были обычные комаррские брюки с блузкой, на которую она натянула толстый свитер. Женщина казалась бледной и слегка замерзшей, но в ней явно не было ничего отталкивающего, от чего мог сбежать муж.

При виде людей в форме глаза ее расширились: появление такой делегации означает плохие новости.

— Ох! — слабо выдохнула она.

Майлз, приготовившийся к истерике, слегка расслабился. Судя по всему, эта дама не относилась к категории истеричек. Ее реакция скорее всего проявится значительно позже, причем в какой-нибудь странной форме, и будет тяжелой.

— Госпожа Радоваш? — спросила Ригби. Женщина кивнула. — Я участковый инспектор Ригби. Мне очень жаль, но я вынуждена сообщить вам, что ваш муж, док-

тор Барто Радоваш, был найден мертвым. Мы можем войти?

Госпожа Радоваш зажала ладонью рот и некоторое время не издавала ни звука.

— Что ж, — произнесла она наконец, глядя в сторону. — Я не так этому рада, как, думала, обрадуюсь. И что же с ним произошло? Эта молодая женщина... С ней все в порядке?

— Мы можем войти и присесть? — повторила Ригби. — Боюсь, нам придется побеспокоить вас несколькими вопросами. Мы же, в свою очередь, попытаемся ответить на ваши.

Госпожа Радоваш с опаской глянула на Тумонена, облаченного в зеленый мундир Имперской безопасности.

— Ладно. Входите.

Шагнув назад, она жестом пригласила всех войти.

В ее гостиной стоял круглый стол. Майлз уселся в углу, позволив Тумонену сесть вместе с Ригби напротив госпожи Радоваш. Ригби представила пришедших. Тьен устроился на стуле — живое воплощение человека не в своей тарелке. Профессор Фортиц легонько покачал головой и остался стоять, взглядом изучая комнату.

— Что случилось с Барто? — глухо произнесла госпожа Радоваш. Она наконец начала осознавать происшедшее.

— Мы точно не знаем, — ответила Ригби. — Его тело обнаружили в космосе, и его гибель, судя по всему, как-то связана с аварией на отражателе, произошедшей три недели назад. Вы знали, что он покинул планету? Он не оставил ничего, что могло бы прояснить ситуацию?

— Я... — Она отвела взгляд. — Он не разговаривал со мной перед отъездом. Думаю, храбрости не хватило. Оставил мне сообщение на комме. И пока я его не обнаружила, то считала, что это обычная командировка.

— Мы можем посмотреть сообщение? — Тумонен впервые за все время открыл рот.

— Я его стерла. Извините, — хмуро глянула она на него.

— А идея этого... отъезда... Как по-вашему, она принадлежала вашему мужу или Марии Трогир? — спросила Ригби.

— Вижу, вам о них все известно. Понятия не имею. Для меня это было полнейшей неожиданностью. Не знаю. — Голос ее зазвенел. — Моего совета никто не спрашивал.

— Он часто ездил в командировки? — задала следующий вопрос Ригби.

— Он довольно часто ездил на полевые испытания. Иногда — на конференции по терраформированию в Солстисе. Туда я обычно ездила вместе с ним. — Ее голос едва не сорвался, но она совладала с собой.

— Что он взял с собой? Что-нибудь необычное? — терпеливо продолжала Ригби.

— Лишь то, что всегда брал в длительную полевую командировку. — Она помолчала и добавила: — Он забрал все свои личные файлы. Именно поэтому я и поняла, что он никогда не вернется.

— У него на работе вы кому-нибудь говорили об этом?

Тьен покачал головой, но госпожа Радоваш сказала:

— Я разговаривала с администратором Судхой. После того как нашла сообщение. Пыталась понять... почему.

— Администратор Судха помог вам? — спросил Тумонен.

— Не очень. — Она опять нахмурилась. — По-моему, он считал, что это его совершенно не касается, поскольку Барто уволился.

— Мне очень жаль, — произнес Форсуассон. — Судха мне об этом не говорил. Я сделаю ему выговор. Я не знал.

А ты и не спрашивал. Но как бы Майлзу ни хотелось, даже он не мог бы винить Тьена в желании держаться подальше от чужих семейных неурядиц.

Хмурый взгляд, которым госпожа Радоваш одарила Тьена, стал совсем пасмурным.

— Насколько мне известно, вы с мужем перебрались жить на планету примерно пять лет назад, — вступил Тумо-нен. — Довольно необычная смена рода деятельности — с проблем пятимерного пространства на простые инженерные задачи. Он интересовался терраформированием?

Какое-то мгновение вдова казалась озадаченной.

— Барто волновало будущее Комарры. Я... Мы устали жить на станциях. И хотели чего-то более стабильного для детей. Доктор Судха набирал себе сотрудников с самым разнообразным опытом и подготовкой. Он посчитал ценным опыт работы Барто на космических станциях. Инженерное дело есть инженерное дело, я полагаю.

Профессор Фортиц все это время потихоньку бродил по комнате, прислушиваясь к разговору и изучая сувениры и портреты детей, запечатленных в разном возрасте и представляющих собой основное украшение комнаты. Он остановился перед библиотекой, заставленной дискетами, и начал рассматривать названия. Госпожа Радоваш кинула на него быстрый любопытный взгляд.

— Учитывая необычность ситуации, в которой было обнаружено тело доктора Радоваша, по закону требуется полная медицинская экспертиза, — продолжила Ригби. — С учетом вашего несколько неловкого положения, когда его закончат, хотите ли вы, чтобы его тело или прах передали вам или каким-либо другим родственникам?

— О да! Мне, пожалуйста! Должна быть соответствующая церемония захоронения. Ради детей. Ради всех. — Она была близка к тому, чтобы потерять над собой контроль, в глазах ее блеснули слезы. — Не могли бы вы... Я не знаю... Вы занимаетесь этим?

— Консультант по семейным проблемам нашего департамента охотно поможет вам. Я дам вам ее номер перед уходом.

— Благодарю вас.

Тумонен откашлялся.

— Учитывая таинственные обстоятельства гибели доктора Радоваша, Имперскую службу безопасности на Комарре тоже попросили заняться этим делом. И мне хотелось бы знать, позволите ли вы осмотреть ваш комм-пульт и личные записи на предмет выяснения, нет ли в них какой-либо нужной нам информации.

Госпожа Радоваш потеряла губу.

— Барто забрал все свои личные записи. Там не осталось ничего, кроме моих.

— Иногда специалистам удается многое извлечь.

Она покачала головой, но все же согласилась:

— Ну, полагаю, что да. — И добавила несколько сварливо: — Хотя сомневаюсь, что Имперской службе безопасности так уж необходимо мое разрешение.

Тумонен не стал отрицать, но заметил:

— Я предпочитаю проявлять к людям максимум уважения, госпожа Радоваш, когда позволяют наши жестокие обстоятельства.

— И займитесь библиотекой тоже, — рассеянно добавил профессор Фортиц, стоя у стенки с дискетами в руках.

— Зачем вам понадобилась библиотека моего несчастного мужа?! — с внезапной вспышкой гнева воскликнула госпожа Радоваш.

Фортиц одарил ее ласковой обезоруживающей улыбкой:

— Библиотека, которую собрал человек, говорит о структуре его мышления, как одежда о структуре тела. Связь между кажущимися на первый взгляд не связанными друг с другом вещами может существовать лишь в его мозгу. Когда хозяин умирает, библиотека становится некоторым образом печально бесприютной. Думаю, мне понравился бы ваш муж, если бы я с ним познакомился, когда он был жив. И возможно, косвенным образом в какой-то мере я могу познакомиться с ним и сейчас.

— Не понимаю зачем... — Она недоуменно поджала губы.

— Мы постараемся вернуть ее вам через пару дней, если хотите, — успокоил женщину Тумонен. — Вам что-нибудь из нее необходимо прямо сейчас?

— Нет, но... О Господи... Не знаю, право... Заберите ее. Берите что хотите, мне уже все равно. — Наконец у нее по щекам потекли слезы. Ригби извлекла из кармана формы платок и протянула женщине, хмуро взглянув на барраярцев.

Тьен неловко заерзал, Тумонен хранил профессиональную невозмутимость. Воспользовавшись эмоциональным взрывом хозяйки, капитан взял свою коробку и направился к комм-пульту, стоявшему в углу, включил его и вставил стандартный черный ящик СБ. Подчиняясь жесту Фортица, Майлз с Ригби поспешили помочь собрать библиотеку и упаковать для транспортировки. Тумонен, начисто выпотрошив содержимое комм, пробежал сканером по библиотеке, в которую, по оценке Майлза, входило порядка тысячи дискет, и выдал расписку госпоже Радоваш. Она не глядя сердито сунула пластинку в карман серых брюк и стояла, скрестив руки на груди, пока они не собрались уходить.

В последний момент, закусив губу, она спросила:

— Администратор Форсуассон! Будут ли... получу ли я... после смерти Барто будут ли обычные выплаты наследникам?

У нее финансовые затруднения? По сведениям, полученным от Тумонена, двое ее младших отпрысков еще учились в университете и материально зависели от родителей. Конечно, ей нужны деньги. Но Форсуассон печально покачал головой:

— Боюсь, что нет, госпожа Радоваш. Медицинская экспертиза показала, что он погиб уже после того, как уволился.

Будь оно иначе, это представляло бы гораздо больший интерес для Имперской безопасности.

— Значит, она ничего не получит? — спросил Майлз. — Несмотря на то что госпожа Радоваш ни в чем не виновата, она лишена обычной вдовьей выплаты из-за безответственности ее, — тут Майлз опустил некоторые вертевшиеся на языке эпитеты, — покойного мужа?

Форсуассон, беспомощно пожав плечами, отвернулся.

— Погодите-ка, — продолжал Майлз. — Грегор не одобряет, когда вдовы остаются без средств к существованию. Уж поверьте мне, Форсуассон, лучше выберите для нее деньги.

— Я не могу... Каким образом... Вы хотите, чтобы я изменил дату его увольнения?

И создал забавный прецедент, когда человек пишет заявление об уходе на следующий день после своей смерти? Каким способом? Призрачным пером, что ли?

— Конечно, нет! Просто сделайте это в форме императорского указа.

— Но у нас нет формы бланка императорского указа! — воскликнул ошарашенный Форсуассон.

Майлз ненадолго озадачился. Тумонен, слегка зарумянившись, очарованно следил за происходящим широко раскрытыми глазами. Даже госпожа Радоваш подняла бровь, позабавленная разговором. Она посмотрела на Майлза с таким видом, будто впервые видит. Наконец Майлз ласково проговорил:

— Недоработка, которую вам придется исправить, администратор Форсуассон.

Тьен открыл рот, собираясь запротестовать, но затем мудро предпочел его закрыть. Профессор Фортиц казался довольным. Госпожа Радоваш, с чем-то вроде изумления прижав ладонь к щеке, проговорила:

— Благодарю вас... лорд Форкосиган.

После обычного «если-что-то-вспомните-пожалуйста-позвоните-по-этому-номеру-всего-доброго» толпа следователей двинулась в обратный путь. Фортиц вручил Тьену упакованную библиотеку. Когда они спустились в холл, участковый инспектор Ригби тоже собралась их покинуть.

— И что Имперская безопасность хочет, чтобы мы делали дальше? — спросила она Тумонена. — Судя по всему, смерть доктора Радоваша — вне юрисдикции Серифозы. Обычно при внезапной смерти в первую очередь в категорию основных подозреваемых попадают ближайшие родственники, но она все время сидела на планете. Я не вижу никаких возможных связей с телом в космосе.

— Я тоже, — согласился Тумонен. — Проводите пока обычные действия и пришлите мне копии всех ваших материалов и файлов с уликами.

— Полагаю, ждать от вас взаимной любезности не стоит. — Судя по тому, как скривились ее губы, ответ Ригби знала заранее.

— Посмотрим, что я смогу сделать, если появится что-то, представляющее интерес для службы безопасности купола, — с готовностью пообещал Тумонен. Услышав даже столь туманное обещание от офицера Имперской безопасности, Ригби изумленно подняла бровь.

— Мне придется возвращаться наверх завтра утром, — сообщил Фортиц Тумонену. — И у меня не будет времени на внимательное изучение этой библиотеки. Боюсь, мне придется этим озадачить Имперскую службу безопасности.

Тумонен обалдело посмотрел на ящик с тысячей дискет.

— Сошлитесь на мой авторитет и запросите в штаб-квартире для этой работы аналитика высокого ранга, — быстро вмешался Майлз. — Одного из подвальных мудрецов. Со специализацией в области математики и инженерного дела. Верно, профессор?

— Да, безусловно. И самого лучшего, какого сможете раздобыть, — кивнул Фортиц.

На лице капитана явственно читалось облегчение.

— А что вы хотите, чтобы он искал, милорд Аудитор?

— Я толком не знаю. — Профессор потер подбородок. — Поэтому и хочу, чтобы этим занялся аналитик службы безопасности, а? Главным образом я хочу, чтобы он создал на основании этих данных психологический портрет Радоваша, который мы потом сравним со сведениями, полученными из других источников.

— Внутри этой библиотеки скрыто отражение склада ума владельца, — хмыкнул Майлз. — Понятно.

— Нисколько не сомневался, что ты поймешь. Поговори с этим аналитиком, Майлз, ты ведь знаешь, как они работают. И знаешь, что нужно нам.

— Непременно, профессор.

Они торжественно вручили библиотеку Тумонену, и участковый Ригби отбыла восвояси. Время шло к полуночи.

— Тогда я все это заберу к себе в контору, — заявил Тумонен, оглядывая свою разнообразную кладь. — И сообщу в штаб-квартиру новости. Сколько вы намерены пробыть в Серифозе, лорд Форкосиган?

— Пока не знаю. Во всяком случае, прежде чем уехать, поговорю с Судхой и другими коллегами Радоваша. И... э-э-э... я полагаю, что завтра после отъезда профессора переберусь в гостиницу.

— Мы рады оказать вам гостеприимство в моем доме, лорд Форкосиган, — без особого энтузиазма сказал Тьен.

— Благодарю вас, администратор Форсуассон. Кто знает, возможно, я смогу улететь уже завтра вечером. Посмотрим, как пойдут дела.

— Буду чрезвычайно признателен, если вы уведомите мое ведомство о ваших передвижениях, — настойчиво

проговорил Тумонен. — Безусловно, это ваше право — отказаться от охраны, лорд Форкосиган, но теперь, когда расследуемое вами дело совершенно определенно имеет какую-то связь с Серифозой, я вам настоятельно советую пересмотреть ваше решение.

— Охранники Имперской безопасности, как правило, очаровательные ребята, капитан, но я и правда терпеть не могу спотыкаться о них каждый раз, как поворачиваюсь, — хмыкнул Майлз. Он многозначительно постучал по комму, широченный ремешок которого обвивал его запястье. — Давайте пока придерживаться нашего компромисса. Обещаю в случае необходимости громко звать на помощь.

— Как вам угодно, милорд, — с неодобрением в голосе сказал Тумонен. — Нужно ли вам еще что-нибудь?

— Сегодня уже нет, — зевнув, ответил Фортиц.

Мне много что нужно, чтобы разобраться в этой ерунде. Мне позарез нужны штук шесть ретивых информаторов. Я хочу остаться наедине в запертой комнате с Марией Трогир и суперпентоталом. Я жалею, что не могу допросить с суперпентоталом и эту горькую вдовицу. Но для таких враждебных и грубых действий Ригби потребует ордер. Майлз мог бы ей его предоставить в мгновение ока своим заимствованным Голосом императора, если он не возражает быть действительно ну оч-чень противным Имперским Аудитором. Вообще-то пока для этого просто-напросто недостаточно оснований. Но Судхе лучше завтра быть поосторожней.

Майлз покачал головой:

— Нет. Идите спать.

— Лучше поздно, чем никогда, — криво ухмыльнулся Тумонен. — Спокойной ночи, милорды, администратор.

И они разошлись от дома вдовы в противоположных направлениях.

ГЛАВА 7

Катриона дремала, свернувшись калачиком на продавленном диване в салоне, поджидая возвращения мужчин. Закатав рукава, она поглядела на синяки, оставленные пальцами лорда Форкосигана.

Обычно она никогда особо не смотрела на фигуры людей, размышляла Кэт. Как правило, она смотрела на лица, практически не обращая внимания на то, что ниже шеи, если, конечно, не считать одежды, обозначающей социальный статус собеседника. Это... нет, не отвращение, а всего лишь дань вежливости, составная часть ее верности мужу, почти такая же автоматическая, как дыхание. Так что для нее было вдвойне обескураживающе поймать себя на том, что она внимательно рассматривает маленького лорда. И должно быть, это было очень грубо с ее стороны, учитывая необычность его телосложения. Лицо Форкосигана, как только она научилась проникать за внешнюю невозмутимость, оказалось... очаровательным, за бесстрастной маской скрывалась бездна остроумия, готового в любой момент превратиться в открытый юмор. И было очень странно видеть это лицо вкупе с телом, на котором отпечатались следы колоссальной боли. Ее немедленной реакцией после шока было желание расспросить его о полученных им боевых ранениях. Все получены далеко отсюда, казалось, шептали эти выдавленные на его коже иероглифы, обещая экзотические повествования. А еще они гласили: «Я выжил. Хочешь узнать, как мне это удалось?»

Да, я хочу это узнать. Катриона помассировала переносицу, как бы желая снять давящую на глаза пульсирующую головную боль. Раздался шелест открываемой двери, и она едва не подпрыгнула от неожиданности. Но, услышав знако-

мые голоса Тьена и дяди Фортица, успокоилась. Это все-го-навсего вернулась охотничья команда, которую она поджидала. Интересно, какую необычную добычу они принесли?

Катриона села и опустила рукава. Было уже далеко за полночь. Выйдя в коридор, она с облегчением обнаружила, что Тумонена с ними нет. Так что она спокойно может запереть дом на ночь, как и положено уважающей себя хозяйке замка. Тьен выглядел напряженным, Форкосиган — усталым, а дядя Фортиц — как всегда.

— Полагаю, Форсуассон, не стоит напоминать о том, что завтрашняя инспекция должна быть неожиданной, — тихо проговорил Форкосиган.

— Безусловно, милорд Аудитор.

— Узнали что-нибудь интересное? — спросила Катриона, запирая замок.

— М-м-м... Госпожа Радоваш не имеет представления, каким образом ее бродяга-муж убред в обломки нашего отражателя, — ответил дядя Фортиц. — А я надеялся, что она что-то знает.

— Очень печально все это. Они казались такой милой парой, когда я с ними встречалась несколько раз.

— Ну, ты же знаешь, что собой представляют стареющие мужчины, — осуждающе пожал плечами Тьен, явно не относя себя к этой категории.

Ах, Тьен, ну почему ты не можешь сбежать с более молодой и богатой женщиной? Может, с ней ты стал бы счастливее. Потому что вряд ли ты можешь стать несчастней, чем ты есть сейчас. Ну почему одним из твоих немногочисленных достоинств является именно верность?

Ну, во всяком случае, насколько ей известно. Хотя в тот, слава Богу, уже миновавший период, когда Тьен обвинял ее в измене, она частенько задумывалась, почему он так одержим мыслью о деянии, представлявшимся для

нее совершенно невозможным? Может, именно потому, что он-то как раз на такое вполне способен? Хотя ей в общем-то уже все равно.

Катриона предложила мужчинам перекусить перед сном, но согласился лишь дядя Фортиц. Остальные пошли спать. Когда дядя Фортиц поел и тоже удалился, а она, убрав на кухне, пришла в спальню, заглянув по дороге к Никки, Тьен уже лежал в кровати с закрытыми глазами. Но еще не спал. Потому что во сне он довольно громко храпел. Когда Кэт скользнула под одеяло, он повернулся и крепко обнял ее.

В какой-то абсурдной манере он действительно любит меня. От этой мысли ей захотелось плакать. Какие еще человеческие привязанности есть у Тьена, кроме нее и Никки? Мать, живущая где-то далеко и снова вышедшая замуж, призрак покойного брата? Иногда ночью Тьен цепляется за нее, как утопающий за соломинку.

Если ад существует, то Кэт очень надеялась, что брат Тьена пребывает именно там. В форском аду. Он сделал все правильно, о да, покончив с собой и положив таким образом конец идущей через него мутационной цепочке, показал Тьену пример того, к чему ему следует, если можно так сказать, стремиться. Тьен пытался этому примеру последовать — дважды уже довольно давно и в третий раз относительно недавно. Но его попытки самоубийства как-то больше походили на симуляцию. Первые два раза она пришла в ужас. И какое-то время верила, что ее верность и зависимость от него — единственное, что держит его в этой жизни. Но в третий раз она не почувствовала ничего. Еще чуть-чуть, и она вообще перестанет быть человеком. Она и сейчас почти себя им не ощущала.

Надеясь, что в конечном итоге все же заснет, Катриона закрыла глаза и сделала вид, что спит. Через некоторое время Тьен, тоже лишь делавший вид, что уснул, встал

и прошел в ванную. Но, выйдя оттуда, в кровать не вернулся, а направился на кухню. Может, все-таки решил перекусить? Может, разогреть ему молока и смешать его с бренди и пряностями? Старый рецепт ее двоюродной бабушки — успокаивающее питье для внучатой племянницы, хотя большая часть солидной порции в конечном итоге каким-то образом оказывалась в чашке старой леди. Кэт, улыбаясь воспоминаниям, тихо скользнула за мужем.

Но на кухне горел огонек не от открытого холодильника, там мерцал экран комма. Катриона озадаченно остановилась в дверях. В доме ее родителей в такое несусветное время можно было звонить кому-то только в экстраординарных случаях, как правило, чтобы сообщить о чем-то рождении или смерти. Кэт впитала это с молоком матери.

— Какого черта труп Радоваша делал в космосе? — резко, но тихо говорил кому-то Тьен. Изумленная Катриона узнала одного из подчиненных мужа, администратора Судху. Судха, несмотря на глубокую ночь, был не в пижаме, а в обычной одежде. Работает дома допоздна? Что ж, многие инженеры — трудоголики. Она чуть отошла в тень коридора. — Вы мне сказали, что он уволился!

— Уволился, — подтвердил Судха. — И нас совершенно не касается, что произошло с ним потом.

— Черта лысого не касается! Завтра в нашем департаменте будут кишмя кишеть ищейки из Имперской безопасности! И на сей раз по делу, а не на экскурсии, которую можно поводить кругами, накормить обедом и выпроводить! Отсюда вижу, как Тумонен при одной мысли о завтрашнем дне хищно шурит свои пороссячи глазки!

— Мы с ними справимся. Идите спать, Форсуассон.

Лорд Аудитор Форкосиган сказал тебе открытым текстом, что завтрашняя проверка должна быть неожиданной, Тьен. А он говорит Голосом самого императора. Что ты творишь? Она беззвучно задышала ртом, пытаясь подавить дурноту.

— Они очень быстро обнаружат вашу миленькую схему, и тогда мы все окажемся в дерьме по уши, — продолжил Тьен.

— Ничего они не найдут. В городе все чисто. Просто не пускайте их на опытную станцию, и мы спокойненько выпроводим их без всякого ущерба.

— Опытная станция — это пустая оболочка. Ваш отдел существует лишь на бумаге. Что, если они пожелают поговорить с кем-нибудь из ваших «мертвых душ»?

— Вроде вас? — Губы Судхи искривились в тонкой улыбке. — Успокойтесь.

— Я не собираюсь тонуть вместе с вами!

— Думаете, у вас есть выбор? — рявкнул Судха. — Слушайте. Все будет в порядке. Они могут заниматься проверкой весь день напролет и обнаружат лишь четкие цифры, которые абсолютно сходятся. Лена Фоскол в бухгалтерии — одна из самых хитрых воровок, которых я когда-либо встречал. Мы настолько их опережаем, что им нас сроду не догнать.

— Судха, они наверняка захотят поговорить с людьми, которых не существует! И что тогда?

— Они в отпуске. Или в поле. Продержимся.

— И как долго? И что потом?

— Идите спать, Форсуассон, и прекратите дергаться.

— Дьявольщина! Это у меня дома три дня отираются два Имперских Аудитора! — Оборвав себя, он сделал глубокий вдох. Судха сочувствующе дернул плечом. Тьен заговорил снова, но уже гораздо спокойней: — И еще одно. Мне нужен аванс. Мне необходимо еще двадцать тысяч марок. И немедленно.

— Немедленно? Ну да, конечно, когда вокруг бродит СБ. Вы заговариваетесь, Форсуассон.

— Я должен получить это деньги, черт подери! Или...

— Или что? Вы пойдете в СБ и сдадитесь? Послушайте, Тьен. — Судха провел рукой по волосам. — Лгите им сей-

час. Держите рот на замке. Будьте с этими симпатичными ребятами из Имперской безопасности сахаром медовичем, притащите их ко мне, и мы с ними разберемся. Давайте волноваться последовательно, ладно?

— Судха, я знаю, что вы можете добыть двадцать тысяч. В ваш карман ежемесячно перетекает из бюджета департамента как минимум пятьдесят тысяч марок за счет одних лишь «мертвых душ», и одному Богу известно, сколько еще, — хотя уверен, что ваша милашка бухгалтерша тоже это знает. Что, если они допросят ее с суперпентоталом?

Катриона шагнула еще дальше назад, босые ноги тихо ступали по полу. *О Господи! Что Тьен наделал?* Ответ прост. Как минимум злоупотребление служебным положением и взяточничество, причем в особо крупных размерах. И как долго это тянется?

Приглушенные голоса на кухне обменялись еще парой коротких фраз, и голубое мерцание экрана погасло. Теперь в коридор падал лишь свет фонарей из парка. Катриона с колотящимся сердцем скользнула в ванную и закрыла дверь. Быстро подлетев к зеркалу, она, дрожа, уставилась на свое отражение. Через пару минут кровать скрипнула. Тьен улегся обратно.

Кэт присидела в ванной довольно долго, но, когда наконец выползла, он еще не спал.

— М-м? — промычал Тьен, когда она снова заползла под одеяло.

— Не очень хорошо себя чувствую, — пробормотала она. Что полностью соответствовало истине.

— Бедная Кэт. Съела что-нибудь не то?

— Не знаю. — Она отодвинулась от него. Изображать боль в желудке не было необходимости. Он действительно болел.

— Прими что-нибудь, а? Если ты будешь колобродить всю ночь, мы оба не выспимся.

— Посмотрим. — *Я должна знать.* Через некоторое время она спросила: — Ты сегодня что-нибудь предпринял насчет поездки?

— Нет. Был слишком занят.

Но тем не менее нашел время перевести ее накопления на свой новый счет, как она успела заметить.

— Хочешь... чтобы я занялась организационными вопросами? Тебе не обязательно взваливать все это на себя, у меня полно свободного времени. Я уже выяснила кое-что о возможности лечения на других планетах.

— Не сейчас, Кэт! Мы можем разобраться с этим позже. На следующей неделе, после отъезда твоего дяди.

Она не стала дальше развивать тему, молча глядя во тьму. *Для чего бы ни понадобились ему эти двадцать тысяч марок, они не для того, чтобы сдержать данное мне слово.*

Наконец часа через два он уснул. Катриона смотрела, как течет время, черное и тягучее как смола. Я должна знать.

А когда узнаешь, то что? Что ты будешь с этим делать?

Она лежала, дожидаясь рассвета.

Собирая утром Никки в школу, Кэт несколько успокоилась. Дядя Фортиц уехал очень рано, чтобы успеть на катер.

— Вы еще прилетите сюда? — несмело спросила она дядю, помогая ему надеть пиджак в прихожей.

— Надеюсь, что смогу, но обещать не буду. Это исследование и так затянулось несколько дольше, чем я планировал, и приняло довольно неожиданный оборот. Я понятия не имею, когда мы его закончим. — Он чуть поколебался. — Если мы просидим здесь до конца семестра в университете графства, то, возможно, твоя тетя присоединится ко мне. Тебе бы этого хотелось?

Не уверенная, что совладает с голосом, она лишь кивнула.

— Отлично. Отлично. — Дядя собрался сказать что-то еще, но затем пожал плечами и улыбнулся. Обняв ее на прощание, он ушел.

Катрионе практически удалось избежать утренних встреч с Тьеном и Форкосиганом, проведив Никки до школы, чего он терпеть не мог. И домой она вернулась длинной дорогой. Как она и надеялась, к ее приходу квартиры была пуста.

Запив таблетки кофе, Кэт нехотя пошла в кабинет Тьена и села за комм.

Жаль, что я не приняла предложения лорда Форкосигана научить меня, как это делается. Ее вчерашнее возмущение лордом-мутантиком сегодня казалось ей чрезмерным. И не к месту. Насколько ее хорошее знание Тьена замечит недостаток практики в такого рода подглядывании? Она подозревала, что практически не насколько, но она все равно должна попытаться.

Приступай. Ты тянешь время специально.

Нет. Я отчаянно его тяну.

Катриона включила комм.

Счета Тьена не были защищены паролем. Доход соответствовал его зарплате. Траты... Если они все зафиксированы, то остаток должен быть довольно скромным. Тьен не позволял себе роскоши в одиночку. Но этот счет оказался пустым. Несколько тысяч марок исчезли бесследно, включая и переведенные вчера ее сбережения. Нет, стоп, трансферт еще сохранился, введенный на скорую руку, и пока не стерт и не спрятан. И это именно трансферт, а не оплата, перечисленная на какой-то счет, которого не видно.

Она проследила его до скрытого счета. На комме возле монитора появился сенсорный замок.

Когда они с Тьеном впервые открывали счета на Комарре меньше года назад, то предусмотрительно позаботи-

лись о том, чтобы каждый из них имел доступ к счетам другого, на всякий случай. Эту программу Тьен устанавливал отдельно, или это дочерняя программа от его общей финансовой программы? Может, не все преимущества только у оперативников СБ, мрачно подумала она и прижала правую ладонь к замку. *Когда хочешь предать чье-то доверие, то перед тобой открывается широкий спектр возможностей.*

И файл открылся.

Глубоко вздохнув, Кэт приступила к чтению.

Большая часть содержимого оказалась материалами по дистрофии Форзонна. Количество не уступало собранным ею сведениям. Но, судя по всему, новой страстью Тьена был комаррский торговый флот.

Вся экономика Комарры, естественно, строилась на изобилии п-в-туннелей и обеспечении всяческих услуг для проходящих по ним торговых кораблей. Но когда ты скопил такие громадные средства, то куда их реинвестировать? Как ни крути, а количество п-в-туннелей в пространстве Комарры все же ограничено. И Комарра начала развивать свой собственный торговый флот, ее торговые корабли отправлялись в дальние рейсы, длящиеся месяцами, а иногда и годами, и иногда возвращались с умопомрачительной прибылью.

А иногда нет. Рассказы о самых лучших рейсах, вошедших в легенду, были Тьеном выделены. А неудачи, хоть и немногие, надо признать, были им отброшены. Тьен, как всегда, неисправимый оптимист. Каждый день должен приносить ему удачу, успех, который вознесет его сразу на вершину без промежуточных ступеней. Будто он и вправду верил, что именно так оно и происходит.

Некоторые из торговых флотилий принадлежали знаменитым семейным корпорациям, олигархам Комарры, таким, как семейство Тоскане. Другие пускали свои акции в открытую продажу, и любой комарец мог стать

акционером. И практически каждый комаррец и был таковым, хоть и очень мелким. Кэт как-то слышала шутку одного барраярского чиновника, что это заменяет комаррцам все прочие азартные игры.

А живя на Комарре, живи, как комаррец? С тяжелым сердцем она приступила к финансовой части файла.

Где, во имя Господа, Тьен взял сто тысяч марок, чтобы купить акции флота? Его зарплата — пять тысяч марок в месяц. И зачем он вложил их все в один флот?

Кэт вернулась к изучению первого вопроса, на который в принципе можно было отыскать ответ в файлах, не прибегая к умозрительным заключениям. У нее ушло некоторое время, чтобы разделить кредитный поток на несколько источников. Частичный ответ заключался в том, что Тьен взял под очень высокий процент краткосрочный кредит на шестьдесят тысяч марок, подтвержденный его пенсионным вкладом и акциями флота на сорок тысяч, которые он приобрел... на что? Судя по всему, на деньги, полученные от Судхи.

От Судхи? Это то, что он получал как «мертвая душа»?

Катриона начала читать дальше. Флот, в который Тьен вложил деньги, отбыл с большой помпой и под фанфары. Его акции в течение недели после отлета с Комарры продавались на рынке по растущей цене. Тьен даже нарисовал разноцветный график, чтобы отследить свою прибыль. А потом произошло несчастье. Целый корабль, со всем грузом и командой, погиб из-за ошибки при скачке через п-в-туннель. Флот, теперь неспособный совершить большую часть из запланированной торговой цепочки, поскольку едва ли не большая часть необходимого груза находилась на погибшем корабле, развернулся и прибыл обратно, поджав воображаемый хвост. Некоторые флотилии приносили своим инвесторам прибыль два к одному, хотя обычно средняя прибыль составляла порядка сорока процентов. Золотое

Путешествие Марата Галена в прошлом веке вошло в историю тем, что принесло на каждую акцию прибыль сто к одному, дав жизнь как минимум еще паре новых кланов олигархов.

А флот Тьена вернулся с убытком четыре к одному.

Унаследованных им двадцати пяти тысяч, собранных Катрионной четырех тысяч, его личных сбережений и того пенсионного вклада едва хватало, чтобы выплатить две трети долга. А он еще к тому же и просрочил выплаты, судя по разъяренным посланиям кредиторов, собранным в файле. Так что, когда он кричал Судхе, что ему необходимы немедленно двадцать тысяч марок, Тьен вовсе не преувеличивал. Она не удержалась и подсчитала, за сколько лет она сможет наскрести двадцать тысяч, если будет экономить на хозяйственных нуждах.

Какой кошмар! Его можно даже пожалеть.

Если не считать маленькой проблемки происхождения этих волшебных первых сорока тысяч.

Катриона выпрямилась и потеряла занемевшее лицо. У нее было жуткое ощущение, что она может просчитать скрытую часть цепочки. Эта явно сложная и глубоко зарытая финансовая афера в департаменте Проекта Терраформирования не была задумкой Тьена. Все его прошлые нечестные поступки были мелкими: невозвращенная неправильно выданная сдача, небольшие приписки в расходных ордерах, обычные проступки, которые совершает практически каждый взрослый человек в минуту слабости. Но Тьен никогда не крал. Судха работает здесь уже пять лет. Значит, это наверняка доморощенное комаррское преступление. А Тьен, только что назначенный главой департамента сектора «Серифоза», должно быть, что-то пронюхал. И Судха купил его молчание. Итак... баррарыйский предшественник Тьена тоже брал взятки? Задача для Имперской безопасности.

Но Тьен явно прыгнул выше головы и наверняка это понимает. Отсюда и игра с акциями торгового флота. Если бы флот принес прибыль четыре к одному, а не наоборот, то Тьен смог бы вернуть полученные от Судхи деньги, выплатить долги и вырваться из сетей. Может, такие панические мысли и сидели у него в голове?

И если бы ему повезло — то воплотились бы они в реальность?

И если бы Тьен, как фокусник, вытащил из шляпы сто тысяч марок и рассказал, что заработал их на акциях торгового флота, ты стала бы задавать вопросы об их происхождении? Или прыгала бы от радости и считала его непризнанным гением?

Она сидела скрючившись. У нее болело все: спина, руки, ноги, шея, голова. Болело сердце. Глаза ее были совершенно сухими.

Фор-леди должна быть верной своему супругу. Даже в измене, даже в смерти. Шестая графиня Форвейн последовала за своим мужем и сидела под клеткой, в которой он висел, приговоренный к голодной смерти за участие в Селитряном Заговоре. Объявив голодовку протеста, она умерла на день раньше него от истощения. Великая трагедия, на ее основе поставлена одна из лучших кровавых мелодрам из истории Периода Изоляции. Есть даже видеофильм, хотя в этой версии супруги умирают одновременно, как после совместного оргазма.

Значит, у фор-леди своей чести нет? Разве до появления Тьена в моей жизни я не была цельной личностью?

Да, и я променяла это на клятвы. Что-то вроде того, что поставить деньги на один флот.

Если бы Тьен был охвачен какой-нибудь политической страстью, пусть и неверной, встал бы на сторону Фордариана во время последнего дворцового переворота, если бы он следовал своим убеждениям, то она,

возможно, последовала бы за ним добровольно. Но то, что он сделал, не имеет никакого отношения к убеждениям, и назвать это трагической ошибкой тоже нельзя.

Это банальная глупость, помноженная на коррупцию. Это не трагедия, это фарс. И в этом весь Тьен. Но и сдав больного мужа властям, чести тоже не восстановишь.

Если я стану еще меньше, стараясь быть ниже него, то скоро исчезну вовсе.

Но если она не фор-леди, то кто же? Шаг в сторону от клятвы быть рядом с Тьеном — шаг во тьму, где можно потерять себя самое вообще.

Но есть, как они говорят, одна открытая форточка. Если она уйдет до того, как разразится скандал, прежде чем чудовищная правда выплывет наружу, то ведь тогда не будет считаться, что она покинула Тьена в годину бедствий, верно?

Спроси свое сердце воина, женщина. Дезертирство в ночь перед битвой лучше дезертирства в разгар битвы?

И все же если она не уйдет, то станет косвенно причастна к этому фарсу. Только незнание есть невинность, есть благо. А знание... все что угодно, только не сила.

Никто ее не спасет. И никто не может спасти. Даже прошептать «помогите!» означает обречь Тьена на уничтожение.

Она долго сидела молча, неподвижная как статуя.

ГЛАВА 8

Капитан Тумонен договорился о встрече с Майлзом и Тьеном в холле дома, где жили Форсуассоны, а не в помещении департамента Проекта Терраформирования. Каза-

лось бы, элементарная вежливость, но Майлз по этому поводу не обманывался ни секунды. Судя по всему, Имперский Аудитор таки получит телохранителя, хочет он этого или нет. Майлз чуть ли не с нетерпением ожидал возможности понаблюдать, какие чудеса невидимости будет демонстрировать эта жертва вежливой изобретательности Тумонена.

На станции Майлз воспользовался возможностью запихнуть Тьена в другую машину, заявив, что ему нужно обсудить с Тумоненом дела. Несколько ранних пассажиров сели вместе с администратором, и Тьен уехал. Но как только очередная пара комаррцев, и так мнущаяся при виде зеленой имперской формы, приблизилась достаточно, чтобы разглядеть Глаза Гора в петлицах капитана, то мгновенно передумала присоединяться к маленькой группе Майлза.

— Вы всегда ездите в одиночестве? — поинтересовался Майлз у Тумонена, когда кабина закрылась и машина двинулась вперед.

— Когда я в мундире. Действует как чары, — чуть улыбнулся Тумонен. — Но если хочу подслушать, о чем болтают серифозцы, то всегда езжу в гражданскойке.

— Ха. Так в каком состоянии библиотека Радоваша нынче утроем?

— Я ночью отправил гвардейца из взвода охраны отвезти ее в штаб-квартиру в Солстисе. Солстис в трех временных поясах от нас. Сейчас их аналитик уже приступил к работе.

— Отлично. — Майлз выгнул бровь. *Взвод охраны?* — Хм... А какова численность отделения Имперской безопасности Серифозы, капитан Тумонен?

— Ну... Я, мой секретарь сержант и два капрала. У нас есть база данных, мы переправляем сведения в штаб-квартиру и оказываем помощь всем следователям, кото-

рых присылают из центра. И еще мой заместитель, лейтенант, который командует взводом гвардейцев, охраняющим консульство в Серифозе. У него в подчинении десять человек.

Имперский советник — так в виде реверанса туземцам титуловали барраярского вице-короля Комарры. Прибытие Майлза инкогнито избавило его — или он пожелал считать, что избавило, — от вежливого звонка представителю советника в Серифозе.

— Всего десять человек? Круглосуточно? Всю неделю?

— Боюсь, что так, — криво ухмыльнулся Тумонен. — В Серифозе мало что происходит, милорд. Это был один из наименее активных куполов во время Восстания, и здесь царит традиционная политическая апатия, которую здесь с тех времен культивируют. Из этого сектора оккупационные войска вывели в первую очередь. Один из моих комаррских родственников с пеной у рта доказывает, что дома в центральной секции купола до сих пор не подверглись реконструкции лишь потому, что предыдущее поколение не догадалось сделать так, чтобы имперские силы сровняли их с землей. — Этот старый квартал как раз виднелся вдалеке, когда машина достигла верхней точки дуги, прежде чем нырнуть в следующий туннель. Они скользнули вниз к следующему сектору.

— И все же... апатичные или нет, как вы справляетесь со всеми делами?

— У меня есть фонд для платных осведомителей. Мы платили им, так сказать, по факту, пока я не узнал, что, когда у них нет ничего интересного на продажу, они это сами выдумывают. Так что я сократил их численность вдвое, оставшихся, самых лучших, посадил на зарплату. Мы встречаемся раз в неделю, я даю им задания, и мы с ними немного сплетничаем о том о сем. Я пытаюсь сделать так, чтобы они считали себя гражданскими анали-

тиками, а не доносчиками. Это значительно улучшило качество и достоверность поставляемых ими сведений.

— Понятно. У вас есть кто-нибудь в департаменте Проекта Тетраформирования?

— Увы, нет. Он не считается подозрительным с точки зрения безопасности. У меня есть люди в порту, в районе шлюзов, в полиции купола и в некоторых местных правительственных органах. Также мы приглядываем за реактором, воздушной станцией и водными ресурсами — как сами, так и совместно с местными властями. Они проверяют тех, кто приходит к ним на работу, на предмет уголовных досье и психических заболеваний, мы же проверяем на предмет опасных политических связей. Тетраформирование находится практически в конце моего списка, а охватить всех мне бюджет не позволяет. Добавлю также, что их требования к проверке служащих одни из самых низких из всех гражданских служб.

— Хм. А эта политика не способствует скоплению там неблагонадежных?

— Многие из комаррской интеллигенции до сих пор не очень жалуют империю, — пожал плечами Тумонен. — Но им тоже надо зарабатывать себе на жизнь. Для того чтобы получить работу в Проекте Тетраформирования, возможно, вполне достаточно, чтобы они любили Комарру. Там у них просто нет политических мотивов для подрывной деятельности.

Барто волновало будущее Комарры, говорила вдова Радоваша. Мог ли Радоваш быть одним из неблагонадежных? А если и был, то что? Майлз озадаченно нахмурился, когда машина остановилась возле здания Проекта.

Тьен Форсуассон ждал их на станции. Как и в прошлый раз, он провел их через атриум наверх, в свою резиденцию. Хотя кое-какие двери и были открыты и там уже, несмотря на раннее утро, кипела работа, сперва они зашли в кабинет Форсуассона.

— У вас есть какие-либо пожелания, как нам поделить работу? — поинтересовался Майлз у Тумонена, задумчиво оглядываясь по сторонам, когда Форсуассон включил свет.

— Я с утра успел быстро переговорить с Андро Фарром, — сообщил Тумонен, — и он назвал мне нескольких коллег Марии Трогир, с которыми она дружила. Думаю, что начну с них.

— Хорошо. Раз вы начнете с Трогир, то я начну с Радоваша, а потом поговорим. Администратор Форсуассон, я, пожалуй, в первую очередь побеседую с шефом Радоваша, доктором Судхой.

— Как вам угодно, милорд Аудитор. Хотите воспользоваться моим кабинетом?

— Нет, лучше я встречусь с ним на его территории.

— Тогда я провожу вас вниз. И через несколько минут буду уже в вашем распоряжении, капитан Тумонен.

Тумонен, устроившись за комм-пультом Форсуассона, задумчиво глядел на аппарат:

— Можете не торопиться, администратор.

Форсуассон, озабоченно оглядываясь, повел Майлза на этаж ниже, где находился отдел использования избыточного тепла. Судха еще не пришел. Майлз отправил Форсуассона к Тумонену и медленно обошел кабинет инженера, рассматривая декор и обстановку.

Помещение оказалось довольно пустым. Может, у начальника отдела есть еще одно, более обжитое помещение на его опытной станции? На полке стояло несколько дискет, главным образом по технике. Были работы по космическим станциям и их строительству, поскольку эти сооружения были схожи в чем-то с комаррскими куполами. Но в отличие от библиотеки Радоваша практически отсутствовали материалы по п-в-туннелям и пятимерной математике, за исключением тех, что Судха хранил, видимо, еще со студенческих времен.

Тяжелые шаги известили о прибытии владельца апартаментов. При виде открытой двери и зажженного в кабинете света на лице Судхи мелькнуло удивление, мгновенно сменившееся пониманием, когда он разглядел Майлза.

— А! Доброе утро, лорд Аудитор Форкосиган!

— Доброе утро, доктор Судха. — Майлз водрузил дискеты на место.

Судха выглядел немного усталым. Он слабо улыбнулся Майлзу.

— Так чем обязан чести вновь лицеизреть вас? — Подавив зевок, он придвинул стул к своему столу и жестом предложил Майлзу сесть. — Хотите кофе?

— Нет, спасибо. — Майлз сел и подождал, пока Судха устроится за коммом. — У меня довольно неприятные новости. — Судха стал весь внимание. — Барто Радоваш мертв.

Майлз пристально смотрел на Судху, ожидая реакции.

Доктор моргнул, рот его удивленно раскрылся.

— Какой ужас! Я считал, что для его возраста у него отменное здоровье. Что-то с сердцем? О Господи, бедная Трогир!

— Ничье здоровье не выдержит столкновения с вакуумом без скафандра, каким бы отменным оно ни было. — Майлз решил пока что не вдаваться в подробности о полученных Радовашем травмах. — Его труп обнаружили в открытом космосе.

Судха удивленно поднял брови:

— Они считают, что это как-то связано с аварией с отражателем?

А иначе почему еще это может интересовать Имперского Аудитора? Все верно.

— Возможно.

— А они... А что с Марией Трогир? — Судха задумчиво поджал губы. — Вы не сказали, что она...

— Ее не нашли. Или пока не нашли. Аварийщики продолжают поиски в космосе, а Имперская безопасность ищет во всех остальных местах. И конечно, их следующей задачей будет отследить путь этой парочки от того места, где их в последний раз видели. Что, насколько я понимаю, было несколько недель назад здесь, у вас. И конечно, нам понадобится помощь вашего отдела.

— Безусловно, мы окажем всяческое содействие. Это... это действительно чудовищный поворот событий. Независимо от мнения других по поводу того, как они себя повели...

— А что думаете вы, доктор Судха? Мне бы очень хотелось иметь четкое представление о Радоваше и Трогир. У вас имеются какие-либо соображения?

Судха покачал головой:

— Должен признаться, такой поворот в их взаимоотношениях застал меня полностью врасплох. Но я никогда не интересуюсь личной жизнью моих сотрудников.

— Вы говорили. Но вы тесно сотрудничали с этим человеком целых пять лет. Чем еще он интересовался, кроме работы? Каковы его политические взгляды? Хобби? Увлечения?

— Я... — Судха раздраженно пожал плечами. — Я могу предоставить вам полный список его работ. Радоваш был спокойным человеком, никогда не создавал никаких проблем, выполнял первоклассную техническую работу...

— Да, кстати, а почему вы его наняли? Использование избыточного тепла не очень-то вяжется с его основной специальностью.

— О, просто у него огромный опыт работы на космических станциях. Как вам известно, избыточное тепло в космосе — вечная головная боль для инженеров. Я полагал, что его недюжинный опыт сильно поможет в решении стоящих перед нами проблем, и оказался прав. Я очень дово-

лен его работой. Второй раздел отчета, что я предоставил вам вчера, главным образом подготовлен им, так что, если хотите получить представление об этом человеке, то ознакомьтесь с отчетом. Силовые установки и дистрибуция. Гидравлика, представленная в Разделе III, — моя. Жидкостный теплообмен может оказаться весьма перспективным...

— Я ознакомился с вашим отчетом, спасибо.

— Полностью? — изумился Судха. — Я полагал, что доктору Фортицу он понадобится. Боюсь, отчет несколько перегружен техническими подробностями...

Да, представь себе, я прочел вчера все двести тысяч слов перед сном.

Майлз холодно улыбнулся.

— Я принимаю вашу оценку рабочих качеств доктора Радоваша. Но если он был настолько хорош, то почему он уволился? Ему надоело? Он был счастлив? Разочарован? Почему изменения в семейных отношениях привели к смене работы? Я не вижу здесь никакой связи.

— Ну, об этом, я боюсь, вам придется спросить Марию Трогир, — пожал плечами Судха. — Я сильно подозреваю, что движущей силой в данном случае была именно она, хотя уволились и уехали они вместе. Ей было гораздо меньше что терять, увольняясь отсюда. И в зарплате, и в должности, и в статусе.

— Расскажите мне о ней.

— Ну, я действительно мало что могу сказать. Ее занимал лично Барто и работал с ней ежедневно он. Она ничем не привлекала моего внимания. Ее квалификация была вполне соответствующей. Хотя если подумать, то эта оценка исходит от Барто. Не знаю. — Судха потер лоб. — Все это очень печально. Барто мертв. Почему? — Огорчение в его голосе, на опытный слух Майлза, было неподдельным, но казалось вызванным скорее неожиданностью новости, чем глубокой скорбью о потере близ-

кого друга. Возможно, придется выяснять подробности о Радоваше где-то еще.

— Мне бы хотелось осмотреть кабинет доктора Радоваша и место, где он работал.

— О! Боюсь, его кабинет был вычищен и передан другому.

— Вы взяли кого-то на его место?

— Пока нет. Я пока занимаюсь подбором. И скоро, надеюсь, приступлю к собеседованиям с желающими.

— Радоваш наверняка дружил с кем-то. Я хочу поговорить с его коллегами.

— Конечно, милорд Аудитор. На какое время вы хотите, чтобы я назначил встречи?

— Думаю, что просто зайду к ним.

Судха пожевал губу.

— Многие из моих сотрудников в отпусках, несколько — на опытной станции. Проводят там сегодня утром кое-какие опыты. И я не думаю, что они закончат до вечера. Но вы можете начать с тех, кто сейчас здесь, а когда закончите с ними, возможно, подойдут и другие.

— Хорошо...

С видом человека, приносящего жертву духам вулкана, Судха вызвал двух подчиненных, с которыми Майлз побеседовал по очереди в том же конференц-зале, где вчера проходила встреча. Ароцци, инженер, временно исполняющий обязанности Радоваша, оказался молодым человеком, едва ли старше самого Майлза. И возможно, как он сам намекнул, рассчитывающий официально занять место покойного. Не желает ли лорд Аудитор посмотреть что-нибудь из его работ? Нет, он не был близким другом своего начальника. Нет, этот служебный роман оказался для него полной неожиданностью, но Радоваш всегда был скрытным. Трогир — умница и красавица.

Ароцци прекрасно понимал, что нашел в ней Радоваш. Что она нашла в Радоваше? Он понятия не имеет, но ведь он не женщина, верно? Радоваш мертв? О Господи... Нет, он не имеет представления, что его бывший шеф делал в космосе. Может быть, парочка пыталась эмигрировать?

От Каппеля, ведущего математика отдела, толку было ненамного больше. Чуть старше Ароцци и чуть циничнее. Он воспринял весть о смерти Радоваша внешне более спокойно, чем Ароцци и Судха. Он тоже не был в приятельских отношениях ни с Радовашем, ни с Трогир, хотя и часто работал с инженером. Да, выверял расчеты, делал прикидки. И он с радостью покажет милорду Аудитору еще несколько тысяч страниц своих работ. Не надо? Что собой представляет Трогир? Ну, довольно симпатичная, но несколько хитроватая. Посмотрите, что она сделала с беднягой Радовашем, а? Думает ли он, что Трогир тоже мертва? Нет, вряд ли. Женщины ведь как кошки, всегда приземляются на четыре лапы. Нет, он ни разу не пробовал проверить эту старинную поговорку на живых кошках. У него вообще нет домашних животных. И жены тоже нет. И котенок ему не нужен, спасибо за предложение, милорд Аудитор...

Майлз встретился с Тумоненом за ленчем в местной столовой для руководящего состава, где подавали довольно скверную пищу. Выселенный руководящий состав был вынужден отправиться обедать в другое место. Они обменялись впечатлениями об утренних встречах. Тумонен тоже не обнаружил ничего стоящего.

— Никто не выказал неприязни в отношении Трогир, но такое впечатление, что она была довольно скользкой дамочкой, — заметил Тумонен. — Судя по всему, отдел использования избыточного тепла славится тем, что он вещь в себе. Единственная дама в отделе, которая,

предположительно, была ее подругой, мало что смогла сказать. Может, мне стоит прислать сюда следователя-женщину?

— М-м... Может быть... Хотя я считал, что комаррцы равнодушны к таким вещам. Возможно, следователя-женщину из местных? — Майлз вздохнул. — А вам известно, что согласно статистике половина барраярских женщин, получивших образование на Комарре, не возвращается домой? Даже существует группа холостяков паникеров, пытающихся заставить императора отказывать им в выездной визе. Грегор отказывается принимать их петицию.

— Ну, у этой проблемы есть несколько решений, — усмехнулся Тумонен.

— Кстати, а как ваша комаррская родня восприняла помолвку императора с наследницей клана Тоскане?

— Некоторые считают, что это очень романтично. Некоторые — что это разумная деловая сделка со стороны императора Грегора. Между прочим, из уст комаррцев это большой комплимент.

— Реально Грегору принадлежит Зергияр. Вы можете указать на это тем, кто рассуждает о том, что он женится на Лаисе ради денег.

— Да, но разве Зергияр — это наличные? — ухмыльнулся Тумонен.

— Только с точки зрения имперских финансов, утекающих туда рекой, по словам отца. Но это уже совсем другой комплекс проблем. А что думают об этой женитьбе живущие здесь барраярские эмигранты?

— В целом одобряют. — Тумонен сдержанно улыбнулся в чашку с кофе. — Пять лет назад мои коллеги полагали, что своей женитьбой я гроблю себе карьеру. Говорили, что я никогда не выберусь из Серифозы и не получу повышения. А теперь меня считают скрытым ге-

нием и смотрят с уважением и опаской. По-моему... это лучше, чем когда надо мной потешались.

— Хе! Вы мудрец, капитан. — Майлз прикончил склизкую порцию макарон с чем-то там и запил остатками остывшего кофе. — Так что же друзья Трогир думают о Радоваше?

— Ну, он, безусловно, сумел оставить о себе вполне определенное мнение. Славный малый, благоразумный, никогда не гнал волны, привязанный к своему отделу, его выходка для большинства оказалась полной неожиданностью. Одна из дам вообще считала, что неровно дышал к Трогир этот ваш математик, Каппель, а вовсе не Радоваш.

— Мне показалось, что он скорее ее терпеть не мог, чем неровно дышал. Может, разочаровался? — В мозгу Майлза быстренько выстроился симпатичный сценарий убийства из ревности, в который входило выталкивание Радоваша из шлюза, откуда он полетел по траектории, лишь случайно совпавшей с траекторией обломков отражателя. *Ну да, мечтать не вредно, мой мальчик. К тому же гораздо более логично, что маньяку, желающему освободить для себя местечко возле Трогир, пришлось бы начать с Андро Фарра. И что вся эта любовная дребедень имеет общего с рудовозом, сбившимся с курса и влетевшим в отражатель?* Если, конечно, ревнивый маньяк не сам Андро Фарр... Полиция Серифозы теоретически должна изучить и эту возможность.

— Я бы сказал, что получил гораздо большее представление о Трогир из краткой беседы с Фарром, чем от всей остальной команды за все утро, — хмыкнул Тумонен. — Думаю, надо будет поговорить с ним еще раз.

— А я хочу наверх, черт побери! Но если вся эта история завершилась в космосе, то начало ее, безусловно, здесь, внизу. Ну что же... Двигаем дальше, капитан!

* * *

Судха обеспечил Майлза еще несколькими человеческими жертвами из числа сотрудников, отозванных с опытной станции. Все они казались более заинтересованными в своей работе, чем в сплетнях, но, возможно, размышлял Майлз, это срабатывает эффект присутствия постороннего. Часам к пяти Майлз вынужден был ограничить свое развлечение тем, что бродил по кабинетам департамента и терроризировал сотрудников, снимая с их коммов выборочные данные, изредка издавая многозначительное «хм», когда они смотрели на него с испуганным восхищением. В этом занятии не было ничего интересного, даже задачки типа взлома скрытых файлов, поскольку аппараты государственного учреждения, по винуясь печати Аудитора, открывали для него все, независимо от степени секретности материалов. Майлз узнал, что Проект Тетраформирования — огромный проект со столетней научной и бюрократической историей и что любой человек, пытающийся найти какие-то ключи в гигантском скопище данных, — законченный псих.

Хотя если озадачить этим кого-то... *Кого я достаточно сильно ненавижу в Имперской безопасности?*

Он все еще обсасывал эту мысль, когда лениво просматривал файлы Венье на комме в приемной администратора. Нервный Венни сбежал после четвертого «хм», судя по всему, не в силах более выдержать напряжение. Тьен Форсуассон, который почти весь день благоразумно не путался у Майлза под ногами, просунул голову в дверь и неуверенно улыбнулся:

— Милорд Аудитор? Обычно в это время я ухожу домой. Вам что-нибудь еще от меня нужно?

Последние несколько минут мимо двери то и дело проходили направлявшиеся по домам сотрудники, и в

кабинетах дальше по коридору везде погас свет. Майлз откинулся на стуле и потянулся.

— Вряд ли, администратор. Я просмотрю еще кое-какие файлы и переговорю с капитаном Тумоненом. Так что вы можете идти. Не стоит опаздывать на ужин. — Образ госпожи Форсуассон, грациозно передвигающейся по кухне, чтобы приготовить ужин супругу, предстал перед его мысленным взором. Майлз прогнал его. — Я заеду попозже за вещами. — *Хотя лучше будет...* — Или пошлю за ними кого-нибудь из ребят Тумонена. Передайте миледи вашей жене мою глубочайшую признательность за гостеприимство.

Вот так. И все. Конец. Ему даже не придется прощаться с ней лично.

— Непременно, милорд Аудитор. Э-э... Вы рассчитываете завтра прийти сюда снова?

— Это зависит от того, что произойдет за ночь. Всего доброго, администратор.

— До свидания, милорд.

Тьен тихо удалился.

Минут через пять ввалился Тумонен с кучей дискет в руках:

— Нашли что-нибудь, милорд?

— На мгновение я пришел в восторг, когда обнаружил закрытый файл, но это оказался файл Венье с анекдотами о барраярах. Некоторые очень даже ничего. Хотите экземпляр?

— Это не тот, что начинается вот с этого: «*Офицер СБ: То есть как это сбежал?! Ведь я приказал перекрыть все выходы! Солдат: Я перекрыл, сэр! Он ушел через вход.*»

— Ага. А следующий вот этот: «*Цетагандиец, комарец и барраярец входят в генетическую клинику...*»

— Этот сборник я видел, — скривился Тумонен. — Теща прислала.

— Заложила неблагонадежных комаррских друзей, а?

— Ну, вряд ли это входило в ее намерения. Думаю, это скорее личное послание. — Оглядев пустое помещение, капитан вздохнул. — Итак, милорд Аудитор, когда приступим к применению суперпентотала?

— Я здесь и правда ничего не обнаружил. — Майлз задумчиво нахмурился. — Я бы сказал, подозрительно чисто. Может, мне стоит лечь спать, чтобы мое подсознание поиграло с этим. И я, безусловно, хочу непременно посетить завтра утром их опытную станцию, прежде чем улечу наверх. Ох, капитан, меня так и тянет вызвать солдат, захватить здание, выстроить всех, провести полную финансовую проверку, накачать суперпентоталом все, что движется... Перевернуть это место вверх дном и встряхнуть как следует. Но мне нужен повод.

— Это мне нужен повод, — хмыкнул Тумонен. — При чем подтвержденный документами, иначе я рискую карьерой, если изведу впустую такую сумму из бюджета СБ. А вы в отличие от меня являетесь Голосом самого императора. Вы могли бы назвать это учениями.

— Я могу обозвать это хоть кадрилью, — криво усмехнулся Майлз. — Чем оно может и закончиться.

— Я могу связаться со штаб-квартирой, чтобы они держали десантный отряд в боевой готовности, — предложил Тумонен.

— Я вам дам знать завтра утром, — пообещал Майлз.

— Мне нужно вернуться в контору, чтобы разобраться с обычной рутинной, — сказал Тумонен. — Не хотите ли составить мне компанию, милорд Аудитор?

Чтобы ты меня охранял со всеми удобствами?

— Я побуду здесь еще немного. Что-то тут... Что-то меня беспокоит, и я пока никак не пойму, что именно. Хотя перед тем, как лечь спать, я бы хотел переговорить с профессором по закрытой линии.

— Тогда, может быть, когда вы тут все закончите, вы мне позвоните и я пришлю за вами кого-нибудь из своих людей?

Майлз поразмышлял, не стоит ли отказаться от столь хитроумного предложения, но, с другой стороны, по дороге в контору Тумонена они смогут заскочить на квартиру Форсуассона и забрать вещи. Тумонен будет счастлив, что при лорде Аудиторе находится телохранитель, а лорд Аудитор, в свою очередь, будет несказанно рад сбавить багаж подхалиму, пусть тащит. Короче, все довольны. К тому же присутствие солдата будет поводом не задерживаться у Форсуассонов.

— Договорились.

Тумонен, частично удовлетворенный, кивнул и ушел. Майлз вернулся к содержимому комм Венье. Кто знает, может, там найдется еще один список анекдотов.

ГЛАВА 9

Катриона закончила укладывать последние вещи Форкосигана в его чемодан, причем гораздо аккуратней, чем сам хозяин, судя по степени измятости одежды. Собрав его туалетные принадлежности, она сунула их туда же, затем положила странного вида коробочку с каким-то необычным, вроде бы медицинским прибором. Кэт понадеялась, что это не какая-то новая разновидность секретного оружия СБ.

Рассказ Форкосигана о сержанте Беатрис не выходил у нее из головы. Она поглядела на отметины на запястьях. О, счастливчик, ему несказанно повезло, что у него не было ни секунды на размышление. А если бы у него

были годы, чтобы все обдумать? Часы? Чтобы высчитать массу, силу и скорость падения? Это смелость или трусость — не протянуть руку помощи товарищу, которого заведомо не можешь спасти, и спастись таким образом самому? Если ты командир, то несешь ответственность за других. И чего бы вам стоило решение сознательно разжать руки и выпустить товарища на верную гибель, капитан Форкосиган?

Закрыв чемодан, Катриона глянула на хроно. Устройство Никки у приятеля «на всю ночь» — это она сделала в первую очередь — заняло больше времени, чем она рассчитывала. Как и вызов служителей проката, чтобы забрали гравикойку. Лорд Форкосиган говорил о том, что переберется в гостиницу сегодня вечером, но никаких шагов в этом направлении не предпринял. Когда он вернется с Тьеном и обнаружит, что нет ни ужина, ни койки, а его вещи упакованы и стоят в коридоре, он наверняка поймет намек и уберется в мгновение ока. Их прощание будет сугубо официальным и, что самое главное, кратким. Времени почти не осталось, а она еще не собрала свои вещи.

Катриона выволокла чемодан Форкосигана в коридор, вернулась в свой кабинет и устала на растения, инструменты и оборудование. Все это совершенно невозможно уложить в сумку, она просто ее не дотащит. Вот еще один сад, который придется бросить. Что ж, во всяком случае, ее сады становятся все меньше и меньше.

Когда-то ей хотелось пестовать свой брак, как сад. Один из легендарных парков великих форов, на которые приезжают полюбоваться люди из дальних графств, восхищаясь сменой цветов по временам года. Такой, который достигает расцвета лет через десять, с каждым годом становясь все ярче и разнообразней. Когда все прочие желания умерли, осколки этой мечты еще продолжали

жить, соблазняя ее призрачной надеждой типа «я попытаюсь еще один раз...».

Ее губы скривились в горькой усмешке. Пора уже понять, что ее брак умер. Надо его похоронить, залить цементом и покончить с этим.

Она начала собирать с полки свою библиотеку и складывать дискеты в коробку. Желание быстренько побросать кое-какие вещи в любую хозяйственную сумку и удрать до прихода Тьена было почти нестерпимым. Но ведь все равно рано или поздно придется с ним встречаться. Из-за Никки будет много формальностей, переговоров, юридических запросов и просьб. Неуверенность в исходе дела об опеке над сыном вызывала у нее тошноту. Но она годами шла к этому. Если она не разберется с Тьеном сейчас, когда ярость ее так и кипит, то как она сможет пройти через все остальное, когда к ней вернется хладнокровие?

Катриона прошла по квартире, выискивая взглядом имеющие для нее ценность вещи. Таких было немного. Большая часть мебели стояла здесь еще до их приезда и здесь и остается. Она периодически пыталась создать уют, сделать это место хоть немного похожим на баррарярский дом, посвящала этому долгие часы... Нет, это все равно что решать, что спасти из огня в первую очередь. А ничего. Да гори оно все!

Единственным исключением был бонсаи двоюродной бабушки. Это не только ее единственное материальное воспоминание о жизни до Тьена, но и память о покойнице. Держать нечто столь глупое и уродливое в течение семидесяти лет... Что ж, это типичная обязанность форледи. Кэт горько улыбнулась, втащила деревце с балкона на кухню и начала оглядываться в поисках чего-нибудь, в чем можно его нести. При звуке открывающейся двери она затаила дыхание и постаралась придать лицу максимально бесстрастное выражение.

— Кэт? — Тьен сунулся на кухню и огляделся. — А где ужин?

А я бы сперва поинтересовалась, где Никки. Интересно, через сколько времени эта мысль придет в голову ему?

— Где лорд Форкосиган?

— Остался в конторе. Сказал, придет за вещами позже.

— А! — Кэт поняла, что исподволь надеялась покончить с неприятным разговором, пока Форкосиган будет завершать сборы в ее кабинете. Его присутствие гарантировало подобие безопасности, Тьену пришлось бы держать себя в руках. Что ж, может, так оно и к лучшему.

— Сядь, Тьен. Мне надо с тобой поговорить.

Недоуменно подняв бровь, он тем не менее сел за стол слева от нее. Кэт предпочла бы, чтобы он сел напротив.

— Я от тебя ухожу.

— Что? — Его изумление казалось искренним. — Почему?

Катриона поколебалась. Ей не хотелось начинать дискуссию.

— Думаю... Потому что я иссякла. — Только сейчас, оглядываясь на прожитые тоскливые годы, она начала отдавать себе отчет, сколько сил она вложила, чтобы сохранить брак. Неудивительно, что это тянулось так долго. Теперь все кончено.

— Но... но почему сейчас? — *По крайней мере он не сказал «ты шутишь!».* — Я не понимаю, Кэт. — Она видела, как его мозги начинают работать, но не в сторону понимания истинных причин, а, наоборот, в совершенно противоположном направлении. — Это из-за дистрофии Форзонна! Дьявольщина, я так и знал...

— Не будь дураком, Тьен. Если бы причина была в этом, я ушла бы уже много лет назад. Я поклялась быть тебе верной в здоровье и в болезни.

Откинувшись на стуле, он нахмурился еще сильнее.

— У тебя кто-то другой? У тебя появился кто-то другой, так?

— Уверена, тебе бы этого очень хотелось. Потому что в этом случае ты смог бы обвинить его, а не себя. — Голос ее звучал ровно и безжизненно. Желудок горел огнем.

Тьен был явно в шоке, его начало трясти.

— Дурдом какой-то! Не понимаю...

— Мне больше нечего сказать.

Катриона начала подниматься, больше всего на свете желая немедленно уйти, оказаться подальше от него. *Знаешь, дорогая, ты вполне могла сделать это по комму.*

Нет, данные мною клятвы вросли в мою плоть. И я их должна вырвать с корнем.

Тьен поднялся тоже и схватил ее за руки.

— Нет, есть что-то еще!

— Ты знаешь об этом больше, чем я, Тьен.

И тут он заколебался, наконец-то действительно испугавшись. Хотя для нее это не более безопасно. *Впрочем, надо отдать ему должное, он ни разу в жизни меня не ударил.* Какая-то ее часть даже едва не сожалела об этом. Тогда по крайней мере была бы ясность, а не эта тягостина.

— О чем ты?

— Пусти меня.

— Нет!

Она посмотрела на его ладони, сжимавшие ее руки сильно, но не больно. Все равно он намного сильнее ее. На полголовы выше и тяжелее килограммов на тридцать. Но она боялась его физической силы гораздо меньше, чем думала. Возможно, потому что слишком одеревенела. Кэт подняла лицо и посмотрела ему в глаза.

— Пусти меня! — резко повторила она.

К ее изумлению, он послушался, руки его неловко повисли.

— Ты должна мне объяснить причину. Или я посчитаю, что здесь замешан любовник.

— Меня больше не волнует, что ты там считаешь.

— Он комаррец? Какой-то чертов комаррец?

Ну да, он в своем репертуаре. А почему нет? В свое время эта тактика сработала, ему удалось тогда меня приструнить. И до сих пор наполовину срабатывает. Кэт дала себе клятву, что словом не обмолвится о его деяниях. Жаловаться — значит косвенно просить помощи, каких-то изменений... продолжения. Жаловаться означает попытаться перевалить ответственность за свое деяние на другого. А действие исключает возможность жаловаться. Так что она должна либо действовать, либо не действовать. И не станет хныкать. Все тем же ровным тоном она заявила:

— Мне известно о твоей игре с акциями, Тьен.

Он открыл было рот и тут же закрыл.

— Я могу все исправить, — наконец сказал он. — Теперь я знаю, что сделал не так. Я могу восстановить потери.

— Сомневаюсь. Где ты взял сорок тысяч марок, Тьен. — Из-за отсутствия всякой интонации это не прозвучало вопросом.

— Я... — Кэт видела по его лицу, как он судорожно соображает, что бы такое соврать. И остановился на самом простом варианте. — Часть я скопил, часть занял. Не только ты умеешь экономить, видишь ли.

— У администратора Судхи?

Он моргнул, но спросил:

— Откуда ты знаешь?

— Не важно. Я не собираюсь тебя расспрашивать. — Она устало посмотрела на него. — Я больше не имею к тебе никакого отношения.

Он принялся ходить по кухне из угла в угол.

— Я сделал это ради тебя, — произнес он наконец.

Ну да. Теперь он попытается вынудить меня почувствовать себя виноватой. Во всем я виновата.

Все это было хорошо знакомо, как па некоего привычного танца. Кэт молча ждала продолжения.

— Все ради тебя. Ты хотела денег. Я вкалывал как собака, но тебе всегда было мало, так?! — Он говорил все громче, пытаясь изобразить праведный гнев. Несколько фальшиво на ее опытный слух. — Это ты толкала меня на такой шаг своим постоянным нытьем и беспокойством. А теперь, когда у меня ничего не вышло, ты хочешь наказать меня, так?! Но если бы у меня получилось, ты готова была бы меня на руках носить!

А он молодец, вынуждена была признать Кэт. Его обвинения — отражение ее собственных сомнений. Она слушала его патетический монолог с отстраненным удовольствием, как жертва пыток, которая уже перешагнула болевой порог и, не чувствуя боли, любит цвет своей крови. *А теперь он попытается вынудить меня пожалеть его. Но я перестала чувствовать жалость. Я перестала чувствовать что бы то ни было.*

— Деньги, деньги, деньги! Это из-за них вся затея? Что ты так жаждешь купить, Кэт?

Твое здоровье, если помнишь. И будущее Никки. И мое.

На глаза мечущегося по кухне Тьена попался ярко-красный бонсаи.

— Ты меня не любишь. Ты любишь только себя! Эгоистка ты, Кэт! Ты любишь эти свои чертовы горшки больше, чем меня. И я тебе это сейчас докажу!

Он схватил горшок и нажал на замок балконной двери. Дверь открывалась слишком медленно для разыгрываемого им спектакля, но он тем не менее протиснулся на балкон и повернулся к жене.

— Так что сейчас полетит через перила, Кэт? Твое драгоценное растение или я? Выбирай!

Катриона не двинулась с места и не произнесла ни слова. *А теперь он попытается напугать меня угрозой самоубийства. Это что, уже четвертый сценарий сегодняшней пьесы? Его козырная карта, которая прежде всегда решала исход игры в его пользу.*

Тьен поднял бонсаи.

— Я или он?

Он пристально следил за ее лицом, ожидая, что она сломается. Нездоровое любопытство призывало ее сказать «ты», просто чтобы посмотреть, как он начнет выкручиваться, но она хранила молчание. Поскольку Катриона молчала, он несколько растерялся, не зная, что предпринять, а потом бросил древнее смешное растение вниз.

С пятого этажа. Кэт мысленно считала секунды, дожидаясь удара. Раздался глухой стук и треск разлетевшейся глины.

— Осел ты, Тьен. Ты даже не посмотрел, не идет ли кто вниз.

С внезапно появившимся во взгляде ужасом, при виде которого она едва не рассмеялась, Тьен опасливо выглянул вниз. Судя по всему, он все же ухитрился никого не убить, поскольку облегченно вздохнул, повернулся и вошел обратно на кухню.

— Да отреагируй как-нибудь, черт тебя побери! Что мне еще сделать, чтобы до тебя достучаться?!

— Не утруждайся, — спокойно вымолвила Кэт. — Вряд ли тебе удастся придумать что-то, что сможет разозлить меня еще сильнее.

Тактический список Тьена иссяк, и он потерянно посмотрел на жену.

— Чего ты хочешь? — гораздо тише спросил он.

— Я хочу получить обратно мою честь. Но ты не можешь мне ее вернуть.

Он заговорил еще тише, умоляюще сложив руки:

— Прости меня за бонсаи твоей бабушки. Я не знаю, что...

— И тебе стыдно за воровство в особо крупных размерах, за взяточничество и измену?

— Я сделал это ради тебя, Кэт!

— За одиннадцать лет нашей совместной жизни, — медленно проговорила она, — ты так и не разобрался, кто я. И я этого не понимаю. Как можно прожить с человеком так долго и так близко и не разглядеть его. Может, ты живешь с какой-то придуманной тобой Кэт, не знаю.

— Да чего ты хочешь, черт возьми?! Не могу же я пойти и во всем сознаться! Это же публичный позор! Для меня, для тебя, для Никки, для твоего дяди... Ты ведь не этого хочешь?!

— Я больше никогда в жизни не хочу быть вынужденной лгать. А что станешь делать ты — твоя проблема. — Она глубоко вздохнула. — Но вот что я тебе скажу. Что бы ты впредь ни делал или, наоборот, не делал, отныне лучше делай это для себя. Потому что меня это отныне не касается.

Вот и все. Теперь уже конец. Больше ей не придется снова проходить через это.

— Я... я могу все исправить.

Он имеет в виду бонсаи, их брак, свое преступление? Что бы то ни было, все равно.

Поскольку она молчала, он в отчаянии бросил:

— По барраярским законам Николас мой!

Очень интересно. Никки был единственным средством, к которому он никогда прежде не прибегал. Кэт поняла, что до него наконец дошло, насколько серьезно ее решение. Отлично. Оглядевшись, он запоздало спросил:

— А где Никки?

— В безопасном месте.

— Ты не можешь его у меня отнять!

Могу, если ты будешь в тюрьме. Но произнести это вслух она не потрудилась. При сложившейся ситуации Тьен вряд ли рискнет прибегнуть к закону, чтобы отнять у нее Никки. Но ей хотелось избавить сына от лишних переживаний. Эту войну она начинать не станет, но, уж если Тьен осмелится ее начать, она доведет ее до конца. Она холодно смотрела на мужа.

— Я все исправлю. Я могу. У меня есть план. Я думал над этим весь день.

Тьен и его план — это примерно так же безопасно, как двухлетний малыш с плазмотроном.

Нет. Ты больше на себя ответственности за него не возьмешь. Не для того ты все это затевала, помнишь?

— Делай что хочешь, Тьен. А я пошла заканчивать сборы.

— Подожди... — Он подошел к ней. Кэт занервничала, когда он оказался между ней и дверью, но вида не показала. — Подожди. Вот увидишь. Я все исправлю. Подожди здесь!

Махнув ей рукой, он метнулся к входной двери и исчез.

Она прислушалась к его удаляющимся шагам. И только когда услышала звук спускающегося лифта, вышла на балкон и глянула вниз. Внизу разбитый бонсаи лежал влажной кучкой на тротуаре, сломанные красные веточки — как капли крови. Прохожие с любопытством смотрели на него. Через минуту она увидела, как Тьен вышел из здания и направился через парк к стоянке, время от времени едва не переходя на бег. Он дважды оглянулся на их балкон, но Кэт отошла в тень. Тьен исчез в здании станции.

Казалось, от напряжения болели все мышцы. Ее тошнило. Кэт вернулась на кухню и выпила стакан воды. Потом она прошла в свой кабинет, взяла ведро, пластиковый пакет и совочек, чтобы собрать с тротуара останки бонсаи.

ГЛАВА 10

Майлз сидел за столом администратора Форсуассона, методично изучая досье на всех служащих отдела избыточного тепла. По сравнению с другими отделами в нем было очень много сотрудников. Этот отдел — явно любимое детище финансового департамента Проекта. Предположительно большинство сотрудников проводит массу времени на опытной станции, поскольку в основном здании помещения этого отдела довольно скромные. Вечно беспокойное подсознание Майлза сожалело, что он сегодня не начал исследование жизненного пути Радоваша в космосе, где можно предпринять активные действия, вместо того чтобы переворачивать тонны бюрократической зануды. А еще больше он сожалел, что во время ознакомительной поездки не посетил опытную станцию... Хотя нет. Тогда он еще не знал, что искать.

А сейчас знаешь? Покачав головой, Майлз приступил к следующему файлу. Тумонен взял список сотрудников и в свое время переговорит со всеми, если не произойдет ничего такого, что повернет расследование в другом направлении. Например, найдется Мария Трогир. Этот пункт шел первым в списке составленных Майлзом для СБ пожеланий. Он повел плечами, разминая спину, затекшую от долгого сидения в холодном помещении.

В коридоре раздались быстрые шаги и кто-то свернул в сторону приемной. Майлз поднял голову. Тьен Форсуассон, слегка запыхавшийся, на мгновение остановился в дверях своего кабинета, затем решительно вошел. Он нес две толстые куртки, свою и своей жены, ту самую, что Майлз надевал в прошлый раз, и еще — респиратор с надписью «Посетитель. Размер средний». Форсуассон улыбнулся с едва сдерживаемым возбуждением.

— Милорд Аудитор! Как хорошо, что я вас застал!

Майлз закрыл файл и с любопытством посмотрел на Форсуассона.

— Приветствую вас, администратор. Что привело вас обратно?

— Вы, милорд. Мне срочно необходимо поговорить с вами. Я должен... показать вам кое-что, что я обнаружил.

Майлз жестом указал на комм-пульт, но Форсуассон покачал головой:

— Не здесь, милорд. На опытной станции отдела избыточного тепла.

Ага!

— Прямо сейчас?

— Да, ночью, пока никого нет. — Форсуассон положил принесенный респиратор на стол, подошел к стоящему у дальней стенки ящику и достал свой персональный респиратор. Повесив маску на шею, он торопливо застегнул нагрудные ремни, фиксирующие запасной кислородный баллон.

— Я реквизирует флайер, он ждет нас внизу.

— Хорошо... — *Так, и к чему все это? Вряд ли стоит надеяться на то, что Форсуассон отыскал Марию Трогир, запертую на станции в каком-нибудь шкафу.* Майлз проверил респиратор — индикаторы питания и уровня кислорода показывали полную зарядку — и надел его. Сделав пару проверочных вдохов и выдохов, чтобы убедиться, что все работает нормально, он стянул маску вниз и напялил куртку.

— Сюда... — Форсуассон шел широким шагом, нескладанно раздражающим Майлза. Бежать за длинноногим Тьеном он не собирался. Так что администратору пришлось дожидаться его у лифтовой шахты, нетерпеливо постукивая ногой. На сей раз, когда они спустились в гараж, флайер их уже поджидал. Стандартный двухмест-

ный аппарат без всяких наворотов, но в отличном состоянии.

Зато в пилоте Майлз был далеко не так уверен.

— Так из-за чего все же весь сыр-бор, Форсуассон?

Форсуассон, упершись рукой о кабину, посмотрел на Майлза с вызывающей тревогой настойчивостью.

— Каковы правила объявления себя Имперским Свидетелем?

— Ну... Самые разные. В зависимости от обстоятельств, я полагаю. — Майлз несколько запоздало сообразил, что не настолько подкован в баррарском законодательстве, как следовало бы быть Имперскому Аудитору. Придется побольше читать. — То есть... Я не думаю, что человек может сам провозгласить себя таковым. Обычно это предмет торга между потенциальным свидетелем и той юридической инстанцией, которая ведет данное конкретное дело. — И случается крайне редко. После окончания Периода Изоляции и с появлением суперпентотала и прочих галактических медикаментозных средств властям, как правило, нет необходимости выторговывать правдивые показания.

— В данном случае этой властью являетесь вы, — сказал Тьен. — И правила могут быть такие, какие угодно вам, не так ли? Потому что вы — Имперский Аудитор.

— Э-э... Возможно...

Форсуассон удовлетворенно кивнул, открыл кабину и скользнул в кресло пилота. Майлз неохотно уселся рядом. Они пристегнули ремни безопасности, и флайер двинулся к выходу из гаража.

— А почему вы спрашиваете? — осторожно закинул удочку Майлз. Форсуассон выглядел как человек, которому действительно не терпится выдать что-то весьма интересное. Ни за что в мире Майлз не захотел бы спугнуть его. И в то же время надо быть предельно осторожным в обещаниях. *Он — зять твоего коллеги Аудитора. Ты только что вляпался в этическую проблему.*

Форсуассон ответил не сразу. Он поднял флайер вверх к ночному небу. Огни Серифозы освещали бегущие облака, частично закрывавшие звезды. Но когда они вылетели из города-купола, звезды предстали во всей красе. Простиравшийся за пределами купола ландшафт, лишенный деревень и вообще всяких следов человеческой деятельности, свойственных более гостеприимным мирам, таял во тьме. Лишь к юго-западу уходила монорельсовая дорога — тоненькая блестящая ниточка на мертвой земле.

— Мне, кажется... — начал наконец Форсуассон и судорожно сглотнул. — Мне, кажется, наконец удалось собрать достаточно улик, свидетельствующих о попытке совершить преступление против империи, чтобы возбудить дело. Надеюсь, я не слишком с этим затянул, но я хотел быть полностью уверенным.

— Уверенным в чем?

— Судха пытался подкупить меня. И я не уверен, что он не подкупил моего предшественника.

— Вот как? А зачем?

— Использование избыточного тепла. Весь отдел — сплошная туфта, одна оболочка. Я не знаю точно, сколько времени это тянется. Им удавалось дурачить меня... месяцами. Я хочу сказать... Целое строение, полное оборудования, в нерабочий день. Откуда мне было знать, что делает это оборудование? Или не делает? Или что там никаких других дней, кроме как нерабочих, просто не бывает?

— И как давно... — «вы это знаете», хотел спросить Майлз, но прикусил язык. Вопрос преждевременный. — Так что же они делали?

— Сосали деньги из бюджета. Насколько мне известно, все началось с малого или вообще случайно — кто-то из уволившихся забыли вычеркнуть из ведомости, а Судха сообразил, как прикарманить предназначавшееся

этому человеку жалование. Мертвые души. В его отделе полно фиктивных служащих, а зарплата на них идет. И оборудование закупается — у Судхи в бухгалтерии есть какая-то дамочка, которая все прикрывает. Все формы и балансы составлены как надо, все цифры сходятся. Они обвели вокруг пальца бог знает сколько фининспекторов, потому что бухгалтеры, которых направляют сюда с проверкой из центра, не знают, как проверять науку, они умеют проверять лишь финансовые отчеты.

— А кто проверяет научные результаты?

— В этом-то и весь фокус, милорд Аудитор. От Проекта Тетраформирования никто и не ждет скорых результатов, во всяком случае, таких, которые можно немедленно оценить. Судха выдает научные отчеты в большом количестве, с этим у него все в порядке, и точно в срок. Но сдается мне, что он их попросту переписывает с предыдущих отчетов других секторов и добавляет немного отсебятины.

Комаррский Проект Тетраформирования действительно был бюрократическим омутом, едва ли не последним в списке неотложных дел Барраярской империи. Не слишком существенный объект, к тому же отличное место отстоя для некомпетентных вторых сынков форских фамилий, чтобы убрать их с глаз долой. Место, где они не смогут причинить никакого вреда, поскольку Проект большой и медленный в реализации, и они могут там крутиться довольно долго, а потом уйти прежде, чем нанесенный ими ущерб, ежели таковой случится, вообще можно будет вычислить.

— Кстати о мертвых душах — какое отношение имеет смерть Радоваша к этому казнокрадству?

— Я не уверен, что связь есть, — поколебавшись, ответил Форсуассон. — Разве что она привлекла внимание

Имперской службы безопасности и погнала волну. В конце концов, он же уволился за много дней до смерти.

— Это Судха говорит, что он уволился. А Судха, исходя из ваших слов, искусный лжец и специалист по фальсификации данных. Мог Радоваш, скажем, пригрозить Судхе выдать его и Радоваша убили, чтобы обеспечить молчание?

— Но Радоваш сам в этом деле по уши увяз! Он сидел тут годами! Я хочу сказать, что наверняка все об этом знали. Они не могут не знать, что не делали той работы, что фигурирует в отчетах!

— М-м-м, это во многом зависит от того, насколько гениально Судха составлял свои отчеты. — Личное дело Судхи свидетельствовало о том, что он далеко не дурак и не посредственность. Может, досье персонала он тоже состряпал? *Бог мой, это ведь означает, что я не могу доверять никаким данным на коммах этого проклятого отдела!* А он сегодня угробил почти весь день на эти коммы! — Возможно, Радоваш пересмотрел свои позиции.

— Да не знаю я! — жалобно взвыл Форсуассон, искаса глядя на Майлза. — Я хочу, чтобы вы не забыли, что это я все раскопал. Я их сдал. Как только полностью удостоверился.

Его настойчивость подсказывала Майлзу, что администратор прознал о казнокрадстве задолго до того, как поведал об этом Майлзу. Может, взятка была не только предложена, но и принята? И все были довольны, пока не пошла волна? Это что, всплеск патриотического долга со стороны Форсуассона или же он поспешил сдать Судху и компанию прежде, чем те сдадут его?

— Я не забуду, — нейтрально ответил Майлз. Он задним числом сообразил, что отправиться на ночь глядя вдвоем с Форсуассоном на какой-то пустынный объект, даже не поставив в известность Тумонена, — не самый

блестящий вариант. Хотя он сильно сомневался, что в присутствии капитана СБ Форсуассон стал бы так открывенничать. И пожалуй, лучше не обсуждать с Форсуассоном его шансы вылезти сухим из воды, пока они не вернутся в Серифозу и не окажутся в обществе Тумонена и еще парочки горилл из службы безопасности. Парализатор в кармане Майлза служил некоторым утешением. Надо будет немедленно связаться с Тумоненом по ручному комму, как только Форсуассон окажется за пределами слышимости.

— И расскажите об этом Кэт, — добавил Форсуассон.
А? Госпожа Форсуассон-то тут при чем?

— Давайте сначала посмотрим на эти ваши улики, а там видно будет.

— То, что вы главным образом увидите, это отсутствие улик, милорд, — сообщил Форсуассон. — Там здоровенное... пустое помещение.

Форсуассон выровнял флайер, и они начали спускаться к опытной станции. Станция была хорошо освещена внешними лампами, как предположил Майлз, автоматически включающимися с наступлением сумерек. Когда они подлетели ближе, Майлз заметил, что стоянка возле станции не пуста. Там стояло полдюжины легких и тяжелых флайеров. Несколько окон небольшого здания конторы светились мягким светом, и прозрачные переходы между секциями станции тоже были освещены. А еще здесь оказались два больших грузовых катера, один из них стоял на погрузочной площадке возле большого глухого серого цеха.

— Довольно шумно, на мой взгляд, — заметил Майлз. — Для пустой оболочки.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Форсуассон.

Растительность, выросшая здесь Майлзу по щиколотку, довольно успешно противостояла холоду, но ее явно

не хватало, чтобы укрыть флайер. Майлз собрался было приказать Форсуассону погасить все бортовые огни и спрятать флайер за небольшую возвышенность, вне пределов видимости, хотя это и означало, что оттуда придется идти пешком. Но Форсуассон уже пошел на посадку. Посадив машину, он выключил двигатель и неуверенно посмотрел на цех.

— Может быть... может быть, вам сначала лучше держаться в стороне, — озабоченно сказал он. — Меня-то они не испугаются.

Он совершенно очевидно не понимал, что этими словами выдал себя с головой. Оба застегнули респираторы, и Форсуассон откинул колпак кабины. Прохладный ночной воздух лизнул кожу. Сунув руки в карманы, якобы чтобы согреть, Майлз коснулся парализатора и двинулся следом за Форсуассоном, держась в паре шагов позади. Оставаться за пределами видимости — это одно, а выпускать Форсуассона из поля зрения — совсем другое.

— Попробуйте сначала заглянуть в цех, — окликнул администратора Майлз. Из-под маски голос его звучал глухо. — Проверьте, не сможем ли мы разобраться, что здесь происходит, прежде чем вы столкнетесь с про... э-э... заговорите с кем-нибудь.

Форсуассон свернул к открытому погрузочному люку, возле которого стоял катер. Майлз прикинул, насколько велики шансы, что кто-то, ненароком выглянувший и заметивший чужака в неверном свете, спутает его, Майлза, с Никки? Таинственность Форсуассона, наложившись на его собственную паранойю, заставляла Майлза нервничать, хотя здоровая часть его мозга уже просчитала, что шансы на то, что все обойдется, а Форсуассон просто ошибся, довольно высоки.

Они поднялись по пешеходной дорожке в отгрузочный цех и обошли его. На уши немного давило. Когда

они обогнули грузовой катер, Майлз на мгновение поднял респиратор. Сейчас он свяжется с Тумоненом, как только...

Майлз остановился слишком поздно, чтобы остаться незамеченным для парочки, спокойно стоявшей возле нагруженной оборудованием платформы. Женщина, направляющая при помощи панели дистанционного управления беззвучно плывущую в воздухе платформу в катер, оказалась госпожой Радоваш. А мужчина — администратором Судхой. Парочка в полном ошалении уставилась на неожиданных визитеров.

Мгновение Майлз разрывался между желанием включить комм и выхватить парализатор, но, когда Судха потянулся к отвороту куртки, боевая выучка возобладала, и рука Майлза нырнула в карман. Форсуассон полуобернулся, его рот раскрылся в готовом вырваться крике. Майлз мог бы решить, что этот идиот затащил его в засаду, только вот Форсуассон казался удивленным поворотом событий гораздо сильнее, чем сам Майлз.

Судха ухитрился извлечь парализатор буквально на полсекунды раньше. *Ах ты, черт! Я ведь не спросил у Ченко, как отреагирует мой контролирующий чип, если я попаду под удар парализатора...* Парализующий луч ударил ему прямо в лицо. Голова дернулась от боли, к счастью, недолгой. На цементный пол Майлз рухнул уже без сознания.

Он очнулся с обычной после удара парализатора мигренью, в глазах мельтешили круги, боль пронизывала всю голову, от лба до позвоночника. Он немедленно закрыл глаза, защищая их от слишком яркого света ламп. Мутило так, что вот-вот грозило вывернуть наизнанку. И тут Майлз сообразил, что респиратор по-прежнему на нем, и по привычке опытного астронавта подавил позыв к

рвоте. Сглотнув, он сделал глубокий вдох, и опасный позыв миновал. Ему было холодно, и он сидел в очень неудобной позе, полуповиснув на руках. Майлз снова открыл глаза и осмотрелся.

Он находился снаружи, на прохладном комаррском воздухе, и был прикован к металлическим перилам, идущим вдоль наружной стены цеха опытной станции. Разноцветные лампочки, расставленные в зеленых насаждениях в нескольких метрах под ним, красиво освещали здание и бетонную дорожку, откуда и бил этот слепящий свет. За цветными лампочками практически все исчезало во тьме. Перила были самые обычные: вбитые через равные промежутки в бетон металлические стержни. А между ними — перекладки. Майлз стоял на коленях на холодном и жестком бетонном полу, с запястьями, прикованными (Прикованными? Да, прикованными) наручниками с простым замком к двум столбикам перил. Поэтому-то он и висит в полураспятом состоянии.

Комм все еще оставался у него на левой руке. Но дотянуться до него правой он, безусловно, не может. Или — Майлз таки попытался — головой. Майлз вывернул руку и прижал замок к перилам, но тот был отрегулирован на противоударный режим. Он тихо выругался в маску респиратора. Судя по всему, маска сидела плотно, и кислородный баллон тоже был на месте, пристегнутый под курткой на груди. Интересно, кто это застегнул ему куртку до самого подбородка? Ладно, не важно, главное — надо быть предельно осторожным, чтобы случайно не сдвинуть маску. Иначе он не сможет ее поправить.

Итак... парализатор спровоцировал припадок, пока он был без сознания, или все еще предстоит? Ведь очередной приступ уже на подходе. Оборвав льющияся потоком ругательства, Майлз сделал несколько глубоких успокаивающих вдохов, которые, впрочем, нисколько не обманули его тело.

В нескольких метрах справа от себя Майлз обнаружил Тьена Форсуассона, прикованного, как и он, между двумя столбами. Голова администратора безвольно свесилась на грудь. Он явно еще не очухался. Майлз попытался уговорить завязавшийся где-то в районе солнечного сплетения узелок ужаса, что во всем этом деле есть хоть одна светлая точка. И мрачно улыбнулся под маской. Вообще-то, если подумать, он предпочел бы, чтобы Форсуассон был на свободе и мог бы помочь. Хотя было бы гораздо лучше оставить Тьена прикованным и освободиться самому, чтобы позвать на помощь. Но попытки вывернуть руки из наручников привели лишь к тому, что он едва не стер в кровь запястья.

Если бы они хотели тебя убить, то ты был бы уже мертв, пытался он убедить свое дергающееся тело. Если они, конечно, не садисты, жаждущие медленной и мучительной смерти своим противникам. Да что я им всем сделал? Кроме того, что я просто баррарец вообще и сын Эйрела Форкосигана, в частности...

Медленно текли минуты. Форсуассон пошевелился и застонал, затем снова впал в бессознательное состояние. Но теперь Майлз хоть был уверен, что Тьен жив. Пока. Наконец послышались приближающиеся шаги. Майлз осторожно повернул голову.

Из-за закрывающей лицо маски и толстой куртки Майлз сначала не понял, мужчина это или женщина. Но когда человек приблизился, он узнал вьющиеся светлые с проседью волосы и карие глаза женщины, которую им с Фортицем представили в первый день. Бухгалтер, та самая аккуратистка, которая потрудилась сделать копию своего отчета и для Майлза. Ха! На маске респиратора была написана фамилия женщины. Фоскол.

Она встретилась с ним взглядом.

— О, добрый вечер, лорд Аудитор Форкосиган! — Женщина говорила достаточно громко, чтобы ее было хорошо слышно сквозь маску.

— Добрый вечер, госпожа Фоскол, — ответил Майлз, умудрившись говорить так же громко, как и она. Если только ему удастся ее разговорить...

Фоскол вытащила из кармана что-то металлическое и блестящее.

— Это ключ от ваших наручников. Я положу его вот сюда. — Она положила ключ на бетонную дорожку приблизительно посередине между Майлзом и Форсуассоном. — Не дайте кому-нибудь случайно сбросить его вниз. Иначе вы его там будете долго искать.

Она задумчиво посмотрела на растительность внизу.

Надо полагать, кто-то ожидается. Спасательная команда? Из этого вытекает, что Фоскол, Судха и госпожа Радоваш — кстати, а она-то что тут делает? — не собираются здесь оставаться, чтобы вручить ключ персонально.

Она снова полезла в карман и достала дискету, аккуратно упакованную в пластик.

— А вот это, милорд Аудитор, полный отчет о взятках, полученных администратором Форсуассоном. Сумма за последние восемь месяцев составляет порядка шестидесяти тысяч марок. Номера счетов, куда пошли деньги, — все, что вам понадобится для суда. Я собиралась отправить ее капитану Тумонену, но сочла, что так даже лучше. — В уголках ее глаз появились веселые морщинки, когда она улыбнулась ему под маской. Наклонившись, женщина тщательно приклеила дискету Форсуассону на спину. — С моими наилучшими пожеланиями, милорд.

Выпрямившись, она отряхнула руки, как после грязной работы.

— Что вы делаете? — начал Майлз. — И вообще, что вы все тут делаете? Почему госпожа Радоваш с...

— Ладно, ладно, лорд Форкосиган, — оборвала она. — Уж не думаете ли вы, что я специально задержалась, чтобы с вами покалякать?

Форсуассон дернулся, застонал и икнул. Несмотря на сквозившее в ее глазах презрение, с каким она смотрела на скрючившуюся фигуру администратора, женщина все же задержалась на минутку, желая убедиться, что Тьена не вырвет в маску. Форсуассон уставился на нее мутными глазами, моргая от удивления и — Майлз был совершенно уверен — боли.

Майлз сжал кулаки и дернул цепи. Фоскол ласково посмотрела на него:

— Не пораньтесь, пытаюсь освободиться. Сюда непременно кто-нибудь явится и освободит вас. Но, к сожалению, я не смогу при этом присутствовать.

Повернувшись, она удалилась по дорожке и исчезла за углом. Поскольку они с Форсуассоном были прикованы с обратной от Серифозы стороны здания, Майлз не увидел, как улетел грузовой катер.

Судха опытный инженер. Не установил ли он реактор на саморазрушение? — пришла в голову Майлза непрощенная мысль. Взрыв уничтожит все следы, Форсуассона, а заодно и Майлза. А если Судха правильно рассчитал время, то взрыв может прихватить и спасательный отряд Имперской безопасности... Но Фоскол, судя по всему, хотела, чтобы приклеенной к спине Форсуассона дискетой с уликами могли воспользоваться. А это как-то противоречит сценарию, в который входит превращение опытной станции в нечто вроде радиоактивной ямы, в которую обратили в свое время цетагандийцы Форкосиган-Вашнуй. Кажется, Судха и компания военным мышлением не обладают. Слава Богу. Эта сценка явно задумана с целью максимально унижить, а от унижения еще никто не умирал.

Хотя их родственники... Майлз подумал об отце и содрогнулся. А еще Катриона с Николасом и, конечно, лорд Аудитор Фортиц... О да!

Форсуассон, наконец-то полностью придя в себя, дернулся и обнаружил, что скован. Выругавшись, он начал отчаянно дергаться. Примерно через минуту он прекратил это занятие, огляделся и увидел Майлза.

— Форкосиган! Кой черт здесь происходит?

— Судя по всему, нас убрали с дороги, чтобы не путались под ногами и не мешали Судхе и его друзьям смотреть удочки с опытной станции. Надо полагать, они сообразили, что их время вышло. — Майлз подумал, стоит ли сообщать Форсуассону о том, что приклеено к его спине, но решил, что нет необходимости. Мужик и так тяжело дышал от усилий. Форсуассон еще некоторое время монотонно ругался, затем обнаружил, что повторяется, и замолк.

— Расскажите-ка мне об этой схеме изъятия казенных денег, разработанной Судхой, — нарушил Майлз воцарившееся молчание. Тишину комаррской ночи не нарушало ни чирикание птиц, ни стрекот насекомых, ни шелест листьев на слабом прохладном ветерке. И из здания у них за спиной не доносилось ни звука. Только шум работы их респираторов. — Когда вы это обнаружили?

— Только... вчера. За неделю до вчерашнего дня. Я думаю, Судха запаниковал и попытался подкупить меня. Я не хотел ставить в неловкое положение дядю Фортица, обнародуя это, пока он был здесь. К тому же я должен был во всем окончательно убедиться, прежде чем обвинять всех подряд.

А Фоскол утверждает, что ты лжешь. И Майлз уже не знал, кому из них верить. Фоскол вполне могла сострелять улики против Тъена с той же легкостью, с какой подделывала бухгалтерские документы. В этом придется

разбираться экспертам Имперской безопасности, и очень тщательно.

Майлз и сочувствовал Форсуассону, и не доверял ему — странное состояние, вызванное мигренью. Он никогда не рассматривал суперпентотал как средство от головной боли, но очень жалел, что у него нет под рукой инъектора, чтобы прямо сейчас всадить хорошую дозу Форсуассону. *Позже, пообещал себе Майлз. Но всенепрерменно.*

— И это все, что здесь происходит, вы считаете?

— Что значит «все»?

— Ну, я не совсем... На месте Судхи и его группы, если бы мне пришлось бежать с места преступления... У них был запас времени, чтобы подготовить отход. Возможно, недели три-четыре, если они знали, что тело Радоваша скорее всего найдут в космосе. — *И какого черта тело Радоваша там все же оказалось? У меня по-прежнему нет ключа к разгадке.* — И даже больше, если у них был подготовлен план эвакуации, а Судха — инженер, насколько я понимаю. В его схеме обязательно должны быть предохранители. Разве не проще было разбежаться в разные стороны, налегке, и попытаться покинуть империю поодиночке или попарно... А не удирать всем скопом, да еще на двух грузовых катерах, полных... За каким чертом им могли понадобиться целых два грузовика? Уж наверняка не для их денег.

Форсуассон покачал головой, слегка сдвинув маску. Ему пришлось потереться лицом о перила, чтобы поставить ее на место. Через некоторое время он тихо позвал:

— Форкосиган?

По его жалкому тону Майлз подумал, что малый наконец собрался с духом рассказать все до конца.

— Да? — поощрительно проговорил он.

— У меня почти кончился кислород.

— Вы что, не проверили?..

В пульсирующем мозгу Майлза вспыхнула картинка: вот Форсуассон хватает свой респиратор из ящика в кабинете и натягивает его. Нет. Он его не проверил. При обычных условиях полностью заряженный респиратор рассчитан на двенадцать—четырнадцать часов активной работы. Маска Майлза предположительно взята со склада, где в обязанности техников входит проверка и дозарядка использованных респираторов перед тем, как снова пустить их в ход. «Не забудь заправить свой респиратор», — сказала Форсуассону жена, а он ее грубо оборвал. Может, Форсуассону свойственно бросать свою экипировку как попало? У него в конторе госпожа Форсуассон не может присматривать за ним так же хорошо, как она это наверняка делает дома.

Когда-то Майлз мог запросто сломать свои хрупкие кости и вытащить руку из оков, пока она не начнет распухать. Как-то раз он проделал этот фортель, по одному весьма достопамятному случаю. Но теперь все кости у него искусственные, и их сломать куда сложнее, чем даже обычные здоровые кости. Единственное, чего он добьется, это просто в кровь изранит руки.

Запястья Форсуассона тоже начали кровоточить, когда он снова стал отчаянно пытаться сломать оковы.

— Не дергайтесь, Форсуассон! — рявкнул Майлз. — Берегите кислород. Скоро сюда кто-то придет. Сидите тихо, дышите медленней и реже. — Почему этот идиот не сказал ему об этом раньше? Или хотя бы не сказал Фоскол. Или Фоскол на это и рассчитывала? Может, она обрекла их обоих на смерть, одного за другим?.. Сколько времени пройдет, прежде чем пожелает обещанная помощь? Дня два? Убийство Имперского Аудитора в процессе следствия считается тяжелейшим государственным преступлением, даже хуже, чем убийство правящего графа, и лишь немногим уступает убийству самого императора. Это стопроцентная гарантия, что все силы Имперской служ-

бы безопасности обрушатся на казнокрадов, невзирая на расстояние и дипломатические барьеры. И будут преследовать их десятилетиями, если нужно. Пока не найдут. Это либо чистое самоубийство, либо фантастическая наглость. — Сколько у вас осталось?

Форсуассон прижал подбородок и попытался рассмотреть датчик на баллоне под курткой.

— О Боже! По-моему, он на нуле!

— У этих штук всегда есть аварийный запас. Сиди спокойно, парень! Попытайся взять себя в руки!

Но Форсуассон вместо этого начал рваться еще сильнее. Со всей своей немалой силой он раскачивался взад-вперед, пытаясь сломать перила. По его запястьям ручьем текла кровь, перила гнулись и скрипели, но не ломались. Тогда он подтянул колени и, оттолкнувшись, рухнул с дорожки вниз, стараясь своей массой оборвать наручники. Но наручники выдержали, а вот Форсуассон не смог уже подтянуть ноги и вылезти на дорожку. Подошвы сапог беспомощно заскребли по стене. Судорожный кашель привел к тому, что его таки вырвало в маску респиратора. Когда маска наконец при последних судорогах сползла ему на шею, это показалось едва ли не милостью, если бы при этом не открылось его искаженное багровое лицо. Но крики и мольбы прекратились, а затем затихли и всхлипы и клекот. Бьющиеся ноги дернулись в последний раз и обмякли.

Майлз был прав. У Форсуассона кислорода хватило бы еще минут на двадцать—тридцать, сиди он спокойно. Майлз сидел не шевелясь, дышал очень размеренно и трясся от холода. Он смутно помнил, что когда дрожишь, то изводишь больше кислорода, но ничего не мог поделать. Гробовая тишина нарушалась лишь шелестом фильтров и респиратора да пульсирующей кровью в ушах. Майлз повидал немало смертей, включая и свою собствен-

ную, но вот эта была, без сомнения, самой страшной. Дрожь сотрясала его тело, а мысли замерли. Они ушли настолько глубоко, что даже баррель суперпентотала вряд ли бы на него сейчас подействовал.

Если он забьется в припадке и у него собьется маска, то он задохнется раньше, чем придет в сознание. И Имперская безопасность обнаружит его висящим рядом с Форсуассоном и тоже залитым собственной рвотой. А ничто так не способствует его припадкам, как стресс.

Майлз наблюдал, как постепенно замерзает слизь на лице трупа, изучал темное небо и ждал.

ГЛАВА 11

Катриона поставила свои сумки в коридоре рядом с чемоданом лорда Форкосигана и повернулась, чтобы еще раз оглядеть дом, кинуть последний взгляд на свою прежнюю жизнь. Свет везде погашен. Окна закрыты. Все электроприборы отключены...

Комм запищал в тот момент, когда она уже собралась уйти с кухни.

Кэт колебалась. Пусть его. Пусть себе пишит. Но затем подумала, что это может звонить Тумонен или еще кто-нибудь в поисках лорда Форкосигана. Или дядя Фортиц, хотя она вовсе не была уверена, что хочет сейчас с ним разговаривать. Она подошла к аппарату, но тут ей пришло в голову, что это может оказаться Тьен, и она снова замерла. *Тогда я просто отключу комм.* Если это Тьен с какими-нибудь новыми угрозами, или мольбами, или доводами, она по крайней мере будет точно знать, что он где-то в другом месте, а не здесь, и сможет спокойно уйти.

Но лицо, появившееся на головиде, принадлежало комаррианке из департамента Тьена, Лене Фоскол. Катриона встречалась с ней раза два за все время, но хорошо помнила слова Судхи, произнесенные по этому самому комму прошлой ночью: «Лена Фоскол — одна из самых хитрых воровок, которых я когда-либо встречал». О Господи! Она одна из них. Фон был размыт, но на женщине была толстая куртка, расстегнутая до пояса, из чего можно сделать вывод, что она либо собирается наружу, либо возвращается из поездки. Катриона смотрела на нее со скрытым отвращением.

— Госпожа Форсуассон? — радостно сказала Фоскол. И, не дожидаясь ответа, продолжила: — Пожалуйста, приезжайте за вашим мужем на опытную станцию. Он будет ждать вас снаружи на северо-западной стороне цеха.

«Он будет ждать вас снаружи на северо-западной стороне...» Катриона имела весьма смутное представление, какая сторона здания северо-западная, и втайне надеялась, что Тьен поджидает ее на посадочной площадке. Нервно вздохнув, она поправила респиратор и шагнула на дорожку. Обойти вокруг здания можно за несколько минут. *Я хочу улететь обратно в Серифозу. Прямо сейчас. Все это очень странно.* Она медленно начала обходить здание слева, ее шаги гулко звенели по бетонному полу в холодном ядовитом ночном воздухе. Дорожка вела наверх, к бетонному основанию дома, и дальше вдоль стены. С внешней стороны ее обрамляли металлические перила. Вся эта обстановка вызывала ощущение, что она идет напрямик в какую-то ловушку. Катриона обогнула следующий угол.

Примерно посередине дорожки виднелась стоящая на коленях, упершись лбом в перила, маленькая человеческая фигурка с разведенными руками. Между двумя стол-

бами безвольно висела на скованных наручниках запястьях фигура побольше, корпус свесился через край, ноги болтаются в полуметре над землей. Это еще что? Окружающая тьма, казалось, давила на нее. Сглотнув и подавив панику, Кэт поспешила к странной парочке.

Висящей фигурой оказался Тьен. Его респиратор слетел, маска болталась на шее. Даже в неверном свете цветных огоньков, освещавших растительность внизу, было видно, что его искаженное лиловое лицо уже окоченело. Из рта торчал язык, выпученные глаза остекленели и замерзли. Мертв. Давно мертв. Кэт свело желудок, сердце готово было выпрыгнуть из груди.

На коленях стоял лорд Форкосиган, одетый в ее куртку, которую она не смогла найти, когда собирала вещи вечность назад. Его респиратор был на месте. Форкосиган повернул голову, и при виде нее глаза его потемнели и расширились. У Катрионы от облегчения едва не подкосились ноги. Хотя бы маленький лорд еще жив! Она откровенно обрадовалась, что ей не придется оставаться наедине с двумя трупами. Кэт наконец заметила, что его запястья тоже прикованы наружниками к перилам. По рукам текла кровь, рукава куртки потемнели.

Первой ее реакцией было облегчение, что она не взяла с собой Никки. *Как я ему скажу? Завтра, об этом будем думать завтра. Пусть сегодняшнюю ночь он проведет в другом, счастливом мире, где нет всех этих ужасов.*

— Госпожа Форсуассон, — раздался слабый, приглушенный маской голос Форкосигана. — О Боже!

Она с опаской коснулась наручников на его запястьях. Разорванная плоть вздулась, практически поглотив железо.

— Я пойду поищу где-нибудь кусачки. — Она чуть было не брякнула «ждите здесь», но вовремя прикусила язык.

— Нет, подождите, — выдохнул он. — Не оставляйте меня одного... Есть ключ... вроде бы... там, на дорожке. — Он мотнул головой.

Катриона мигом нашла ключ. Обычный, механический; он казался ледяным. Трясущимися руками Кэт принялась за замки. Далеко не с первой попытки ей удалось отстегнуть наручники. Затем ей пришлось осторожно высовывать металл из окровавленной плоти. Когда она высовывала вторую руку, маленький лорд едва не упал на бетонный пол. Кэт успела его подхватить и осторожно прислонила к стене. Форкосиган попытался встать, но ноги не держали его, и он снова рухнул.

— Подождите немного, — посоветовала Кэт. Она немело попыталась помассировать ему ноги, чтобы восстановить кровообращение. Даже сквозь ткань его серых брюк чувствовалось, насколько они заledenели.

Выпрямившись, по-прежнему сжимая в руке ключ, Катриона тупо смотрела на труп Тьена. Она сильно сомневалась, что им вдвоем с Форкосиганом удастся втащить его обратно на дорожку.

— Уже слишком поздно. И давно, — произнес Форкосиган, все это время не сводивший с нее глаз. Его темные брови сочувственно изогнулись. — Мне очень ж-жаль. Оставьте его Тумонену.

— Что это у него на спине? — Она потрогала странную штуковину, на первый взгляд выглядевшую как упакованная в пластик дискета, прилепленная изоляционной лентой.

— Не трогайте, — резко сказал Форкосиган. — Пожалуйста. — А затем быстро заговорил, немного заикаясь от пронизывающей его дрожи: — Мне очень жаль. Очень жаль. Я не с-смог р-разорвать оковы. Дьявольщина, он т-тоже не с-смог, а он г-гораздо с-сильнее меня... Я думал, что с-смогу сломать руку и освободиться, но не с-смог... Простите...

— Вам нужно перебраться внутрь, там тепло. Давайте-ка. — Она помогла ему встать.

Оглянувшись в последний раз на Тьена, он позволил увести себя, тяжело опираясь на Кэт и с трудом переставляя непослушные ноги.

Она провела его в здание конторы и подвела к стулу. Он не столько сел, сколько рухнул на него. Его сильно трясло.

— Кнопка, — пробормотал он, протягивая ей руки.

— Что?

— Маленькая кнопка сбоку комм. Нажмите ее!

Катриона выполнила просьбу. Он расслабился и откинулся на спинку стула. Израненными руками он попытался снять маску. Кэт помогла ему стянуть респиратор через голову и сняла свой.

— Бог ты мой, как же я рад вылезти из этой штуки! Живым. Я д-думал, что у меня случится припадок, пока я там сидел... — Он потер бледное лицо, растирая красные полосы, оставленные краями маски. — И к тому же жутко чесалось.

Катриона нашла панель управления на ближайшей стене и торопливо постучала по ней, включая обогрев чуть ли не на полную мощность. Ее тоже трясло, но не от холода, а от нервного потрясения.

— Лорд Форкосиган? — раздался взволнованный голос Тумонена. — Что происходит? И где вы, черт побери?!

Форкосиган поднес комм ко рту:

— На опытной станции. Двигайте сюда. Вы мне нужны.

— Что вы там... Отряд брать?

— Да нет, стрелять вряд ли придется. Лучше прихватите экспертов. И бригаду медиков.

— Вы ранены, милорд? — Голос Тумонена в панике взлетел на октаву.

— Ничего страшного, — ответил Форкосиган, явно не замечая, что его запястья еще кровоточат. — А вот администратор Форсуассон мертв.

— Что за чертовщина... Вы не связались со мной, прежде чем покинуть купол, дьявол вас побори! Кой черт у вас там происходит?!

— Мы можем обсудить мои ошибки позже. Давайте сюда, капитан. Конец связи. — Он устало уронил руку. Бьющая его дрожь понемногу стихала. Форкосиган откинул голову на стенку. Черные круги у него под глазами сильно смахивали на синяки. Он грустно посмотрел на Катриону. — Мне очень жаль, госпожа Форсуассон. Я ничего не мог сделать.

— Я и не думала, что могли!

Он вдруг выпрямился, настороженно огляделся и внезапно воскликнул:

— Реактор!

— А что с ним? — поинтересовалась Кэт.

— Надо проверить до появления СБ. Пока я сидел там прикованным, то довольно долго размышлял, что с ним вполне могли что-нибудь сотворить.

Ноги еще слушались плохо. Он снова чуть не упал, когда пытался развернуться. Кэт еле успела поддержать его под локоть.

— Отлично, — рассеянно сказал он. — Нам туда.

Кэт понимала, что ее взяли с собой в качестве подпорки. Форкосиган решительно двигался вперед, с силой опираясь на нее и даже не думая извиняться. Вынужденные действия всегда помогали Катрионе если не успокоиться, то собраться. Ее перестало трясти и мутить, лишь в животе осталось какое-то странное ощущение тепла и чего-то еще. К реактору, находящемуся у реки, вел еще один проход. Эта река была самой большой в секторе «Серифоза», и именно поэтому здесь и построили опытную станцию. По бар-

раярским меркам она едва тянула на ручей. Форкосиган неуклюже обошел диспетчерскую, внимательно изучая приборные панели и данные.

— Вроде все нормально, — пробормотал он. — Не понимаю, почему они не поставили его на самоуничтожение? Я бы поставил... — Он рухнул на стул.

Придвинув второй стул, Кэт уселась напротив, с опаской глядя на Майлза.

— Что здесь произошло?

— Я... Мы прилетели сюда... Тьен меня привез... А вы-то как здесь очутились?

— Лена Фоскол позвонила мне домой и сказала, что Тьен просил забрать его со станции. Она меня едва застала. Я собиралась уйти. Но она не сказала, что и вы здесь. Вы могли все еще быть...

— Нет... нет, я почти уверен, что не застань она вас, то прислала бы сюда кого-то другого. — Он сел прямо. Точнее, попытался. — Сколько сейчас времени?

— Что-то около 21.00.

— Я... я думал, что гораздо позже. Они нас вырубили, понимаете? Парализатором. Я не знаю, сколько... Во сколько она вам позвонила?

— Где-то вскоре после 19.00.

Форкосиган на мгновение зажмурился, затем открыл глаза.

— Было уже поздно. Уже тогда было слишком поздно, вы поняли? — настойчиво спросил он. Его руки было потянулись к ней, когда она наклонилась к нему, ловя хриплые слова, и тут же опустились.

— Нет...

— В отделе избыточного тепла происходило нечто странное. Ваш муж привез меня сюда, чтобы показать... Ну, я так толком и не понял, что он, собственно, собирался мне показать, но мы с разгона напоролись на Суд-

ху со товарищи, готовящихся удрать. Судха выстрелил из парализатора, вырубил нас обоих. Я очнулся уже прикованным. Не думаю... не знаю... сомневаюсь, что они хотели убить вашего мужа. Понимаете, он не проверил свой респиратор. Его баллон был практически пуст. Комарцы тоже не проверили, прежде чем оставили нас тут. Я не знал. Никто не знал.

— Комарцам это и в голову не пришло, — деревянным голосом отозвалась Катриона. — Они уже к трем годам приучены автоматически проверять свои респираторы. Они и подумать не могли, что взрослый человек может выйти из купола с непроверенной экипировкой.

Кэт стиснула руки. Теперь она отчетливо представляла, как умер Тьен.

— Это произошло... быстро, — мягко сказал Форкосиган. — Хотя в этом ему повезло.

Неправда. И не быстро, и не чисто.

— Пожалуйста, не надо мне лгать. Никогда не лгите мне.

— Ладно, — медленно выговорил он. — Но не думаю... Я сомневаюсь, что это убийство. Выстроить мизансцену, позвать вас... — Он покачал головой. — В худшем случае непредумышленное. А вообще это смерть случайная.

— Это смерть по собственной глупости! — ядовито бросила она. — Верен себе до конца.

Он глянул на нее. В глазах его светилось не удивление, а понимание и вопрос.

— Вот как?

— Лорд Аудитор Форкосиган... — Она сглотнула, горло сдавил спазм. Полная тишина в здании и на улице действовала угнетающе. С тем же успехом они с Форкосиганом могли быть единственными оставшимися в живых на всей планете. — Вы должны знать, что, когда Фоскол

позвонила, я собиралась уйти... Уйти от Тьена. Я ему об этом сказала, когда он сегодня вернулся домой после работы и перед тем, как он ушел обратно. Надо полагать, к вам. Что он натворил?

Форкосиган некоторое время молчал, переваривая информацию.

— Ну ладно, — вздохнул он наконец и посмотрел на Кэт. — Сначала он прибежал ко мне, бормоча о казнокрадстве в отделе использования избыточного тепла. Причем уже длящемся довольно долго. Пытался вынудить меня сделать его Имперским Свидетелем, что, как он полагал, поможет ему избежать суда. Но это не так просто. И никаких обещаний я ему не дал.

— Тьен всегда слышал лишь то, что хотел слышать, — тихо проговорила Катриона.

— Я... я так и понял. — Он поколебался, пристально изучая ее лицо. — Сколько... Что вы об этом знаете?

— И как давно? — Кэт сморщилась и потерла раздраженную маской кожу лица. — Не так давно, как следовало бы. Тьен месяцами твердил... Вы должны понять, он очень боялся, что кто-то узнает о том, что у него дистрофия Форзонна.

— Это я как раз понимаю очень хорошо, — нерешительно кивнул Майлз.

— Да... И нет. Отчасти виноват брат Тьена. Я много лет уже проклинаяю этого человека. Когда у него проявились симптомы, он выбрал путь древних форов и разбил свой флайер. На Тьена это произвело настолько сильное впечатление, что он никак не мог забыть. Перед ним стоял совершенно невозможный для него пример. Мы и понятия не имели, что в его семье существует эта мутация, пока Тьен как душеприказчик брата не начал разбирать его документы и вещи. И тогда мы поняли, что это не несчастный случай, а самоубийство, и поняли почему. Это случилось вскоре после рождения Никки...

— Но разве... Когда я прочел ваши файлы, то как раз подумал... Этот дефект должно было выявить генсканирование перед тем, как эмбрион поместили в маточный репликатор. Никки унаследовал ее или...

— Никки рожден биологически, я его сама вынашивала. Никакого генсканирования. Старым добрым способом древних форов. А у древних форских родов прекрасная кровь, знаете ли, так что незачем проверять.

Он выглядел так, будто сжевал лимон.

— Кому принадлежала эта блестящая идея?

— Я... я уже не помню, как мы пришли к такому решению. Мы с Тьеном так решили вместе. Я была совсем молоденькой. Мы только что поженились, у меня в голове бродили глупые романтические идеи... Думаю, тогда мне это казалось героизмом.

— Сколько вам было лет?

— Двадцать.

— А! — Его губы искривились в странной усмешке, которую Кэт не могла истолковать. Эдакая смесь иронии и сочувствия. — Ясно.

Почему-то приободрившись, Катриона продолжила рассказ:

— Идея Тьена заняться лечением дистрофии Форзонна так, чтобы никто об этом не пронюхал, заключалась в том, чтобы отправиться на лечение куда-нибудь подальше от империи. И таким образом лечение становилось гораздо дороже. Мы пытались сэкономить на это деньги годами, но почему-то все время что-то шло не так. Собрать нужную сумму никак не удавалось. Но последние месяцев пять-шесть Тьен мне непрерывно твердил, чтобы я прекратила дергаться, что у него все под контролем. Только дело в том... Тьен все время это говорил, так что я даже перестала обращать внимание на его слова. А потом, прошлой ночью, когда вы легли спать... Я слышала, как вы ему прямо сказали, что

хотите, чтобы сегодняшняя проверка его департамента была внезапной, я собственными ушами это слышала... Он ночью встал и позвонил администратору Судхе, чтобы предупредить его. Я слушала их разговор... и услышала достаточно, чтобы понять, что они проворачивают какую-то финансовую махинацию, и я очень боюсь... Нет, я уверена, что Тьен брал взятки. Потому что... — Кэт остановилась и перевела дыхание. — Я взломала комм Тьена нынче утром и просмотрела его финансовые файлы. — Она подняла глаза, чтобы увидеть реакцию Форкосигана. Его губы опять скривились в усмешке. — Извините, что обрушилась на вас тогда за то, что вы взломали мой, — робко добавила она.

Форкосиган открыл было рот, снова закрыл и слабым движением пальцев попросил ее продолжать. Он сполз чуть ниже на сиденье, слушая ее с огромным вниманием. Слушая...

Катриона поторопилась продолжить, но не потому, что боялась, что ей не хватит мужества — в данный момент у нее практически все чувства как-то атрофировались, — а спеша закончить до того, как вынуждена будет замолчать от полного изнеможения.

— У него было как минимум сорок тысяч марок, о происхождении которых я не имею ни малейшего представления. Но уж точно не с жалованья.

— Было?

— Если сведения на его комме верны, эти сорок тысяч и еще взятые в кредит шестьдесят он потерял на акциях комаррского торгового флота.

— Все?

— Ну, не совсем все. Примерно три четверти. — Видя его изумление, Кэт добавила: — Тьену всегда так «везло».

— Я всегда говорил, что человек — сам кузнец своего счастья. Впрочем, я довольно часто был вынужден брать

эти слова обратно, так что с некоторых пор повторяю их гораздо реже.

— Ну... я полагаю, что в этих словах есть значительная доля истины, иначе почему ему просто хронически не везло? Единственным общим фактором во всем этом вечном хаосе был Тьен. — Она устало повела головой. — Хотя думаю, что иногда могла быть и я каким-то образом.

Тьен часто повторял, что это я.

После небольшой паузы Форкосиган осторожно спросил:

— Вы любили вашего мужа, госпожа Форсуассон?

На этот вопрос ей отвечать не хотелось. Правда вызвала у нее острое чувство стыда. Но она твердо решила покончить с лицемерием.

— Думаю, любила когда-то. В самом начале. А потом вряд ли. Но я не могла... перестать заботиться о нем. Вот только желание заботиться становилось все меньше и меньше... пока не исчезло совсем. Слишком поздно. Или слишком рано, не знаю. — Но если бы она порвала с Тьеном, причем именно таким образом, ему бы не пришлось сегодня ночью... И не, и не... и так далее по всей цепочке событий, приведших к этому моменту. *Это «если бы» можно отнести к любому звену этой цепочки. Ни больше ни меньше. Поправить ничего нельзя.* — Я думала, если пушу все на самотек, он рухнет. — Она смотрела на свои руки. — В конечном итоге. Только не думала, что это произойдет так быстро.

До Катрионы начало доходить, какой груз проблем обрушился на нее со смертью Тьена. Вместо болезненных юридических вопросов развода ей придется решать не менее болезненные юридические вопросы его вероятного банкротства. И что делать с его телом, как организовывать похороны? И как она скажет его матери... И все же решение даже самых сложных проблем без Тьена

уже сейчас казалось ей в тысячу раз проще, чем решение самых простых с Тьеном. Не надо больше вести выматывающие переговоры, чтобы получить на что-то разрешение или одобрение или просто прийти к какому-то соглашению. Она может делать все, что посчитает нужным. Катриона почувствовала себя... как больной, который только что исцелился от паралича, широко развел руки и с удивлением обнаружил, что они у него сильные.

Кэт озадаченно нахмурилась:

— Будут ли выдвинуты обвинения? Против Тьена?

— Обычно покойников не судят, — пожал плечами Форкосиган. — Хотя, если память мне не изменяет, в Период Изоляции такое иногда случалось. К примеру, дважды повешенный лорд Форвента. Нет. Расследование, безусловно, будет, будут составлены отчеты. — *Ох моя бедная голова! Отчеты!* — Мои, и Имперской безопасности, и, возможно, от СБ сектора «Серифоза». Я предвижу большие споры по вопросам юрисдикции. Возможно, от вас потребуются свидетельские показания по делу других лиц... — Он прервал поток слов, с трудом устроился поудобнее и сунул немного отогревшиеся руки в карманы. — Лиц, которые, как я предполагаю, удрали с моим парализатором. — Тут лицо его резко изменилось, он вскочил и быстро принялся шарить по карманам брюк, затем куртки. Резко расстегнув куртку, обшарил карманы кителя. — Черт!

— Что?! — всполошилась Кэт.

— Кажется, эти ублюдки забрали мою аудиторскую печать! Если, конечно, она не вывалилась у меня из кармана во время перипетий этой ночи. Бог мой! Она открывает доступ ко всем государственным коммам и коммам службы безопасности во всей империи! — Он глубоко вздохнул и тут же просветлел. — А с другой стороны, на ней есть датчик. Служба безопасности может отследить

ее, если они где-то поблизости... СБ сможет отследить их! Ха! — С трудом ворочая красными раздувшимися пальцами, Форкосиган включил комм. — Тумонен? — позвал он.

— Мы уже в пути, милорд, — немедленно раздался голос капитана. — Примерно на полпути к вам. И не могли бы вы не выключать ваш комм, пожалуйста?

— Слушайте. Кажется, они забрали мою аудиторскую печать. Немедленно поручите кому-нибудь отследить ее. Найдите ее, и вы найдете их. Конечно, если она просто не валяется где-нибудь здесь. Но это вы сможете проверить по прибытии.

Затем Форкосиган отправился изучать здание, волоча с собой Катриону в качестве подпорки, хотя теперь он уже практически не спотыкался. При виде расплавленного комма и пустого помещения он нахмурился и, сощурившись, пристально оглядел сваленную в углу кучу барахла. Тумонен с командой ввалились как раз в тот момент, когда Кэт с Форкосиганом вернулись в холл.

Губы лорда Форкосигана весело скривились при виде того, как двое громил в полуброне с парализаторами на изготовку вломились в дверь. Озабоченно кивнув Форкосигану, ответившему чем-то вроде салюта, солдаты друг за другом прошли дальше по зданию, производя по дороге довольно шумный обыск. Майлз прислонился к спинке стула и сознательно принял свободную позу. В холл прошествовал Тумонен с еще одним баррарским солдатом в полуброне, за ними — трое медиков.

— Милорд! — воскликнул Тумонен, сняв маску респиратора. На слух Катрионы в голосе капитана звучали знакомые материнские интонации, нечто среднее между «Слава Богу, ты цел» и «Я удавлю тебя собственными руками».

— Добрый вечер, капитан, — радостно приветствовал его Форкосиган. — Рад вас видеть!

— Вы не поставили меня в известность!

— Да, и это целиком и полностью моя вина, и я, безусловно, отмечу вашу невинность в своем докладе, — успокоил его Форкосиган.

— Да не в этом дело, черт подери! — Тумонен подошел к нему, по дороге жестом велел одному из медиков приготовиться. Он увидел истерзанные запястья Майлза и залитые кровью руки. — Кто это с вами сделал?

— Боюсь, главным образом я сам. — Его лицо снова стало жестким. — Могло быть и хуже, в чем вы сейчас убедитесь. Я вам покажу. С другой стороны здания. Я хочу, чтобы вы записали абсолютно все, провели полное сканирование. Все, что вызывает у вас сомнение, оставьте экспертам из штаб-квартиры. Я хочу, чтобы из Солстиса немедленно прислали группу лучших экспертов. Даже две: одну сюда, вторую — разобраться с этими долбаными комм-пультами в департаменте Проекта Терраформирования. Но сначала, — тут он посмотрел на медиков и Катриону, — сначала, я думаю, следует заняться телом администратора Форсуассона.

— Вот ключ, — тихо сказала Кэт, доставая его из кармана.

— Спасибо. — Форкосиган забрал у нее ключ. — Подождите, пожалуйста, здесь.

Дернув подбородком, он проверил респиратор, надел его и повел активно возражающего Тумонена наружу, величественным жестом велел медикам следовать за ними. Катриона слышала грохот и скрежет из глубины здания, где все еще орудовали переговаривающиеся между собой солдаты.

Она села на освобожденный Форкосиганом стул, испытывая странное ощущение от того, что не пошла со всеми за Тьеном. Но судя по всему, на этот раз убирать кавардак будет кто-то другой. По щеке стекла слеза —

скорее от усталости, поскольку она совершенно точно испытывала не больше эмоций, чем кусок жести.

Прошло довольно много времени, прежде чем мужчины вернулись обратно в холл. Тумонену удалось наконец убедить Форкосигана сесть и позволить старшему медику заняться его поврежденными запястьями.

— В данный момент меня волнует вовсе не лечение, — пожаловался Майлз, когда ему в шею ввели синергин. — Мне необходимо вернуться в Серифозу. Мне срочно нужно взять кое-что в моем багаже.

— Да, милорд, — успокаивающим тоном проговорил медик, продолжая прочищать и бинтовать раны.

Тумонен пошел к флайеру, чтобы переговорить со своим командованием в Солстисе, затем вернулся, облокотился на спинку стула и принялся наблюдать за действиями медика.

Форкосиган посмотрел на Катриону через голову врача:

— Госпожа Форсуассон, скажите, не припомните ли вы, ваш муж никогда не упоминал еще о какой-нибудь деятельности этих мерзавцев, помимо казнокрадства?

Катриона покачала головой.

— Боюсь, госпожа Форсуассон, что телом вашего погибшего мужа придется заниматься Имперской безопасностью. Нужно произвести полную экспертизу, — несколько ворчливо буркнул Тумонен.

— Да, конечно, — ровно ответила Кэт. Немного помолчав, она добавила: — А что потом?

— Мы вас известим, сударыня. — Тумонен повернулся к Форкосигану и спросил, явно продолжая прежний разговор: — Так о чем вы еще думали, когда сидели тут, прикованный?

— Единственное, о чем я главными образом размышлял, это о том, когда со мной случится очередной припадок, — нехотя пробурчал Форкосиган. — Довольно скоро

это стало своего рода одержимостью. Впрочем, я сильно сомневаюсь, что Фоскол знала об этом скрытом дефекте.

— Я по-прежнему считаю, что это надо квалифицировать как убийство и покушение на убийство и объявить общую тревогу по всем секторам, — заявил Тумонен, продолжая давний спор. — А покушение на убийство Имперского Аудитора превращает это дело в государственное преступление, и таким образом отмечается всякая возможность споров по поводу реквизиции.

— Да, пусть будет так, — вздохнул, соглашаясь, Майлз. — Однако будьте добры позаботиться о том, чтобы в своих докладах строго придерживаться фактов.

— Так, как я их вижу, — упрямо заявил Тумонен, скривившись. И тут он взорвался: — Черт побери, как подумаю, сколько времени они тут все это вытворяли, и прямо у меня под носом!..

— Это не входит в вашу юрисдикцию; капитан, — заметил Майлз. — Выявлять такого рода преступления среди гражданских лиц — обязанность Имперской финансовой службы. И все же... что-то тут не так.

— Мягко говоря!

— Нет, я имею в виду нечто, скрытое за очевидным. — Форкосиган помедлил. — Они побросали все личные вещи, но при этом забрали два грузовых катера с оборудованием.

— Может, на продажу? — высказала предположение Кэт. — Хотя нет, это бессмысленно...

— М-м-м... И удрали они кучей, а не разбежались в разные стороны. Эти люди сильно смахивают на очередную группу комаррских патриотов. И я вполне могу себе представить, что они рассматривают кражу из казны Барраярской империи как нечто среднее между хобби и патриотическим долгом, но... красть деньги из бюджета комаррского Проекта Терраформирования, обкрадывать надежду их будущих поколений? И если они делали это

не для того, чтобы набить собственные карманы, то за каким чертом им понадобились эти деньги? — Глаза его гневно блеснули. — Ну, это, я полагаю, придется выяснять финансовым экспертам службы безопасности. И мне нужны сюда технические эксперты. Пусть посмотрят, нельзя ли что-либо выудить из всего того барахла, что они здесь побросали. И не побросали. Совершенно очевидно, что команда Судхи что-то собирала в цехе опытной станции, и сильно сомневаюсь, что это «что-то» имеет отношение к использованию избыточного тепла. — Потерев лоб, он пробормотал: — Готов поспорить, что Мария Трогир могла бы нам о многом поведать. Дьявол, как же я жалею, что не допросил госпожу Радоваш с суперпентоталом, когда у меня была такая возможность!

Катриона сглотнула горечь, скопившуюся во рту от страха и унижения.

— Мне придется все рассказать дяде.

Форкосиган перевел взгляд на нее:

— Я возьму это на себя, госпожа Форсуассон.

Катриона нахмурилась, разрываясь между чем-то вроде слабой благодарности и сильным чувством долга, но не смогла собраться с силами вступить в дискуссию. Медик закончил бинтовать Форкосигану запястья.

— Я вынужден оставить вас тут за главного, капитан, и вернуться в Серифозу. Но самостоятельно вести флайер я не рискну. Госпожа Форсуассон, не будете ли вы столь любезны?..

— Вы возьмете с собой охранника, — с опасной ноткой в голосе заявил Тумонен.

— Я должна вернуть флайер, — сказал Кэт. — Он взят напрокат. — И сморщилась, настолько глупо прозвучали ее слова. Но во всем окружавшем ее смертельном хаосе это было единственным, что она могла привести в порядок. И тут к ней запоздало пришло осознание: «Я

могу пойти домой. Теперь это безопасно». И она звонко добавила: — С удовольствием, лорд Форкосиган!

Присутствие здорового молодого охранника, скрючившегося в заднем отсеке флайера, усталость Форкосигана и полная эмоциональная растерянность Катрионы свели на нет всякие разговоры во время полета обратно в Серифозу. Когда она возвращала флайер службе проката, то удостоилась любопытных взглядов из-за необычного эскорта — огромного вооруженного до зубов солдата в полуброне, вежливо следующего за ней, и карлика в окровавленной одежде и с забинтованными запястьями. Зато в машине они ехали вдвоем, без чужого общества. С мрачной иронией Катриона отметила, что на сей раз никаких проблем с движением у них не возникло. Она подумала, стоит ли потом, когда все это более или менее утрясется, проверить, действительно ли правдиво настойчивое утверждение Форкосигана, что, когда Фоскол ей позвонила, для Тьена уже все равно было поздно.

Катриона быстро прошла по коридору к квартире. Она чувствовала себя как раненое животное, которое стремится побыстрее спрятаться в свою нору. Дойдя до дверей, она резко остановилась и ахнула. Сенсорный замок был вырван, дверь приоткрыта. В щель пробивался луч света. Кэт отшатнулась и молча указала пальцем.

Майлз, мгновенно оценив ситуацию, так же молча кивнул солдату, который тихо подошел к двери и достал парализатор. Майлз, прижав палец к губам, взял Катриону за руку и отвел назад, к лифтовой шахте. Автоматическая дверь не работала. Солдату пришлось отжимать ее, чтобы войти в квартиру. Опустив забрало шлема, с парализатором на изготовку, он скользнул внутрь. Сердце Катрионы отчаянно колотилось.

Через несколько минут охранник высунулся наружу. Забрало он уже поднял.

— Кто-то здесь точно побывал, милорд. Но они уже ушли.

Форкосиган с Катрионой вошли в квартиру.

Чемодан Форкосигана и ее собственные сумки, которые стояли в вестибюле, оказались вскрытыми. Все вещи вперемешку разбросаны по полу. В остальном квартиру практически не тронули. Некоторые ящики открыты, их содержимое вытряхнуто, но в целом, если не считать беспорядка, никакого ущерба. Можно ли считать это вторжением, если она сама фактически ушла из этого дома, бросив все? Кэт и сама не понимала.

— Я свои вещи, кажется, оставлял в несколько ином виде, — тихонько заметил Майлз, когда они снова вернулись в вестибюль после беглого осмотра квартиры.

— Я тоже оставила их не так, — ответила она чуть раздраженно. — Я думала, вы вернетесь вместе с Тьеном и сразу уйдете, поэтому уложила их, чтобы можно было сразу забрать.

— До прихода экспертной группы ничего не трогайте, особенно комм-пульты, — велел ей Форкосиган. Кэт понимающе кивнула. Они сняли толстые куртки, и Катриона машинально повесила их на вешалку.

А затем Форкосиган, нарушая собственный приказ, опустился на колени и принялся перебирать разбросанное барахло.

— А мой запечатанный чемоданчик с данными вы тоже упаковали?

— Да.

— Ну, так его нет. — Вздохнув, он поднялся и по комму известил о происшедшем капитана Тумонена, все еще находившегося на опытной станции. По уши занятый Тумонен коротко выругался и приказал своему солдату, пока его не сменят, ни на шаг не отходить от лорда

Аудитора. Форкосиган для разнообразия на этот раз не возражал.

Он снова приступил к разбору барахла, перетряхивая немалую кучу вещей Катрионы.

— Ха! — воскликнул он и извлек коробочку со странным прибором. Он быстро открыл ее слегка трясущими руками. — Слава Богу, они не взяли это! — Маленький лорд окинул Кэт оценивающим взглядом. — Госпожа Форсуассон... — Его обычно уверенный голос несколько поблек. — Не могу ли я побеспокоить вас... попросив помочь мне с этим?

Она чуть не брякнула с ходу «да», но в последний момент ухитрилась заменить на «с чем?».

Форкосиган натянуто улыбнулся:

— Я упоминал вам о моих припадках. К несчастью, они неизлечимы. Но мои барраярские врачи нашли своего рода выход. Если я использую этот маленький аппаратик для стимуляции припадков, спровоцировав их в нужное время и подходящем месте, то они не случаются когда ни попадя и где придется. Эти припадки обычно провоцируются стрессом. — Он скривился, и Кэт поняла, что он представил себе холодную бетонную дорожку позади цеха на опытной станции. — У меня есть легкое подозрение, что я немного просрочил. И я хочу покончить с этим немедленно.

— Понимаю. Но что я должна сделать?

— Предполагается, что мне нужен ассистент. Проледить, чтобы я не выплюнул загубник, не покалечился или не поломал что-нибудь в процессе припадка. Это маловероятно, но на всякий случай...

— Ладно...

Под подозрительным взглядом охранника они прошли в гостиную. Форкосиган направился к кушетке.

— Если вы ляжете на пол, то падать вам уже будет некуда, — неуверенно предложила Катриона, не очень представляя, насколько зрелищное мероприятие ей предстоит.

— Ха! Верно! — Он устроился на ковре с открытой коробочкой в руке. Убедившись, что поблизости нет никаких посторонних предметов, Кэт опустила под него на колени.

Майлз раскрыл прибор, похожий на наушники с складкой с одной стороны и таинственной кнопкой с другой. Нацепив прибор на голову, он прижал его к вискам. Маленький лорд улыбнулся Катрионе улыбкой, которую она запоздало оценила как жутко смущенную, и пробормотал:

— Боюсь, все это выглядит немного глупо. — Он сунул пластмассовый загубник в рот и лег на спину.

— Подождите! — внезапно остановила его Катриона, едва он потянулся к вискам.

— Фто?

— Возможно... те, кто сюда приходил, что-то сделали с этой штукой. Может, ее стоит сначала проверить?

Он расширившимися глазами посмотрел на нее. С такой же достоверной точностью, будто обладала телепатическими способностями, она одновременно с ним ясно увидела, как его голова разлетается на куски, едва он нажимает на кнопку. Сорвав прибор с головы, Форкосиган быстро сел, выплюнул загубник и рывкнул:

— Черт!

Затем через некоторое время добавил чуть спокойнее, но на добрых пол-октавы выше:

— Вы совершенно правы. Большое спасибо. Я не подумал... Я... я клятвенно пообещал себе, что если вернусь сюда, то в первую очередь воспользуюсь прибором и больше никогда-никогда-никогда не буду откладывать это хотя бы на день.

Тяжело дыша, он уставился на зажатый в руке приборчик.

И тут его глаза закатились, и он рухнул на пол. Катриона едва успела поймать его голову, прежде чем та с размаху грохнулась на ковер. Его губы искривились в странной усмешке. Тело содрогнулось, волны судорог пробежали с ног до головы, но он не забился со страшной силой, как она боялась. Охранник, запаниковав, напрыгся. Кэт взяла загубник и сунула его Форкосигану в зубы. Задача оказалась не столь уж трудной. Несмотря на видимость, маленький лорд вовсе не заостенел.

Откинувшись на пятки, Катриона наблюдала за Форкосиганом. *Провоцируется стрессом. Да. Я вижу.* Его лицо казалось... отсутствующим, лишенным выражения, но это не походило на смерть или сон. Было очень тяжело видеть его таким уязвимым. Вежливость обязывала отвести взгляд. Но он специально назначил ее на роль ассистента.

Кэт посмотрела на часы. Он говорил, что эта штука длится минут пять. Казалось, прошла целая вечность, хотя на самом деле миновало меньше трех минут, когда его тело замерло. Он еще минуту пролежал в тревожно неподвижном состоянии, затем судорожно вздохнул, открыл глаза и посмотрел на нее бессмысленным взглядом. Что ж, по крайней мере его расширенные зрачки одинакового размера.

— Извините... извините, — невнятно пробормотал он. — Я этого не хотел.

Он лежал, уставясь в потолок. Брови его изогнулись. Через некоторое время он спросил:

— А как это выглядит?

— Очень странно, — честно ответила Катриона. — Ваше лицо мне нравится гораздо больше, когда вы здесь присутствуете.

До этого она даже не представляла, насколько его личность оживляет его черты.

— Мне тоже моя голова нравится гораздо больше, когда я в ней присутствую, — выдохнул Форкосиган. Он крепко зажмурился, затем снова раскрыл глаза. — Теперь я избавлю вас от себя.

Он попытался встать, но руки подогнулись.

Катриона сильно сомневалась, что ему сейчас следует хоть что-то делать. Она решительно уложила его обратно, легонько толкнув ладонью в грудь.

— И думать не смейте увести этого охранника, пока мою дверь не починят!

Хотя от этого дорогого сенсорного замка, как выяснилось, проку не очень-то много.

— О! Да, конечно, — слабо ответил он.

Было совершенно очевидно, что безоговорочное утверждение Форкосигана, будто после припадка он становится как огурчик, если и не откровенная ложь, то, мягко говоря, крупное преувеличение. Выглядел он жутко.

Катриона посмотрела на встревоженного охранника.

— Капрал, помогите, пожалуйста, перенести лорда Форкосигана на кровать, чтобы он полежал, пока не придет в себя окончательно. Или хотя бы до появления ваших коллег.

— Конечно, мэм. — Солдат явно испытал облегчение, получив конкретное указание, и помог ей поднять Форкосигана на еще слабые ноги.

Катриона быстро прикинула в уме. Единственной свободной кроватью была постель Никки, и в его комнате не имелось комм. Если Форкосиган захочет выспаться — а после этой сумасшедшей ночи он в этом определенно нуждался, там у него есть шанс спокойно спать даже после приезда команды экспертов СБ.

— Сюда, — указала она охраннику и повела их по коридору.

Невнятные протесты Форкосигана лишний раз убедили Катриону, что она все делает правильно. Его снова трясло. Кэт помогла ему снять китель, уложила, стянула сапоги, укрыла еще одним одеялом, включила обогреватель, погасила свет и вышла.

Ее укладывать в кровать было некому, но она не стала завязывать разговор с охранником, обосновавшимся в гостиной в ожидании приезда подкрепления. Все тело болело так, будто ее избили. Кэт приняла болеутоляющее и легла, не раздеваясь, на свою постель. В голове роились взаимоисключающие друг друга сценарии, что ей делать дальше, и мысли о куче неясных пока вещей.

Тело Тьена, еще прошлой ночью спавшего рядом с ней на этой кровати, должно быть, уже в руках патологоанатомов Имперской безопасности, лежит обнаженное и неподвижное на холодном металлическом столе в какой-нибудь медицинской лаборатории Серифозы. Кэт надеялась, что они обойдутся с его промерзшими останками хотя бы с толикой уважения и не станут отпускать всякие специфические шуточки.

Катриона давно приобрела привычку по ночам, когда пребывание в супружеской постели становилось особенно невыносимым, тихонько ускользать в свой кабинет и играть с виртуальными садами. В последнее время ее все больше привлекал барраярский сад. В нем не хватало осязаемости, запахов, медленной вальяжности реального сада, однако он неизменно действовал на нее успокаивающе. Но сначала Форкосиган занял комнату, а теперь он же приказал ей не прикасаться к коммам, пока с ними не разберется Имперская безопасность. Вздохнув, Кэт повернулась на бок на своей половине кровати, хотя соседняя половина пустовала.

Я хочу покинуть это место как можно быстрее. Хочу оказаться где-нибудь, где никогда не было Тьена.

Спать Катриона вообще-то не собиралась, но то ли от принятых таблеток, то ли от усталости, то ли от сочетания того и другого она все-таки уснула.

ГЛАВА 12

Майлз сразу понял, что, проснувшись, он не обрадуется. После сильного припадка он, как правило, весь день маялся чем-то вроде похмелья, мышцы болели, их сводило судорогой, и голова раскалывалась от псевдомигреней. Это сочетание, судя по всему, было чисто синергетическим. Застонав, он попытался снова впасть в блаженное беспмятство, но чья-то нежная рука, коснувшаяся плеча, быстро привела его в чувство.

— Лорд Форкосиган? — раздался тихий голос Катрионы.

Майлз мгновенно распахнул веки. Свет в помещении, слава Богу, оказался приглушенным. Он лежал в комнате ее сына Никки, но совершенно не помнил, как сюда попал. Перевернувшись, Майлз, моргая, поглядел на нее. С тех пор как он видел Катриону в последний раз, стоящей подле него на коленях в гостиной, она успела переодеться. Теперь на ней была мягкая бежевая блуза с высоким воротом и темные брюки в комаррском стиле. Ее длинные волосы, еще влажные после душа, ниспадали на плечи. А вот он все еще был в окровавленной рубашке и мятых штанах, так и не передевшись после вчерашнего кошмара.

— Извините, что разбудила, — продолжила она, — но приехал капитан Тумонен.

— А-а-а... — глухо протянул Майлз и сел. Госпожа Форсуассон держала поднос с большой кружкой черного кофе и флакончиком с болеутоляющими таблетками. Две таблетки уже лежали наготове возле дымящейся кружки. Но божественный хор звучал лишь в его сознании. — Ой! Надо же...

Она не произнесла больше ни слова, пока Майлз не пропихнул таблетки сквозь потрескавшиеся губы и не проглотил их. Опухшие руки служили еще не очень хорошо, но он все же исхитрился неким подобием мертвой хватки удержать кружку. Второй глоток кофе смыл пакостное ощущение во рту и несколько успокоил бурчащий желудок.

— Спасибо.

После третьего глотка Майлз сумел выговорить:

— Сколько сейчас времени?

— Рассвело примерно час назад.

Значит, он был в отключке примерно четыре часа. А за четыре часа много чего могло произойти. Не расставаясь с кружкой, Майлз спустил ноги с кровати. Похоже, первые несколько минут ходьба будет занятием довольно-таки проблематичным.

— Тумонен торопится?

— Не могу сказать. Он выглядит усталым. Сказал, что они нашли вашу печать.

Это решило дело. Сначала Тумонен, потом душ. Проглотив еще немного кофе, Майлз вернул кружку Катри... госпоже Форсуассон и встал. Неловко улыбнувшись, он сделал несколько упражнений, чтобы убедиться, что сможет пройти по коридору, не свалившись на глазах у офицера Имперской безопасности.

Майлз понятия не имел, что сказать госпоже Форсуассон. «Извините, что позволил убить вашего мужа» как-то не очень подходило по ряду причин. Майлз вполне

представлял, что мог бы проделать добрую дюжину разнообразных трюков до того, как попал под парализатор, чтобы итог предыдущей ночи оказался иным. Но если бы Форсуассон проверил перед выходом свой чертов респиратор, то остался бы в живых, уж в этом Майлз не сомневался. И чем больше он узнавал о Тъене Форсуассоне, тем сильнее становилась его уверенность, что своей смертью этот человек оказал не такую уж плохую услугу жене. Вдове. Немного помедлив, Майлз попытался продолжить светскую беседу:

— С вами все в порядке?

— Ну, с учетом всего происходящего... — пожала она плечами, изобразив подобие улыбки.

У нее между бровями залегли морщинки.

— А вы сами приняли... э-э-э... — Майлз кивнул на пузырек, — что-нибудь такое?

— Даже несколько. Спасибо.

— А-а-а. Хорошо. — *Тебе причинили зло, а я не знаю, как это исправить.* Совершенно очевидно, что для этого нужно нечто куда большее, чем пара таблеток. Майлз покачал головой, тут же пожалел об этом и направился к Тумонену.

Капитан ждал на диванчике в гостиной, тоже благодарно потягивая кофе, приготовленный госпожой Форсуассон. Когда лорд Аудитор вошел в комнату, офицер собрался было вытянуться во фрунт, но все же передумал. Майлз сел напротив Тумонена, и они обменялись приветствиями. Госпожа Форсуассон, войдя следом, поставила перед Майлзом его полупустую кружку, затем, искоса глянув на Тумонена, спокойно уселась рядом. Если Тумонен хочет, чтобы она ушла, пусть сам ей об этом скажет, решил Майлз. А потом еще и обоснует требование.

Но Тумонен, вопреки ожиданиям, лишь кивком поблагодарил ее и достал из кармана кителя пластиковый

пакет. В нем лежала позолоченная электронная аудиторская печать. Капитан протянул ее Майлзу.

— Отлично, капитан, — кивнул Майлз. — Думаю, не стоит надеяться, что вы нашли ее непосредственно в кармане вора?

— Нет, к величайшему сожалению. Вы в жизни не догадаетесь, где мы ее нашли.

Майлз хмыкнул и поднес пакет к свету. Целлофан изнутри был покрыт водяными испарениями.

— Ну, в первую очередь я бы предположил, что в канализационной трубе где-то на полпути между этим домом и серифозской фабрикой по переработке отходов.

У Тумонена отвисла челюсть.

— Откуда вы знаете?

— Когда-то очистка канализационных труб была у меня своего рода хобби. Не хочу показаться неблагодарным, но ее кто-нибудь помыл?

— Вообще-то да.

— Премного признателен.

Майлз открыл пакет, и печать скользнула ему на ладонь. Вроде бы целая.

— Мой лейтенант отследил сигнал, — пояснил Тумонен. — Ну, во всяком случае, определил триангуляцию, буквально через полчаса после вашего звонка. А затем с группой захвата полез за ней в канализацию. Жаль, что я не видел их лиц, когда они наконец поняли, что им предстоит! Уверен, вы бы тоже это оценили.

Несмотря на головную боль, Майлз ухмыльнулся:

— Боюсь, прошлой ночью я был несколько не в форме, чтобы оценить что бы то ни было.

— Ну, короче, в результате эта впечатляющая делегация пошла будить муниципального инженера Серифозы. Она комаррианка, конечно. Когда к ней посреди ночи заявила Имперская безопасность, ее мужа чуть инфаркт не хва-

тил. Лейтенанту удалось в конце концов успокоить супруга и с помощью леди получить то, что нам нужно... Боюсь, у нее оказался прекрасный повод для... э-э-э... иронии. И мы все признательны, что лейтенант не последовал своему первому порыву, то есть не приказал своей команде разнести этот самый кусок трубы из плазмотронов.

Майлз чуть не подавился кофе.

— Ду-ушевно признательны!

Он бросил взгляд на Катриону Форсуассон, которая, услышав последнюю фразу капитана, откинулась на подушку с сияющими глазами и зажала ладонью рот. Таблетки начали действовать, теперь он видел ее уже более отчетливо.

— Но никаких признаков нашей двуногой дичи, конечно, не обнаружилось, — вздохнув, закончил рассказ Тумонен. — Они давно удрали.

Майлз поглядел на свое искаженное отражение в кружке с кофе.

— Ну, сценарий предельно ясен. Вы сможете все точно восстановить по времени. Фоскол и неизвестно сколько сообщников обшарили мои карманы, привязали нас с администратором Форсуассоном к перилам, прилетели в Серифозу, позвонили госпоже Форсуассон. Скорее всего откуда-то поблизости. Как только она покинула квартиру, они вошли сюда, зная, что в их распоряжении как минимум час, до того как поднимется тревога. Воспользовались моей печатью, чтобы вскрыть кейс с данными об аварии. Затем спустили печать в туалет и смылись. Даже не вспотев.

— Плохо, что они не поддались искушению взять ее с собой.

— М-м-м, они четко понимали, что печать отслеживается. Поэтому и устроили свою маленькую шуточку. —

Майлз нахмурился. — Но... зачем им понадобились хранящиеся у меня сведения?

— Наверное, они искали информацию о Радоваше. Что конкретно было в вашем кейсе?

— Копии всех закрытых технических отчетов об аварии на отражателе и доклады об аутопсии. Судха — инженер. Он, вне всякого сомнения, знал, что там находится.

— Нам сегодня предстоит чудное занятие в департаменте Проекта Тетраформирования, — мрачно заметил Тумонен. — Попытаться выяснить, кто из служащих отсутствует потому, что сбежал, а кто — потому что и вовсе не существовал никогда. Мне нужно с этим разобраться как можно быстрее, чтобы приступить к предварительным допросам. Думаю, нам придется всех их обработать суперпентоталом.

— Предсказываю, что это будет грандиозной потерей времени и пустой тратой медикамента, — хмыкнул Майлз. — Впрочем, всегда есть шанс, что кто-то знает гораздо больше, чем сам думает.

— М-м-м, да, — согласился Тумонен и оглянулся на молчаливо слушавшую их хозяйку дома. — И кстати, госпожа Форсуассон, боюсь, мне придется также попросить вашего согласия на допрос с суперпентоталом. Это стандартная оперативная процедура в таких случаях, как гибель вашего мужа, — мы должны опросить ближайших родственников покойного. Местная полиция, возможно, тоже захочет принять в этом участие или затребовать копию, в зависимости от того, к какому решению придет мое начальство о юрисдикции этого дела.

— Я понимаю, — бесцветным голосом проговорила Катриона.

— В смерти администратора Форсуассона ничего непонятного нет, — сказал Майлз, чувствуя себя весьма неловко. — Я стоял с ним рядом.

Ну, если уж быть точным, то стоял на коленях.

— Госпожа Форсуассон вовсе не подозреваемая, — уточнил Тумонен. — Она свидетель.

И допрос с суперпентоталом поможет ей и дальше оставаться в этом качестве, нехотя признал Майлз.

— Когда вы хотите это сделать, капитан? — спокойно спросила Катриона.

— Ну... Не сию секунду. У меня будет гораздо более точный список вопросов, когда мы закончим разбираться у них в конторе. Просто никуда не уходите.

«Я арестована?» — взглядом спросила она капитана.

— Дело в том, что мне нужно забрать моего сына, Николаса. Он ночевал у своего приятеля. И ему еще ничего не известно о происшедшем. Мне не хочется говорить ему об этом по комму, и я не хочу, чтобы он узнал все из программы новостей.

— Этого не произойдет, — мрачно отрезал Тумонен. — Пока, во всяком случае. Хотя подозреваю, что информационные службы скоро начнут нас осаждать. Кто-нибудь наверняка заинтересуется, с чего это вдруг вечно сонное отделение Имперской безопасности Серифозы вдруг развернуло такую кипучую деятельность.

— Я должна либо пойти забрать его, либо позвонить и договориться, чтобы он остался там еще.

— Что вы предпочитаете? — встрял Майлз, прежде чем Тумонен успел открыть рот.

— Я... Если вы собираетесь проводить этот допрос сегодня здесь, то я лучше подожду, пока все закончится, и заберу Никки потом. Но мне придется как-то объяснить ситуацию матери его друга. Сказать ей, ну, хотя бы, что прошлой ночью с Тьеном... произошел несчастный случай и он погиб.

— Вы уже поставили ее коммы на прослушивание? — прямо спросил Майлз.

Тумонен явно был ошарашен такой откровенностью, но, откашлявшись, все же ответил:

— Да. Вы должны отдавать себе отчет, госпожа Форсуассон, что Имперская безопасность будет в течение нескольких дней прослушивать все ваши звонки, как исходящие, так и входящие.

Она недоуменно посмотрела на него:

— Зачем?

— Существует возможность, что кто-то из команды Судхи или же какой-то связной, которого мы еще не обнаружили, не зная, что администратор мертв, попытается связаться с ним.

Катриона приняла объяснение с несколько скептическим кивком.

— Спасибо, что предупредили.

— Кстати, о звонках, — добавил Майлз. — Пусть кто-нибудь из ваших доставит мне сюда закрытый от прослушивания комм. Мне тоже нужно кое с кем переговорить.

— Вы останетесь здесь, милорд? — поинтересовался Тумонен.

— На некоторое время. Пока вы не закончите допрос госпожи Форсуассон и до прибытия лорда Аудитора Фортица, а он наверняка захочет прилететь. Как раз с ним я и собираюсь связаться в первую очередь.

— А, конечно!

Майлз огляделся. Активатор, футляр и загубник по-прежнему лежали там, где их бросили несколько часов назад.

— И будьте любезны, — указал на них Майлз, — пусть ваши спецы проверят мой медицинский прибор на предмет какой-нибудь пакости, а затем вернут его мне.

Брови Тумонена поползли вверх.

— Вы подозреваете, что с ним что-то сотворили, милорд?

— Просто пришла такая жуткая мысль. Но думаю, что будет не слишком разумно недооценивать ум и хитрость наших противников в такого рода вещах, а?

— Он вам нужен срочно?

— Нет.

Уже нет.

— Дискету, которую Фоскол прилепила к спине администратора Форсуассона, вы уже успели просмотреть? — продолжил Майлз. Он исхитрился не покоситься на госпожу Форсуассон.

— Бегло, — ответил Тумонен и посмотрел на Катриону, сведя таким образом на нет все усилия Майлза проявить деликатность. Она слегка поджала губы. — Я отдал ее нашему финансовому аналитику — полковнику, ни больше ни меньше, — которого прислали из штаб-квартиры заниматься финансовой частью расследования.

— О, прекрасно! Я как раз собирался спросить, прислали ли вам помощников, чтобы облегчить существование.

— Да, все, что вы затребовали. Техническая команда прибыла на опытную станцию примерно час назад. Оставленный Фоскол пакет — это вроде бы полный документальный отчет обо всех финансовых операциях, связанных с... э-э-э... платежами, сделанными группой Судхи администратору. Если все это не фальшивка, то данные сильно помогут вычленить схему казнокрадства из прочего мусора. Что довольно-таки странно, если подумать.

— Фоскол, вне всякого сомнения, любви к Форсуассону не питает, но наверняка все, что топит его, топит и самих комаррцев. Да, действительно весьма странно. — У Майлза было такое ощущение, что если бы его мозги в данный момент не представляли собой пульсирующий субпродукт, то он смог бы вывести из этого логическую цепочку. *Ладно, займемся этим позже.*

Из глубины квартиры выплыл техник СБ в черном комбинезоне с черным ящиком, идентичным тому — а скорее всего тем же самым, — что Тумонен использовал у госпожи Радоваш.

— Я закончил с коммами, сэр, — сообщил он начальнику.

— Спасибо, капрал. Возвращайтесь в контору и скопируйте файлы к нам, затем в Солстис и полковнику Гиббсу.

Техник кивнул и направился к до сих пор сломанной — как заметил Майлз — входной двери.

— Да, и, пожалуйста, направьте сюда кого-нибудь починить дверь госпоже Форсуассон, — попросил Майлз. — Может быть, он заодно сможет поставить и замок получше.

Катриона наградила его благодарным взглядом.

— Слушаюсь, милорд. И пока вы здесь, я, конечно, оставляю охранника.

Эдакую двухметровую дуэнью, надо полагать. Стоит попытаться добыть для госпожи Форсуассон что-нибудь получше. Подозревая, что уже достаточно нагрузил бедного невыспавшегося Тумонена всякими поручениями и приказами, Майлз лишь попросил, чтобы его немедленно поставили в известность, если удастся обнаружить Судху или кого-нибудь из его группы, и отпустил капитана заниматься его значительно возросшими обязанностями.

К тому времени, когда Майлз принял душ и переоделся в свой последний свежий серый костюм, таблетки сделали свое дело и он почти почувствовал себя человеком. Он выплыл из комнаты, и госпожа Форсуассон пригласила его пройти на кухню. Оставленный Тумоненом охранник торчал в гостиной.

— Не хотите ли позавтракать, лорд Форкосиган?

— А вы сами ели?

— Ну, вообще-то нет. Но я не голодна.

Скорее всего так и есть, но выглядела она такой же бледной и измученной, как и он сам.

— Я съел бы что-нибудь, если вы составите мне компанию, — придумал тактический ход Майлз. — Что-нибудь попроще, — предусмотрительно добавил он.

— Хлопья? — осторожно предложила она.

— Да, с удовольствием.

Майлз хотел было добавить «я их сам приготовлю» — приготовление блюда из хлопьев было вполне в пределах его способностей, — но ему не хотелось, чтобы она ушла, поэтому он сел, как послушный гость, и принялся наблюдать за ее передвижениями по кухне. Катриона казалась несколько не на месте, хотя вроде бы находилась в святая святых своего дома. *Где же она будет смотреться лучше? В каком-нибудь более просторном месте.*

Кэт села и налила им обоим. Они обменялись любезностями. Проглотив несколько ложек, она неубедительно улыбнулась и спросила:

— Это правда, что суперпентотал делает человека... несколько придурковатым?

— М-м-м... Как на любой наркотик, люди на него реагируют по-разному. Мне приходилось неоднократно присутствовать при допросах с суперпентоталом в рамках моей предыдущей деятельности. И я сам подвергался его воздействию дважды.

Последнее заявление вызвало у нее живой интерес.

— О?

— Я... хм... — Майлз хотел успокоить ее, но ему пришлось быть честным. «Никогда не лгите мне больше», — сказала она тогда голосом, полным сдержанной страсти. — Моя собственная реакция — полная идиосинкразия.

— Разве у вас нет аллергии, которую Имперская служба безопасности специально прививает... Нет, конечно, нет, иначе вас бы тут сейчас не было.

Имперская безопасность ограждала своих ведущих сотрудников от допросов с суперпентоталом, прививая им аллергическую реакцию, приводящую в случае применения препарата к анафилактическому шоку и смерти. Для этого, конечно, требовалось согласие человека, но, поскольку данная прививка открывала доступ к карьере, недостатка в добровольцах служба безопасности не испытывала никогда.

— Вообще-то нет. Иллиан никогда мне этого не предлагал. Задним числом я не раз задумывался, не приложил ли к этому руку мой отец. Но в любом случае суперпентотал не делает меня более правдивым, лишь гиперактивным. Я болтаю невзвешенно. С огромной скоростью, надо думать. Когда меня подвергли такому допросу... хм... враги, я сумел выкрутиться, читая стихи. Оч-чень необычный опыт, должен сказать. У нормальных людей степень, ну, противности, что ли, зависит во многом от того, сопротивляется ли он воздействию наркотика, или нет. Если вы чувствуете, что ведущий допрос на вашей стороне, то это просто помогает свободнее давать те же показания, которые вы дали бы в любом случае.

— О! — Она выглядела не очень успокоенной.

— Не могу утверждать, что это не затрагивает каких-то глубинных вещей, — *а у нее этих глубин, как в океане,* — но грамотно построенный допрос не должен, — *унизить вас,* — быть так уж плох. — *Хотя если уж события прошлой ночи не встряхнули ее из состояния мрачного самоконтроля...* Помедлив, Майлз добавил: — Как вы научились так скрывать ваши чувства?

Ее лицо мгновенно стало бесстрастным.

— А я скрываю?

— Да. По вашему лицу очень трудно что-либо прочесть.

— О! — Она отхлебнула кофе. — Не знаю. Я такая сколько себя помню. — Однако более отдаленные воспо-

минания несколько смягчили ее черты. — Хотя нет... Нет, было время... Думаю, было... У меня было... есть три старших брата.

Типичная структура форской семьи их поколения: перебор мальчиков и девочка в виде символического довеска. Так, для коллекции. Неужели никто из этих родителей не обладал (А) предвидением и (Б) умением элементарно считать? Неужели никто из них не хотел стать дедушками и бабушками?

— Двое были намного меня старше, — продолжила она, — но младший — вполне подходящего возраста, чтобы быть невыносимым. Он обнаружил, что может прекрасно поразвлечься, доводя меня до истерики. Вполне подходящим объектом для этого были лошади. В те времена я с ума сходила по лошадям. Я не могла дать сдачи: чтобы ответить словесно, мне тогда не хватало ума, а физически — сил. Он был значительно сильнее: ему тогда было четырнадцать, а мне — десять. Он просто переворачивал меня вверх тормашками, и все. Через некоторое время он меня настолько хорошо выдрессировал, что ему достаточно было заржать, чтобы вывести меня из себя. — Кэт кисло улыбнулась. — Для моих родителей это было совсем не просто.

— Они что, не могли его остановить?

— Обычно он был достаточно сообразителен, чтобы выходить сухим из воды. Его выкрутасы срабатывали даже со мной. Помню, что иногда я одновременно и смеялась, и пыталась огреть его чем-нибудь. И думаю, в то время мать уже заболела, хотя никто из нас об этом даже не подозревал. И мама мне как-то сказала — я как сейчас вижу ее сидящей, подперев лицо ладонями, — что единственный способ отделаться от него — это просто не реагировать. То же самое она говорила, когда меня дразнили в школе или когда я расстраивалась из-за чего-

то. «Будь как каменная, — говорила она. — Тогда он не получит никакого удовольствия и перестанет».

И он перестал. Во всяком случае, он повзрослел, перестал быть четырнадцатилетним олухом и поступил в университет. Теперь мы с ним друзья. Но я не научилась отвечать на нападение невозмутимостью. Теперь, оглядываясь на прошлое, я размышляю, сколько проблем моего брака было следствием... — Она улыбнулась и моргнула. — Моя мать ошибалась, я полагаю. Уж сама-то она точно игнорировала свои боли слишком долго. Но теперь я бесстрашна все время, и уже слишком поздно меняться.

Майлз с силой закусил кулак. Все верно. Значит, с самой ранней юности она усвоила, что никто ее не защитит, кроме нее самой, и единственный способ выжить — прикинуться мертвым. Просто класс! И если и существует более ошибочный шаг, чем обнять ее и попытаться успокоить, то Майлз не мог его вообразить. Если ей нужно быть каменной, потому что это единственный известный ей способ выживания, то пусть будет мраморной, пусть будет гранитной. *В чем бы вы ни нуждались, миледи Катриона, возьмите это. Чего бы ни хотели, вы это получите.*

Единственное, что Майлз сумел в конечном итоге родить, было:

— А я люблю лошадей.

И задумался, действительно ли это прозвучало так по-идиотски, как... прозвучало?

Ее темные брови поползли вверх в веселом изумлении. Значит, именно так и прозвучало.

— Ой, я это переросла много лет назад!

Переросла или вынужденно бросила?

— Я единственный ребенок, но у меня есть кузен, Айвен, который был не менее вредным, чем бывают родные братья. И конечно, он намного крупнее меня, хотя

мы практически ровесники. Но когда я был ребенком, у меня был телохранитель, один из оруженосцев графа, моего отца. Сержант Ботари. У него чувство юмора отсутствовало начисто. Если бы Айвен хоть раз попробовал выкинуть что-то вроде того, что творил ваш брат, его не спасло бы никакое хитроумие.

Катриона улыбнулась:

— Ваш личный телохранитель. Вот уж действительно идеальное детство.

— А оно во многом таким и было. Если не считать медицинской части. Тут сержант мне помочь ничем не мог. И в школе тоже. Должен сказать, в те времена я не ценил того, что имел. И половину времени тратил на то, чтобы придумать, как вырваться из-под его опеки. И мне это удавалось достаточно часто для того, чтобы понять, что я могу добиться успеха.

— Сержант Ботари по-прежнему с вами? Один из вас-салов древнего форского рода?

— Был бы со мной, будь он жив. Мы с ним... э-э-э... попали в зону боевых действий во время путешествия по Галактике, когда мне было семнадцать, и сержант погиб.

— Ой, мне очень жаль.

— Это произошло не совсем по моей вине, но именно мои решения повлекли за собой цепь событий, которые привели к его смерти. — Он наблюдал за ее реакцией. Как обычно, выражение ее лица практически не изменилось. — Но он научил меня, как выживать и жить дальше. Последний из очень многих его уроков.

Ты только что познала разрушение. А я умею выживать. Позволь мне помочь тебе.

Глаза ее блеснули.

— Вы любили его?

— Сержант был... непростым человеком, но да, я любил его.

— А!

Через некоторое время Майлз продолжил:

— Ну, как бы вы к этому ни пришли, в чрезвычайных ситуациях вы держитесь очень хорошо.

— Правда? — Она казалась удивленной.

— Да, прошлой ночью.

Катриона улыбнулась, явно тронутая комплиментом. *Дьявольщина, она не должна воспринимать это простое замечание как великую награду. Должно быть, она всю жизнь просидела на голодном пайке, раз такая ерунда кажется ей царским пиром.*

Это был самый откровенный разговор, которым она его удостоила за все время, и Майлз просто жаждал продлить мгновения, но хлопья в тарелках закончились, кофе остыл и прибыл техник СБ с затребованным Майлзом закрытым коммом. Госпожа Форсуассон направила техника устанавливать комм в кабинет своего покойного мужа, как в самое уединенное место квартиры. Эксперты пришли и ушли, пока Майлз еще спал. Бросив быстрый взгляд на новый прибор, Катриона спряталась в хозяйственных хлопотах, как олень в чаще, явно намереваясь стереть все следы вторжения чужаков в свое жилище.

И Майлзу ничего не оставалось, как приступить к следующему, самому трудному разговору за это утро.

На установку закрытого от прослушивания канала с пришвартованным к отражателю кораблем-маткой спасателей, где в данный момент находился лорд Аудитор Фортиц, ушло несколько минут. Майлз устроился перед коммом с максимальными удобствами и приготовился терпеливо выносить раздражающие паузы в разговоре — следствие дальнего расстояния. Фортиц, наконец появившийся на экране, был в обычном корабельном комбинезоне и, судя по всему, собирался вскорости влезть в скафандр. Но казался вполне жизнерадостным и бодрым.

Наверху жили по времени Солстиса, на несколько часов опережая часовой пояс Серифозы.

— Доброе утро, профессор, — начал Майлз. — Надеюсь, вы провели нынешнюю ночь лучше, чем мы. Самая плохая из всех имеющихся у нас паршивых новостей — вчера ночью ваш зять, Этьен Форсуассон, погиб на опытной станции отдела избыточного тепла из-за проблемы с респиратором. Я сейчас нахожусь в квартире Катрионы. Пока что она держится хорошо. Объясню подробно чуть позже.

Проблема с временной задержкой заключалась в том, что приходилось долго и тоскливо ждать, пока изменится выражение лица человека, когда до него дойдет сказанное несколько минут назад — особенно если новость действительно паршивая, меняющая человеческие жизни, — и не иметь возможности ни вернуть свои слова обратно, ни изменить формулировки. Когда послание дошло до Фортица, он испытал именно такое потрясение, какое и предвидел Майлз.

— Боже правый! Продолжай, Майлз.

Майлз, глубоко вздохнув, принялся подробно излагать события прошлого дня, начиная с впустую потраченных часов на перетряхивание помещений Проекта Терраформирования. Он рассказал о внезапном возвращении Форсуассона, потащившего его на опытную станцию. Об участии администратора в казнокрадстве, об их встрече с Судхой и госпожой Радоваш. О том, как они очнулись прикованными к перилам (подробности гибели Форсуассона Майлз опустил)... О прибытии Катрионы. О вызове подразделения СБ, сильно запоздалом. Об истории с аудиторской печатью.

Лицо Фортица становилось все более и более ошарашенным.

— Майлз, это все просто чудовишно! Я прилечу как можно быстрее. Бедная Катриона! Пожалуйста, побудь с ней до моего прибытия, ладно? — Чуть поколебавшись, Фортиц добавил: — Вообще-то я подумывал позвать тебя сюда. Мы тут обнаружили кое-какое очень странное оборудование, подвергшееся сильному физическому воздействию и очень искореженное. И я хотел узнать, не попадалось ли тебе что-нибудь в этом роде во время твоих галактических странствий. На обломках кое-где сохранились серийные номера, которые, я надеюсь, смогут помочь. В свете твоего рассказа мне придется оставить разбираться с этим моих комаррских ребят.

— Странное оборудование? Судха с приятелями тоже удрали с кучей странного оборудования. Аж на двух грузовых катерах. Пусть ваши комаррские ребята передадут эти серийные номера полковнику Гиббсу в отделение Имперской безопасности Серифозы. Ему предстоит отследить множество серийных номеров оборудования, закупленного Проектом Тетраформирования, и боюсь, оно может оказаться... не таким уж липовым, как я сначала предположил. Похоже, между опытной станцией и аварией с отражателем связей несколько больше, чем одно лишь тело бедолаги Радоваша. Послушайте, хм... В связи с участием Тьена во всей этой истории СБ намеревается допросить с суперпен-тоталом Катриону. Не хотите, чтобы я отложил это до вашего прибытия? Я подумал, что вам, возможно, захочется хотя бы понаблюдать за ходом ее допроса.

Фортиц озабоченно нахмурился.

— Я... Бог ты мой... Нет. Мне бы хотелось, но не следует. Моя племянница... Это чистой воды конфликт интересов. Майлз, мальчик мой, ты не думаешь... Не смог бы ты проследить за этим и позаботиться, чтобы их не заносило?

— Ну, в Имперской безопасности больше не прибегают к резиновым дубинкам с металлическими насадками — но да, я планировал так и сделать. Если вы не против, сэр.

Пауза.

— Для меня это большое облегчение. Спасибо тебе.

— Не за что. И еще мне очень хочется узнать ваше мнение обо всем, что технической группе СБ удастся накопать на опытной станции. В данный момент у меня очень мало улик и куча теорий. И мне не терпится изменить это соотношение.

Когда до профессора Фортица дошла последняя фраза, его губы искривились в сдержанной одобрительной улыбке.

— Как и всем нам.

— У меня есть еще одно предложение, сэр. Мне кажется, Катриона здесь очень одинока. Насколько я понял, у нее тут нет ни близких подруг-комаррианок, ни, конечно, родственников... И я подумал, что было бы неплохо, если бы вы вызвали сюда вашу жену.

Фортиц просиял.

— Не просто неплохо, а очень мудро и мило с твоей стороны. Да, конечно, я вызову ее немедленно. С учетом сложившейся ситуации она наверняка сможет приехать, а ее ассистенты примут оставшиеся экзамены. Я должен был бы это и сам сообразить. Спасибо, Майлз.

— Все остальное может подождать вашего прилета, разве что СБ что-то найдет. Я сейчас приведу сюда Катриону, я знаю, что она хочет с вами поговорить... Но подозреваю, что участие Тьена во всей этой заварушке для нее довольно унижительно.

— А, Тьен... — поджал губы профессор. — Да. Я понимаю. Ладно, Майлз.

Майлз немного помолчал, а потом решился:

— Кстати, о Тьене, профессор... Допрос с суперпен-
тоталом обычно гораздо легче контролировать, если до-
прашивающий имеет хоть какое-то представление, куда
лезет. Я не хочу... хм... не могли бы вы рассказать мне,
что собой представлял брак Катрионы с точки зрения ее
родни?

Пауза затянулась, потом Фортиц нахмурился.

— Мне бы не хотелось говорить дурно о покойнике,
когда ему даже еще не принесли поминального возжигания.

— Боюсь, что в данном случае выбор у нас небогатый.

— Хм, — буркнул Фортиц, когда слова Майлза дошли
до него. — Ну... думаю, тогда это всем казалось хорошим
вариантом. Отец Катрионы, Саша Форвейн, знал покой-
ного отца Тьена. К тому времени Форсуассон-старший
совсем недавно умер. С тех пор уже десять лет минуло.
Надо же, как время летит! А, ладно... Старшие дружили,
оба служили в администрации графства, их семьи знали
друг друга... Тьен только что уволился из армии и вос-
пользовался правом ветерана, чтобы получить работу на
гражданской службе округа. Симпатичный, здоровый...
Казалось, в нем есть все, чтобы пойти по стопам отца,
хотя, полагаю, все же должна быть какая-то причина, по
которой он, прослужив в армии десять лет, не поднялся
выше лейтенанта.

Фортиц пожевал губу.

Майлз едва заметно покраснел.

— Тому может быть множество причин... Не важно.
Продолжайте.

— Форвейн начал приходить в себя после преждевре-
менной смерти моей сестры. Он познакомился с женщи-
ной, симпатичной леди средних лет... Вайоли Форвейн
очень славная... И начал подумывать о повторном браке.
Полагаю, он хотел, чтобы Катриона была как следует ус-
троена... Чтобы с честью развязаться с последними обя-

зательствами перед прошлым, если угодно. К тому времени мои племянники давно жили самостоятельно. Тьен связался с ним, отчасти чтобы отдать дань вежливости другу покойного отца, отчасти чтобы получить поддержку и рекомендацию на работу в округе... Они поладили, насколько могут поладить мужчины такого разного возраста. Нисколько не сомневаюсь, что мой шурин пел Катрионе дифирамбы...

— Если я правильно понял, в понимании ее отца «устроена» означало «замужем»? А не, к примеру, «выпускница университета, получающая огромное жалованье»?

— Это только для мальчиков. Во многих проявлениях мой шурин гораздо больше старый фор, чем ты — высший фор, — вздохнул Фортиц. — Так или иначе, Тьен заслал известную сваху, чтобы составить контракт, молодым людям позволили встречаться... Катриона была в восторге. Ей это льстило. Моя жена расстроилась, что Форвейн не подождал еще несколько лет, но... у молодежи нет чувства времени. Двадцать лет для них уже старость. Первое предложение — это последний шанс и прочая чепуха. Катриона не осознавала, насколько она красива, но ее отец, я полагаю, боялся, что она может сделать какой-нибудь неподходящий выбор.

— Не фора? — перевел Майлз.

— Или еще хуже. Может, какого-нибудь паршивого лаборанта, кто знает? — Глаза Фортица иронично блеснули.

Ах да! Пока он не стал три года назад Имперским Аудитором, к вящему изумлению своей родни, Фортиц и сам занимался далеко не форским делом. И женился не пойми как. И начал он свою карьеру еще тогда, когда старые форы были гораздо больше старыми форами, чем сейчас. В качестве примера Майлз вспомнил своего деда и подавил дрожь.

— Сначала все вроде бы шло хорошо, — продолжил профессор. — Она казалась вполне счастливой, довольно скоро родился Никки... На мой взгляд, Тьен слишком часто менял работу, но ему тогда гражданская деятельность была внове. Иногда несколько раз делаешь фальстарт, прежде чем найдешь себя. Катриона отдалась от нас, но, когда мы с ней виделись, она была... спокойнее. Тьен никак не успокаивался, вечно в погоне за невидимой радугой. Думаю, все эти перемещения и переезды давались ей нелегко.

Фортиц нахмурился, как бы пытаясь припомнить не замеченные когда-то ключи к разгадке.

Майлз решил, что без разрешения Катрионы не имеет права рассказывать о дистрофии Форзонна. Это не его дело. И лишь ограничился замечанием:

— Полагаю, теперь Катриона более свободна, чтобы побольше рассказать обо всем.

Профессор озабоченно посмотрел на Майлза:

— Вот как?

Интересно, какие ответы я бы получил на те же самые вопросы, задай я их госпоже Фортиц?

Майлз покачал головой и пошел звать Катриону.

Катриона. Ему нравилось, как звучит ее имя. Было так легко в разговоре с профессором называть ее по имени. Но сама она еще не предложила ему так себя называть. Ее покойный муж называл ее Кэт. Кошачья кличка. Прозвище. Будто ему было некогда произносить имя жены полностью или же просто лень. Хотя действительно произносить ее полное имя — Катриона-Найла Форвейн-Форсуассон — язык свернешь. Но «Катриона» так хорошо звучит, элегантно и благородно, и хозяйка полностью его достойна. Всегда.

— Госпожа Форсуассон, — спокойно позвал Майлз.

Она появилась из своего кабинета. Майлз жестом пригласил ее подойти к комму. Катриона подошла неохотно, с серьезным лицом. Майлз тихо закрыл за ней дверь и оставил беседовать с дядей наедине. Он предвидел, что в предстоящие дни ей нечасто представится возможность побыть в одиночестве.

Наконец в сопровождении очередного охранника прибыл техник чинить дверь. Майлз отвел их в сторонку.

— Я хочу, чтобы вы оба были здесь до моего возвращения, ясно? Госпожа Форсуассон не должна ни на секунду оставаться без охраны. Хм... Когда закончите возиться с дверью, узнайте у нее, что еще в доме надо починить, и приведите в порядок.

— Слушаюсь, милорд.

Майлз, за которым по пятам следовал персональный охранник, потащился в контору Проекта Терраформирования. Он миновал солдат СБ, снующих на автостанции, в холле здания и по коридорам, которые вели на этажи, занятые Проектом Терраформирования. Майлз мрачно вспомнил известный афоризм старых форов: «поздно запирать конюшню, когда лошадей уже украли». Здесь был представлен полный набор сотрудников Имперской безопасности — от громил со стальным взором до суетящихся техников и мелких служащих, разбирающихся с содержимым коммов. Работники Проекта Терраформирования наблюдали за происходящим со скрытым ужасом.

Майлз обнаружил полковника Гиббса в приемной Форсуассона, вооруженного собственным коммом. К его удивлению, финансовому аналитику Имперской безопасности помогал похожий на кролика Венье. Венье одарил вошедшего Майлза неприязненным взглядом.

— Доброе утро, Венни. Вот уж не думал застать вас здесь, — сердечно приветствовал его Майлз. Его почему-

то порадовало, что этот малый не входил в группу Судхи. — Приветствую, полковник. Я — Форкосиган. Извините, что пришлось вас так срочно выдергивать.

— Милорд Аудитор, я полностью в вашем распоряжении. — Гиббс встал и пожал протянутую руку. Вид полковника радовал глаз: стройный седовласый мужчина средних лет с безупречными манерами, который, несмотря на зеленый мундир СБ, выглядел как стопроцентный бухгалтер. Хотя Майлз вот уже почти три месяца был Имперским Аудитором, он все еще никак не мог привыкнуть к пиетету со стороны людей старше себя по возрасту.

— Полагаю, капитан Тумонен вас проинформировал и передал дискеты с весьма любопытной информацией, полученной нами прошлой ночью.

Гиббс кивнул и подтащил стул для лорда Аудитора. Вены воспользовался случаем, чтобы откланяться, и удрал, едва дождавшись разрешения полковника. Они уселись, и Майлз спросил:

— Ну и как ваши успехи?

Он поглядел на кучу распечаток, уже выданных коммом.

Гиббс чуть улыбнулся:

— Ну, первыми тремя часами работы я в общем-то доволен. Мы смогли вычислить практически всех липовых сотрудников отдела использования избыточного тепла. Думаю, что довольно скоро я вычислю и фальшивые счета. Предоставленные этой вашей госпожой Фоскол сведения о левых доходах покойного администратора Форсуассона весьма точны. Проверить их достоверность не представляет большого труда.

— Будьте предельно осторожны со всеми данными, прошедшими через ее руки, — предупредил полковника Майлз.

— О да! Она просто великолепна. Подозреваю, что для меня работать с нею будет удовольствием и честью,

милорд. Надеюсь, вы понимаете, о чем я, — сверкнул глазами Гиббс.

Как приятно встретить человека, любящего свое дело! Что ж, он просил штаб СБ в Солстисе прислать ему самых лучших.

— Не спешите так восторгаться Фоскол. У меня для вас есть еще кое-что, что обещает быть довольно занудным.

— Вот как?

— Я подозреваю, что, помимо пресловутых «мертвых душ», отдел избыточного тепла приобрел еще кучу липового оборудования. Липовые инвойсы и все такое.

— Да. Я обнаружил три дутые компании, через которые это делалось.

— Уже? Так быстро? И что же?

— Я сравнил список инвойсов, оплаченных этим отделом, с официальным реестром компаний империи. Это, как вы понимаете, не стандартная процедура при аудиторской проверке, хотя я полагаю, что предложу внести ее в дальнейшем в список обязательных. И выявилось три компании. Мои оперативники их сейчас проверяют. К концу дня у меня уже будет для вас информация по этому вопросу. Думаю, что не слишком самонадеянно будет утверждать, что за неделю мы сможем отследить все.

— На данный момент меня в первую очередь интересуют не деньги. — Брови Гиббса поползли вверх. — Судя и компания сбежали с кучей оборудования, — пояснил Майлз. — И я думал, что, если у нас будет список закупок отдела избыточного тепла, тогда, вычеркнув из него то, что имеется в наличии по инвентарному списку, мы получим то оборудование, которое они увезли.

— Скорее всего, — одобрительно поглядел на него Гиббс.

— Это, конечно, грубый подход, — проговорил Майлз, — и, увы, не такой простой, как сопоставление данных.

— Именно для этого они и изобрели фиктивных служащих, — пробормотал Гиббс.

Довольные друг другом, они обменялись лучезарными улыбками.

— Но у нас все получится, если инвентарный список действительно точный, — продолжил Майлз. — Я хочу, чтобы вы особо искали липовые инвойсы, покрывающие реальные закупки нестандартного и неучтенного оборудования. Я хочу знать, не утащил ли Судха нечто... необычное.

Гиббс заинтересованно склонил голову набок и сощурился.

— Для них не составило труда использовать для этого те же липовые компании.

— Если вы обнаружите нечто подобное, пометьте это и немедленно сообщите мне или лорду Аудитору Фортицу. Особенно если вам попадется что-нибудь, идентичное оборудованию, найденному аварийщиками Фортица в окрестностях поврежденного отражателя.

— Ага! Тогда все становится более или менее ясным. Должен заметить, я никак не мог понять, почему это Имперская служба безопасности столь серьезно заинтересовалась банальным казнокрадством. Хотя здесь применен весьма любопытный способ казнокрадства, — поторопился заверить он Майлза. — Высокопрофессиональный.

— И даже очень. Пожалуйста, полковник, считайте список оборудования приоритетным делом.

— Хорошо, милорд.

Оставив нахмурившегося Гиббса (пожалуй, очень даже заинтересованно нахмурившегося, решил Майлз) наедине с завалом распечаток, Майлз отправился на поиски Тумонена.

Серый от усталости капитан сообщил, что никаких сюрпризов нынче утром не произошло. Оперативники

следов Судхи еще не обнаружили. Из штаб-квартиры прислали майора со специальным чемоданчиком для ведения допросов, и он в данный момент допрашивает всех оставшихся в наличии сотрудников отдела. Инквизиция происходит в конференц-зале.

— Но на то, чтобы допросить их всех, уйдет дней несколько, — добавил Тумонен.

— Вы все еще хотите допросить сегодня госпожу Форсуассон?

Тумонен потер лицо ладонями.

— Да, чтобы покончить с этим.

— Я буду присутствовать.

— Это ваше право, милорд, — помедлив, кивнул Тумонен.

Майлз задумался, не посмотреть ли, как проходит допрос служащих, но решил, что в своем нынешнем физическом состоянии вряд ли сможет предложить что-либо стоящее. На данный момент вроде бы все под контролем, если не считать его самого. Действие болеутоляющего уже сходило на нет, и стенки коридоров сделались какими-то расплывчатыми. Если он хочет, чтобы днем от него был хоть какой-то прок, ему следует немедленно отдохнуть.

— Значит, встретимся позже, дома у госпожи Форсуассон, — сказал Майлз Тумонену.

ГЛАВА 13

Катриона сидела перед коммом в своем кабинете и пыталась сообразить, как жить дальше, как собрать осколки бытия. На самом деле все гораздо проще, чем ей показав-

лось сначала. Выяснилось, что собирать практически нечего. *Как это я умудрилась сделаться такой ничтожной?*

Она изучала возможности. Сперва самые главные: медицинское обслуживание гарантировалось им до конца квартала. У нее оставалось еще несколько недель. Катриона подсчитала в уме дни. Если не терять времени, то для Никки хватит.

На ее счету оставалось несколько сотен марок, и еще несколько сотен — на счету Тьена. Квартирой она тоже может пользоваться до конца квартала, а потом должна освободить ее для преемника Тьена. Отлично. Оставаться здесь ей не хотелось. Пенсии, конечно, не будет. Катриона поморщилась. Зато им с Никки полагался гарантированный проезд до Барраяра, и хвала небесам, что Тьен не придумал, как и это превратить в наличность.

Оставшаяся собственность была скорее ярмом, чем достоянием, если учесть, что все это необходимо перетащить на скачковый корабль. Допустимый вес багажа не слишком велик. Придется большую часть выделить Никки. Для него его маленькие сокровища значат гораздо больше, чем ее большие — для нее. Глупо обременять себя кучей имеющихся в трех комнатах вещей, которые она собиралась бросить здесь буквально несколько часов назад. Она и сейчас может легко с ними расстаться. Одежду себе и Никки Катриона покупала в секонд-хэнде, а одежду и вещи Тьена можно продать, потратив на это всего несколько часов. Она же желала путешествовать налегке.

Теперь долги. С долгами все просто. Во-первых, те двадцать тысяч марок, что Тьен занял да так и не отдал. Затем — должна ли она, следуя обязательствам чести, во имя спасения форской гордости и доброго имени Никки, возместить империи полученные Тьеном взятки?

Ну, сегодня ты этого все равно сделать не сможешь. Займись тем, что тебе по силам.

Она давно уже изучила вдоль и поперек все клиники Комарры, где лечили генетические заболевания, эти сведения навсегда отпечатались у нее в мозгу, но раньше официальным опекуном Никки являлся Тьен, а Тьен боялся огласки. Теперь по закону официальным опекуном Никки на Барраяре считается троюродный брат Тьена, которого Катриона сроду не видела. Поскольку Никки не наследовал ни состояния, ни графства, то передача права опеки ей скорее всего не составит особых хлопот. Ладно, с юридическими делами она разберется позже. А пока надо заняться делом.

Ей потребовалось десять минут, чтобы связаться с ведущей генетической клиникой Комарры в Солстисе и уговорить их принять Никки послезавтра, а не через пять недель, как ей сначала предложили.

Вот так.

Все просто. Ее прямо-таки трясло от злости на Тьена и на саму себя. Все это можно было сделать еще несколько месяцев назад, когда они только прибыли на Комарру, если бы только у нее хватило тогда мужества бросить вызов Тьену.

Теперь следует известить мать Тьена как единственную близкую родственницу. Дальнюю родню на Барраяре его мать оповестит сама. Не желая отправлять видеопослание, Катриона предпочла обычное письмо, надеясь, что оно окажется не слишком холодным. Несчастный случай с респиратором, который Тьен не потрудился проверить. И ничего о комарцах, о взятках и казнокрадстве. Ничего такого, против чего может возразить СБ. Матери Тьена незачем знать о бесчестии сына. Да она, возможно, никогда и не узнает. Катриона почтительно поинтересовалась пожеланиями свекрови относительно похорон и того, как распорядиться прахом. Скорее всего мать Тьена захочет перевезти его на Барраяр, чтобы похоронить рядом со старшим сы-

ном. Катриона вдруг представила, что бы испытала она сама, если вдруг, в отдаленном будущем, доверив Никки его жене, сулящей блестящие перспективы, получила бы сына обратно в виде урны с прахом. С сопроводительной запиской. Нет, придется ей проделать все это лично. Но это — позже.

Катриона отправила письмо.

Практическая сторона дела крайне простая. Закончить все дела и упаковать вещи можно за неделю. А вот финансовая... Нет, не то чтобы это невозможно вообще. Просто ее нельзя решить в одночасье. Может, стоит взять долгосрочный кредит, чтобы выплатить тот долг? Если, конечно, кто-нибудь захочет предоставить кредит нищей безработной вдове. Оставленное ей Тьеном наследство со знаком минус сильно приглушало свет ее нового будущего. Катриона ясно представила себе птицу, которую выпустили на свободу после десятилетнего сидения в клетке с напутствием лететь, куда захочет... как только эти тяжеленные гири привяжут к ее ногам.

Эта птица все же доберется туда, куда хочет, но только если пройдет весь путь пешком, шаг за шагом...

Сигнал комма вывел ее из задумчивости. На головиде показался серьезный мужчина, одетый по комаррской моде. Катриона никогда не видела его среди служащих Тьена.

— Здравствуйте, мэм, — неуверенно приветствовал ее комаррец. — Моя фамилия Анафи, я представляю брокерское агентство «Риальто». Я ищу Этьена Форсуассона.

Катриона узнала название компании, чьи деньги Тьен потерял, играя на акциях торгового флота.

— Его... его нет. Я госпожа Форсуассон. Что вам угодно?

Взгляд Анафи стал более колючим.

— Это четвертое уведомление о просрочке платежей. Господин Форсуассон должен либо выплатить все полностью, либо немедленно установить новый график выплат.

— А как обычно составляется этот график?

Анафи, казалось, удивил ее вопрос. Разговаривал ли он уже до этого с Тьеном? Комаррец слегка расслабился, откинувшись на стуле.

— Ну... Обычно мы высчитываем проценты, исходя из заработной платы клиента и других имеющихся у него доходов.

Я не получаю зарплаты. И у меня нет собственности. Катриона подозревала, что Анафи это не понравится.

— Тьен... сегодня ночью погиб. Несчастный случай. Так что сегодня здесь все несколько в беспорядке.

Анафи казался ошарашенным.

— О! Мне очень жаль, сударыня, — только и сумел выдать он.

— Я не думаю... Кредит застрахован?

— Сейчас проверю, госпожа Форсуассон. Будем надеяться... — Анафи повернулся к внутреннему комму и нахмурился. — Мне очень жаль вам это говорить, но нет.

Ах, Тьен...

— Так как мне его выплатить?

Анафи довольно долго молчал, как бы раздумывая.

— Если вы согласитесь поставить под договором свою подпись, к завтрашнему дню я представлю вам график выплат.

— Вы можете это сделать?

Послышался нерешительный стук в дверь. Обернувшись, Катриона увидела лорда Форкосигана. Интересно, и давно он тут стоит? Он жестом попросил разрешения войти. Кэт кивнула. Подойдя, он посмотрел ей через плечо на Анафи.

— Это что за малый? — тихо поинтересовался он.

— Его фамилия Анафи. Он из той компании, что предоставила Тьену кредит на покупку акций.

— Ага! Позвольте-ка... — Подойдя к комму, Форкосиган набрал номер. Появилось изображение седовласого

мужчины в мундире с полковничьими знаками различия и Глазами Гора в петлицах.

— Полковник Гиббс, — жизнерадостно произнес Форкосиган. — У меня есть для вас кое-какие новые данные о финансовых делах администратора Форсуассона. Господин Анафи, познакомьтесь с полковником Гиббсом. Имперская служба безопасности. У него есть к вам ряд вопросов. Всего доброго.

— Имперская безопасность?! — в ужасе возопил Анафи. — Имперская безопасность? Какое отношение...

Форкосиган отключил комм, и он исчез.

— Нет больше Анафи, — удовлетворенно сообщил он. — Во всяком случае, на ближайшие несколько дней.

— Правда, очень мило? — заметила Катриона, невольно позабавленная. — Они предоставили Тьену кредит «за красивые глазки»!

— Как бы то ни было, не подписывайте ничего, не посоветовавшись прежде с юристом. Если вы ничего не знаете об этом кредите, то вполне возможно, что на его погашения пойдут средства Тьена, а не ваши. Его кредиторы могут хоть передрасться между собой за оставшиеся крохи, но вас это уже не будет касаться.

— Тьен не оставил ничего, кроме долгов.

И бесчестья.

— Ну, значит, драка будет недолгой.

— Разве это честно?

— Смерть — обычный риск для бизнеса. Конечно, в одном бизнесе риска больше, в другом... — Он коротко улыбнулся. — Господин Анафи был готов получить вашу подпись на кредитном договоре. Что наводит меня на мысль, что он прекрасно понимал возможный риск и посчитал, что может навесить на вас долг, сделанный не вами, воспользовавшись вашим шоковым состоянием. Нечестно. Даже неэтично, я бы сказал. Да, думаю, мы можем предоставить его Имперской безопасности.

Все это выглядело довольно легкомысленно, но... было трудно оставаться равнодушной к жизнерадостному блеску в глазах Форкосигана, когда он уничтожил ее противника.

— Благодарю вас, лорд Форкосиган. Но мне и правда следует научиться самой справляться с такими вещами.

— Да, конечно, — мгновенно согласился он. — Жаль, что здесь нет Циписа. Он занимается делами моей семьи уже лет тридцать. И обожает учить новичков. Если бы я мог натравить его на вас, вы стали бы специалистом в мгновение ока, а он был бы в экстазе. Боюсь, что в юности я был для него сплошным разочарованием. Меня интересовало лишь то, что касалось армии. В конечном итоге он сумел вбить мне в голову кое-что из экономики под соусом обеспечения и снабжения войск. — Прислонившись к стенке, лорд Форкосиган скрестил руки на груди и покачал головой. — Как скоро вы рассчитываете вернуться на Барраяр?

— Чем быстрее, тем лучше. Я с трудом выношу это место.

— Думаю, что вполне могу вас понять. А куда вы... э-э-э... отправитесь на Барраяре?

Катриона уставилась на выключенный головид.

— Пока не знаю. Во всяком случае, не к отцу.

Снова оказаться на положении малого дитяти... Она представила, как придет, нищая, без средств к существованию, и сядет на шею отцу или одному из братьев. Они охотно будут ее содержать и не поскупятся, но при этом будут вести себя так, будто ее зависимое положение лишает ее всех прав и достоинства, даже ума. И распоряжаться ее жизнью. Ради ее же блага, разумеется...

— Уверена, что меня там охотно примут, но боюсь, что его вариант решения моих проблем сведется к тому, чтобы снова выдать меня замуж. Почему-то эта идея в данный момент не приводит меня в восторг.

— О! — произнес Форкосиган.

Повисло молчание.

— А чем бы вы хотели заняться, будь у вас такая возможность? — неожиданно спросил он. — Не из практических соображений, а вообще?

— Я не... Обычно я начинаю с того, что возможно, и от этого танцую дальше.

— Попробуйте дать свободу воображению. — Он сделал широкий жест, как бы означающий широкие просторы.

Катриона принялась вспоминать свою жизнь, всю жизнь до того момента, когда она совершила фатальную ошибку. Столько лет потеряно...

— Ну... думаю, что вернулась бы в университет. Но на сей раз уже зная, что хочу. Курс садоводства и факультет искусств, чтобы заниматься дизайном садов. Химия, биохимия, ботаника и генетика. Приобрести реальные знания, такие, чтобы тебя не могли смутить или... или убедить сделать глупость, потому что ты полагаешь, будто все знают больше, чем ты.

Она сердито нахмурилась.

— Чтобы иметь возможность проектировать сады за деньги?

— Нет, больше. — Она сощурилась, словно присматривалась к чему-то у себя внутри.

— Планеты? Терраформирование?

— О Господи! Для этого нужно десять лет учебы и еще десять лет интернатуры!

— И что? Им же нужно брать кого-то на работу. Взяли же они Тьена?

— Тьен был всего-навсего администратором. — Она печально покачала головой.

— Ладно, — покладисто согласился Форкосиган. — Значит, больше, чем сады, но меньше, чем планета. Все равно остается обширное пространство для маневра. Барраярс-

кий округ может быть неплохим началом. Тот, где еще не закончено терраформирование, скажем, незавершенные проекты лесопосадок, поврежденная почва и острый недостаток красоты. А оттуда, — продолжил он, — вы сможете постепенно перейти к планетам.

Катриона рассмеялась:

— Откуда такая одержимость планетами? Ничего поменьше вас не устроит?

— Элли К... один мой друг обычно говорит: «Целься выше. Может, в цель ты и не попадешь, но уж наверняка не отстрелишь собственные ноги». — Ухмыльнувшись, он подмигнул ей и, колебавшись, медленно продолжил: — Знаете... ваш отец и братья ведь не единственные ваши родственники. Профессор с женой обладают просто неиссякаемым стремлением учить. И вы не сможете убедить меня, что они не предоставят вам с Никки убежище, пока вы не начнете новую жизнь. И тогда вы сможете жить в Форбarr-Султане, практически рядом с университетом и... хм... всем остальным. И там отличные школы для Никки.

— Ему будет куда как полезно пожить на одном месте для разнообразия, — вздохнула она. — Он тогда сможет наконец-то обзавестись друзьями, с которыми не придется вскоре расставаться. Но... я с некоторых пор ненавижу зависимость.

Он проницательно поглядел на нее:

— Потому что это предало вас?

— Или привело к тому, что я изменила сама себе.

— М-м-м... Но ведь существует несомненная качественная разница между... хм... теплицей и криокамерой. И то, и другое дает укрытие, только первая обещает рост, а вторая... хм... — Похоже, лорд Форкосиган несколько запутался в своей метафоре.

— Отсрочивает разложение? — вежливо подсказала Катриона.

— Вот именно. — На его губах снова промелькнула быстрая улыбка. — Но, как бы то ни было, я полностью убежден, что оба профессора — теплицы в человеческом облике. Вечно в окружении студентов, они давно привыкли к тому, что люди вырастают и идут дальше своим путем. И считают это нормальным. Лично я полагаю, что вам у них понравится.

Он подошел к окну и выглянул наружу.

— А мне там и нравилось, — мечтательно ответила она.

— Ну, значит, это вполне осуществимо. Отлично, с этим решили. Вы обедали?

— Что? — рассмеялась Катриона, взъерошив волосы.

— Обед, — совершенно серьезно повторил он. — Многие люди обедают примерно в это время суток.

— Вы ненормальный, — убежденно изрекла она, сознательно игнорируя несколько, мягко говоря, неверную адресовку данного заявления. — Вы всегда вот так, походя, распоряжаетесь будущим других людей?

— Только когда голоден.

Катриона сдалась:

— Думаю, что смогу что-нибудь...

— Ни за что! — возмутился он. — Я послал одного из подхалимов. И только что видел его идущим по парку с многообещающе большой сумкой в руках. Охранникам тоже нужно есть, знаете ли.

Катриона некоторое время любовалась человеком, у которого на побегушках Имперская служба безопасности. Должно быть, существуют какие-то правила по поводу еды во время дежурства. Хотя... Она позволила Форкосигану отвести ее на ее же собственную кухню, где они выбрали себе еду из доброй дюжины контейнеров. Катриона утатила абрикосовый торт для Никки, и они отправили все, что осталось, в гостиную охранникам. Единственное, что Форкосиган позволил ей сделать, — это заварить чай.

— Нашли что-нибудь новенькое сегодня утром? — спросила Катриона, когда они уселись за стол. Она старалась не вспоминать последний разговор с Тьеном здесь, на кухне. *О да, я хочу домой!* — Есть что-нибудь о Судхе и Фоскол?

— Пока нет. Отчасти я жду, что СБ схватит их в любой момент, отчасти... я далек от такого оптимизма. Я все думаю, как давно они начали планировать свое отбытие.

— Ну... Сомневаюсь, что они полагали, будто в Сери-фозу придут Имперские Аудиторы. Во всяком случае, уж это точно застало их врасплох.

— Хм. А! Я понял, почему все это кажется таким странным! Такое впечатление, что мои мозги работают заторможенно, и вовсе не из-за этих треклятых припадков! Дело в том, что я не на той стороне. В защите, а не в нападении! Все время отстаю на шаг, а реагировать и действовать — далеко не одно и то же. У меня жуткое ощущение, что это неотъемлемое условие моей новой работы. — Он откусил кусок сэндвича. — Разве что я смогу продать Грегору идею создать Аудитора-провокатора... Ну, в любом случае у меня появилась мысль, которую я собираюсь опробовать на вашем дяде Фортице, как только он явится. — Форкосиган замолчал, и повисла пауза. Через некоторое время он добавил: — Если вы издадите какой-нибудь поощряющий звук, я продолжу.

Это высказывание застало ее с набитым ртом.

— М-м-м?

— Очень мило! Видите ли... предположим... предположим, что вся эта затея Судхи — нечто большее, чем банальное казнокрадство. Может быть, они использовали ворованные имперские средства для ведения реальных исследований и разработок, не имеющих никакого отношения к использованию избыточного тепла. Возможно, это предрассудки из моего военного прошлого, но я

почему-то уверен, что они делали оружие. Какую-нибудь новую разновидность гравидеструктора, например. — Он отхлебнул чай.

— У меня никогда не возникало впечатления, что Судха или кто-либо другой из сотрудников Проекта Терраформирования обладают военным мышлением. Совсем наоборот.

— Чтобы совершить диверсию, этого и не требуется. Какую-нибудь здоровенную и совершенно идиотскую подлость... Я не перестаю беспокоиться по поводу грядущего бракосочетания Грегора.

— Судха не страдает манией величия, — медленно ответила Катриона. — И не настолько подл, в частности.

Она несколько не сомневалась, что смерть Тьена — чистая случайность.

— И не глуп, — с сожалением вздохнул Форкосиган. — Я не исключаю до конца такую версию. Потому что она заставляет меня дергаться. И держит в напряжении, заставляя шевелить извилинами. Но предположим, что оружие все же существует. Может быть, они атаковали рудовоз, чтобы это оружие испытать? Достаточно подло. И испытания провалились? И было ли повреждение отражателя случайным побочным эффектом? Состояние тела Радоваша наводит на мысль о том, что в него стреляли. Дележка добычи между ворами? Как бы то ни было, чтобы привязать эти досужие рассуждения к каким-нибудь реальным доказательствам, я собираюсь составить полный список оборудования, закупленного Судхой для своего отдела, выкинуть из него все, что имеется в наличии, и в результате получить список частей их секретного оружия. На этом месте моя гениальность мне отказывает, и я собираюсь предоставить разбираться с этим вашему дяде.

— Ой! Ему это понравится! — воскликнула Катриона. — Он начнет на вас рычать!

— А это хороший признак?

— Да!

— Хм. Итак, эта предположительная диверсия с применением секретного оружия... Насколько они близки к успеху? Я не перестаю задумываться о странном поведении Фоскол... извините... Зачем она оставила нам дискету с уликами против Тьена? Это все равно что заявить: не имеет значения, что комаррцы тоже в этом замараны, потому что... Потому что их здесь уже не будет, чтобы ответить за последствия? Это наводит мысль о побеге, что противоречит гипотезе об оружии, которое, по идее, они должны использовать.

— Или потому, что они считают, что вас здесь не будет, чтобы повлечь эти последствия, — предположила Катриона. *Хотели ли они, чтобы Форкосиган тоже умер? Или... что?*

— О, класс! Очень успокаивающе. — Он довольно агрессивно впился зубами в сандвич.

Подперев лицо ладонью, она со скрытым любопытством посмотрела на него.

— В Имперской безопасности знают, что вы вот так болтаете?

— Только когда очень устал. К тому же я люблю размышлять вслух. Тогда мысли текут медленнее и я успеваю обдумать все как следует. Впрочем, должен сознаться, что очень немногим хватает терпения дослушать до конца. — Он искоса кинул на нее странный взгляд. Действительно, когда его оживление замедлялось — что случалось, по ее наблюдениям, крайне редко, — тут же проявлялась серая усталость. — К тому же вы сами поощрили меня. Пропели «м-м-м».

Она возмущенно посмотрела на него, но не попалась на удочку.

— Извините, — тихо продолжил он. — Кажется, я сейчас несколько дезориентирован. — Он виновато по-

морщился. — На самом деле я вернулся, чтобы немного отдохнуть. Ну разве не трогательно? Кажется, я старею.

В этот момент Катриона с радостью осознала, что у них обоих жизненный опыт не совпадает с возрастом. У нее сейчас образование ребенка и статус вдовы. А Форкосиган... очень молод для своего поста, это точно. Но эта его вторая, посмертная, так сказать, жизнь делает его старше, чем она когда-либо будет.

— Время не имеет границ, — пробормотала она.

Он пронзительно поглядел на нее и, кажется, собрался что-то сказать. Но раздавшиеся в коридоре голоса прервали разговор. Катриона повернула голову:

— Тумонен? Так скоро?

— Хотите перенести это на более поздний срок? — спросил Форкосиган.

— Нет, — покачала она головой. — Я хочу поскорее покончить с этим. И забрать Никки.

— А! — Он допил чай и встал.

Они вдвоем прошли в гостиную. Действительно, пришел капитан Тумонен. Кивнув Форкосигану, он вежливо поздоровался с Катрионой. С капитаном была женщина-медик в форме барраярского военврача, которую Тумонен им представил. Она принесла с собой аптечку, стоявшую сейчас на столе. Там лежали ампулы и инъекторы в гелевых упаковках. И прочие средства оказания первой помощи на все случаи жизни.

Тумонен попросил Катриону сесть на кушетку.

— Вы готовы, госпожа Форсуассон?

— Думаю, да.

Катриона со скрытым опасением и некоторой неприязнью смотрела, как медик выкладывает инъектор и показывает его Тумонену для проверки.

Положив еще один инъектор рядом с первым, женщина достала маленький пластырь.

— Протяните, пожалуйста, руку, сударыня.

Катриона выполнила просьбу. Медик крепко прижала пластырь с аллергической пробой к ее коже и тут же отклеила его. Продолжая крепко держать руку Катрионы, она смотрела на часы. Пальцы врача были сухими и холодными.

Тумонен отослал охранников подальше — одного к входной двери, другого на балкон — и включил запись. Затем повернулся к Форкосигану и подчеркнуто официально произнес:

— Смею напомнить, лорд Форкосиган, что второй спрашивающий может создать лишние осложнения во время допроса с суперпентоталом.

— Угу, — отмахнулся Форкосиган. — Я знаю правила. Продолжайте, капитан.

Тумонен посмотрел на медика, которая внимательно оглядела руку Катрионы и отпустила ее.

— Все в норме, — доложила она.

— Тогда приступайте.

Катриона закатала рукав. Инъектор прошипел, и руку обдало холодом.

— Медленно ведите обратный отсчет от десяти, — сказал Тумонен.

— Десять... — послушно начала Катриона. — Девять... восемь... семь...

ГЛАВА 14

— ...Два... один...

Голос Катрионы, вначале едва слышный, становился все громче.

Майлз подумал, что может точно определить, когда наркотик растекался по ее кровеносной системе. Ее судорожно стиснутые кулаки расслабились. Напряжение, сковывавшее ее плечи, спину, лицо, все тело, растаяло как снег на солнце. Зрачки расширились и заблестели, щеки зарумянились. Губы раздвинулись в лучезарной улыбке. Катриона посмотрела на сидящего позади Тумонена Майлза.

— Ой! — удивленно воскликнула она. — Это совсем не больно!

— Да, суперпентотал — это не больно, — громко и уверенно ответил капитан.

Она вовсе не это имеет в виду, Тумонен. Если человек жил в боли, как русалка в воде, до тех пор, пока боль не стала такой же привычной, как дыхание, внезапное исчезновение ее — пусть даже искусственное — должно производить ошеломляющее впечатление. Майлз облегченно вздохнул, увидев, что Катриона не будет ни хихикать, ни дурачиться. Не оказалась она и из числа тех редких несчастных, у кого наркотик вызывает неудержимый поток ругательств или столь же невыносимый поток слез.

Нет. С ней все это проявится тогда, когда мы снимем воздействие наркотика. От этой мысли его пробрала дрожь. *Но Бог ты мой, какая же она красавица, когда не чувствует боли!* Ее открытая радостная и теплая улыбка казалась странно знакомой, и Майлз пытался вспомнить, когда он видел ее такой счастливой. Не сегодня, не вчера...

Это было в твоем сне.

Ох!

Усевшись поудобнее, он уперся подбородком в ладонь, прикрыв пальцами рот, и принялся слушать, как Тумонен задает стандартные нейтральные вопросы: имя, фамилия, дата рождения, имена родителей и так далее. Целью этих вопросов было не только дать время наркотику подействовать, но и задать ритм вопрос-ответ, по-

могающий вести допрос, когда вопросы становились труднее. День рождения Катрионы оказался на три недели раньше его, мимоходом отметил Майлз. Но дворцовый переворот Фордариана, случившийся в год их рождения и перевернувший с ног на голову прилегающие к Форбarr-Султану регионы, практически не коснулся Южного континента.

Медик скромно уселась в сторонке, но — увы! — не за пределами слышимости. Майлз надеялся, что у нее достаточный допуск секретности.

Тумонен перешел к интересующим их вопросам. Когда точно Тьен получил назначение на Комарру и каким образом? Знал ли он кого-нибудь из своих будущих сотрудников или встречался с кем-нибудь из группы Судхи до отъезда с Барраяра? Нет? Читала ли она какую-нибудь его корреспонденцию? Катриона, становясь под воздействием наркотика все более оживленной, рассказывала все доверчиво, как дитя. Она была так рада этому назначению мужа, ведь это открывало доступ к хорошему медицинскому обслуживанию, давало уверенность, что она сможет наконец-то обеспечить Никки высококвалифицированную помощь. Она помогала Тьену писать резюме. Ну да, она для него почти все резюме писала. Купол «Серифоза» оказался просто потрясающим, положенная им квартира больше и лучше, чем она ожидала. Тьен сказал, что комаррцы все — техно-снобы, но она как-то этого за ними особо не замечала...

Тумонен потихоньку вернул ее к нужному сюжету. Когда и каким образом она обнаружила, что ее муж замешан в казнокрадстве? Она повторила свой рассказ о ночном звонке Судхе, но с добавочными подробностями, среди которых присутствовал полный рецептпряного молока с бренди. Суперпентотал творит с человеческой памятью странные вещи, хотя и не делает ее, вопреки распространенному

мнению, эйдетической. Хотя пересказ диалога между Тьеном и Судхой казался почти дословным. Тумонен оказался следователем опытным и терпеливым — он не мешал ей вдаваться в подробности, чутко отлавливал в потоке слов фрагменты нужной информации.

Рассказ о том, как она взломала комм своего мужа, вызвал небольшой экскурс.

— Если лорд Форкосиган смог это сделать, то и я смогла.

И Тумонен потихоньку вытянул всю историю о налете Майлза в стиле СБ на ее комм-пульт. Майлз, закусив губу, невозмутимо встретил удивленный взгляд капитана.

— И еще он сказал, что ему понравились мои сады. Никто в моей семье даже посмотреть на них не хотел.

Вздыхнув, она застенчиво поглядела на Майлза. Сметет и он надеяться, что прощен?

Тумонен посмотрел на пластиковую карточку.

— Если вы не знали о долгах вашего мужа до вчерашнего дня, то почему перевели за день до этого четыре тысячи марок на его счет?

Катриона несколько растерялась — капитан тут же насторожился.

— Он солгал мне. Ублюдок. Сказал, что мы поедem на лечение. Нет. Он этого не говорил, черт побери! Дура я! Я так хотела, чтобы это было правдой. Но лучше дурак, чем лжец. Ведь так? Я не хотела стать такой, как он.

Тумонен озадаченно оглянулся на Майлза в поисках помощи.

— Спросите ее, были ли это деньги Никки.

— Деньги Никки, — подтвердила она, быстро кивнув. Несмотря на вызванное наркотиком блаженное состояние, она сердито нахмурилась.

— Вам это о чем-нибудь говорит, милорд? — тихо спросил Тумонен.

— Боюсь, что да. Она откладывала деньги из того, что муж давал на хозяйство, для лечения сына. Я видел этот счет в ее файлах, когда предпринял это... хм... несчастное исследование. Насколько я понимаю, ее муж, заявив, что использует деньги для лечения, забрал их у нее, чтобы расплатиться с кредиторами. — *Вот уж действительно казнокрадство.* Майлз сделал глубокий вдох, чтобы успокоить растущий гнев. — Вы отследили их?

— Тьен перевел их брокерскому агентству «Риальто».

— Вернуть их невозможно, я полагаю?

— Спросите Гиббса, но я думаю, вряд ли.

— Угу. — Закусив палец, Майлз кивком велел Тумонену продолжать. Вооруженный правильными вопросами, капитан получил соответствующие ответы и в конечном итоге вытянул все подробности о дистрофии Форзонна.

А потом таким же нейтральным тоном спросил:

— Это вы устроили смерть вашего мужа?

— Нет, — вздохнула Катриона.

— Просили ли вы кого-нибудь убить его или заплатили кому-нибудь за его смерть?

— Нет.

— Вы знали, что он погибнет?

— Нет.

Суперпентотал часто лишал людей способности абстрактно мыслить, поэтому приходилось задавать один и тот же вопрос в разных формулировках, чтобы удостовериться в искренности ответа.

— Вы сами его убили?

— Нет.

— Вы любили его?

Катриона медлила с ответом. Майлз нахмурился. Факты были добычей СБ по праву, чувства — нет. Но Тумонен пока еще находился в рамках.

— Думаю, когда-то любила. Я помню чудесное выражение его лица, когда родился Никки. Наверное, любила. Но он все убил. Я с трудом помню то время.

— Вы ненавидели его?

— Нет... да... не знаю... И это он тоже убил. — Она доверчиво посмотрела на Тумонена: — Знаете, он никогда не бил меня.

Ну и эпитафия! Когда я наконец лягу в землю, то молю Бога, моего судию, чтобы мои дорогие и близкие нашли для меня более теплые слова, чем «он меня не бил». Майлз стиснул зубы и ничего не сказал.

— Вам жаль, что он умер?

Осторожно, Тумонен!

— Ой, что вы! Это такое облегчение! Если бы Тьен остался жив, то сейчас был бы такой кошмар! Хотя, полагаю, Имперская безопасность все равно бы его забрала. Воровство и измена. Но тогда мне пришлось бы ходить его навещать. Лорд Форкосиган сказал, что я не могла его спасти. Когда Фоскол позвонила, уже все равно было поздно. Я так рада! Это ужасно, что я так рада. Думаю, я должна простить Тьену все теперь, когда он мертв, но я никогда не прощу ему, что он превратил меня... в нечто столь чудовищное. — Несмотря на суперпентотал, по ее щекам потекли слезы. — Я раньше никогда не была такой, но теперь уже никогда не стану прежней.

Бывает боль, которую не может заглушить даже суперпентотал. Майлз бесстрастно перегнулся через Тумонена и подал Катрионе платок. Она душераздирающе всхлипывала.

— Может, ввести еще? — прошептала медик.

— Нет. — Майлз жестом приказал молчать.

Тумонен задал еще несколько нейтральных вопросов, выждав, пока Кэт отчасти не вернулась в прежнее радостное и доверчивое состояние.

Ага. Никто не может принять столько правды за раз.

Тумонен посмотрел в свои записи, неуверенно глянул на Майлза, облизнул губы и продолжил:

— Ваши чемоданы были обнаружены в коридоре вместе с сумкой лорда Форкосигана. Вы планировали уйти вместе?

Ярость волной окатила Майлза. *Тумонен, да как ты смеешь!..* Но воспоминание о том, как он перебирал на глазах охранника перемешанное в кучу белье, вынудило его прикусить язык. *Итак, это действительно могло выглядеть странно для того, кто не знал, что происходит.* Майлз обратил кипящую ярость в пар и медленно выдохнул. Глаза Тумонена, заметившего его реакцию, забегали.

Катриона несколько растерянно заморгала:

— Я на это надеялась.

Что?! А-а!

— Она имеет в виду — одновременно, — сквозь зубы процедил Майлз. — А не вместе. Попробуйте еще раз.

— Лорд Форкосиган собирался увезти вас?

— Увезти? Ой, какая соблазнительная мысль! Никто никогда не увозил меня. Кому это надо? Приходится мне самой себя увозить. Тьен выкинул с балкона бонсаи моей двоюродной бабушки, но не осмелился выбросить меня. Хотя ему и хотелось, я думаю.

Эти слова привели Майлза в чувство. Сколько же ей потребовалось мужества, чтобы в конце концов противостоять Тьену? Майлз прекрасно знал, чего это стоит — противостоять здоровенному озлобленному мужику, которому вполне хватит сил схватить тебя за шиворот и швырнуть через всю комнату. Сколько требуется для этого мужества и сообразительности, чтобы при этом не позволить ему приблизиться к тебе на расстояние вытянутой руки и не дать блокировать выход. Все просчитывается автоматически. И нужно иметь определенный опыт. Дол-

жно быть, для Катрионы это было все равно что в первом учебном полете пытаться посадить загруженный под завязку грузовой катер.

Тумонен, все еще надеясь прояснить ситуацию и кося одним глазом на Майлза, повторил:

— Вы собирались сбежать с лордом Форкосиганом?

Ее брови взлетели вверх.

— Нет! — изумленно ответила она.

Конечно, нет. Майлз попытался вернуться к своей изначальной реакции на это обвинение, только вот теперь никак не мог отделаться от мысли: *Почему я сам до этого не додумался?* Она все равно никогда бы не согласилась сбежать с ним. Единственное, на что такой недомерок-мутантик, как он, может сподвигнуть барраярскую женщину, — это пройти с ним по улице.

Дьявольщина! Ты что, влюбился в нее, debil?

Хм. Ага.

Задним числом Майлз сообразил, что влюбился, и уже давно. Просто только что это понял. *Мог бы и раньше распознать симптомы. Ох, Тумонен. И что мы только не узнаем при помощи суперпентотала...*

До него наконец полностью дошло, что пытался прояснить Тумонен. Очень симпатичный маленький заговор: убить Тьена, свалить все на комаррцев и сбежать с молодой вдовой от холодного трупа...

— Очень лестный сценарий, Тумонен, — выдохнул Майлз на ухо капитану СБ. — Довольно быстро сработано с моей стороны, если учесть, что я впервые ее увидел пять дней назад. Душевно вам признателен.

Пытались ли вы привлечь внимание какой-нибудь женщины таким сортом юмора? Удавалось ли когда-нибудь таким юмором завоевать женщину? Вряд ли, я думаю.

Тумонен, поджав губы, мрачно оглянулся на него.

— Если мой солдат мог подумать такое и я мог подумывать такое, то и любой другой тоже мог. Лучше выбить

такие мысли из головы как можно быстрее. Вас я с суперпентоталом допросить не могу, милорд.

Не может, даже если Майлз даст согласие. Его неадекватная реакция, столь полезная, когда надо было избежать вражеских допросов, лишала его сейчас всякой возможности очиститься от подозрений. Тумонен просто делает свое дело, и делает его хорошо. Откинувшись на спинку, Майлз проворчал:

— Ладно, ладно. Но вы большой оптимист, если предполагаете, будто суперпентотал достаточно силен, чтобы пресечь такого рода слухи. Из уважения к репутации Аудитора Его Императорского Величества сделайте одолжения, скажите потом пару слов этому вашему охраннику.

Тумонен не стал спорить или прикидываться, что не понял.

— Слушаюсь, милорд.

Катриона, временно предоставленная самой себе, между тем продолжала бормотать:

— Любопытно, у него шрамы ниже пояса такие же интересные, как и выше? Вряд ли я могла вытряхнуть его из штанов в машине. Зато прошлой ночью у меня была возможность посмотреть, но я ее упустила. Фор-мутантик... Как он это делает?.. Интересно, на что это похоже — переспать с кем-то, кто тебе действительно нравится...

— Стоп, — запоздало приказал Тумонен. Она замолчала и лишь моргала, глядя на него.

Как раз тогда, когда это начало становиться действительно интересным... Майлз подавил приступ нарциссизма — или мазохизма, — едва не велел ей продолжить дальше в том же духе. Если ему не изменяет память, он пригласил себя на этот допрос, чтобы не дать СБ превзойти полномочия...

— Я закончил, милорд, — тихо сообщил ему Тумонен, избегая встречаться с Майлзом взглядом. — Есть

еще что-то, о чем, по-вашему, мне надо спросить? Или вы сами хотите спросить?

Сможешь ли ты когда-нибудь полюбить меня, Катриона? Увы, вопросы, касающиеся будущего, ответа не имеют даже под действием суперпентотала.

— Нет. Прошу отметить, что под суперпентоталом она не сказала ничего, что бы противоречило тому, что она рассказывала прежде. Обе версии практически идентичны в отличие от многих других такого рода допросов из моего опыта.

— Моего тоже, — милостиво согласился Тумонен. — Очень хорошо. — Он жестом подозвал медика. — Введите антидот.

Женщина взяла второй инъектор и прижала его к руке Катрионы. Шипение вводимого антидота донеслось до слуха Майлза. Он снова начал мысленно считать вместе с ней: один, два, три...

Было ужасно наблюдать, как из Катрионы снова исчезала жизнь, будто какой-то невидимый вампир высасывал ее. Плечи распрямились, тело напряглось, и она зарылась лицом в ладони. Когда она подняла голову, лицо ее было красным, мокрым от слез и напряженным, но она уже не плакала и снова стала бесстрашной. А он думал, что она станет плакать. Значит, суперпентотал — это не больно? Вряд ли теперь это можно утверждать.

О, миледи! Смогу ли я когда-нибудь сделать вас счастливой без помощи наркотиков? И, что гораздо более важно в настоящий момент, — простит ли она его за то, что он принимал участие в ее унижении?

— Какое странное ощущение, — ровно проговорила госпожа Форсуассон. Голос ее звучал несколько хрипло.

— Разговор был проведен исключительно грамотно, — заверил всех присутствующих Майлз. — По всем статьям. Мне доводилось видеть... гораздо худшие варианты.

Тумонен холодно посмотрел на него и обратился к Катрионе:

— Благодарю вас за сотрудничество, госпожа Форсуассон. Вы оказали существенную помощь следствию.

— Передайте следствию, что я всегда готова ему помочь.

Майлз не совсем понял, как толковать данное заявление, поэтому предпочел обратиться к Тумонену:

— С ней на этом все, не так ли?

Тумонен помолчал, пытаясь сообразить, вопрос это или приказ.

— Надеюсь, что да, милорд.

Катриона посмотрела на Майлза.

— Приношу свои извинения за чемоданы, лорд Форкосиган. Мне и в голову не пришло, как это может выглядеть со стороны.

— А почему, собственно, вы должны были об этом думать? — Майлз надеялся, что в его голосе не прозвучала та опустошенность, которую он испытывал.

— Я рекомендую вам немного отдохнуть, госпожа Форсуассон, — сказал Тумонен. — Медик останется с вами еще на полчаса, чтобы убедиться в отсутствии побочных эффектов.

— Да, я... полагаю, что вы правы, капитан.

Она поднялась на непослушных ногах, и медик, подскочив, поддержала ее и проводила в спальню.

Тумонен убрал видеомэгнитофон.

— Извините за последние вопросы, милорд Аудитор, — пробурчал он. — Я вовсе не хотел оскорбить ни вас, ни госпожу Форсуассон.

— Да ладно... Не беспокойтесь об этом. И что дальше, по мнению СБ?

— Пока не знаю, — нахмурился Тумонен. — Для полной надежности я решил провести этот допрос сам. В

конторе Проекта Терраформирования полковник Гиббс все держит под контролем, а от майора Дэмори с опытной станции тоже пока никаких жалоб не поступало. А вот что нам действительно нужно, это чтобы оперы отловили Судху и компанию.

— Я не могу быть во всех местах одновременно, — неохотно признал Майлз. — Никаких арестов в ближайшее время явно не предвидится... Профессор уже в пути, и у него есть определенное преимущество — сегодня ночью он спал. А вот вы, насколько я понимаю, не спали вовсе. Интуиция полевого командира мне подсказывает, что вам пора отключиться часов на десять. Нужно ли мне облечь это в форму приказа?

— Нет, — чистосердечно признался Тумонен. — У вас есть наручный комм, у меня тоже... У оперов имеются наши номера, и им отдан приказ, если обнаружится что-то новое, немедленно докладывать. А я с удовольствием поеду домой и чего-нибудь поем, даже вчерашний ужин. И душ приму. — Капитан потер заросший подбородок.

Упаковав магнитофон, он попрощался с Майлзом и пошел переговорить с охранниками. Майлз понадеялся, что капитан уведомит их об изменении статуса госпожи Форсуассон с подозреваемого свидетеля на свободного гражданина.

Некоторое время Майлз поизучал диванчик и, не удовлетворившись результатами, отправился в кабинет Катрионы... госпожи Форсуассон... нет, черт подери, Катрионы, хотя бы в мыслях, если уж не вслух. Автоматическое освещение по-прежнему подсвечивало молодые растения на полочках по углам. Гравикойка исчезла. Ах да, он забыл, что Катриона вернула койку в бюро проката. Впрочем, пол здесь выглядел вполне привлекательно.

И тут он заметил в мусорном ведре что-то алое. Засунув туда любопытный нос, Майлз обнаружил в пласти-

ковом пакете останки бонсаи вперемешку с осколками горшка и влажной землей. Он извлек все это из ведра, расчистил местечко на столе и открыл пластиковый... мешок для ботанических трупов, надо полагать.

Лежащие перед ним осколки навели его на мысль об отражателе и рудовозе, а также о паре особо неприятных отчетов об аутопсии, которые он недавно еще раз посмотрел. Майлз методично начал сортировать вещдоки. Сломанные ветки в одну кучку, корни — в другую, осколки горшка — в третью. Падение с пятого этажа подействовало на влагосодержащую сердцевину дерева примерно как удар кувалды на арбуз. Или как взрыв иглогранаты. Майлз попытался собрать кусочки растения воедино, как детали головоломки. Интересно, существует ли какой-нибудь ботанический эквивалент хирургического клея, чтобы это соединить все и залечить? Или уже слишком поздно? Бурые пятна на светлой растительной ткани свидетельствовали о том, что гниение уже началось.

Майлз стряхнул с пальцев влажную землю и вдруг понял, что прикасается к Барраяру. Эти кусочки грязи приехали с Южного континента, выкопанные, возможно, на заднем дворе одной ехидной старой фор-леди. Он подтащил стоящий возле комм стул к стенке, осторожно залез на него и достал с верхней полки что-то вроде пустого поддона. Спустившись на пол, Майлз аккуратно сыпал почву в поддон.

Отойдя на шаг, он подбоченился и оглядел плоды своего труда. Довольно жалкая получилась кучка.

— Компост, мой барраярский друг. Насколько я понимаю, ты теперь годишься только на компост. Единственное, что я еще могу для тебя сделать, — это достойно похоронить. Хотя в твоем случае, подозреваю, это и будет ответ на твои молитвы...

Легкий шелест и тихий вздох подсказали ему, что он не один. Повернув голову, Майлз увидел застывшую в дверях Катриону. Хотя и усталая, она выглядела сейчас значительно лучше, чем после допроса. Кожа на лице разгладилась и посвежела.

— Что вы делаете, лорд Форкосиган? — изумленно спросила она.

— Хм... Навещаю больного друга. — Покраснев, он жестом указал на стол. — Медик вас отпустила?

— Да, она только что ушла. Очень заботливая женщина.

Майлз откашлялся:

— Я тут размышлял, существует ли способ собрать ваш бонсаи. Показалось стыдным хотя бы не попробовать, учитывая, что ему семьдесят лет, и вообще... — Он почтительно попятился, когда Катриона подошла к столу и взяла в руки обломок. — Я понимаю, что его нельзя сшить, как человека, но должен же быть способ! Впрочем, боюсь, садовод из меня паршивый. Как-то, когда я был еще маленьким, родители позволили мне попробовать на задворках особняка Форкосиганов. Я собирался вырастить цветы для моей матери-бетанки. Насколько я помню, клумбу пришлось вскапывать сержанту Ботари. Ну а я дважды в день вытаскивал семена, чтобы посмотреть, не проросли ли они. Но мои цветы почему-то расти не захотели. Так что мы оставили это занятие и превратили клумбу в форт.

Она улыбнулась самой настоящей улыбкой, а не суперперентотальной ухмылкой.

Значит, мы ее, слава Богу, не сломали.

— Нет, заново собрать его нельзя, — сказала она. — Единственный способ — начать все с самого начала. Выбрать самые крепкие корешки — несколько штук для верности, — ее длинные пальцы перебирали сложенную

Майлзом кучку, — и поместить в гормональный раствор. А когда появятся новые побеги, переселить в горшок.

— Я спас почву, — с надеждой ткнул Майлз пальцем в поддон.

Идиот. Ты хоть понимаешь, каким идиотом выглядишь?

Но она лишь поблагодарила:

— Спасибо.

Следуя своим словам, Катриона порывлась на полках, нашла лоток и заполнила его водой из маленького ведерка. Из ящика она достала пакетик с каким-то белым порошком, отсыпала немного в лоток и перемешала пальцами. Взяв ножик из коробки с инструментами, она почистила самые лучшие корешки и погрузила их в раствор.

— Вот так. Может, что и получится.

Катриона осторожно поставила лоток на полку, ту самую, куда он лазил, подставив стул, пересыпала почву в пакет, тщательно запаковала и положила рядом с лотком. Затем она завернула в целлофан гниющие останки и выкинула обратно в мусорное ведро.

— Когда я вспомнила бы о бедном скеллитуме, он бы уже сгнил и было бы слишком поздно. Я оставила всякую надежду заняться им еще вчера, когда думала, что уйду отсюда с тем, что смогу унести в руках.

— Я не хотел обременять вас. Его будет трудно тащить на скачковый корабль?

— Я положу его в запечатанный контейнер. Когда я прибуду на место, он уже будет практически готов к пересадке.

Катриона вымыла и вытерла руки. Майлз последовал ее примеру.

И все равно черт бы подобрал этого Тумонена! Он переселил в сознание Майлза желание, которое до того мирно сидело в подсознании, причем подсознание-то прекрасно понимало, что желание это еще слишком преж-

девременно. «Время догнать нельзя», — сказала она. И вот теперь ему придется с этим разбираться. Придется ждать. И сколько? Как насчет того, чтобы для начала дожидаться хотя бы похорон Тьена? Намерения Майлза были достаточно благородны — ну, если не все, то по крайней мере частично, но вот время он выбрал паршиво. Он сунул руки в карманы и принялся раскачиваться на каблуках.

Катриона, скрестив руки на груди, прислонилась к стенке и потупила взгляд.

— Я хочу извиниться, лорд Форкосиган, за то, что под воздействием суперпентотала могла сказать что-то неуместное.

— Я сам себя туда пригласил, — пожал плечами Майлз. — Но мне показалось, что вам может понадобиться помощник. В конце концов, вы-то для меня это делали.

— Помощник. — Она, просветлев, подняла на него глаза. — Я не рассматривала это с такой точки зрения.

Майлз развел руками и с надеждой улыбнулся.

Она мимолетно улыбнулась в ответ и вздохнула.

— Мне весь день так хотелось побыстрее отделаться от СБ, чтобы пойти за Никки. А теперь я думаю, что они оказали мне услугу. Я очень боюсь. Не знаю, что ему сказать. Не знаю, что ему нужно рассказать о том, что натворил Тьен. Как можно меньше? Всю правду, как она есть? Как-то ни то, ни другое не кажется мне правильным.

— Расследование еще не закончено, — медленно проговорил Майлз. — Вы не можете обременять девятилетнего ребенка государственными тайнами, если уж на то пошло. На самом деле я даже не знаю, что из всей этой истории вообще станет достоянием широкой публики.

— То, что не делаешь сразу, потом делать трудней, — вздохнула она. — Как я теперь выяснила.

Майлз подтащил стул и жестом предложил ей сесть, затем извлек из-под скамьи табурет. Усевшись на него, он спросил:

— Вы сказали ему, что уходите от Тьена?

— Даже этого я ему не говорила.

— Тогда, я думаю... На сегодня вам следует ему сказать лишь, что его отец погиб из-за неисправности респиратора. Не упоминайте о комаррцах. Если он начнет выпытывать подробности, направьте его ко мне, а уже я скажу ему, что есть вещи, которые ему знать не положено. Или пока не положено.

Ее внимательный взгляд спрашивал: «Могу я тебе доверять?»

— Будьте осторожны, не то вызовете еще более острое любопытство.

— Это я понимаю. Но когда мы вернемся в Форбарр-Султан, мне бы хотелось, с вашего позволения, чтобы вы поговорили с Гр... с одним моим другом. Он тоже фор. Когда-то он находился примерно в том же положении, что сейчас Никки. Его отец погиб при... э-э-э... трагических обстоятельствах, когда он был еще слишком мал, чтобы знать подробности. И когда лет в двадцать столкнулся с некоторыми нелицеприятными фактами гибели отца, это для него было довольно большой травмой. Готов побиться об заклад, что он знает гораздо лучше нас, что именно следует рассказать Никки и когда. Он очень здравомыслящий человек.

Катриона задумчиво кивнула:

— В этом есть смысл. Мне бы очень этого хотелось. Спасибо.

Сидя на своем насесте, Майлз отвесил ей полупоклон:

— Рад услужить, сударыня.

Он хотел познакомить ее с Грегором-человеком, своим сводным братом, а не с императором Грегором, сим-

волом Барраярской империи. Это может послужить несколькими целям.

— А еще мне надо сказать Никки о дистрофии Форзонна, и этого откладывать нельзя. Я уже договорилась в клинике Солстиса о приеме на послезавтра.

— Он не знает, что является носителем?

Катриона покачала головой:

— Тьен не позволял мне говорить ему. — Она серьезно посмотрела на Майлза. — Думаю, что вы в детстве были некоторым образом в положении Никки. Вам тогда пришлось выдержать много медицинских процедур?

— Бог мой, я выдерживал их годами! Что я могу посоветовать полезного? Во-первых, не лгите, что не будет больно. Не оставляйте его надолго одного. — *Кажется, наконец-то появилось что-то, что я действительно могу для нее сделать.* — Если позволят обстоятельства, мне бы хотелось съездить с вами в Солстис и оказать любую помощь, какая в моих силах. Я не могу отправить с вами вашего дядю — он с завтрашнего дня по уши увязнет в технических проблемах, если появится список запчастей.

— Но я не могу отрывать вас от обязанностей!

— Мой опыт мне подсказывает, что если Судху до сих пор не арестовали, то послезавтра мне будет нечего делать, кроме как напрягать извилины. И денек, проведенный вдали от моих проблем, возможно, поспособствует найти новый подход к делу. Так что вы лишь окажете мне услугу, уверяю вас.

Она задумчиво закусила губу.

— Должна признать... Я буду рада компании.

Она имеет в виду компании вообще или его компании конкретно? *Тише, парень. Даже думать об этом не смей.*

— Вот и отлично.

Из коридора донеслись голоса.

— Дядя приехал! — подскочила Катриона.

— Быстро он управился. — Майлз проследовал за ней в коридор.

Профессор Фортиц сунул чемодан охраннику и крепко обнял племянницу, бормоча соболезнования. Майлз с завистью наблюдал за сценкой. Теплые объятия дяди сделали то, чего не смог сделать холодный профессионализм сотрудников Имперской безопасности, — Катриона разрыдалась. Потом она вытерла слезы, отправила охранника с чемоданом в бывший кабинет Тьена и повела дядю в гостиную.

После короткого совещания было решено, что профессор пойдет с ней за Николасом. Майлз поддержал эту идею, несмотря на обуревавшее его желание вызваться добровольцем — очевидно, следствие любовного томления, как мысленно иронично отметил он. У Фортица есть на это право родственника, а Майлз был чересчур близок к смерти Тьена. К тому же он не слишком твердо стоял на ногах: действие болеутоляющих и стимуляторов, принятых перед обедом, сошло на нет. А третья доза за день будет большой ошибкой. Поэтому он проводил профессора с Катрионой и связался по закрытому коммуну с штаб-квартирой СБ в Солстисе.

Никаких новостей. Майлз побрел в гостиную. Дядя Катрионы приехал, так что Майлзу нужно отсюда уезжать. Собрать вещички и отчалить в тот таинственный отель, о котором он говорит всю неделю. Теперь, когда Фортиц расположился в комнате для гостей, в этой маленькой квартирке ему нет места. Никки понадобится его детская кроватка, и будь он не ладен, если снова вынудит Катриону заказывать гравикойку. Нет, ему определенно пора отваливать. Он явно не настолько нейтрально вежлив с хозяйкой, как ему казалось, если этот хренов охранник смог отпустить такие комментарии, что Тумонен стал задавать дурацкие вопросы о чемоданах.

— Вам что-нибудь нужно, милорд? — Голос стоявшего у входной двери охранника заставил Майлза подскочить.

— Хм... да. Когда кто-нибудь из ваших ребят придет сюда из Солстиса, пусть прихватит для меня армейский спальник.

А пока суд да дело, Майлз улегся на диван, свернулся калачиком и провалился в забытье.

Когда маленькая команда вернулась домой вместе с Никки, Майлз мгновенно проснулся. Он сел и к моменту появления мальчика уже успел обрести более или менее приличный вид. Никки казался подавленным и испуганным, но не хныкал и не бился в истерике. Он явно скрывал свои чувства внутри, а не выплескивал их наружу. Как и мать.

Поскольку здесь у Катрионы не было подруг, которые могли бы принести, как принято у барраярцев, кастрюльки со снедью и пирожки, Майлз отправил охранника за ужином. В присутствии Никки трое взрослых вели разговоры на нейтральные темы, потом мальчик ушел играть к себе, а Майлз с профессором удалились в кабинет обменяться информацией. Найденное наверху новое оборудование действительно оказалось довольно необычным. Осколки силовой установки, мощи которой вполне хватило бы для небольшого скачкового корабля, оплавленные, судя по всему, плазменным фонтаном взрыва. Профессор назвал это «действительно интересным» — кодовая фраза, которая немедленно заставила Майлза насторожиться.

В разгар работы по комму объявился полковник Гиббс, холодно улыбнувшись обоим Аудиторам с тем самым выражением глаз, которое Майлз уже начал узнавать как Гиббсов вариант экстаза.

— Милорд Форкосиган, у меня есть первое задокументированное подтверждение того, что вы ищете. Мы

проследили серийные номера двух ускорителей, которые люди лорда Фортица обнаружили в космосе, до отдела использования избыточного тепла. Ускорители закуплены восемь месяцев назад. Изначально были доставлены на опытную станцию.

— Отлично, — выдохнул Майлз. — Наконец-то еще одно звено, помимо тела Радоваша. Мы поймали тот конец, что нужно. Спасибо, полковник. Продолжайте дальше.

ГЛАВА 15

Катриона спала гораздо лучше, чем ожидала, но проснулась с осознанием того, что весь вчерашний день продержалась лишь на перевозбуждении. Похоже, сегодняшний день пережить будет труднее, особенно учитывая обуревающую ее жажду действия. *Я ждала девять лет. Так что вполне смогу потерпеть еще девятнадцать часов.* Лежа в кровати, она некоторое время предавалась легкой печали. Потом встала, тщательно оделась, прошмыгнула на кухню мимо торчавшего в гостиной охранника, приготовила завтрак и принялась ждать.

Вскоре появились Аудиторы, они с благодарностью проглотили завтрак, но пить кофе удалились к своему закрытому комму. Катриона прибрала на кухне и вышла на балкон, где обнаружила второго охранника. Присутствие солдата не позволило ей отдохнуть на балконе, поэтому она угостила обоих охранников кофе и вернулась на кухню в ожидании дальнейшего развития событий.

Снова нарисовался лорд Форкосиган. Отказавшись от предложенного кофе, он уселся за стол.

— Нынче утром из Имперской безопасности мне прислали результаты аутопсии Тьена. Вам хотелось бы что-нибудь узнать?

Перед ней ярко предстало видение висящего на морозе заledenеного тела.

— Там есть что-нибудь неожиданное?

— В том, что касается причины смерти, — нет. Разумеется, они обнаружили дистрофию Форзонна.

— Ну да, конечно. Бедный Тьен. Прожить столько лет в состоянии скрытой паники из-за своего заболевания лишь для того, чтобы умереть совсем от другого. — Катриона покачала головой. — Столько усилий, и все — не на то. Они смогли определить, насколько продвинулась болезнь?

— Согласно заключению эксперта, поражение нервной системы ярко выражено. Внешние же проявления, если я правильно понял медицинский жаргон, вскоре невозможно было бы скрыть.

— Угу. Это я знала. Меня интересовало внутреннее развитие. Когда оно началось. В какой степени за суждения Тьена и его поведение ответственна болезнь.

Может, ей следовало подождать еще немного? Могла ли она? До тех пор, пока не произошла какая-нибудь другая ужасная развязка?

— Довольно длительный период болезнь развивается медленно. У разных людей поражаются различные участки мозга, это сугубо индивидуально. У него больше всего была поражена периферическая нервная система, что сказывалось на функционировании опорно-двигательного аппарата. Однако не исключено, что в дальнейшем, если понадобится защитить репутацию, некоторые его действия можно будет списать на болезнь.

— Как... дипломатично. Чью репутацию? Я этого не хочу.

Он мрачно улыбнулся.

— Я так и думал, что вы этого не захотите. Но у меня возникла весьма неприятная уверенность, что рано или поздно это дело разрастется от скромного технического до очень громкого политического. Лично я никогда не отказывался иметь что-нибудь в резерве. — Он посмотрел на свои руки, свободно лежащие на столе. Серые рукава не могли прикрыть до конца белые бинты на запястьях. — Как Никки воспринял вчерашние новости?

— Это было трудно. Сначала — прежде, чем я успела ему рассказать — он пытался уговорить меня позволить ему остаться там еще на одну ночь. Ныл и подлизывался. Ну, вы знаете, как дети что-то выпрашивают. И мне так хотелось оставить его в неведении. Но я даже не знала, как подготовить его. И в конце концов просто усадила рядом с собой и выложила все напрямую. «Никки, — сказала я, — тебе нужно сейчас пойти домой. Сегодня ночью твой па погиб из-за неполадок с респиратором». И он... побледнел и замолк. Уж лучше бы он продолжал ныть. — Катриона отвела взгляд. Она не знала, как в дальнейшем поведет себя Никки и сможет ли она распознать эту реакцию на смерть отца. И справиться с нею. Или не сможет... — Я не знаю, как это отразится на нем. Когда я потеряла мать... Я была старше и мы знали, что ее смерть неизбежна. Но в тот миг, в тот час это все равно был удар. Потому что я всегда думала, что у нас больше времени.

— Мои родители живы, — сказал Форкосиган. — А смерть дедов воспринимается, наверное, несколько иначе. Они уже старики, и их смерть как-то предопределена, что ли. Когда мой дед умер, я был потрясен, но мой мир — нет. Хотя мир моего отца, наверное, покачнулся.

— Да. — Катриона благодарно посмотрела на него. — Именно в этом вся разница. Это — как землетрясение.

Что-то, кажущееся непоколебимым, внезапно рушится под тобой. Думаю, сегодня утром мир для Никки стал более страшным местом, чем прежде.

— Вы уже сообщили ему о дистрофии Форзонна?

— Нет, я пока не стала его будить. Скажу после завтрака. Полагаю, не следует подвергать стрессу ребенка с пониженным содержанием сахара в крови.

— Занятно, но я чувствовал то же самое в отношении своих войск. Могу я... чем-нибудь помочь? Или вы хотите поговорить с ним наедине?

— Не знаю... В любом случае в школу он сегодня не идет. Разве вы не собираетесь везти дядю на опытную станцию?

— Непременно. Только это может подождать часок-полтора.

— Тогда... мне бы хотелось, чтобы вы присутствовали при разговоре с Никки. Нехорошо превращать заболевание в нечто такое страшное, о чем нельзя говорить вслух. В этом была ошибка Тьена.

— Да, — согласно кивнул Форкосиган. — Именно так. Вы все делаете правильно.

Брови Катрионы поползли вверх.

— Беспокоиться надо последовательно?

— Да, что-то в этом роде. — Он улыбнулся, серые глаза блеснули. Катриона вдруг поняла, что — либо по счастливой случайности, либо благодаря умелой хирургии — его лицо не исчерчено шрамами. — Это срабатывает, знаете ли. Если не как стратегия, то как тактика.

Верный своему слову лорд Форкосиган явился на кухню, когда Никки заканчивал завтрак. Потягивая принесенный с собой кофе, он прошел в дальний угол и прислонился к шкафу. Катриона, вздохнув поглубже, пристроилась рядом с Никки, сжимая в руке полупустую чашку. Никки с опаской посмотрел на нее.

— Завтра тебе не придется идти в школу, — начала Катриона, надеясь таким образом привнести в предстоящий разговор оптимистическую нотку.

— Потому что завтра похороны па? Мне придется совершать поминальное возжигание?

— Еще нет. Твоя бабушка просит, чтобы мы привезли его на Барраяр и похоронили рядом с твоим дядей, который умер, когда ты был еще маленьким. — Послание от матери Тьена пришло нынче утром по лучу. В письменной форме, как и послание Катрионы, и скорее всего по тем же причинам. Письмо позволяет многое оставить за пределами строк. — И уже там мы совершим все необходимые церемонии и возжигание, когда все смогут присутствовать.

— Нам придется везти его с собой на скачковом корабле? — с беспокойством спросил Никки.

— Вообще-то, — подал голос лорд Форкосиган, — Имперская без... Имперская гражданская служба позаботится обо всем необходимым, с вашего позволения, госпожа Форсуассон. Скорее всего он окажется дома раньше вас, Никки.

— О! — моргнул Никки.

— О! — эхом отозвалась Катриона. — Я... я как раз думала... Спасибо.

Форкосиган почесал бровь.

— Позвольте мне передать им адрес вашей свекрови и инструкции. У вас и без того много дел.

Катриона кивнула и повернулась к сыну.

— Как бы то ни было, Никки... завтра мы с тобой поедem в Солстис, чтобы посетить там клинику. Мы никогда тебе об этом не говорили, но у тебя такая болезнь, которая называется «дистрофия Форзонна».

— А что это? — На рожице мальчика появилось недоуменное выражение.

— Это нарушение, при котором с возрастом твое тело перестает вырабатывать протеины нужной кондиции, чтобы выполнять положенную им работу. Сейчас доктора могут ввести тебе ретрогены, правильно производящие протеин, чтобы исправить нарушение. Ты еще слишком молод, чтобы проявились симптомы, и если это полегчить, то они никогда и не появятся. — Учитывая возраст Никки, не было необходимости вдаваться в подробности о том, что этим же будут страдать его дети. Кэт сухо отметила про себя, как ловко сумела избежать жуткого слова «мутация». — Я собрала много статей о дистрофии Форзонна, ты можешь их прочитать, когда захочешь. Некоторые — довольно сложные, но есть пара-тройка, которые ты сможешь понять с моей помощью.

Вот и все. Если она хочет избежать лишних тревожных для сына, нужно в максимально нейтральной форме сообщить ему то, что он имеет право знать. А дальше он может идти своим путем.

— Будет больно? — забеспокоился Никки.

— Ну, придется сдать анализ крови и образцов тканей.

— Мне делали и то, и другое, — вступил в разговор Форкосиган, — причем великое множество раз за много лет, по разным причинам. Когда берут кровь, это немного больно, но потом нет. Образцы тканей берут безболезненно, потому что пользуются медицинским микропарализатором, но потом, когда его действие проходит, некоторое время побаливает. Им нужны от тебя лишь крошечные образцы, так что сильно больно не будет.

Никки некоторое время переваривал информацию.

— А у вас есть эта дистрофия Форзонна, лорд Форкосиган?

— Нет. Мою мать отравили газом, называемым солтоксин, еще до моего рождения. Это повредило главным образом мои кости, поэтому я такой коротышка.

Катриона ждала, что Никки спросит что-то вроде: «Я тоже буду коротышкой?», но вместо этого мальчик, широко раскрыв карие глаза, спросил:

— Она умерла?

— Нет, она полностью поправилась. К счастью. Для всех нас.

— А она испугалась? — продолжал расспрашивать Никки.

Катриона поняла, что Никки еще не понял, кто такая мать лорда Форкосигана, и не связывал ее с теми людьми, о которых слышал на уроках истории. Форкосиган поднял бровь, несколько позабавленный вопросом.

— Не знаю. Ты можешь сам у нее как-нибудь спросить, когда... если познакомишься с ней. Мне будет очень интересно услышать ответ.

Он поймал беспокойный взгляд Катрионы, но даже бровью не повел.

Никки с сомнением глядел на Форкосигана.

— А ваши кости они починили ретрогенами?

— Нет, к великому сожалению. Если бы это было возможно, мне пришлось бы гораздо легче. Они подождали, пока я не перестал расти, а затем заменили их синтетическими.

— Как можно поменять кости? — Никки казался совершенно ошарашенным. — Как можно их достать?

— Они меня разрезали, — Форкосиган провел ребром ладони вдоль руки от локтя до запястья, — вытащили кости, вставили новые, воссоединили суставы, пересадили костный мозг в новую полость, заклеили и подождали, пока заживет. Очень сложно и утомительно.

— А больно?

— Я спал — был под наркозом. Тебе повезло, что ты можешь получить ретрогены. Единственное, что тебе предстоит, — это несколько уколов.

На Никки рассказ произвел неизгладимое впечатление — А можно посмотреть?

Чуть поколебавшись, Форкосиган расстегнул манжет и закатал рукав.

— Видишь, вот этот, тоненький и бледный?

Никки с интересом посмотрел на руку Форкосигана и, сравнивая, на свою. Сжав кулак, он следил, как напрягаются под кожей мышцы и двигаются кости.

— А у меня есть болячка. Хотите посмотреть? — предложил мальчик. Он неловко подтянул штанину и продемонстрировал на коленке последний сувенир от игры. Форкосиган с полной серьезностью изучил ссадину и согласился, что болячка действительно качественная и, несомненно, скоро отвалится. И да, вполне возможно, останется шрам, но мама совершенно права, когда говорит, что не нужно ее отдирать. К великому облегчению Катрионы, после этого все привели одежду в порядок и дальнейших сравнений проводить не стали.

На этом беседа исчерпалась. Никки художественно размазал оставшиеся хлопья и сироп по дну тарелки и спросил:

— Можно я пойду?

— Конечно, — кивнула Катриона. — И отмой руки от сиропа, — крикнула она вслед исчезающему в коридоре сыну.

— Все прошло лучше, чем я рассчитывала.

Форкосиган ободряюще улыбнулся:

— Вы просто изложили факты, так что у него нет причин реагировать иначе.

Помолчав, Катриона неожиданно спросила:

— А она испугалась? Ваша мать?

Он криво улыбнулся:

— До посинения, наверное. — Глаза его потеплели и засияли. — Хотя нет. До умопомрачения, насколько я понимаю.

Вскоре оба Аудитора отбыли на опытную станцию. Дождавшись, пока Никки наиграется у себя в комнате, Катриона позвала сына в кабинет, чтобы прочитать самые простые статьи о дистрофии Форзонна. Она усадила сына к себе на колени перед коммом, что в последнее время делала крайне редко теперь. То, что он не сопротивляется ни нежностям, ни ее приказам, свидетельствует о его скрытой растерянности, думала Кэт. Мальчик читал статьи, довольно хорошо понимая написанное, лишь изредка спрашивая произношение или значение некоторых терминов или же прося объяснить непонятные или сложные фразы. Если бы Никки не сидел у нее на коленях, Катриона не почувствовала бы, как он слегка напрягся, читая абзац: «Позднейшие исследования показали, что эта естественная мутация впервые появилась в графстве Форинниса ближе к концу Периода Изоляции. Только с появлением на Барраяре галактической молекулярной медицины было определено, что дистрофия Форзонна не связана с несколькими земными генетическими заболеваниями, чьи симптомы иногда повторяет».

— Есть вопросы? — спросила Катриона, когда они добрались до конца.

— Не-а. — Никки сполз с ее коленей и встал.

— Можешь почитать еще, если захочешь.

— Угу.

Катриона с трудом удержалась от желания вытянуть из него что-нибудь более вразумительное. *С тобой все в порядке? Все хорошо? Ты простишь меня?* Ребенок не в состоянии переварить столько всего за час, за день. Даже за год. Каждый день будет приносить новые вопросы и ответы на них. Беспокоиться надо последовательно, сказал Форкосиган. А не делать все сразу, слава Богу.

Участие лорда Форкосигана в поездке в Солстис внесло удивительные изменения в тщательно разработанные Катрионой планы. Вместо того чтобы подниматься посреди ночи и ехать экономическим классом по монорельсовой дороге, они спокойно выспались и отправились на поджидавший их орбитальный катер Имперской службы безопасности. И прилетели в Солстис за час до назначенного времени.

— Я люблю монорельсовую дорогу, — извиняющимся тоном сообщил Форкосиган в ответ на протесты Катрионы. — Откровенно говоря, я даже собираюсь подтолкнуть моего брата Марка инвестировать компании, которые собираются построить монорельсы на Барраяре. Но, поскольку расследуемое нами дело становится все горячее, Имперская служба безопасности очень четко дала мне понять, что мне сейчас нежелательно путешествовать общественным транспортом.

А еще с ними ехали двое телохранителей. Оба надели комаррскую гражданскую одежду, в которой выглядели в точности как пара барраярских военных телохранителей в штатском. Форкосиган, казалось, имел полное право как свободно с ними общаться, так и полностью их игнорировать. В дорогу он прихватил несколько отчетов, но едва заглянул в них. Коротышка-лорд казался несколько рассеянным. Катриона решила, что ему мешает сосредоточиться непоседа Никки, и хотела было успокоить мальчика, но Форкосиган предложил Никки пройти в кабину пилота, чем привел его в полный восторг.

— Как продвигается дело? — поинтересовалась Катриона, воспользовавшись отсутствием сына.

— К сожалению, в точности, как я предсказывал, — ответил Форкосиган. — То, что СБ никак не удастся отло-

вить группу Судхи, становится все более настораживающим. Я действительно полагал, что к этому времени они его уже захватят. С помощью полковника Гиббса нам удалось определить, что есть в наличии на опытной станции, а чего нет. И мой список деталей начинает обретать конкретные очертания, но требуется еще как минимум день, чтобы он стал полным.

— Моему дяде ваша идея понравилась?

— Хе! Он сказал, что это будет утомительно, но это я и без него знал. А затем мою идею позаимствовал, что я воспринял как одобрение. — Он задумчиво потеревил губу. — Благодаря вашему дяде у нас вчера появился проблеск. Это ведь он догадался конфисковать тогда библиотеку Радоваша. Мы отправили ее в комаррскую штаб-квартиру СБ. Аналитики подтвердили интерес Радоваша к скачковым технологиям и п-в-туннелям, что нас не слишком удивило, однако обнаружилось еще кое-что.

Судха и компания отлично поработали, вычистив все коммы до того, как до них добралась Служба безопасности, но никто из них не подумал об этой библиотеке. И там кое-где есть пометки на полях. Профессор пришел просто в восторг от математических выкладок, но, что гораздо более существенно, там были заметки, позволяющие увязать мысли или расчеты с упомянутыми там же именами. Большинство — сотрудники отдела избыточного тепла, но есть еще парочка имен, включая одного ныне покойного работника команды, обслуживавшей отражатель. И теперь мы можем утверждать, что Радоваш со своим оборудованием с помощью этого человека был тайно доставлен на отражатель, чтобы сделать то, что они собирались там делать. А на рудовозе его не было. Следовательно, был ли отражатель необходим для того, что они делали, или его просто использовали как испытательный полигон? Агенты СБ сегодня, можно сказать,

носятся по всей планете, опрашивая и переопрашивая коллег, родственников и друзей всех, кто был тогда на отражателе или как-то связан со снабжающим отражатель катером. И завтра мне все эти отчеты предстоит прочесть.

Возвращение Никки положило конец беседе, а вскоре они приземлились на закрытом космодроме СБ, расположенном на окраине огромного города под куполом «Солстис». Вместо городского транспорта к их услугам была предоставлена машина с шофером, доставившая их к месту назначения по специальным туннелям в полтора раза быстрее, чем по городским трассам.

Сначала они отправились в ресторан наверху самой высокой башни Солстиса, откуда открывался роскошный вид на столицу Комарры. Хотя ресторан был битком набит, возле них, как обратила внимание Катриона, не сидит никто. Телохранители участия в трапезе не принимали.

Цены в меню указаны не были, и у Катрионы на мгновение сердце ушло в пятки: она оказалась лишена возможности выбрать себе и Никки самые дешевые блюда. Если ты вынужден спрашивать, значит, тебе это не по карману. И ее изначальная решимость потребовать от Форкосигана, чтобы счет каждый оплачивал за себя, увяла.

Рост Форкосигана и его необычная внешность, как всегда, привлекли внимание и вызвали перешептывание. И тут впервые за все время Катриона поняла, что их ошибочно принимают за семью. Она решительно подняла голову. Они что, считают его слишком странным, чтобы привлечь женщину? Ну, так это все равно их не касается!

Следующая остановка — Катриона порадовалась, что ей не пришлось добираться сюда в одиночестве, — была клиника, куда они прибыли за четверть часа до назначенного времени. Форкосиган явно не видел ничего необычного в их путешествии «на ковре-самолете», хотя

Никки пришел в неописуемый восторг и даже думать забыл о цели поездки. Может, Форкосиган так и задумал? Но когда они вошли в лифт, мальчик внезапно затих.

Зайдя в приемную, Форкосиган спокойно взял стул и сел подле Катрионы с Никки. Телохранители исчезли из поля зрения. Катриона предоставила все необходимые документы, и все шло гладко до того момента, когда выяснилось, что отец Никки недавно умер, а комм клиники затребовал разрешения от официального опекуна.

Эта штука слишком хорошо запрограммирована, подумала Катриона и принялась объяснять, что троюродный брат Тьена находится на Барраяре, а их поджигает время, потому что Никки должен пройти курс лечения до их отлета домой. Комаррская служащая выслушала ее со вниманием и сочувствием, но программа комма не согласилась, и после двух безуспешных попыток обойти ее комаррианка пошла посоветоваться с начальством. Катриона закусил губу и вытерла вспотевшие ладони о брюки. Оказаться так близко и зависнуть теперь из-за какой-то комм-программы...

Служащая вернулась со своим начальником, симпатичным молодым комаррцем, и Катрионе пришлось объяснять все заново. Он выслушал, просмотрел еще раз все документы и поглядел на Катриону с искренним сожалением.

— Мне очень жаль, госпожа Форсуассон. Если бы вы были гражданкой Комарры, а не барраярской подданной, правила были бы иными.

— Все граждане Комарры являются барраярскими подданными, — ровным тоном произнес из-за спины Катрионы Форкосиган.

Комаррец выдавил болезненную улыбку.

— Боюсь, что это не совсем то, что я имел в виду. Дело в том, что несколько месяцев назад возникла при-

мерно такая же проблема касательно экстренной помощи ребенку живущих на Комарре барраярцев. Мы подошли к этой проблеме с точки зрения здравого смысла. А позже официальный опекун ребенка подал жалобу, и юридические... э-э-э... переговоры длятся до сих пор. Эта ошибка в суждениях оказалась для клиники очень дорогостоящей. Учитывая, что дистрофия Форзонна — заболевание хроническое и не представляет в данный момент опасности для жизни, а также что теоретически вы можете получить официальное разрешение опекуна за неделю, от силы две, то, боюсь, я вынужден попросить вас прийти еще раз.

Катриона глубоко вздохнула, желая то ли возразить, то ли закричать — она и сама не знала толком. Но тут у нее через плечо наклонился лорд Форкосиган и улыбнулся комаррцу:

— Дайте-ка мне сенсорный определитель, будьте любезны.

Озадаченный комаррец так и сделал. Форкосиган сунул руку в карман, достал позолоченную аудиторскую печать, раскрыл ее и прижал к сенсору вместе со своей правой ладонью.

— По моему приказу и на благо империи я прошу и требую оказания необходимой и полной медицинской помощи Николасу Форсуассону. Форкосиган, Имперский Аудитор, — проговорил он в микрофон. И отдал сенсор обратно. — Проверим, не осчастливит ли это вашу машинку.

— Это все равно что палить из лазерной пушки по мухам, — шепнул он Катрионе. — Оружие несколько тяжеловато, но мух уничтожит наверняка.

— Лорд Форкосиган, я не могу... — начала Катриона и прикусила язык. Не может что? *Это тебе не торговаться по поводу оплаты ресторанного счета.* Из денег

Тьена можно было бы оплатить лечение, если удастся заставить комаррцев вернуть их. Оказанная же Форкосиганом помощь не материальна.

— Ничего такого, что не сделал бы ваш многоуважаемый дядя, если бы я мог сегодня предоставить его в ваше распоряжение, — заметил Форкосиган, отвесив ей свой знаменитый полупоклон, и спокойно уселся на место.

Подозрительность на лице комаррца сменилась полным ошалением, когда комм спокойно переварил информацию.

— Вы — лорд Аудитор Форкосиган?

— К вашим услугам.

— Я... э-э-э... м-м-м... В каком качестве вы здесь, милорд?

— Друга семьи. — Губы Форкосигана чуть искривились в едва заметной ухмылке. — Генеральный поставщик и универсальная отмычка.

Надо отдать комаррцу должное, лебезить он не начал. Отпустив служащую, он проделал все необходимые операции, лично сопровождал их наверх и передал в руки медиков генетического отделения. Затем исчез, но все дальнейшее пошло на удивление быстро.

— Это даже кажется немного нечестным, — пробормотала Катриона, когда Никки увел лаборант, чтобы взять анализы. — Думаю, Никки не придется сидеть в очереди.

— Ну да... Прошлой зимой я обнаружил, что аудиторская печать производит точно такой же эффект в Имперском госпитале для ветеранов, где коридоры гораздо менее симпатичны здешних, а очереди вошли в легенду. А печать производит чудо. Я был очарован. — Форкосиган посерьезнел и как бы задумался. — Боюсь, я еще не очень разобрался, что делать со своим статусом Имперского Аудитора. Что есть власть, а что — злоупотребление властью? Я мог приказать допросить с суперпентоталом

госпожу Радоваш или приказать Тьену отвезти нас на опытную станцию в нашу первую поездку, и тогда события приняли бы... Ну, я толком не знаю, какими бы они были, но только не такими, как сейчас. Но я не хочу... — Он замолк, и на мгновение Катриона разглядела под обычной ироничной и властной маской очень молодого человека. *Что же, в конце концов, он ведь не старше меня.*

— Вы предвидели осложнения с разрешением, да? Думаю, мне следовало догадаться самой, но они спокойно приняли всю информацию по комму, когда я договаривалась о приеме, и ничего не сказали, так что думала...

— Да нет. Но я надеялся, что мне представится возможность оказаться вам сегодня полезным. И рад, что все вышло так просто.

Да, с завистью поняла Катриона, он может просто смахнуть со своего пути обычные проблемы. И оставить самые сложные... Зависть ее тут же умерла. Катриона задним числом поняла, что Форкосиган тоже испытывает вину из-за гибели Тьена и именно поэтому отправился в такую даль, чтобы помочь его вдове и осиротевшему сыну. Такая озабоченность казалась ей излишней, и она подумала, как бы ей заверить его в том, что она ни в чем его не винит. Но так, чтобы не породить еще большей неловкости.

Анализы заняли вдвое меньше времени, чем предполагала Катриона. А вскоре их пригласила в уютный кабинет врач. Форкосиган жестом велел телохранителям оставаться в коридоре.

— Генсканирование Никки показало, что дистрофия Форзонна у него в самой классической форме, — сообщила комаррианка, когда Катриона с Никки уселись рядышком напротив комм-пульта. Форкосиган, как обычно, устроился сзади и молча слушал. — У него есть несколь-

ко осложнений аллергического характера, но ничего такого, с чем мы не могли бы справиться.

Она иллюстрировала свой рассказ изображением на головиде, показывая поврежденные хромосомы и компьютерную модель того, как ретровирус доставляет необходимые компоненты, восстанавливающие нормальное действие хромосом. Никки задал меньше вопросов, чем надеялась Катриона. Стесняется? Боится? Устал?

— Думаю, наши генетики вырастят ретровирусы специально для Никки где-то через неделю, — подвела итог врач. — И тогда я вызову тебя на уколы, Никки. Запланируйте пребывание в Солстисе на двое суток, чтобы провести проверку на следующий день после инъекций, госпожа Форсуассон. И если возможно, посетите нас еще раз перед отлетом с Комарры. Потом Никки нужно будет проверяться ежемесячно первые три месяца, что вы сможете делать в клинике, которую я вам порекомендую в Форбарр-Султане. Мы дадим вам дискету со всеми записями. А потом, если все пойдет хорошо, достаточно будет проверяться раз в год.

— И все? — спросила Катриона, от облегчения осев на стуле.

— И все.

— Повреждений еще нет? Мы пришли вовремя?

— Нет, с ним все в порядке. С дистрофией Форзонна трудно делать прогнозы, но в его случае, я полагаю, первые определяемые повреждения клеток начали бы проявляться лет в девятнадцать-двадцать. Так что вы пришли очень вовремя.

Покидая кабинет врача, Катриона крепко сжимала руку сынишки и твердо ступала, чтобы не пуститься в пляс.

— Уй, мам! — воскликнул Никки, вырвал руку и с независимым видом гордо пошел с ней рядом. Форкоси-

ган, засунув руки глубоко в карманы серых брюк, улыбаясь, шагал следом.

В катере Никки уснул, пристроив голову ей на колени. Катриона с любовью глядела на сына, легонько поглаживая его волосы, чтобы не разбудить.

Форкосиган, сидевший напротив со своими отчетами, поднял на нее глаза и тихонько спросил:

— Все хорошо?

— Все хорошо! — так же тихо ответила Кэт. — Но как-то странно... Болезнь Никки была центром моей жизни так долго... Я постепенно отбросила все остальные негативные вещи, сконцентрировавшись лишь на самом главном. Такое чувство, будто я долго-долго собиралась с духом пробить головой огромную кирпичную стену, а когда наконец решилась, наклонила голову и побежала... она просто рассыпалась, как песок. И все. А теперь я брожу по пыли и обломкам, моргая и не зная, что делать дальше. Где я теперь? Кто я?

— О, вы быстро определитесь. Вы не могли совсем потеряться, даже если все время вращались вокруг других людей. Дайте себе время.

— Я думала, что мое предназначение быть фором. — Кэт искоса глянула на Форкосигана, чувствуя себя косноязычной и неловкой. — Когда я выбрала Тьена... Вы должны понять, это был мой выбор. Мое замужество было по договоренности предложено мне, но не было насильственным. Я хотела этого, хотела детей, свою семью. Хотела всем этим заниматься. Найти свое место в этой, я не знаю, наследственной стезе.

— Я — одиннадцатый в роду. Мне известно о форской стезе.

— Да, — благодарно кивнула она. — Не то чтобы я выбрала не то, что хотела, или отбросила свое «я», или

что-то еще. Но почему-то у меня не получился красивый форский путь, который я пыталась осуществить. И в результате я имею этот... пучок оборванных нитей. — Она жестом изобразила хаос.

— И это мне знакомо. — Его губы иронично искривились.

— Но знаете ли вы... Нет, конечно, знаете, но... Насчет кирпичных стен. Неудачи, постоянные неудачи стали моим уделом. Я даже некоторым образом свыклась с этим, когда перестала с ними бороться. И не знала, что успех может быть таким опустошающим.

— Хм. — Он уселся поудобней, забыв о лежащих на коленях отчетах, и внимательно посмотрел на Кэт. — Да... Головокружение от успеха, а? И «наградой за хорошо сделанную работу является следующая работа». И «то, что вы в последнее время для нас сделали, лейтенант Форкосиган», и... Да. Успех опустошает или, как минимум, дезориентирует, и вас об этом заранее никто не предупреждает. Полагаю, это вроде внезапной смены скорости и направления.

Катриона моргнула.

— Как странно... А я думала, вы мне скажете, что я дурочка.

— Стану отрицать ваше совершенно правильное восприятие? Почему вы так думали?

— По привычке... наверное.

— М-м. Думаю, вам пора учиться радоваться ощущению победы, знаете, когда преодолеете первую растерянность. К этому вкусу привыкаешь.

— И как скоро вы к нему привыкли?

— С первого раза, — расплылся он в улыбке.

— Значит, это не вкус, а зависимость.

— Ну, такого рода зависимость вполне вам подойдет.

Его глаза сияли. Что это, вызов? Катриона растерянно улыбнулась и повернулась к иллюминатору, уставясь

на темнеющее комаррское небо. Катер начал спускаться. Форкосиган потерябил губу, но сохранил свою странную усмешку и вернулся к отчетам.

Дядя Фортиц встретил их в дверях с кипой дискет в руках и отсутствующей улыбкой на лице. Он крепко пожал руку Катрионы и отмахнулся от Никки, жаждавшего узурпировать внимание деда, чтобы поведать о чудесном путешествии на катере Имперской безопасности.

— Погоди немного, Никки. Мы пойдем на кухню перекусить, и тогда ты мне все расскажешь. Катриона, у меня новости от твоей тети. Она вылетела с Барраяра и прибудет сюда через три дня. Я не хотел тебе об этом говорить, пока не был уверен, что она сможет приехать.

— Ой! — Катриона чуть не запрыгала от радости и тут же забеспокоилась. — Ох, нет, сэр, вы же не хотите сказать, что вынудили бедную тетю проходить через пять п-в-туннелей от Барраяра до Комарры ради меня? Она же терпеть не может скачки через нуль-пространство!

— Вообще-то это была идея лорда Форкосигана, — хмыкнул дядя Фортиц.

Форкосиган лучезарно улыбнулся и застенчиво пожал плечами.

— Хотя я в любом случае собирался притащить ее сюда ради себя самого по окончании семестра, — продолжил дядя. — Так что это всего лишь небольшая передвижка в расписании. Ей ведь нравится Комарра, как только она приходит в себя примерно через сутки после приезда. Я думал, ты будешь рада.

— Вам не следовало... Ой, нет, я очень рада ее приезду!

При этих словах Форкосиган приосанился и его улыбка стала самодовольной, что немало позабавило Кэт. Она не знала, стала ли это она лучше понимать выражение его лица, или он стал более открытым.

— Если я возьму тебе билет, ты встретишь ее на скачковой станции? — спросил Фортиц. — Боюсь, у меня не будет на это времени, а она терпеть не может путешествовать в одиночестве. Так что ты сможешь увидеться с ней на день раньше и побыть с ней вдвоем.

— Конечно, сэр! — Катриону чуть затрясло, когда она поняла, насколько соскучилась по тете. Она так долго вращалась вокруг Тьена, что уже стала воспринимать свое одиночество как норму. Катриона считала, что госпожа профессор Фортиц — одна из немногих ее родственниц, которая ее не раздражает. Друг! Не просто друг — союзник! Знакомые комаррианки были довольно милыми женщинами, но они так многого не понимают... Тетя Фортиц может отпускать довольно-таки ядовитые комментарии, зато понимает все.

— Да-да, Никки, — сказал дядя Фортиц. — Майлз, когда будешь готов, я жду тебя в моей комнате, чтобы просмотреть сегодняшние результаты.

— А они есть? Что-нибудь интересное?

Фортиц махнул рукой.

— Мне интересно послушать твои комментарии, ежели таковые будут.

— Когда вам угодно. Постучите мне, когда будете готовы.

Форкосиган улыбнулся Никки, отсалютовал профессору и ушел.

Никки, нетерпеливо дожидавшийся своей очереди, вцепился в деда и поволок на кухню. Катриона порадовалась, что катер Имперской службы безопасности полностью затмил для сына медицинский осмотр. Довольная, она пошла следом.

ГЛАВА 16

На следующий день Майлз с утра пораньше, в рубашке и брюках, но босиком, вышел в коридор с несесером в руках. Нужно не забыть напомнить Тумонену, чтобы вернули активатор, размышлял он. Должно быть, эксперты СБ не обнаружили в нем никакого взрывного устройства, раз до сих пор молчат. Его ленивые размышления оборвались, когда он увидел Катриону, в халате и с растрепанными волосами, стоявшую у двери ванной комнаты.

— Никки! — прошипела она. — Немедленно открой! Ты не можешь прятаться там весь день!

— Нет, могу! — упрямо произнес приглушенный детский голосок.

Поджав губы, она снова постучала в дверь, настойчиво, но спокойно, и тут заметила Майлза. Слегка подскочив от неожиданности, она судорожно стянула ворот халата.

— Ой! Лорд Форкосиган...

— Доброе утро, госпожа Форсуассон, — вежливо поздоровался Майлз. — Э-э-э... проблемы?

Катриона сердито кивнула.

— Я так и думала, что вчера все прошло подозрительно гладко. А сегодня Никки пытается убедить меня, что слишком болен, чтобы идти в школу. Я снова объяснила ему, что это заболевание не такого свойства, но он упрямился все больше и больше. Умолял оставить его дома. Нет, не просто упрямился. Думаю, он боится. Это не обычная шалость. — Она повернула голову к запертой двери. — Я пыталась быть твердой. Но это оказалось не самой правильной тактикой. А теперь он в панике.

Майлз наклонился к замку. Обычный механический запор. Жаль, что не сенсорный. С теми-то ему известна

пара-тройка фокусов. А у этого даже винтов нет, а просто какие-то задвижки. Тут требуются пассатижи. Или хитрость...

— Никки, — с надеждой позвала Катриона. — Тут стоит лорд Форкосиган. Ему нужно умыться и одеться, чтобы пойти на работу.

Молчание.

— Прямо не знаю, что делать, — тихо пожаловалась Кэт. — Мы уезжаем через несколько недель. Несколько пропущенных уроков особого значения не имеют, но... дело ведь не в этом.

— В его возрасте я ходил примерно в такую же форскую частную школу, как и он, — прошептал в ответ Майлз. — И знаю, чего он боится. Но полагаю, что ваша реакция правильная. — Он задумчиво нахмурился, потом поставил несессер на пол, выудил из него депиляторный крем и натер им лицо. — Никки? — громко позвал он. — Можно мне войти? А то я весь в депиляторе, и если я его не смою, то он начнет проедать мне кожу.

— А он не сообразит, что вы вполне можете сделать это на кухне? — шепнула Катриона.

— Может быть. Но ему всего девять лет. Думаю, что бритье для него еще загадка.

Через некоторое время послышался голос Николаса:

— Вы можете войти. Но я не выйду. И снова запрусь.

— Договорились, — покладисто согласился Майлз.

За дверью раздался шорох.

— Мне схватить его, когда она откроется? — спросила Катриона с большим сомнением.

— Не-а. Это нарушит наш договор. Я войду, а там посмотрим, что получится. Во всяком случае, у вас хотя бы появится шпион по ту сторону ворот.

— Мне кажется неправильным использовать вас таким образом.

— М-м-м, но детишки осмеливаются бросать вызов лишь тем, кому действительно доверяют. То, что я для него фактически посторонний, дает мне преимущества, которыми я и предлагаю вам воспользоваться.

— Пожалуй, верно. Ну что ж... Ладно.

Дверь осторожно приоткрылась. Майлз ждал. Дверь открылась шире. Майлз вздохнул и боком протиснулся внутрь. Никки мгновенно захлопнул дверь и запер замок.

Мальчик был одет для школы, в расшитой серо-коричневой форме, но без ботинок. Должно быть, он удрал в ванную именно в тот момент, когда его заставляли обуваться. Никки отошел назад и уселся на край ванны. Майлз положил несессер на полочку, закатал рукава, пытаясь почистить мозги и начать побыстрее соображать без утреннего кофе. Или хотя бы просто начать соображать. Как он смутно припоминал, в свое время его красноречие вдохновляло людей на смертный бой. Придется как следует поднапрячься. Стараясь выиграть время и разбудить вдохновение, Майлз методично почистил зубы, а к тому времени, когда покончил с этим, депилятор сделал свое дело. Майлз смыл оставшуюся пену, насухо вытерся полотенцем, повесил его на плечо и прислонился спиной к двери, медленно опуская рукава и застегивая манжеты.

— Ну, Никки, — наконец проговорил он. — Так в чем сегодня проблема со школой?

Глаза мальчика были мокрыми от слез, но он с вызовом посмотрел на взрослого.

— Я болею. У меня эта штуковина Форзонна.

— Она не заразна. Ты не можешь никого ею заразить. — *Кроме как тем способом, каким сам ее получил.* Судя по недоуменному виду Никки, мысль, что он может кого-то заразить, ему и в голову не приходила. Майлз колебался, не зная, с какого бока подойти к решению задачи. И чуть ли не впервые задумался, как выглядели некоторые аспек-

ты его собственного детства с точки зрения его родителей. Двойное видение ошеломяло. *Какого черта я оказался на стороне противника?*

— Знаешь, — рискнул Майлз, — никто и не узнает, что она у тебя есть, пока ты сам не расскажешь. Они ведь не смогут ее унюхать, правда?

Мальчик набычился:

— Это мама так говорит.

Так, пробный шар пролетел мимо. Да и в любом, как доказала жизнь Тьена, случае вряд ли стоит предлагать держать все в тайне. Подавив желание удавить мальчишку за то, что он еще больше расстраивает Катриону, Майлз спросил:

— Ты уже завтракал?

— Ага.

Значит, морить его голодом или искушать едой займет слишком много времени.

— Что ж... Давай договоримся. Я не скажу, что ты преувеличиваешь сложности, а ты не скажешь, что я ничего не понимаю.

Никки посмотрел на него снизу вверх со своего места. Предложение явно его заинтриговало. *Ага. Рассмотрю меня, паренек.* Майлз взвесил и немедленно отбросил попытки запугать мальчика, задеть его гордость, надавить на него сильнее. Например, заявлением типа: «Как же ты можешь надеяться, что у тебя хватит смелости прыгать через п-в-туннели, если тебе не хватает сейчас храбрости встретить нынешнее препятствие?» Никки и так приперт к стенке, иначе зачем ему прятаться в этом убежище? Надавив на него сильнее, можно просто раздавить. Фокус в том, чтобы эту стенку уменьшить.

— Я ходил в школу вроде твоей. И не помню, чтобы хоть раз мне не пришлось решать проблему, что в глазах одноклассников я фор-мутантик. К твоему возрасту у меня

уже была разработана добрая дюжина стратегий. Хотя некоторые из них оказались весьма контрпродуктивны, должен признаться.

В детстве он прошел через все медицинские пытки, стиснув зубы. Но кое-кто из его до сих пор не забытых одноклассников, обнаруживших, что его слишком хрупкие кости делают физическое насилие слишком опасным — для них, поскольку невозможно скрыть улики, — быстро научились доводить его до слез словесно. Сержант Ботари, ежедневно доставлявший Майлза по утрам в это чистилище, очень быстро сделал ежедневный обыск рутинной процедурой, вытряхивая из Майлза различное оружие — от столового ножа до парализатора, вытащенного из кобуры капитана Куделки. В результате Майлз вынужден был перейти к партизанской войне. У него ушло почти два года, чтобы вынудить некоторых однокашников оставить его в покое. И он все время учился сам. Нет, пожалуй, предлагать выход на основе собственного опыта возраста с девяти до двенадцати не самая лучшая идея...

— Но это было на Барраяре двадцать лет назад. Сейчас времена изменились. Что, по-твоему, твои друзья с тобой сделают?

— Не знаю, — пожал плечами Никки.

— Ну, выдай мне какие-нибудь предположения. Нельзя разработать хорошую стратегию без хорошей разведки.

Никки снова пожал плечами. И через некоторое время пояснил:

— Дело не в том, что они сделают. А что подумают.

Майлз резко выдохнул:

— Ну... с этим мне несколько сложновато работать. Значит, ты боишься того, о чем кто-то подумает когда-то там, в будущем. Обычно я прибегал к суперпентоталу, чтобы выяснить, что люди действительно думают. Но даже

суперпентотал не может помочь узнать, о чем они подумают в будущем.

Никки сгорбился. Майлз удержался от замечания, что если он и дальше будет так горбиться, то его позвоночник станет таким же кривым, как у дяди. Существует крошечная, но чудовищная возможность, что мальчик действительно в это поверит.

— Кто нам нужен, — вздохнул Майлз, — так это агент Имперской безопасности. Кто-то, кто разведает незнакомую территорию, не зная, о чем думают или что сделают попавшиеся по дороге люди. «Внимательно слушай, наблюдай, запоминай и явись обратно с докладом». И им приходится это делать снова и снова, каждый раз в новых местах. В первый раз чертовски страшно.

— Откуда вы знаете? — посмотрел на него Никки. — Вы же сказали, что были курьером.

Черт, мальчишка наблюдателен!

— Ну, я... хм... не должен об этом рассказывать. У тебя нет допуска. Но неужели ты думаешь, что твоя школа так же опасна, как Архипелаг Джексона или Цетаганда? Если взять два... э-э-э... случайных примера?

Никки смотрел на него молча и, как опасался Майлз, с вполне оправданным презрением к неискренности взрослых.

— Но я расскажу тебе, чему научился.

Так, заинтересовался. Во всяком случае, поднял взгляд.
Довольствуйся этим. На большее он не пойдет.

— Во второй раз уже не так страшно. Позже я жалел, что не мог сразу начать со второго раза. Но единственная возможность добраться до второго раза — это сделать что-то в первый раз. Кажется парадоксом, но к простому можно добраться только через сложное. Но как бы то ни было, я не могу выделить тебе агента СБ на предмет выявления антимутантной деятельности в твоей школе.

Никки сердито хмыкнул на этот намек на покровительство.

Майлз едва заметно одобрительно ухмыльнулся.

— Кроме того, это будет маленько перебор, тебе не кажется?

— Наверное, — раздалось бурчание.

— К тому же идеальный разведчик должен сливаться с окружающей средой. Тот, кто знает территорию как свои пять пальцев и не сделает по незнанию грубых ошибок. Такой, кто умеет держать свое мнение при себе и не позволяет досужим домыслам влиять на его наблюдения. И который не должен влезать в драку, чтобы не выдать себя. Очень практичные ребята мои знакомые агенты Имперской безопасности. — Он оценивающе оглядел Никки. *Так, это, кажется, не очень срабатывает. Попробуем другое.* — Самому юному моему агенту было десять лет. Нет необходимости объяснять, что это происходило не на Баррааре, но я не думаю, что ты менее сообразителен, чем она.

— Десять? — переспросил Никки, временно сбитый с позиций. — Она?

— Она выполняла простую задачу связного. Потому что могла пройти незаметно там, где наем... где взрослый в мундире не мог. Так что я охотно выступил бы в роли твоего тактического консультанта в этой... э-э-э... школьной миссии, но я не могу работать без разведданных. А самый лучший разведчик в данном случае уже есть прямо на месте. Ты сможешь?

Никки пожал плечами. Но его упрямый взгляд стал оценивающим.

— Десять... девчонка...

Попадание, почти наверняка попадание!

— Я провел ее по документации как местного освдомителя. И ей, конечно, заплатили. По тем же расцен-

кам, что и взрослым. За небольшой, но весьма значительный вклад, способствовавший скорейшему благополучному завершению того задания. — Майлз уставился в пространство с тем видом, который принимают взрослые, когда собираются предаться длинным и скучным воспоминаниям. Когда он посчитал, что рыбка уже на крючке, он сделал вид, что вернулся к действительности, и слабо улыбнулся ребенку. — Ну, хватит об этом. Долг зовет. Я в отличие от тебя еще не завтракал. Так что если надумаешь вылезти отсюда, то я буду дома еще минут десять.

Майлз открыл замок и вышел. Он сильно сомневался, что Никки понял из его рассказов больше, чем одно слово из трех, хотя в отличие от большинства обычно рассказываемых им историй здесь все было чистой правдой. Ну что же, он хотя бы сумел предложить мальчику выход из невозможной ситуации.

Катриона поджидала в коридоре. Майлз прижал палец к губам и замер. Дверь осталась закрытой, но замок не щелкнул. Жестом велел Катрионе следовать за ним, Майлз на цыпочках пошел в гостиную.

— Уф, — выдохнул он. — Кажется, мне еще никогда не приходилось выступать перед такой трудной аудиторией.

— Что случилось? — встревоженно спросила Кэт. — Он выйдет?

— Пока не уверен. Я подкинул ему кое-какую информацию для размышления. И он вовсе не в такой страшной панике. К тому же в ванной ему довольно скоро станет скучно. Давайте дадим ему немного времени и поглядим.

Майлз как раз приканчивал хлопья и кофе, когда Никки осторожно просунул голову в дверь кухни. Прислонившись к косяку, он постукивал пяткой по стене. Катриона, сидевшая напротив Майлза, прижала ладонь к губам и ждала.

— Где мои ботинки? — через некоторое время спросил Никки.

— Под столом, — ответила Кэт с явным усилием сохраняя ровный тон. Никки заполз под стол, извлек оттуда обувь, затем уселся по-турецки и обулся.

— Хочешь, чтобы тебя кто-нибудь проводил? — осторожно поинтересовалась Катриона, когда сынишка встал.

— Не-а. — Мальчик быстро глянул на Майлза, подобрал в гостиной портфель и сам направился в школу.

Катриона, приподнявшаяся было на стуле, бессильно опустилась обратно.

— Ну и ну. Может, мне стоит позвонить в школу, чтобы убедиться, что он пришел?

Майлз немного поразмыслил.

— Пожалуй. Только так, чтобы Никки об этом не узнал.

— Верно. — Кэт поболтала кофе на дне чашки и нерешительно спросила: — Как вам это удалось?

— Что?

— Вытащить его оттуда. Если бы это был Тьен... Они оба упрямы. Тьен иногда здорово злился на Никки, причем без всякого повода. Он бы пригрозил высадить дверь и оттащить Никки в школу за шиворот. А я бы бегала кругами, причитая, откровенно боясь, что все пойдет наперекосяк. Хотя они никогда не переступали грань. Не знаю, было ли это из-за меня, или... Тьену потом всегда становилось стыдно. Нет, он не извинялся, а покупал... В общем, теперь это уже не имеет значения.

Майлз возил ложкой по дну тарелки, надеясь, что его желание получить от нее похвалу не слишком очевидно.

— Ну, решение вопроса силовыми методами для меня никогда не было легким выходом. Я просто... поиграл с его умом, расшевелил его. Я всегда стараюсь во время переговоров дать человеку возможность сохранить лицо.

— Даже ребенку? — Ее губы изогнулись и брови взлетели вверх. Майлз не знал, как истолковать это выражение. — Редко встречающийся подход.

— Ну, возможно, в моей тактике есть некоторый элемент сюрприза. Должен признаться, что я подумывал бросить на амбразуру подхалимов из СБ, но это был бы довольно глупый приказ. На карту была поставлена честь не только Никки.

— Что же... благодарю вас за долготерпение. Обычно от занятого и высокопоставленного мужчины не ждут, что у него найдется время на детей.

Она проговорила это с теплотой. Значит, она довольна. Вот здорово! Майлз облегченно промямлил:

— Ну, я такой. В смысле, я жду, что найдется. Мой па всегда находил... урывал время для меня. Позже, когда я узнал, что далеко не все действуют так, как па, то подумал, что так, как он, поступают самые занятые и самые высокопоставленные мужчины.

— Хм. — Катриона, глядя на свои руки, сжимавшие чашку, криво улыбнулась.

На кухню вплыл профессор Фортиц, одетый в удобный мешковатый костюм, чуть лучше сидящий на нем, чем его пижама. Пошитый на заказ, к чему обязывал профессора высокий статус Имперского Аудитора. Впрочем, Майлз сильно подозревал, что уважаемый ученый довел портных до истерики, пока не принудил их сделать так, как ему надо. «С большими карманами», — как он в свое время объяснил Майлзу, а его жена тогда лишь возвела очи горе. Фортиц распахивал диски по этим объемным полостям.

— Ты готов, Майлз? Из СБ только что сообщили, что нас ждет аэрокар с шофером у западных шлюзов.

— Прекрасно. — Виновато улыбнувшись Катрионе, Майлз проглотил остатки кофе и встал. — С вами сегодня все будет хорошо, госпожа Форсуассон?

— Да, конечно. У меня куча дел. Встреча с консултантом по имущественному праву, а еще нужно все разобрать и упаковать... Охраннику не придется идти со мной, да?

— Только если вы захотите. Мы оставим здесь на посту одного охранника на тот случай, если вы уйдете. Но если бы нашим комаррским друзьям понадобились заложники, они захватили бы нас с Тьеном еще тогда.

И навлекли бы на себя еще больше забот. Если бы только они это сделали, с сожалением подумал Майлз. Тогда бы дело продвинулось гораздо дальше, чем сейчас. Но Судха слишком умен, черт его побери.

— Если бы я думал, что вам с Никки грозит опасность, — *то нашел бы способ как использовать вас как приманку... Нет-нет!* — Если вы чувствуете себя неуютно, я с удовольствием приставлю к вам телохранителя.

— Нет, право, не стоит.

И снова эта слабая улыбка на ее губах. У Майлза было такое ощущение, что он с радостью провел бы все утро, изучая выражение ее лица. *Список оборудования. Ты будешь изучать список оборудования.*

— Тогда всего вам доброго, сударыня.

Лорд Аудитор Фортиц, после оценки ситуации, предпочел устроить собственную штаб-квартиру на опытной станции отдела избыточного тепла. Майлз вынужден был признать, что безопасность здесь на высшем уровне. Сюда нельзя ни попасть случайно, ни подкрасться незаметно — кругом пустыня. Впрочем, им с Тьеном это удалось, но тогдашние оккупанты были в тот момент заняты другими делами, а Тьену, судя по всему, вообще всю жизнь круто не везло. Майлз размышлял, что в затее Судхи было первично. Доступ ли к такому великолепному месту для секретных работ породил идею таинственного проекта, или же

сначала возникла идея и только потом он сумел занять должность, дающую доступ к станции? Один из длинного списка вопросов, которые Майлз прямо-таки жаждал задать этому типу под суперпентоталом.

Когда аэрокар СБ доставил обоих Аудиторов на станцию, Майлз тут же отправился выяснять, какого прогресса добилась его команда, точнее, команда майора Дэмори, с инвентаризацией. Дежурный сержант пообещал, что полная информация по всему оборудованию, наличествующему на станции, будет готова к вечеру. Майлз вернулся к Фортицу, сидевшему в одном из просторных верхних кабинетов с огромными столами, ярким освещением и внушительным рядом мощных коммов. Профессор буркнул приветствие, не отрываясь от разноцветной сетки математических схем и графиков, высвеченных перед ним на головиде. Майлз устроился перед коммом, чтобы изучить предоставленный полковником Гиббсом список оборудования, реально закупленного отделом избыточного тепла и напроочь отсутствующего на станции. Вдруг удастся обнаружить что-то знакомое?

Вскоре профессор, тяжело вздохнув, выключил головид.

— Что ж, нет никаких сомнений, что они что-то сконструировали. Орбитальная команда отловила вчера еще серию обломков, почти все — расплавленные.

— Так что же дает нам список? Что-то одно, уничтоженное вместе с Радовашем, или чего-то два? — вслух размышлял Майлз.

— О, тут, судя по всему, как минимум два. Хотя второй, возможно, собран еще не до конца. Если оценить ситуацию с точки зрения Судхи, то у него выдался тяжелый месяц.

— Да, если все это месиво наверху не было действительно какой-то непонятной смертельной операцией, или

сознательной диверсией, или... И где, черт побери, эта Мария Трогир? Я вовсе не уверен, что комаррцы тоже это знают. Когда Судха разговаривал со мной, мне показалось, что он страсть как хочет выяснить, что мне о ней известно. Если, конечно, это не очередной его ложный след.

— Ты уже что-нибудь выудил из инвентаризации? — спросил Фортиц.

— Ну, не совсем то, что хотел. Окончательный результат аутопсии Радоваша показал, кроме всего прочего, разрушения на клеточном уровне. В целом очень похоже на то, что случается с человеческим телом, оказавшимся рядом с лучом гравидеструктора. Прямое попадание, конечно, оставляет более выраженные следы, весьма впечатляющие, я бы сказал. Но, проходя рядом, луч может убить, практически не повредив тела. И с первых результатов сканирования на клеточном уровне я размышляю, не изобрел ли Судха заново гравидеструктор или еще какое-нибудь гравитационное оружие. Ручные гравидеструкторы — давняя мечта ученых-оружейников. Это я точно знаю. Но... представленное в списке оборудование не совсем подходит. Помимо всего прочего, там есть мощные приборы по передаче энергии, но я напрочь не вижу, куда они собираются ее передавать.

— Фрагменты математических выкладок, обнаруженных в библиотеке Радоваша, очень меня интригуют, — заметил Фортиц. — Ты рассказывал о математике Судхи, Каппеле, кажется. Какое он произвел на тебя впечатление?

— Трудно сказать, ведь теперь-то я знаю, что он все время мне лгал, — уныло хмыкнул Майлз. — Теперь понятно, что Судха заранее знал, что математик в критической ситуации сохранит здравость рассудка. Теперь-то я понимаю, что Судха очень тщательно отбирал людей, которых допустил до разговора со мной. — Майлз помолчал, не вполне уверенный, что сможет логически до-

казать свое предположение. — Я считаю, что Каппель — ключевой человек. Следующий после Судхи. А также бухгалтер, Фоскол... Нет. Пожалуй, я назову вам четверых. Судха, Фоскол, Каппель и Радоваш. Они — ядро. Готов поспорить на бетанский доллар, что вся эта чепуха о романе между Радовашем и Трогир — полный вымысел, убедительная дымовая завеса, выдуманная после аварии, чтобы выиграть время. Но так или иначе, где же сейчас Трогир? — Немного помолчав, он добавил: — И где они собираются использовать эту штуку? Или кому продать? Если продать, то они должны уже найти покупателя за пределами империи. Может, Трогир всех надула и повезла спецификации потенциальному покупателю? СБ тщательно перекрыла для наших пропавших комаррцев все п-в-туннели, ведущие за пределы империи. Они опережали нас всего на пару часов и физически не могли успеть удрать за границу. Но Трогир имеет две недели форы. Сейчас она может быть очень далеко.

Через час Майлз уже окосел от метров и метров инвентарного списка. У него ум зашел за разум, и он на полном серьезе принялся размышлять, как бы ему привязаться, как гиперактивной личинке, ко всем полевым агентам, разыскивающим сбежавших комаррцев. Надо полагать, по частям. Он уже научился не мечтать о способности раздваиваться или еще как-то умножать себя. Майлз вспомнил старую барраярскую шутку о фор-лорде, прыгнувшем на лошадь и помчавшемся во всех направлениях сразу. Движение вперед срабатывает как стратегия лишь тогда, когда ты очень точно знаешь, где именно находится это самое вперед. Вот ведь лорд Аудитор Фортиц не бежит же кругами, а спокойно сидит в центре и ждет, когда все придет к нему само.

Размышления Майлза о доказанных минусах клонирования были прерваны звонком от полковника Гиббса.

На лице полковника расплылась широченная и потрясающе самодовольная улыбка. Профессор выбрался из-за своего комм и, прошлепав вдоль всего ряда аппаратов, встал позади Майлза, опершись на спинку стула.

— Милорд Аудитор, Милорд Аудитор, — кивнул полковник им обоим. — Я, кажется, обнаружил именно то, что вы хотели. Нам удалось наконец отследить реальные закупки самого крупного оборудования. За последние два года отдел избыточного тепла приобрел пять стандартных двигателей Неклина у комаррской фирмы по производству двигателей для скачковых кораблей. У меня есть название и адрес компании и копии инвойсов. «Боллен дизайн» — так она называется — все еще хранит файлы технических характеристик.

— Судха строил скачковый корабль? — пробормотал Майлз, пытаясь вообразить эту картину. — Погодите-ка, двигатели Неклина идут парно. Может, они один сломали? Полковник, Имперская безопасность уже посетила Боллена?

— Да, мы там были, чтобы проверить подделку инвойсов. «Боллен дизайн» — совершенно законное, хоть и маленькое предприятие. Они в бизнесе уже около тридцати лет, что мало стыкуется с операцией по казнокрадству. Фирма не способна конкурировать с такими гигантами, как «Тоскане индастриз», поэтому специализируется на необычных и экспериментальных инженерных разработках, а также на ремонте нестандартных и устарелых скачковых двигателей. Фирма, судя по всему, не нарушила никаких законов и сотрудничала с Судхой, как с обычным заказчиком. К моменту их побега инвойсы еще не были оплачены. Похоже, они это сделали, как только добрались до комм Фоскол. Тем не менее... главный инженер, работавший непосредственно над заказом Судхи, отсутствует на работе уже три дня, и дома его мой полевой агент тоже не нашел.

Майлз тихо выругался.

— Избегает допроса с суперпентоталом, готов поспорить! Если, конечно, его труп не обнаружат в каком-нибудь отстойнике. На данном этапе возможны оба варианта. Надеюсь, у вас есть ордер на его задержание?

— Безусловно, милорд. Хотите, чтобы я передал все, что мы обнаружили сегодня утром, по закрытому лучу?

— Да, будьте любезны, — кивнул Майлз.

— Особенно технические характеристики, — добавил из-за его плеча Фортиц. — А когда я их просмотрю, то, возможно, захочу побеседовать с теми сотрудниками Боллена, что еще на месте. Могу ли я попросить службу безопасности позаботиться о том, чтобы никто из них не отбыл в неплановый отпуск до беседы со мной, полковник?

— Уже сделано, милорд.

Все еще самодовольно улыбаясь, Гиббс исчез, и пошла передача обещанных им бухгалтерских и технических сведений. Фортиц спихнул финансовую документацию Майлзу, который быстренько записал ее и пришел посмотреть на технические характеристики.

— Ну и что это за чертовщина? — изрек Фортиц, когда после сканирования запустил на головиде разноцветную схему, медленно вращающуюся в трех измерениях.

— Я надеялся, что это-то вы мне и объясните, — выдохнул Майлз, стоявший за спиной профессора. — Но уж наверняка не похоже ни на один двигатель Неклина, какие я когда-либо видел.

Полученное на головиде сооружение смахивало на нечто среднее между штопором и воронкой.

— Все варианты слегка отличаются друг от друга, — заметил Фортиц, высветив на головиде еще четыре схемы рядом с первой. — Судя по числам, различия увеличивались с каждой последующей модификацией.

Согласно указанным параметрам, первые три были меньше последующих: метра два в длину и метр или око-

ло того в ширину. Четвертый — вдвое больше третьего. А пятый — пяти метров шириной и шести длиной. Майлз припомнил кубатуру помещения цеха. Последний двигатель доставлен четыре недели назад, и его нет в наличии. Никто, находясь в здравом уме, не будет держать такое ценное оборудование, как двигатели Неклина, под открытым небом.

— Эти штуки генерируют Неклиновское поле? — спросил Майлз. — Какой конфигурации? При наличии пары двигателей поля вращаются в противофазе и пропихивают корабль сквозь пятимерное пространство. — Он руками изобразил, как это выглядит. Как ему метафорически объясняли когда-то в академии, поля обволакивают корабль, создавая пятимерную иглу неопределенного диаметра и бесконечной длины, чтобы пройти сквозь пятимерную точку, именуемую «пространственно-временной туннель», и снова сворачиваются в трехмерные после прохода. А на последнем курсе еще и давали математические выкладки, которые Майлз, сдав экзамен, благополучно забыл за ненужностью. И было это задолго до его криооживления, так что вряд ли можно винить в этой забывчивости иглогранату джексоновского снайпера. — Когда-то я все это знал... — жалобно протянул Майлз.

Несмотря на довольно-таки толстый намек, профессор не приступил к популярной лекции. Он просто устроился поудобней на стуле, подперев рукой подбородок. Через некоторое время он наклонился и очень быстро начал прогонять на дисплее файлы с отчетами о ходе расследования.

— Ага! Вот он!

Он открыл два файла: со списком обнаруженных фрагментов и с похожим списком оборудования, полученного от Боллена, и откинулся на спинку стула.

— Черт подери!

— Что? — заинтересовался Майлз.

— Вот уж не думал, что нам так повезет. Вот это, — он указал на первый список, — результат анализа оплавленных и сильно поврежденных частей, подобранных на орбите. Они практически с точностью совпадают с четвертым из этих непонятных агрегатов, видишь? Результаты отличаются совсем чуть-чуть за счет отсутствия более легких элементов, которые и должны испариться при такой температуре. Хм. Не думал, что мы когда-нибудь сможем установить происхождение этих штук.

— Если это был четвертый, — медленно проговорил Майлз, — то где же тогда пятый?

— Там же, где первый, второй и третий, — пожал плечами Фортиц.

— У вас достаточно информации, чтобы восстановить его энергетический запас? И тогда у нас будет вся машина целиком, так?

— М-м-м, возможно. Хотя для этого надо знать еще кое-что. Какова мощность? Поле — постоянное или переменное? Боллен должен был это знать, чтобы сделать соответствующую пару... Ага! — Профессор снова обратился к техническим характеристикам и принялся внимательно изучать какую-то сложную диаграмму.

Майлз нетерпеливо раскачивался на пятках. Когда он уже больше не мог хранить уважительное молчание без риска, что пар повалит из ушей, он спросил:

— Да, но что эта штука делает?

— Надо полагать, именно то, для чего и предназначена. Создает поле, разрывающее пятимерное пространство.

— Которое делает что? И с чем?

— А! — Профессор откинулся назад и уныло потер подбородок. — Поиск ответа на этот вопрос займет несколько больше времени.

— Мы можем проиграть на комме виртуальные варианты?

— Безусловно. Но чтобы получить правильный ответ, для начала следует задать правильный вопрос. Мне нужен... хм!.. специалист по теории пятимерного пространства. Пожалуй, лучше всего доктор Рива, она преподает в Солстисском университете.

— Если она комаррианка, то СБ будет возражать.

— Да, но она тут, на планете. Я и прежде с ней консультировался, когда расследовал подозрительный с политической точки зрения несчастный случай при скачке через п-в-туннель в пространстве Зергияра два года назад. У нее гораздо лучше развито ассоциативное мышление, чем у всех прочих известных мне пятимерщиков.

Майлзу всегда казалось, что у всех экспертов по пятимерной математике мозги повернуты иначе, чем у остального человечества, но он кивнул, признавая важность этой особенной черты.

— Она мне нужна. И я ее заполучу. Но прежде чем вытаскивать ее из академической рутины, я сперва сам поговорю с Болленом. Твой полковник Гиббс очень хорош, но он не мог задать все необходимые вопросы.

— Вы правы, — лаконично ответил Майлз.

Поездка на завод Боллена не принесла, вопреки надеждам Майлза, ничего нового. Суборбитальный катер быстро доставил Майлза с Фортицем к пребывающим в расстройстве владельцам фирмы. Поскольку всю документацию уже передали утром СБ, Имперским Аудиторами мало что еще могли предоставить. Администрация знала лишь финансовые и контрактные подробности отношений с мифическим «частным исследовательским институтом» Судхи, на который, как они считали, делался заказ. Техники по сборке тоже мало что могли добавить к уже имевшемуся у Фортица списку технических характеристик. Если пропавший инженер тоже знал о под-

линной сущности своего заказчика и предназначении агрегата не больше других служащих Боллена, то у него не было повода удирать. Никакого преступления, как понимал Майлз, «Боллен дизайн» не совершал.

Однако техники помнили, когда к ним приходили люди, похожие по описанию на Судху, Каппеля и Радоваша. Причем Судха в последний раз побывал здесь буквально на прошлой неделе. Но начальство никогда не допускало техников к этим переговорам. Им было лишь велено не обсуждать с посторонними необычные двигатели Неклина, поскольку, дескать, они экспериментальные и еще не запатентованы. А промышленные секреты легко превращаются в прибыль (или убыток). Пока что все это больше смахивало на убытки, чем на прибыль.

Заказчики всегда забирали готовые двигатели с завода сами, а не поручали куда-либо их доставить. Майлз мысленно пометил, что надо будет выяснить, имеется ли у отдела использования тепла большой транспорт, а если нет, то поручить Имперской безопасности проверить все наемные грузовики, достаточно большие, чтобы перевезти два последних двигателя.

Шныряя по заводу, пока профессор предавался профессиональным беседам на Высоком Инженерном Языке, Майлз все больше приходил к выводу, что главный инженер исчез добровольно. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что личные записи этого типа испарились вместе с ним. Охрана завода Боллена, конечно, была далеко не военной, но трудно предположить, что улепетывающие со всех ног комаррцы Судхи сначала быстренько прикончили инженера, а затем без посторонней помощи незаметно и с хирургической точностью вытащили все необходимое из такого количества коммов. Впрочем, Майлз так или иначе не желал этому человеку смерти. Наоборот, ему очень хотелось, чтобы тот

оказался жив-здоров на другом конце инъектора с суперпентоталом. В этом-то и проблема. Люди теперь предвидят допрос с суперпентоталом. Современные заговорщики гораздо более скрытны, чем в старые скверные времена физических пыток. Еще три дня назад, скажи ему кто-нибудь, что Гиббс принесет подробный список составных частей секретного оружия Судхи на блюдечке с голубой каемочкой, Майлз пришел бы в восторг, полагая, что дело почти раскрыто. Ха!

Домой к Форсуассонам Майлз с Фортицем вернулись слишком поздно для ужина, но как раз к десерту, явно состряпанному по вкусу профессора: шоколад, крем и огромное количество гидропонного пекана. Дружно усевшись вокруг стола, они принялись уничтожать лакомство. Как бы ни прошла сегодняшняя встреча Никки с однокашниками, на аппетите ребенка это нисколько не отразилось, одобрительно отметил про себя Майлз.

— Как дела в школе? — спросил Майлз, стыдясь, что такой нудный вопрос исходит из его уст. Но как иначе узнать положение дел?

— Нормально, — ответил Никки с набитым ртом.

— Ждешь каких-нибудь неприятностей завтра?

— Не-а. — Односложные ответы вернули их к нормальному стилю разговора подросток—взрослый. И никакого панического ужаса, как утром.

— Отлично, — вежливо кивнул Майлз. Глаза Катрионы улыбались. *Отлично.*

Никки проглотил десерт и ускакал, а Катриона застенчиво спросила:

— А как ваши дела сегодня? Я не знала, как расценивать ваш поздний приход. Как прогресс или наоборот.

Как дела сегодня? Казалось, она интонацией извиняется за столь прозаический вопрос. Майлз не знал, как

дать ей понять, что он безумно рад этому вопросу и ему очень хочется, чтобы она повторила его снова. И снова, и снова... Ее духи будили в нем животные инстинкты, понуждая кататься кверху лапами и выделять всякие фокусы. И при этом Майлз даже не был уверен, пользуется ли она вообще духами. Такая смесь похоти и ощущения домашнего покоя была для него чем-то абсолютно новым и незнакомым. Ну, частично. Как справляться с похотью, он знал. Это ощущение домашнего уюта поймало его врасплох.

— Мы поднялись к новому и неожиданному уровню озадаченности, — сообщил ей Майлз.

Профессор открыл рот, закрыл, потом все же произнес:

— Да, суммировать наши достижения можно примерно так. Гипотеза лорда Форкосигана оказалась верной. Схема казнокрадства была разработана для финансирования производства... э-э-э... нового устройства.

— Секретного оружия, — внес поправку Майлз. — Я сказал — секретного оружия.

Глаза профессора весело блеснули.

— Будьте точны с терминологией. Если это оружие, то что является его мишенью?

— Оно настолько секретное, — пояснил Майлз Катрионе, — что мы даже никак не можем понять, для чего оно, собственно, предназначено. Так что я как минимум наполовину прав. — Он посмотрел вслед Никки. — Насколько я понимаю, раз Никки ведет себя как обычно, все прошло гладко?

— Да. Я была практически уверена, что так оно и будет. Большое вам спасибо за утреннюю помощь, лорд Форкосиган. Я так рада, что...

От некоторой неловкости Майлза спас сигнал от входной двери. Катриона пошла открывать, а профессор направился следом, помешав Майлзу задать запланированный

встречный вопрос «как прошла встреча с юрисконсультантом по имущественному праву? Я был уверен, что вы с этим прекрасно справитесь». Майлз напомнил себе, что охранник службы безопасности стоит на посту в коридоре, так что ему вовсе незачем выходить. Раздумывая, как бы завязать следующий разговор-отмычку с Катрионой, он вышел на балкон.

И солнце, и отражатель сели уже несколько часов назад. Только огни города сияли в ночи. По аллее, ведущей к автостанции, еще шли немногочисленные прохожие, медленно прогуливались парочки. Майлз, облокотившись на перила, принялся наблюдать за одной из них. Мужчина обнимал женщину за плечи, а она обвила рукой его талию. При силе тяжести ноль разница в росте, как у них, исчезает, елки-палки! Интересно, а как в таких случаях себя ведут четверорукие квадди? Когда-то Майлз был знаком с женщиной-музыкантом квадди. Он не сомневался, что и у квадди тоже есть какой-то эквивалент человеческим объятиям...

Его несколько завистливые размышления были прерваны голосами, донесшимися с кухни. Катриона приветствовала какого-то гостя. Второй голос принадлежал мужчине, говорящему с комарским акцентом. Майлз напрягся, узнав быстрый говорок кроликообразного Венье.

— ...Имперская безопасность отдала его личные вещи гораздо раньше, чем я думал. И полковник Гиббс сказал, что я могу отнести их вам.

— Спасибо, Венье, — ответила Катриона тихим голосом, который Майлз в ее случае уже научился определять как застенчивость. — Почему бы вам просто не поставить коробку на стол? А где он...

Послышался негромкий стук.

— В основном здесь всякая всячина, ручки и все такое, но я подумал, что вы захотите получить обратно ваши с сыном портреты.

— Да, спасибо.

— Вообще-то я пришел не только для того, чтобы принести вещи администратора Форсуассона. — Венье набрал в грудь побольше воздуха. — Я хотел поговорить с вами наедине.

Майлз, собравшийся было войти на кухню, замер. Черт подери, СБ допросила Венье и отпустила с миром, так? Какой еще секрет он собирается выложить, да к тому же и Катрионе? Если он, Майлз, войдет, захочет ли Венье продолжить?

— Ну... хорошо. Э-э, не хотите ли присесть?

— Спасибо.

Раздался скрип стульев.

— Я подумал о том, насколько неловким стало ваше положение после смерти администратора, — начал Венье. — Мне бесконечно жаль, но я не мог не понимать, наблюдая за вами все эти месяцы, что взаимоотношения между вами и вашим покойным мужем не такие гладкие, как должны были быть.

— Тьен... был непростым человеком. Я не думала, что это так заметно.

— Тьен был ослом, — спокойно заявил Венье. — Это было заметно. Виноват. Простите. Но это правда, и мы с вами оба это знаем.

— Теперь это не важно. — Тон ее был далеко не поощряющим.

— Я слышал, что он играл на акциях и потерял ваши деньги, — настойчиво продолжил Венье. — И его смерть ввергла вас в чудовищное положение. Как я понимаю, вы вынуждены вернуться на Барраяр.

— Да, я планирую вернуться на Барраяр, — медленно ответила Катриона.

Мне надо кашлянуть, думал Майлз. *Уронить стул. Ворваться в кухню с воплем: «Венни! Рад тебя видеть!»* Но вместо этого он старался дышать как можно тише.

— Я понимаю, что затеваю разговор не ко времени, еще слишком рано, — продолжил Венье. — Но я наблюдал за вами много месяцев. Как с вами обращались. Практически узница, в традиционном барраярском браке. Я не знаю, в какой степени вы были узницей добровольно, но теперь... Вы не думали о том, чтобы остаться на Комарре? А не возвращаться обратно в тюрьму? Понимаете, у вас ведь есть этот шанс. Шанс убежать.

Майлз почувствовал, что сердце у него начинает колотиться со страшной скоростью. *К чему это Венье клонит?*

— Я... понимаете, обратный путь как потерявшим кормильца нам оплачивает империя.

Та же тихая застенчивость.

— Я могу предложить вам кое-что другое. — Венье судорожно сглотнул. Майлз готов был поклясться, что слышал тихий клекот в тощей глотке комаррца. — Выходите за меня замуж. Это даст вам законное право остаться здесь. И тогда никто не сможет вынудить вас вернуться. Я смогу обеспечить вас, пока вы не встанете на ноги и не наверстаете упущенное в ботанике, химии или в чем другом. Вы ведь так многое можете. Передать вам не могу, как мне больно было видеть, как такой огромный человеческий потенциал пропадает втуне, тратится на этого барраярского клоуна. Я понимаю, что это сначала будет брак по договоренности, но поскольку вы — фор, то для вас это не ново. А со временем он сможет перерасти в нечто большее, я уверен. Я понимаю, что еще слишком рано, но вы скоро уедете, и тогда будет слишком поздно!

Венье замолчал, чтобы перевести дыхание. Майлз наклонился вперед, открыв рот в молчаливом вопле. *«Это мои слова! Мои слова! Это все — мои слова, черт бы тебя побрал!»* Он ждал соперников-форов в борьбе за руку Катрионы, которые наверняка слетятся как мошка на мед, едва молодая вдова ступит на землю Барраяра. Но Бог ты

мой, она же еще даже не улетела с Комарры! Он сроду не думал о Венье или каком-нибудь другом комаррце как о возможных соперниках! Хотя какой это соперник? Венье в роли соперника — смех да и только! Майлз более могуществен, более богат, более значим, и все это он готов сложить к ее ногам, когда придет время. А Венье даже не выше Катрионы, на добрых сантиметра четыре ниже...

Единственное, чего не мог предложить Майлз, — это избавиться от Барраяра. И в этом у Венье преимущество, которое Майлзу не преодолеть никогда.

Последовало длительное пугающее молчание, во время которого Майлз мысленно вопил:

Скажи нет! Скажи нет! Скажи НЕТ!

— Очень любезно с вашей стороны, — нарушила наконец молчание Катриона.

Кой черт это должно означать?! И гадают ли об этом же Венье?

— Любезность тут совершенно ни при чем. Я... — Венье снова кашлянул. — Я вами восхищаюсь.

— О Господи!

— Я подал документы на вакансию главы департамента Проекта Терраформирования, — быстро добавил Венье. — И думаю, что у меня есть неплохой шанс. Из-за переполоха в департаменте штаб-квартира наверняка захочет определенной преемственности. А если под общую гребенку пойдут и невиновные, и виноватые, я сделаю все возможное, постараюсь очистить мою профессиональную репутацию. Я могу сделать сектор «Серифоза» образцом, я знаю, что могу. Если вы останетесь, я смогу дать вам акции. Мы сможем делать это вместе, сможем превратить это место в сад. Останьтесь и помогите построить целый мир!

Снова длительное и пугающее молчание.

— Полагаю, вы переедете в эту квартиру, если займете пост Тьена, — наконец сказала Катриона.

— Само собой, — неуверенно ответил Венье. *Верно, это вовсе не положительный момент, хотя не факт, что Венье это понял. «Я с трудом выношу это место», — сказала она тогда...*

— Ваше предложение очень любезное и щедрое, Венье. Но вы несколько неверно трактуете мое положение. Никто не вынуждает меня возвращаться домой. Комарра... Боюсь, купола вызывают у меня клаустрофобию. И каждый раз, надевая респиратор, я буду вспоминать о некрасивой смерти Тьена.

— А! Это я понимаю. Но возможно, со временем?..

— Ах да! Время. По обычаю форов вдова должна блюсти траур в течение года. — Майлз не мог видеть, какое при этом у нее выражение лица. *Она улыбается? Морщится?*

— И вы следуете этим древним обычаям? Вы должны? Но почему? Никогда этого не понимал. Я полагал, что в Период Изоляции все женщины должны были быть все время замужем.

— Лично я полагаю, что это было весьма практично. Если женщина вдруг беременна, то всю беременность пробудет в семье мужа, чтобы в случае рождения мальчика они были уверены: сын останется в семье отца. Впрочем, что считаю я по поводу положенного срока траура, значения не имеет. До тех пор, пока я придерживаюсь традиций, это защитит меня от... от нежеланных ухаживаний. Мне просто необходимо побыть в тишине и спокойствии, чтобы собраться с мыслями...

Повисла недолгая пауза. Затем Венье несколько более напряженно спросил:

— Защитит? Я не думал, что мое предложение будет воспринято как нападение, Кэт.

— Разумеется, я так не думаю, — слабо возразила она.

Вранье. Вранье. Еще как думает! Катриона из своего печального опыта воспринимает брак как долговремен-

ную осаду ее души. После десяти лет совместной жизни с Тьеном она относится к браку примерно так же, как Майлз — к иглогранатам. И это очень плохо для Венье. Но и для Майлза тоже. *Плохо. Хорошо. Плохо. Хорошо. Плохо...*

— Кэт, я... я не буду вам надоедать. Но хотя бы подумайте об этом, взвесьте все варианты, прежде чем сделаете что-то непоправимое. Я буду ждать.

Опять пугающая тишина. Затем:

— Я не хочу причинять боль вам, человеку, не сделавшему мне ничего плохого, но нельзя оставлять людей жить с несбыточной надеждой. — Потом послышался долгий вдох, будто она собиралась с силами, и... — Нет.

Да!!

— Но благодарю вас за заботу, — еле слышно добавила она.

Повисла пауза, затем Венье сказал:

— Я хотел помочь. Но теперь вижу, что сделал только хуже. Мне действительно пора идти. Еще нужно купить что-нибудь на ужин по дороге...

Да, и лопай его в одиночестве, кролик несчастный! Ха!

— Доброй ночи, госпожа Форсуассон.

— Я провожу вас. Еще раз спасибо, что принесли вещи Тьена. Надеюсь, вы получите его должность, Венье. И уверена, что отлично справитесь с работой. Уже пора снова ставить комарцев на высшие административные должности...

Майлз медленно пошевелился, размышляя, как бы незаметно проскользнуть мимо нее. Если она пойдет посмотреть, как там Никки, что вполне возможно, тогда ему удастся незаметно прокрасться в ее кабинет и он сможет прикинуться, будто все это время был там...

Но Катриона вернулась на кухню. Послышался шорох, вздох, шорох стал громче, когда содержимое коробки, судя

по всему, высыпали в мусоропровод. Задвинули или отодвинули стул. Майлз чуть наклонился, чтобы незаметно взглянуть из-за балконной двери. Катриона сидела, закрыв лицо руками. Плачет? Смеется? Она потеряла лицо, вскинула голову и встала, повернувшись к балкону.

Майлз быстро отпрянул, огляделся и плюхнулся на ближайший стул. Вытянув ноги, он театрально откинул голову и закрыл глаза. Может, имеет смысл захрапеть, или это уже перебор?

Ее шаги замерли. Бог мой, что, если она закроет дверь и запрет его здесь, как бродячего кота? И что тогда? Стучать в стекло или торчать здесь всю ночь? Будут ли его искать? Может, ему удастся отсюда спуститься и войти через парадную дверь? От этой мысли его передернуло. В принципе следующего припадка быть еще не должно, но кто знает? В этом-то и вся прелесть его конвульсий, что они непредсказуемы...

Снова раздались шаги. Майлз расслабил лицевые мышцы, затем сел, моргая и бурча. Катриона удивленно смотрела на него, ее осунувшееся лицо освещал льющийся с кухни свет.

— О! Госпожа Форсуассон! Должно быть, я устал больше, чем думал...

— Вы спали?

Его «да» превратилось в слабое «м-м». Майлз вспомнил, что обещал никогда не лгать ей. Он потер шею:

— В этой позе меня бы паралич разбил.

Ее брови поползли вверх, и она скрестила руки на груди.

— Лорд Форкосиган! Вот уж не думала, что Имперские Аудиторы могут так увиливать от прямого ответа.

— Как? Так плохо? — Майлз сел нормально и вздохнул. — Извините. Я вышел сюда полюбоваться видом и ничего такого не думал, когда услышал, как вошел Ве-

ные. Потом подумал, что речь пойдет о коробке, ну а потом было уже поздно объявлять о себе, не поставив всех в неловкое положение. Такая же скверная история, как та выходка с вашим коммом. Простите. Чистая случайность — и то, и другое. Вообще-то я не такой, правда.

Она склонила голову набок, на губах мелькнула ехидная улыбка.

— Какой? Непреодолимо любопытный и не признающий никаких социальных запретов? Да, вы такой. И это вовсе не результат подготовки в Имперской службе безопасности. Вы такой от природы. Неудивительно, что вы так хорошо там работали.

Это что, комплимент или оскорбление? Майлз так и не понял толком. *Хорошо, плохо, хорошо-плохо-хорошо?..* Он встал, улыбнулся, вежливо пожелал ей спокойной ночи и позорно сбежал.

ГЛАВА 17

На следующее утро Катриона уехала из дому пораньше, чтобы встретить прибывающую с Барраяра тетю. Ка-тер, перевозящий пассажиров с Комарры на скачковую станцию, стартовал с орбиты около полудня по солстисскому времени. Катриона с довольным и немного виноватым вздохом устроилась в отдельном купе.

Очень похоже на дядю Фортица — обеспечить ей такой комфорт. Он никогда ничего не делает наполовину. «Никаких искусственных ограничений!» Кэт почти слышала его радостный бас, хотя обычно это высказывание касалось десерта. Ну и что с того, что она, если встанет в середине купе, сможет коснуться обеих стен? Она все

равно счастлива, что не придется тереться плечами с другими пассажирами в экономическом классе, хотя весь перелет от Комарры до станции занимает каких-то восемь часов. В прошлый раз она сидела между Тьеном и Никки все семь суток полета от Барраяра, и трудно было сказать, кто из них больше устал, включая и ее самое.

Прими она предложение Венье, ей не пришлось бы повторять этот утомительный путь. Плюс в его пользу, о котором Венни даже и не догадывался. И все. Она подумала о его предложении, и ее губы скривились при воспоминании об испытанных ею неловкости, веселом изумлении и неожиданной мгновенной вспышке ярости. С чего это Венье решил, что она доступна? Кэт полагала, что, опасаясь вспышек ревности со стороны Тьена, она уже давно истребила в своей манере держаться все призывные сигналы. Или она действительно выглядела настолько жалко, что даже робкий Венни смог вообразить себя ее спасителем? Если так, то это уж точно не его вина. Ни предложения Венье, ни грандиозные планы Форкосигана относительно ее будущего образования и работы не казались ей малопривлекательными. На самом деле они полностью соответствовали ее чаяниям, и все же... Казалось, оба внушали: «Ты сможешь стать настоящим человеком, но только если будешь играть по нашим правилам».

Почему я не могу быть настоящей такая, какая я есть?

Тьфу на все это! Она не позволит буре эмоций испортить ей наслаждение от нежданно подаренного краткого мига одиночества. Достав дисковод, она поправила множество подушек и с удовольствием растянулась на койке. В такие моменты Катриона всегда размышляла, почему это одиночное заключение считается суровым наказанием? Это же так здорово, когда никто не может до тебя добраться! Наслаждаясь, она пошевелила пальцами ног.

Ей было немного стыдно из-за Никки, безжалостно оставленного у одного из одноклассников под предло-

гом, что ему не следует пропускать занятия. Если — как ей иногда казалось — она ничего особенного не делала дни напролет, то почему, когда уехала, ее повседневные дела обременили так много народа? Что-то тут не стыкуется. Хотя госпожа Форторрен, чей муж служил помощником представителя Имперского советника в Серифозе, желала от всей души помочь молодой вдове. И вряд ли Никки для нее большая обуза — у нее у самой четверо детей, которых она умудряется кормить, одевать и воспитывать в атмосфере всеобщего хаоса, которая нисколько не тревожила ее добродушное легкомыслие. Дети госпожи Форторрен быстро научились сами о себе заботиться, и разве это плохо? Просьбы Никки взять его с собой были пресечены в корне напоминанием, что у пилотов пассажирского катера существуют суровые правила, запрещающие пассажирам заходить в кабину, к тому же это вовсе не скачковый корабль. На самом же деле Катрионе просто хотелось немного побыть одной, а потом спокойно поговорить с тетей о своей жизни с Тьеном. Мысли вихрем клубились у нее в голове.

Когда катер стартовал, она едва почувствовала ускорение. Кэт вставила в дисковод дискету, порекомендованную консультантом по имущественному праву, и устроилась поудобней. Консультант подтвердил предположение Форкосигана, что долги Тьена обязывают одного лишь Тьена, и взять больше, чем лежит на его счету, не может никто. Значит, после десяти лет брака она осталась ни с чем, с пустыми руками, как в самом начале. Если не считать приобретенного опыта... Кэт усмехнулась. Подумав, она решила, что лучше оставаться с пустыми руками, но без Тьена.

Диск был невероятно скучен, но в компенсацию у нее имелся еще диск об эскобарских водных садах, за который она и принялась, покончив с домашним заданием. Это прав-

да, что у нее практически нет денег. И такое положение дел тоже надо менять. Знание, может быть, и не сила, но невежество — совершенно определенно слабость, как и бедность, впрочем. Уже давно пора перестать считать себя ребенком, а всех остальных — взрослыми. *Один раз меня побили. Но второго раза не будет.*

Катриона дочитала одну книгу и половину другой, прекрасно поспала два часа кряду без всяких помех, проснулась и привела себя в порядок к тому времени, как катер начал маневрировать у доков. Упаковав вещи в дорожную сумку, она повесила ее на плечо и вышла посмотреть в иллюминатор на станцию и п-в-туннель.

Станцию построили около века назад, когда исследователи п-в-туннелей нырнули в него и заново открыли Барраяр. Потерянную колонию нашли в конце сложного многоскачкового маршрута, совершенно отличного от того, каким в свое время впервые попали на Барраяр колонисты. Во время цетагандийского вторжения станция претерпела ряд изменений и была увеличена в размере. Комарра даровала гем-лордам право прохода через нее в обмен на огромные торговые концессии по всей Цетагандийской империи и за долю предполагаемых завоеваний Барраяра. Сделка, которая вышла Комарре боком. Затем последовал довольно спокойный период, пока барраярцы, прошедшие суровую школу цетагандийского вторжения, в свою очередь не обрушились на Комарру.

Под новым управлением Барраярской империи станцию снова расширили, превратив в беспорядочное сооружение для пяти тысяч живущих здесь работников, их семей и непрерывного потока пассажиров, и обслуживающее несколько сотен кораблей, совершающих рейсы на расположенный в тупике Барраяр. Сейчас здесь строили новый длинный причал, отходящий в сторону, как блестящая пал-

ка. Барраярская военная станция виднелась вдали — сверкающая точка, блокирующая невидимый взору пятимерный проход. Катриона видела полдюжины разных судов, курсирующих между гражданской станцией и п-в-туннелем, маневрирующих на подходе к доку или на выходе от него. И парочку каботажных грузовиков, перевозящих груз от одного п-в-туннеля к другому. Затем катер нырнул в док, и огромная станция заслонила вид.

Тоскливые таможенные формальности были проделаны еще на Комарре перед отлетом, поэтому пассажиры катера свободно сошли на станцию. Катриона сверилась с голокартой, жизненно необходимой в этом вавилонском столпотворении, и пошла забронировать номер в гостинице для себя и тети, а заодно и бросить там вещи. Номер — маленький, но тихий — прекрасно подойдет бедной тете Фортиц, чтобы оправиться после скачков и собраться с силами для дороги на Комарру. Катриона пожалела, что в свое время у нее самой по пути не было такого убежища. Сообразив, что последнее, что пожелает видеть госпожа профессор, это еда, Катриона предусмотрительно перекусила в ближайшем кафе и направилась в зал дожидаться швартовки корабля с Барраяра.

Примостившись на кресле, откуда были хорошо видны двери шлюза, она слегка пожалела, что не захватила с собой что-нибудь почитать на случай, если посадка пассажиров задержится. Но сама станция и ее обитатели и без того были вполне достойным развлечением. Куда летят все эти люди и зачем? Наибольший интерес представляли жители отдаленных частей Галактики. Они здесь транзитом по делам, с дипломатическими миссиями, в поисках убежища, просто отдыхают? Катриона за всю свою жизнь видела лишь два мира. Увидит ли она когда-нибудь другие? Два, напомнила она себе, это ровно в два раза больше, чем большинство людей. Не жадничай.

А сколько повидал Форкосиган?..

Мысли, пройдя круг, вернулись к ее личной катастрофе — жертва потопа перебирает остатки своего добра после отступления вод. Может быть, традиционно форский идеал брака и семьи противоречит женской душе, или же источником ее крушения является сам Тьен? Вряд ли ответ на этот вопрос можно получить с первой попытки, а брак — совсем не тот опыт, который хочется повторить. И все же тетя — живое доказательство того, что счастье в браке возможно. Она добилась общественного признания — тетя историк, учитель, преподает на четырех языках. И у нее трое взрослых детей, и брак ее пережил пятидесятилетний юбилей. Шла ли она на скрытые компромиссы? У нее солидное положение на ее профессиональном поприще. Могла ли она подняться еще выше? У нее трое детей. Могла ли она иметь шестерых?

Нам предстоит гонка, госпожа Форсуассон. Вы предпочитаете бежать с отрубленной левой ногой или правой?

Я хочу бежать на двух ногах.

Тетя Фортиц бежала на двух ногах, и с большим достоинством. Катриона когда-то жила у тети дома и сомневалась, что идеализирует ее. Но ведь она замужем за дядей Фортицем. Карьера человека зависит лишь от его собственных усилий, а брак — это лотерея, и ты тянешь жребий в юности или ранней молодости, то есть в момент максимальной глупости и растерянности. Может, так оно и должно быть. Если люди станут слишком разборчивыми, то человечество запросто вымрет. Эволюция благоприятствует размножению, а не счастью.

Так как же тебя угораздило оказаться вовсе ни с чем?

Катриона хмыкнула от отвращения к самой себе, но тут двери шлюза открылись, и оттуда полился людской поток. Большая часть толпы уже прошла, когда Кэт углядела низенькую женщину, которая с трудом переставляла ноги, опи-

раясь на руку корабельного стюарда. Он помог ей выйти из шлюза и вручил трос от летучей платформы с багажом. Катриона, улыбнувшись, устремилась навстречу женщине. Тетя выглядела несколько помятой, ее длинные седые волосы выбились из пучка и свисали на лицо, утратившее обычный румянец и приобретшее зеленовато-серый оттенок. Ее болеро и юбка до щиколоток измялись, а расшитые дорожные сапоги забавно торчали на куче багажа. На тетиных ногах красовались домашние тапочки.

Тетя Фортиц рухнула в объятия Катрионы:

— Ох! Как же я рада тебя видеть!

Катриона вгляделась в ее лицо:

— Поездка была очень тяжелой?

— Пять скачков! — мрачно сообщила тетя Фортиц. — Да еще корабль попался такой шустрый, что не успеваешь прийти в себя между скачками. Радуйся, что ты из числа счастливчиков.

— Меня тоже мутит, — утешила ее Катриона, исходя из теории, что несчастье любит компанию. — Это проходит примерно через полчаса. А вот Никки у нас счастливчик, на него это, судя по всему, вообще никакого воздействия не оказывает. — Тьен обычно скрывал свои симптомы под маской ворчливости. Боялся показать то, что он воспринимал как слабость. Может, ей следовало... *Теперь это все не важно. Забудь.* — Я поселилась в симпатичной маленькой комнате, где вы отдохнете. Там мы сможем попить чаю.

— Чудесно, дорогая.

— А что это ваш багаж летит, а вы идете пешком? — весело спросила Катриона, быстро переложив две сумки на платформу и выдвинув маленькое сиденье. — Садитесь, а я вас повезу.

— Если только это не укачивает. Помимо всего прочего, от этих скачков у меня отекают ноги.

Катриона помогла тете сесть, убедилась, что та устроилась надежно, и медленно пошла, ведя за собой платформу.

— Я приношу свои извинения за то, что дядя Фортиц потащил вас сюда из-за меня. Я ведь собираюсь здесь пробыть еще всего несколько недель.

— Я в любом случае собиралась приехать, если его расследование затянется. А оно, судя по всему, идет не так быстро, как он рассчитывал.

— Ну... да. Я расскажу вам все жуткие подробности в номере.

Коридоры станции были не самым подходящим местом для обсуждения государственных тайн.

— Хорошо, дорогая. А ты прекрасно выглядишь, очень по-комарски.

Катриона глянула на свой пиджак и бежевые брюки.

— Я обнаружила, что комаррская одежда очень удобна, отчасти потому, что позволяет мне сливаться с толпой.

— Когда-нибудь я прослежу, чтобы ты оделась так, чтобы выделяться из толпы.

— Не сегодня, надеюсь.

— Нет, по всей вероятности, не сегодня. Ты собираешься выдерживать эту традиционную чушь насчет траура, когда вернешься домой?

— Да, мне кажется, что это очень даже неплохая традиция. Это избавит меня от... от необходимости решать массу проблем, с которыми я не хочу сейчас связываться.

— Понимаю. — Несмотря на морскую болезнь, тетя Фортиц с интересом оглядывалась по сторонам и уже начала рассказывать Катрионе о ее кузенах.

У тети уже внуки, думала Катриона, а она по-прежнему выглядит как женщина средних лет, вовсе не как старуха. В Период Изоляции барраярская женщина уже в сорок пять была старухой, ожидающей прихода смерти, — если вооб-

ще доживала до этого возраста. За последнее столетие продолжительность жизни женщин на Барраяре увеличилась вдвое и неуклонно приближалась к тройной порции, столь обычной для других, бетанцев, например. Может, ранняя смерть матери дает ей неверное представление о времени и своевременности? *У меня по сравнению с моими предшественницами две жизни. Две жизни, чтобы осуществить двойную цель. Если бы их можно было растащить во времени, а не нагромождать одну на другую...* А появление на Барраяре маточного репликатора тоже все изменило, и очень сильно. Зачем она потеряла целое десятилетие, пытаясь играть по древним правилам? Хотя десять лет для двадцатилетки — это не одно и то же, что десять лет для девяностолетнего человека. Надо об этом подумать как следует...

По мере того как они удалялись от шлюзов, толпа редела, пока наконец не рассосалась совсем. На станции ритм был не такой сумасшедший, как в доках, где все носились как оглашенные, загружая и разгружая корабли со страшной скоростью, потому что время — деньги; корабли опаздывали, и все это вертелось не всегда в соответствии с временем по Солстисскому меридиану, которого придерживались в локальном пространстве Комарры.

Катриона свернула в узкий служебный коридор, обнаруженный ею ранее и сокращающий путь к гостинице. В одном из киосков пекли традиционный барраярский хлеб и специально выставляли противни в виде рекламы. Катриона чуяла запах дрожжей, кардамона и горячего кленового сиропа. Это сочетание напоминало о Зимнепразднике, и ее вдруг захлестнула волна ностальгии.

По пустынному коридору к ним шел мужчина в неприметном комбинезоне докера. Светящийся логотип на кармане гласил: «Транспортная компания Южного порта». Он нес две большие сумки, наполненные коробочками с едой. Мужчина резко остановился и ошарашенно

установился на Катриону, а она — на него. Это был инженер отдела использования избыточного тепла, Ароцци.

К сожалению, он тоже ее мгновенно узнал.

— Госпожа Форсуассон! — И гораздо тише: — Вот уж не думал вас тут встретить! — Он затравленно огляделся. — Администратор с вами?

Катриона как раз обдумывала, не сказать ли «мне очень жаль, но я вас, кажется, не знаю», спокойно прошествовать мимо, уйти, не оглядываясь, свернуть за угол и помчаться к ближайшему комму экстренной связи. Но Ароцци бросил сумки и выхватил парализатор как раз в тот момент, когда она начала:

— Мне очень жаль...

— Мне тоже, — совершенно искренне ответил он и выстрелил.

Катриона открыла глаза и увидела перед собой потолок коридора. Все тело покалывало, и оно отказывалось двигаться. Язык, казалось, распух и с трудом помещался во рту.

— Не вынуждайте меня стрелять в вас, — умоляюще говорил кому-то Ароцци. — Потому что ведь выстрелю.

— Верю, — раздался тихий голос тети Фортиц прямо над ухом Катрионы.

Кэт поняла, что полулежит на платформе, опершись в тетину грудь, а ноги беспомощно болтаются на багаже. Рука тети сжимала ей плечо. Ароцци, нервно озираясь, положил сумки Катрионе на ноги, взял тросик платформы и поспешил по коридору со всей быстротой, на которую был способен. За ним, поскрипывая, скользила перегруженная летучая платформа.

Помогите! мысленно кричала Катриона, когда они проходили мимо женщины в форме обслуживающего персонала. *Меня похищает комаррский террорист.* Но вместо

крика у нее вырвался лишь стон. Женщина на них даже не посмотрела. Не было ничего необычного в том, что двух страдающих морской болезнью пассажиров доставляют на пересадку, или в гостиницу, или в пункт «скорой помощи». Или в морг... Сильный удар парализатора, как в свое время объяснили Катрионе, вырубает человека на несколько часов. Должно быть, в нее стреляли слабым зарядом. В виде одолжения? Она не чувствовала ни рук, ни ног, но ощущала, как тяжелыми ударами бьется сердце, подстегнутое страхом, ведущим бесполезную борьбу с ее отключенной периферической нервной системой.

Они куда-то сворачивали, спускались, снова поднимались. Интересно, голокарта еще у нее в кармане? Они покинули пассажирские отсеки и попали на служебные уровни, предназначенные для погрузки и ремонта кораблей. Наконец они подошли к двери с вывеской «Транспортная компания Южного порта», как и на комбинезоне Ароцци. Надпись красными буквами гласила «Вход только для персонала». Ароцци провез их еще через несколько дверей и потащил вниз на широкий загрузочный причал. Здесь было прохладно, пахло маслом, озоном и пластмассой. Похоже, они находились у внешней стены станции. Катриона вспомнила, что видела прежде логотип Южного порта. Одна из крошечных локальных грузовых компаний, подбирающих остатки за гигантскими фирмами комаррских олигархов.

Высокий крупный мужчина, тоже в рабочем комбинезоне, подбежал к ним. Его шаги эхом разносились по причалу. Это был доктор Судха.

— Наконец-то ужин, — начал он и тут увидел летучую платформу. — Кой черт... Роц, что это? Госпожа Форсуассон!

Он ошарашенно уставился на Катриону. Та посмотрела на него с мрачной ненавистью.

— Я налетел на нее, когда возвращался с ужином, — объяснил Ароцци, опуская платформу на землю. — Я ничего не мог поделать. Она узнала меня. Не мог же я дать ей сбежать и сообщить о нас. Так что я оглушил ее из парализатора и приволок сюда.

— Роц, ты идиот! Только заложников нам тут и не хватало! Ее наверняка начнут искать, и очень скоро!

— У меня не было выбора!

— А кто эта пожилая дама? — Судха вежливо поприветствовал госпожу Фортиц торопливым кивком.

— Элен Фортиц, — представилась она.

— Вы, часом, не жена ли лорда Аудитора Фортица?

— Да. — Голос тети Фортиц звучал холодно и ровно, но Кэт чувствовала, что та едва заметно дрожит.

Судха тихо выругался.

Катриона судорожно сглотнула, облизнула спекшиеся губы и попыталась сесть. Ароцци взял свои сумки, затем несколько запоздало снова достал парализатор. Из-за кучи оборудования появилась женщина, привлеченная громкими голосами. Средних лет, с кудрявыми светлыми волосами с проседью. На ней тоже был комбинезон транспортной компании. Катриона узнала Лену Фоскол, бухгалтера.

— Катриона, — прошелестела тетя Фортиц. — Кто это люди? Ты их знаешь?

— Это преступники, укравшие огромные деньги из бюджета Проекта Терраформирования и убившие Тьена, — громко, хоть и хрипло ответила Кэт.

— Что?! — изумленно воскликнула Фоскол. — Ничего подобного мы не делали! Он был жив-здоров, когда я его там оставила!

— Оставили прикованным к перилам с полупустым кислородным баллоном, который вам не пришлось в голову проверить! А потом они позвонили мне, чтобы я приехала за ним. На полтора часа позже, чем было нужно! —

ядовито выплюнула Катриона. — Блестящая мизансцена, сударыня! Безумный император Ури высоко оценил бы такой артистизм.

— Ох! — выдохнула Фоскол. Она позеленела. — Это правда? Вы лжете! Никто не пойдет наружу с пустым баллоном!

— Вы знали Тьена, — отрезала Кэт. — Так как?

Фоскол умолкла.

Судха побледнел.

— Мне очень жаль, госпожа Форсуассон. Если это действительно произошло, то это случайность. Мы не собирались его убивать, совсем наоборот, клянусь.

Катриона сжала губы в ниточку и не произнесла ни слова. Теперь, когда она сидела свесив ноги, она лучше видела грузовой причал. Тридцати метров шириной и двадцати глубиной, прочный, с металлическими поручнями и переходами и застекленной диспетчерской в противоположном конце. Вокруг какого-то огромного аппарата, стоявшего в центре помещения, валялось разнообразное оборудование. Главная часть аппарата походила на воронку, сделанную из какого-то темного полированного материала — металла? стекла? — установленную на платформе с толстыми подпорками. А к узкому концу присоединено множество кабелей и проводов. Диаметр этой штуки вдвое превышал рост Катрионы. То самое «секретное оружие», которое вычислил лорд Форкосиган?

Но как они протащили все это, да и себя самих через облаву, устроенную службой безопасности? СБ наверняка обшаривала каждый катер, покидающий поверхность планеты. Да, но только в последние несколько дней, сообразила Катриона. А эту штуку могли сюда притащить несколько недель назад, до облавы. И служба безопасности скорее всего сконцентрировала свое внимание на скачковых кораблях и их пассажирах, а не на фрахови-

ках каботажных рейсов. У заговорщиков Судхи были годы, чтобы подготовить себе фальшивые документы. Ведут они себя так, будто это место им принадлежит. Возможно, так оно и есть.

Фоскол наконец заговорила. Ее губы были поджаты не меньше, чем у самой Катрионы.

— Мы не убийцы. В отличие от вас, барраярцев.

— Я в жизни никого не убила! А для неубийц числящееся за вами количество трупов становится довольно впечатляющим, — огрызнулась Катриона. — Не знаю, что случилось с Радовашем и Трогир, но как насчет тех шестерых несчастных на отражателе и пилота рудовоза? И Тьена? Получается как минимум восемь. А может, и десять.

А может стать и двенадцать, если я не поостерегусь.

— Я была студенткой Солстисского университета во время Восстания! — рявкнула Фоскол, явно выбитая из колеи известием о Тьене. — И видела, как моих друзей и одноклассников расстреливали на улицах во время волнений. И помню тотальную газовую атаку в куполе «Зеленый Парк». Как смеете вы, барраярка, сидеть тут и обвинять меня в убийстве!

— Во время Комаррского Восстания мне было пять лет, — осторожно ответила Катриона. — И что я, по-вашему, могла сделать, а?

— А если вы хотите вдаваться в исторический экскурс, — сухо заметила тетя Фортиц, — то это именно вы, комаррцы, позволили цетагандийцам обрушиться на нас. Прежде чем погиб первый комаррец, погибло пять миллионов барраярцев. Так что в оплакивании павших комаррцам не выиграть никогда.

— Но это было давно, — несколько растерянно возразила Фоскол.

— А! Я поняла. Значит, разница между преступником и героем лишь в очередности, в какой их деяния были

совершены, — с фальшивой сердечностью ответила госпожа профессор истории. — И им воздается в зависимости от даты. В таком случае вам лучше поторопиться. Вы же не хотите, чтобы ваш героизм пропал втуне?

Фоскол гордо выпрямилась.

— Мы не собираемся никого убивать. Все мы видели бесполезность такого рода героики еще двадцать пять лет назад.

— Значит, события развиваются не совсем по плану, а? — пробормотала Катриона, растирая лицо. Онемение постепенно начало проходить. Жаль, что то же самое нельзя сказать о ее мозгах. — Как я заметила, вы не отрицаете, что вы воры.

— Мы просто вернули кое-что из того, что нам принадлежит, — оскалилась Фоскол.

— От средств, вбухиваемых в терраформирование Комарры, прямой прибыли Барраяру нет. Вы обокрали ваших собственных правнуков.

— Все, что мы взяли, мы взяли для таких инвестиций Комарре, которые принесут неоценимую пользу нашим будущим поколениям, — не осталась в долгу Фоскол.

Неужели слова Катрионы ее задели? Все возможно. Судха выглядел так, будто о чем-то серьезно размышлял, поглядывая при этом на обеих барраярок.

Надо втянуть их в спор, подумала Катриона. Люди не могут одновременно думать и спорить. Ну, во всяком случае, большинство. Если ей удастся заставить их продолжать разговор, пока она хоть немного оправится от парализатора, она сможет... Что, собственно? На глаза буквально в десяти шагах от нее попалась кнопка пожарной тревоги. Тревога, ложная тревога наверняка привлечет внимание администрации к Южной транспортной компании... Успеет Ароцци снова оглушить ее за те десять шагов, что ей надо преодолеть? Кэт откинулась на

ноги тети, стараясь казаться как можно более слабой, и обвила рукой ее лодыжку, как бы в поисках поддержки. Новый агрегат таинственно возвышался в центре зала.

— Так что же вы намерены делать? — саркастически спросила Кэт. — Перекрыть п-в-туннель и отрезать нас от остальной галактики? Или вы собираетесь... — Она осеклась, потому что после ее слов повисло гробовое молчание. Она уставилась на троих комаррцев, в ужасе глядевших на нее. Внезапно осевшим голосом Кэт произнесла: — Вы не можете этого сделать. Не так ли?

Существовали определенные военные способы временно закрыть п-в-туннели, взрывая корабль в центре прохода, жертвуя при этом и кораблем, и пилотом. Но довольно быстро туннель снова открывался. Нуль-переходы открываются и закрываются, это так, но они ведь образования вроде звезд, и до сих пор воздействие на них лежало за пределами человеческих возможностей.

— Вы не сможете этого сделать, — решительно повторила Катриона. — Какой бы дисбаланс вы там ни устроили, рано или поздно туннель снова станет проходным, и тогда прошлые неприятности покажутся вам цветочками.

Если только заговор Судхи не верхняя часть айсберга. А за всем этим стоит некий глобальный план, когда против Барраяра поднимется вся Комарра в новом Комаррском Восстании. Опять война, опять кровь под стеклом — может, купола Комарры и вызывают у нее клаустрофобию, но одна лишь мысль, что ее комаррские соседи погибнут в очередном раунде бесконечной войны, вызывал у Кэт приступ тошноты. Барраярцам Восстание тоже принесло мало хорошего. Если военные действия начнутся и продлятся достаточно долго, то Никки успеет вырасти, и его они тоже поглотят...

— Вы не сможете держать его закрытым. Не здесь. Вы беззащитны.

— Сможем и сделаем, — решительно отрубил Судха.

Карие глаза Фоскол загорелись.

— Мы закроем п-в-туннель навсегда! И отделаемся от Барраяра навечно без единого выстрела. Совершенно бескровная революция, и они ничего не смогут с этим поделать.

Сердце Катрионы бешено колотилось. Сглотнув, она с усилием заговорила:

— Вы собираетесь закрыть п-в-туннель к Барраяру, когда Мясник Комарры и три четверти базирующегося в космосе барраярского военного флота находятся на этой стороне, и при этом серьезно полагаете, будто это будет бескровная революция? А как насчет людей на Зергияре? Вы идиоты!

— Изначальный план состоял в том, — напряженно заговорил Судха, — чтобы нанести удар во время императорской свадьбы, когда Мясник Комарры и три четверти барраярского флота были бы на орбите Барраяра.

— А также огромное количество ни в чем не повинных дипломатов со всей Галактики. И между прочим, немало комаррцев!

— Не могу придумать лучшей судьбы для всех этих коллаборационистов, — желчно бросила Фоскол, — чем оказаться блокированными с их любимыми барраярскими друзьями. Старые фор-лорды не устают повторять, насколько было лучше в Период Изоляции. Так что мы лишь исполняем их желание.

Катриона сдвинула лодыжку тети и медленно встала. И покачнулась, пожалев, что ее неустойчивость действительно не уловка, чтобы ослабить настороженность комаррцев.

— В Период Изоляции, — заговорила она со жгучей ненавистью, — к сорока годам я была бы уже мертва. В Период Изоляции моей обязанностью было бы перерезать глотку мои детям-мутантам под наблюдением род-

ственников. Так что могу гарантировать, что как минимум половина населения Барраяра не согласна со старыми фор-лордами, и среди этих несогласных — почти все старые фор-леди. А вы собираетесь снова обречь нас на все это и при этом смеете называть это бескровным!

— Тогда считайте, что вам повезло, ежели вы на комаррской стороне туннеля, — холодно отрезал Судха. — Пошли, ребята, работа ждет. А времени остается все меньше. С этого момента сон отменяется. Лена, иди разбуди Каппеля. И еще нам надо придумать, куда упрятать этих дам.

Похоже, комаррцы уже не собираются дожидаться свадьбы императора. Как скоро смогут они запустить свой агрегат? Судя по всему, довольно скоро, раз даже появление двух незваных заложников их не остановило.

Тетя Фортиц попыталась сесть прямо. Ароцци перевел взгляд на сумки с едой, остывающей у его ног. Пора!

Отшвырнув в сторону Ароцци, Катриона ринулась вперед. Комаррец развернулся было, чтобы броситься за ней, но синий сапог, снайперски запущенный ему в висок тетей Фортиц, задержал атаку. Судха и Фоскол пропустили за Кэт, и все же она успела добежать до панели и, рванув рукоятку сигнала тревоги, повиснуть на ней прежде, чем луч парализатора Ароцци настиг ее. Руки Катрионы разжались, и она упала. Перед тем как отключиться, она еще успела услышать первые звуки сирены.

Катриона открыла глаза и увидела профиль тети. Она поняла, что лежит, опустив голову ей на колени. Моргнув, она попыталась облизнуть губы. Все тело кололо и ломило. Накатила волна дурноты, и Кэт попробовала отвернуть голову в сторону. Но после судорожных спазмов ее все же не вырвало. Сплюнув желчь, Катриона перекатилась обратно.

— Мы спасены? — проямлила она. Вообще-то на спасенных они с тетей как-то не походили. Судя по все-

му, они сидели на полу крошечной уборной, холодном и жестком.

— Нет, — с отвращением в голосе ответила госпожа профессор. Лицо ее было напряженным и усталым, красные ссадины украшали лицо и шею. Волосы растрепались. — Они сунули мне кляп и перетащили нас за ту штуковину. Пожарные прискакали как миленькие, но Судха отбрехался. Заявил, что Ароцци случайно упал и зацепился за рукоятку, и согласился заплатить штраф за ложную тревогу. Я пыталась шуметь, но без толку. А потом они заперли нас здесь.

— Ох! Тьфу! — высказалась Катриона. Может, она и чопорна, но более крепкие выражения казались несколько неуместны.

— Вот именно, дорогая. Хотя попытка была неплохой. Какое-то время я думала, что все получится, как и твои комарцы, впрочем. Они очень расстроились.

— В следующий раз будет трудней.

— Скорее всего, — согласилась тетя. — Нам нужно хорошенько все обдумать. Вряд ли стоит рассчитывать, что представится и третий шанс. Жестокость им, по-моему, не очень свойственна, но действуют они вполне решительно. Не думаю, что они не представляют для нас опасности, хотя и знают тебя. Когда, по-твоему, нас начнут искать?

— Не очень скоро, — с сожалением ответила Кэт. — Я отправила послание дяде Фортицу сразу, как добралась до гостиницы. Не думаю, что он ждет следующего, и поиски начнутся не раньше чем завтра, когда нас не окажется на рейсовом катере.

— И тогда кое-что случится, — заявила тетя. Но ее уверенный тон несколько увял, когда она добавила: — Наверняка.

Да, но что произойдет между сейчас и тогда?

— Да, — отозвалась Катриона. Она оглядела запертое помещение туалета. — Наверняка.

ГЛАВА 18

Затребованные профессором Фортицем эксперты должны были прибыть в Серифозу как раз тогда, когда Катриона улетела на станцию, так что Майлзу удалось присутствовать при том, что иначе было бы семейным прощанием. Вчерашний визит Венье Катриона с дядей обсуждать не стала, и Майлзу не представилась возможность уговорить ее не принимать брачных предложений от чужаков, пока она на Комарре. Профессор нагрузил Катриону словесным посланием жене и крепко обнял на прощание. Майлз стоял, спрятав руки в карманы, и лишь кивком пожелал ей счастливого пути.

Коммерческий рейс из Солстиса, который Майлз мысленно обозвал «Экспресс мудрецов», приземлился вскоре после отлета Кэт. Эксперт по пятимерной математике, доктор Рива, оказалась стройной миловидной женщиной лет пятидесяти — смуглая, с блестящими черными глазами и очень улыбчивая. Сопровождавший ее полный юноша с пшеничного цвета шевелюрой, которого Майлз сначала принял за студента-выпускника, оказался профессором математики доктором Юэллом.

Мощный аэрокар службы безопасности доставил их напрямую на опытную станцию. По прибытии профессор отвел всех в свой кабинет, где за ночь, кажется, еще прибавилось коммов, распечаток и деталей на столах. Ко всеобщему — кроме Майлза — неудовольствию, майор Имперской безопасности Дэмори заставил обоих комаррских консультантов принести официальную присягу верности и неразглашения. Впрочем, Майлз полагал, что клятва верности несколько излишня, поскольку никто из них не смог бы занять нынешний академический пост, не присягнув сначала на верность. А что касается нераз-

глашения... Майлз размышлял, заметил ли кто-то из комаррцев, что покинуть станцию можно только на флайерах службы безопасности?

Они впятером уселись, чтобы выслушать лекцию лорда аудитора Фортица — нечто среднее между военной пятиминуткой и академическим семинаром с тенденцией сползания к последнему. Майлз не знал точно, в каком качестве присутствует майор Дэмори: как наблюдатель или как участник. Но ведь и сам Майлз мог мало что сказать, кроме как подтвердить по просьбе профессора некоторые результаты аутопсии. Майлз в очередной раз задумался, не принесет ли он больше пользы где-нибудь в другом месте, например, в обществе оперативников. Вряд ли там он сможет быть более бесполезен, чем здесь, мрачно размышлял он, слушая дикие математические выкладки. *Когда вы, ребята, соберете в кучку все эти красивые картинки на комме, то покажите мне результат. Люблю книжки с картинками.* Может, ему стоит на пару лет вернуться в школу освежить познания? Оставалось утешаться тем, что ему крайне редко удавалось оказываться в компании, где он чувствовал себя таким идиотом. Должен же быть хоть какой-то бальзам на душу...

— Энергия, которая попадает в — думаю, можно называть это рогом двигателя Неклина, — переменная. Совершенно определенно переменная, — говорил Фортиц комаррцам. — Узконаправленная, высокочастотная и управляемая.

— Очень странно... — протянула доктор Рива. — Скачковые двигатели работают на постоянной энергии. Вообще-то их первоочередная задача — избежать нежелательных флуктуаций. Давайте попробуем поиграть с разными гипотезами...

Майлз встрепенулся и придвинулся ближе, когда разнообразные теории стали принимать на экране видимое

трехмерное очертание. Профессор Фортиц задал граничные условия. Да, мудрецы и впрямь состряпали весьма недурственные картинки, но за исключением разницы в цветовой гамме никаких других отличий между ними Майлз не заметил.

— А что произойдет, если что-то окажется прямо на пути этих пятимерных пульсаций, которые генерирует эта штука? — спросил он наконец. — На разном расстоянии. Или если мимо пролетит рудовоз?

— Практически ничего, — ответила доктор Рива, глядя на вращающиеся перед ней картинки. — Не думаю, что на клеточном уровне для вас окажется полезным пребывание в непосредственной близости с генератором такой мощности, но ведь это, в конце концов, пятимерный импульс. Все трехмерные предметы в пучке несколько расфокусируются и, безусловно, получают гравитационный удар. Искусственная гравитация — это свертка по двум измерениям пятимерного энергетического импульса на трехмерный континуум. Ваши военные гравидеструкторы, к примеру, построены именно на таком принципе.

Дэмори заерзал. Но пытаться удержать в тайне от специалиста по пятимерной математике принцип действия гравидеструктора так же бесполезно, как пытаться утаить от крестьянина секреты погоды. Лучшее, на что могут рассчитывать военные, это на некоторое время удержать в секрете технические подробности.

— А может быть такое... я не знаю... что мы смотрим на половину этого оружия?

Рива пожала плечами — скорее заинтересованно, чем раздраженно, — и Майлз понадеялся, что вопрос может оказаться и не таким уж и глупым.

— А вы точно уверены, что это вообще оружие? — спросила она.

— В подтверждение тому у нас есть несколько ну очень мертвых людей, — сообщил Майлз.

— Для этого, увы, оружие совсем не обязательно, — вздохнул профессор Фортиц. — Неосторожность, глупость, поспешность и невежество имеют не менее разрушительную силу. Хотя вынужден признаться, что намеренное убийство мне особо претит. Очень... неконструктивно.

Доктор Рива улыбнулась.

— Итак, — продолжил Фортиц, — я хочу узнать, что произойдет, если нацелить его на п-в-туннель или, возможно, активировать его во время скачка. При этом необходимо учесть воздействие Неклиновского поля, внутри которого он будет двигаться.

— М-м-м, — протянула Рива. И они с пшеничноголовым юнцом перешли на математический сленг, выстраивая на экране какие-то новые картинки. Первый вариант был ими дружно отброшен с бормотанием «это неверно». Еще пару тоже отметили. Наконец Рива выпрямилась и взъерошила свои короткие волосы.

— Нет никакой возможности взять это домой и подумать?

— А! — воскликнул Фортиц. — Боюсь, что вчера по комму я несколько неточно выразился. Дело в том, что все это срочно. У нас есть повод подозревать, что времени практически не осталось. Так что будем сидеть здесь, пока не додумаемся. Никакие данные за пределы этого здания не выйдут.

— Как, а ужин на вершине купола «Серифоза»? — огорченно спросил Юэлл.

— Не сегодня, — извинился Фортиц. — Пока действительно не придумаем что-то путное. Еда и постель — за счет императора.

Рива оглядела комнату:

— Значит, снова гостиница а-ля Имперская безопасность? Спальные мешки и армейский паек?

Профессор смущенно улыбнулся:

— Боюсь, что так.

— Мне следовало об этом помнить с предыдущего раза... Что ж, это тоже своего рода стимул. Юэлл, хватит пока играть с коммом. Что-то не так. Мне нужно пройтись.

— Коридор в вашем распоряжении, — сердечно предложил ей профессор Фортиц. — Вы привезли свои кроссовки?

— Конечно. Это я с предыдущего раза запомнила. — Она вытянула ноги, продемонстрировав удобные мягкие кроссовки, и встала, собираясь выйти в коридор. Там она принялась ходить туда-сюда, что-то бормоча себе под нос.

— Рива говорит, что ей на ходу лучше думается, — объяснил Майлзу Фортиц. — Он считает, что так кровь лучше поступает в мозг. А по-моему, когда она так расхаживает, к ней просто никто не пристает и не отвлекает.

Родная душа, Бог ты мой!

— Можно мне посмотреть?

— Да, только, пожалуйста, не разговаривай с ней. Если, конечно, она сама с тобой не заговорит.

Фортиц с Юэллом вернулись к коммам. Профессор, судя по всему, пытался переделать гипотетический источник энергии агрегата. Майлз точно не понял, но Юэлл, кажется, играл в какую-то математическую видеоигру. Майлз откинулся на стуле и уставился в окно, предавшись размышлениям.

Допустим, я — комаррский заговорщик, у которого на руках новаторский агрегат размером с пару слонов, при этом у меня на хвосте висит служба безопасности. Куда бы я его спрятал?

Уж наверняка не в багаже. Майлз начал записывать возникающие идеи на распечатке, вычеркивая одну за другой. Дэмори поочередно наблюдал за работой профессора и просматривал модели.

Примерно через сорок пять минут Майлз осознал, что звук шагов в коридоре стих. Он встал и высунул го-

лову в дверь. Доктор Рива сидела на подоконнике в конце коридора и задумчиво изучала комаррский ландшафт. Отсюда виднелась речушка, и пейзаж был не таким мрачным, как везде, поскольку здесь весело зеленела травка. Майлз осмелился подойти.

Она с улыбкой посмотрела на него. Майлз улыбнулся в ответ. Присев рядом, он проследил за ее взглядом в окно, затем принялся изучать профиль женщины.

— Итак, — нарушил он наконец молчание, — о чем вы думаете?

Ее губы искривились в смущенной улыбке.

— Я думаю... что не верю в вечный двигатель.

— А! — Ну что же, если бы это было просто или хотя бы средней степени сложности, профессор не призвал бы подмогу, решил Майлз. — Хм-м.

Она перевела взгляд с панорамы за окном на Майлза и чуть погодя спросила:

— Значит, вы действительно сын Мясника?

— Я сын Эйрела Форкосигана, — ровно ответил Майлз. — Да.

Ее вариант вечного вопроса не был случайным промахом, как у Тьена, не был он и специальной провокацией, как у Венье. Он казался более... научным. Так что она проверяет?

— Иногда частная жизнь могущественных людей не такая, как мы думаем.

— У людей странные иллюзии по поводу власти, — гордо вскинул голову Майлз. — В основном власть состоит из умения организовать парад и исхитриться встать во главе его. Как красноречие она убеждает людей в том, во что они отчаянно хотят верить. Демагогия, полагаю, то же красноречие, только на более низком энергетическом уровне. — Он вяло улыбнулся, изучая взглядом кончи-

ки сапог. — А толкать людей в гору чертовски более трудное занятие. Можно и сердце надорвать.

Причем буквально. Но Майлз не собирался посвящать комаррианку в подробности медицинской карты Мясника.

— Мне дали понять, что власть вас сожрала.

Видеть шрамы под его костюмом она точно не могла.

— О! — пожал плечами Майлз. — Пренатальные повреждения были лишь прологом. Остальное я сделал с собой сам.

— Если бы вы могли вернуться во времени и что-то изменить, вы бы изменили?

— Предотвратил бы солтоксिनую атаку на мою мать? Если бы я мог изменить что-то... скорее всего нет.

— Почему? Потому что не хотели бы рисковать возможностью стать Аудитором в тридцать лет? — Ее псевдоиздевательский тон смягчала застенчивая улыбка. Кой черт ей нарасказывал о нем Фортиц? Однако она прекрасно знала, что такое власть Голоса императора.

— Я чуть было не прибыл к своему тридцатилетию в гробу. И никогда не стремился стать Аудитором. Это назначение — каприз Грегора. Я хотел стать адмиралом. Дело не в этом. — Помолчав, Майлз медленно продолжил: — Я за свою жизнь наделал множество серьезных ошибок, но... я не хотел бы ничего менять. Я боюсь сделать себя меньше.

Рива склонила голову, оглядывая его нескладную фигуру. Но смысл сказанного она поняла прекрасно.

— Самое честное определение удовлетворения, которое мне когда-либо доводилось слышать.

— Или потеря выдержки, — пожал плечами Майлз.
Черт подери, он ведь пришел сюда прощупать ее мозги!

— Так что вы думаете об этом агрегате?

Она поморщилась и медленно потеряла руки.

— Если вы не считаете, что его сделали, чтобы создать головную боль физикам, то я думаю... что пора перекусить.

— Это мы можем обеспечить, — ухмыльнулся Майлз.

Обед, как и предвидела доктор Рива, состоял из армейского пайка, хотя и высочайшего качества. Они расселись вокруг круглого стола в длинной комнате, отодвинув в сторону загромождавшие его детали, и раскрыли пайки. Комаррцы с сомнением смотрели на еду. Объяснения Майлза, насколько она могла быть хуже, вызвали смехок у Ривы. Разговор принял общий характер: о мужьях, женах, детях, пошел обмен анекдотами о бывших коллегах, и так далее и тому подобное. Дэмори рассказал пару неплохих историй из старых дел Имперской безопасности. Майлз собрался было сразить всех наповал хохмами о кузене Айвене, но благородно удержался и рассказал, как сам когда-то умудрился утопить вездеход и себя самого в арктической грязи. Что привело к обсуждению вопроса, как развивается терраформирование Комарры, и постепенно беседа снова вернулась к насущным проблемам. Рива, как заметил Майлз, становилась все тише и тише.

Она хранила молчание и когда они вернулись после обеда к коммам. Выхаживать по коридору она больше не стала. Майлз исподтишка наблюдал за ней, потом стал наблюдать открыто. Доктор Рива еще раз просмотрела несколько моделей, но новых вариантов больше не предлагала. Майлз прекрасно знал, что нельзя торопиться. Такого рода решение проблемы больше походило на рыбалку, чем на охоту: терпеливо ждешь, причем в какой-то момент совершенно беспомощно, пока из глубин мозга не начнет что-то всплывать.

Майлз вспомнил свою последнюю рыбалку.

Он прикинул, сколько Риве может быть лет. Когда Барраяр завоевал Комарру, она была подростком. А на

период ее юности пришлось Комаррское Восстание. Она выжила, вынесла и стала сотрудничать с барраярцами. Годы ее жизни под имперским правлением были хорошими, включая и удачную профессиональную карьеру, и прочный брак. Она сравнивала своих детей с детьми Фортица и рассказала о скорой свадьбе старшей дочери. Рива точно не комаррская террористка.

Если бы вы могли вернуться во времени и что-то изменить...

Единственный момент, когда ты можешь что-то изменить, это сейчас, и это «сейчас» течет сквозь пальцы со скоростью мысли. Интересно, а не думает ли она тоже об этом сейчас. Сейчас.

Сейчас барраярский корабль, на котором летит госпожа Фортиц, уже готов к последнему скачку. Сейчас катер Катрионы приближается к пересадочной станции. Сейчас Судха со своей командой преданных инженеров делает... Что? Где? Сейчас он сам сидит в комнате на Комарре и смотрит на очень умную комаррскую женщину, которая перестала думать.

Майлз встал и тронул майора Дэмори за затянутое в зеленый мундир плечо.

— Майор, можно вас на пару слов?

Дэмори удивленно выключил комм, где проверял по поручению Фортица какие-то детали, и последовал за Майлзом в коридор.

— Майор, у вас есть здесь набор для допроса с суперпентоталом?

Брови майора поползли вверх.

— Могу уточнить, милорд.

— Давайте. Возьмите один и принесите мне.

— Слушаюсь, милорд.

Дэмори ушел. Майлз подошел к окну. Майор вернулся через двадцать минут со знакомым чемоданчиком в руке.

— Спасибо. — Майлз забрал у него чемоданчик. — А теперь возьмите доктора Юэлла прогуляться. Только уведите его незаметно. Я вам скажу, когда можно будет вернуться.

— Милорд... если речь идет о допросе с суперпентоталом, то я уверен, что СБ хотела бы, чтобы я присутствовал.

— Я знаю, что хочет служба безопасности. Можете быть уверены, что я потом расскажу им все, что им нужно знать. — *Ха, для разнообразия пусть побывают в шкуре лейтенанта Форкосигана, не раз присутствовавшего на всех этих совещаниях, где не сообщали жизненно важных вещей... Иногда жизнь просто чудесна.* Майлз кисло улыбнулся. Дэмори благоразумно кивнул:

— Слушаюсь, милорд.

Майлз стоял в сторонке, когда Дэмори увел Юэлла. Зайдя в комнату, он запер за собой дверь. Профессор Фортиц с доктором Ривой озадаченно посмотрели на него.

— А это для чего? — спросила доктор Рива, когда Майлз поставил чемоданчик на стол и раскрыл его.

— Доктор Рива, я прошу и требую несколько более откровенного разговора, чем состоялся у нас с вами. — Он достал инъектор и отмерил дозу из расчета приблизительного веса женщины. Аллергический тест? Вряд ли он нужен, но это стандартная процедура. Если ему не придется гадать, то не придется и ошибаться. Он оторвал один пластырь и подошел к Риве. Сначала она была слишком ошеломлена, чтобы сопротивляться, когда Майлз взял ее руку, перевернул и прилепил пластырь к запястью, но тут же резко выдернула ладонь. Майлз отпустил.

— Майлз, — забеспокоился профессор Фортиц. — Что это такое? Ты не можешь использовать суперпентотал... Доктор Рива — моя гостья!

Еще чуть-чуть, и... В старые скверные времена дело дошло бы до дуэли. Майлз набрал в грудь побольше воздуха.

— Милорд Аудитор, доктор Рива. Во время этого расследования я дважды принял неверное решение. Если бы я не ошибся, то ваш зять был бы жив, мы бы поймали Судху прежде, чем он успел сбежать со всем оборудованием, и не сидели бы сейчас в глубокой тактической яме, решая головоломки. И оба раза ошибка была одна и та же. Во время нашего первого визита в департамент Терраформирования я не настоял, чтобы Тьен отвез нас на опытную станцию, несмотря на то что мне хотелось ее посетить. А на следующую ночь я не настоял на допросе с суперпентоталом госпожи Радоваш, несмотря на то что хотел это сделать. Как специалист по анализу неполадок, профессор, скажите, я не прав?

— Прав... Но ты не мог этого знать, Майлз.

— О, но ведь мог и знать. В этом-то все и дело. Но я не сделал тогда то, что должен был, потому что не хотел, чтобы казалось, будто я злоупотребляю данной мне властью Имперского Аудитора или использую ее как дубинку. Особенно здесь, на Комарре, где все с меня, сына Мясника, глаз не спускают, ожидая, что я стану делать. А кроме того, я большую часть жизни сопротивлялся власти и вдруг оказался сам этой самой властью. Вполне естественно, я несколько растерялся.

Рива прижала ладонь ко рту. Никаких покраснений на внутренней стороне запястья не оказалось. Отлично. Майлз вернулся к столу и взял инъектор.

— Лорд Форкосиган, я не даю на это согласия, — резко заявила Рива, когда он приблизился к ней.

— А я его и не прошу, доктор Рива. — Он прикрывал правую руку левой, как при драке на ножах. Инъектор коснулся кожи женщины, когда та, отвернувшись, начала вставать. — Чтобы не ставить перед жестокой дилеммой.

Рива осела на стуле, уставясь на него во все глаза. Рассержена, но не в отчаянии. Погружена в собственные мысли. Прекрасно. По крайней мере это избавило их от неловкой сцены, если бы ему пришлось гоняться за ней по всей комнате. Даже в ее возрасте она скорее всего легко убежала бы от него, если бы действительно хотела это сделать.

— Майлз, — с опасной ноткой в голосе начал профессор, — это может быть твоей привилегией как Аудитора, но лучше бы тебе объяснить.

— Вряд ли это привилегия. Скорее долг. — Майлз посмотрел в глаза Ривы, когда ее зрачки расширились и она полностью расслабилась. Он не стал прибегать к стандартному началу допроса, как обычно делается в ожидании, пока наркотик начнет действовать, а лишь наблюдал за ее губами. Сжатые в ниточку губы женщины медленно расплылись в обычной суперпентотальной улыбке. Но глаза ее оставались более сосредоточенными, чем у большинства оглушенных наркотиком людей. Майлз готов был биться об заклад, что при желании она запросто превратит допрос в затяжной бег по кругу. Так что ему придется попотеть, чтобы сделать этот бег как можно короче. А самый короткий путь по враждебному графству — три четверти периметра.

— Профессор Фортиц поставил перед вами очень интересную проблему, — заметил Майлз. — Это в некотором роде привилегия — принимать участие в ее решении.

— О да! — охотно согласилась доктор Рива. Затем улыбнулась, нахмурилась, руки ее нервно задержались, потом на лице снова появилась улыбка.

— За такую работу, если будет результат, можно получить премию и членство в академии.

— Даже лучше, — заверила она его. — Новые открытия в физике совершаются раз в жизни, и, как правило, тогда, когда ты либо слишком молод, либо слишком стар.

— Странно, но нечто подобное я слышал от военных. Но разве не Судха снимет все сливки?

— Сомневаюсь, что это идея Судхи. Готова поспорить, все сделал его математик, Каппель, или, возможно, бедолага Радоваш. Открытие должно носить имя Радоваша. Он за него отдал жизнь.

— Мне бы не хотелось, чтобы еще кто-нибудь за него отдал жизнь.

— Конечно, — охотно согласилась она.

— Повторите, пожалуйста, как, вы сказали, это называется, доктор Рива? — Майлз постарался задать вопрос с интонацией озадаченного студента. — Я не понял.

— Технология свертывания п-в-туннелей. Хотя должно найтись название получше. Наверняка ваш доктор Судха называет это как-то короче.

Лорд Аудитор Фортиц, до сего момента наблюдавший за ними со скрытым неодобрением, медленно выпрямился. Зрачки его расширились, губы безмолвно шевелились.

В последний раз Майлз испытывал такое неприятное чувство в желудке, когда десантировался в бой с небольшой высоты. *Технология свертывания п-в-туннелей? Неужели это означает то, о чем я думаю?*

— Технология свертывания п-в-туннелей, — ровным тоном повторил он в лучшем стиле ведения допроса с суперпентоталом. — П-в-туннели свертываются сами, но я сомневаюсь, что люди могут заставить их это сделать. Разве для этого не требуется колоссальная энергия?

— Похоже, они нашли способ. Резонанс, пятимерный резонанс. Рост амплитудных колебаний, понимаете? Это закроет п-в-туннель навсегда. Сомневаюсь, что обратный ход возможен. Это антиэнтропийно.

Майлз глянул на Фортица. Профессору ее слова явно что-то говорят. Отлично.

Доктор Рива медленно взмахнула руками.

— Все выше, выше и бум! — Она хихикнула. Очень перпентотальное хихиканье — той тревожной категории, означавшей, что на каком-то уровне своего оглушенного наркотиком мозга она вовсе не хихикает. А кричит. Как Майлз когда-то... — Только вот дело в том, — добавила она, — что что-то тут не так.

Это не ложь. Майлз вернулся к столу и взял инъектор с антидотом.

— Хотите что-нибудь еще узнать, пока она под действием наркотика? — спросил он профессора. — Или пора возвращать ее в нормальное состояние?

Фортиц, чей взгляд оставался отсутствующим, будто он усиленно размышляет над только что услышанной революционной идеей, посмотрел на глупо улыбавшуюся Риву.

— Думаю, нам понадобятся все имеющиеся в наличии мозги. — Он сморщился, как от боли. — Вполне понятно, почему она не очень хотела поделиться с нами своей теорией. В случае, если догадка верна...

Майлз со вторым инъектором подошел к Риве.

— Это антидот. Он нейтрализует наркотик в вашем организме буквально за минуту.

К его немалому изумлению, женщина остановила его:

— Подождите. Я поймала. Я почти вижу это мысленно... Как видеоизображение... энергия перетекает, течет... поле... погодите.

Закрыв глаза, она откинула голову, тихонько выстукивая ногами ритм по полу. Улыбка появлялась и исчезала, появлялась и исчезала. Наконец, резко открыв глаза, она вперилась в Фортица.

— Ключевое слово — эластичный возврат, — провозгласила она. — Запомните.

Переведя взгляд на Майлза, женщина протянула руку.

— Теперь можете вводить, милорд. — Она снова захихикала.

Майлз прижал иньектор к голубой вене на протянутой руке. Послышалось шипение. Отвесив ей странный полупоклон, он отошел и стал ждать. Расслабленное тело доктора Ривы напряглось, она зарылась лицом в ладони.

Примерно через минуту она, моргая, подняла голову.

— Что я только что сказала? — обратилась она к Фортицу.

— Эластичный возврат, — ответил он, пристально глядя на нее. — Что это значит?

Некоторое время она молчала, изучая взглядом свои ноги.

— Это значит... Что я скомпрометировала себя ни за грош. — Рива горько поджала губы. — Агрегат Судхи не сработает. Или не сработает, чтобы свернуть п-в-туннель.

Она выпрямилась, встряхнулась и потянулась, чтобы размять занемевшее от наркотика тело.

— Я думала, меня от этой штуки затошнит.

— Реакция бывает самая разная, — пояснил Майлз. Хотя никогда не видел такой реакции, как у нее. — Одна женщина, которую мы недавно допрашивали, сказала, что почувствовала себя отдохнувшей.

— Этот наркотик произвел удивительнейший эффект на мое внутреннее видение. — Она глянула на иньектор с оценивающим уважением. — Возможно, я как-нибудь воспользуюсь им для дела... — *Хотелось бы мне при этом присутствовать.* Майлз внезапно представил себе, как воспользуется наркотиком, чтобы подстегнуть свою интуицию — это же мгновенное озарение! — но тут же вспомнил, что на него — увы! — суперпентотал оказывает совсем другое действие... Рива посмотрела на Майлза. — Если когда-нибудь вылезу из барраярской тюрьмы. Я арестована?

Майлз пожевал губу.

— За что?

— Разве это не нарушение клятвы верности и неразглашения?

— Вы не нарушили клятвы о неразглашении. Пока. Что же до другого... Нечто может стать просто потрясающе невидимым, если два Имперских Аудитора заявят, что ничего не видели.

Фортиц внезапно улыбнулся:

— Кажется, вы давали клятву говорить правду, лорд Аудитор?

— Только Грегору. А что мы говорим остальному миру — это тема с вариациями. Просто мы этого не рекламируем.

— Это, увы, чистая правда, — вздохнул Фортиц.

— Как вы объясните Имперской безопасности нехватку одной дозы?

— Во-первых, я Имперский Аудитор и не обязан никому ничего объяснять. А меньше всего — Имперской службе безопасности. Во-вторых, мы использовали ее экспериментально, чтобы подстегнуть деятельность мозга. Что, на мой взгляд, чистая правда, так что я с полным правом собираю свой урожай.

Рива расцвела в искренней, несколько смущенной и удивленной улыбке.

— Понимаю. Кажется.

— Короче, ничего этого не было. Вы не арестованы, и у нас впереди куча дел. Хотя не считите за труд, удовлетворите мое любопытство, прежде чем я позову обратно наших младших коллег, — изложите вкратце вашу логическую цепочку. Только не в математических терминах, пожалуйста.

— А это пока что исключительно в нематематических терминах. Хотя если я не смогу подвести под это реальные цифры, то... что ж, тогда придется отбросить данную версию как забавную галлюцинацию.

— Когда вы на нас это вывалили, то казались довольно уверенной.

— Я была ошарашена. Не столько убедительна, сколько обалдевшая.

— Но обнадеженная?

— Ну... не знаю толком... — Она покачала головой. — Я вполне могу ошибаться, и не в первый раз. Но вы знакомы, я полагаю, с примерами обратной связи в резонансных явлениях. Усиление звука, например?

— Да, пронзительный визг.

— Или чистая нота, от которой разлетается стекло. А что касается предметов, то вам известно, почему солдаты не ходят в ногу по мосту? Чтобы от резонанса не рухнул мост.

— Даже как-то лично наблюдал такое, — ухмыльнулся Майлз. — В этом принимали участие взвод императорских скаутов на параде, деревянный мост и мой кузен Айвен. Двадцать несносных мальчишек-подростков ухнули в ручей. — И добавил специально для профессора: — Мне они не позволили идти с ними, потому что, как они заявили, мой рост нарушает их стройные ряды. Так что я любовался парадом, сидя на скамейке. Это было великолепно! Помоему, мне было тогда лет тринадцать, но эти воспоминания я буду лелеять и холить до самой смерти.

— Ты предвидел такой результат или это застало тебя врасплох? — любопытствовал профессор.

— Я понял, что произойдет, хотя, должен признаться, незадолго до происшествия.

— Хм.

Рива подняла бровь, облизнула губы и начала объяснение:

— П-в-туннели резонируют в пятимерном пространстве. Очень слабо и на очень низкой частоте. Мне думается, агрегат Судхи предназначен для того, чтобы выдавать

пятимерный сигнал на частоте, равной собственной частоте п-в-туннеля. Мощность сигнала не высокая, порядка величины собственной энергии структуры п-в-туннеля, но если ее правильно отрегулировать, то, возможно... нет, обязательно начнется медленное нарастание амплитуды собственных колебаний п-в-туннеля, пока она не превысит порогового значения и не схлопнет туннель. Точнее, это группа Судхи считает, что схлопнет. Я думаю, все значительно сложнее.

— Упругий возврат? — с надеждой подсказал Фортиц.

— В некотором смысле. По-моему, когда резонансная амплитуда превысит пороговую величину, туннель мгновенно восстановится и выбросит избыточную энергию в трехмерное пространство в виде направленной гравитационной волны.

— Бог ты мой! — воскликнул Майлз. — Вы хотите сказать, что Судха придумал, как превратить п-в-туннель в гигантский гравидеструктор?

— М-м-м... — протянула Рива. — Э-э-э... возможно. Но вот чего я не знаю, это что он все же хотел получить. Первый вариант имеет больше смысла с политической точки зрения для меня... как комаррианки. Я чуть было не соблазнилась. И возможно, их тоже он соблазнил? А вот если Судха действительно намеревался превратить п-в-туннель в гравидеструктор, то не вижу, каким способом он может его нацелить. По-моему, гравитационное копье вернется строго в точку запуска. Не знаю, хотел ли Радоваш покончить самоубийством, но очень опасаясь, что он сам себя подстрелил.

— Елки-палки, — прошептал Фортиц. — А рудовоз...

— Если их испытательный полигон действительно находился на отражателе, то уничтожение рудовоза — чистой воды несчастный случай. Просто корабль оказался не в том месте не в то время. Он влетел в гравитацион-

ную волну и разлетелся на части, затем был отброшен обратно и врезался в отражатель, полностью запутав расхождение. Если же агрегат был на борту рудовоза... Ну, результат был бы тот же.

— Включая и путаницу, — угрюмо буркнул Фортиц.

— Но... Все равно что-то тут неправильно. Вы рассчитали все векторы при аварии с отражателем?

— И не раз.

— И уверены в цифрах, которые мне показывали?

— Да.

— И ввели ограничения на количество энергии, выброшенной этим агрегатом?

— Дело в том, что существуют определенные ограничения, строгие и четкие, — кивнул Фортиц. — Вот чего мы не знаем, это как долго способен работать такой агрегат.

— Что ж, — глубоко вздохнула физик-пятимерщик, — если он начал работать за несколько недель до аварии, когда исчезли Радоваш и Трогир, то, по моим прикидкам, обратная гравитационная волна из п-в-туннеля должна быть намного более мощной, чем первичная.

— Откуда берется дополнительная энергия?

— Предположительно из внутренней структуры п-в-туннеля. Каким-то образом. Если, конечно, вы не хотите убедить меня, что Судха действительно изобрел вечный двигатель, что противоречит моим убеждениям.

Фортиц казался очень довольным.

— Это же чудесно, Майлз! Позови Юэлла. И Дэмори. Мы должны проверить цифры.

Когда Дэмори с Юэллом вернулись, технари дружно принялись обсуждать новые данные об агрегате Судхи и настолько увлеклись, что вопрос о суперпентотале даже не возник. Дэмори наверняка потом об этом вспомнит, но Майлз решил ничего ему не говорить. Рива же явно не собиралась тратить силы на обсуждение этого эпизо-

да, когда перед ней встала столь захватывающая физическая задача. Но если она захочет насолить ему позже, то Майлз отбрешется. Если потребуется. А пока он тихо сидел, слушал и наблюдал, понимая в лучшем случае одну фразу из трех.

Так что же Судха считает, что у него в руках — свертыватель п-в-туннелей или гигантский гравидеструктор? Большую часть данных о расследовании аварии с отражателем он украл, значит, у него практически вся та же информация и математические выкладки, что и у Фортица. И столько же времени на их изучение. Не считая времени, затраченного на экстренную эвакуацию дюжины людей и нескольких тонн оборудования, напомнил себе Майлз. Пожалуй, Судха был слишком занят. Хотя ему-то, безусловно, не пришлось заниматься реконструкцией агрегата из разрозненных кусков.

Но обратный выплеск гравитационной волны из п-в-туннеля наверняка застал врасплох Радоваша и — хоть и ненадолго — Судху. Эта авария застопорила их исследования, обрушила им на голову Имперских Аудиторов и вынудила бежать. Полная бессмыслица считать разрушение отражателя сознательным саботажем и самоубийственной миссией. Если кому-то понадобится взорвать барраряйцев, найдутся гораздо более привлекательные мишени. Военная станция, например, охраняющая выход из локального пространства Комарры. А как гравидеструктор эта штука довольно бесполезна, если не придумать, как ее нацеливать на кого-то, помимо самих себя. Хотя если поместить его на военную станцию, запустить и удрать прежде, чем рванет...

Вычислил ли уже Судха, что произошло? Данные у него есть, да, но его специалист-пятимерщик мертв. Ароцци — всего лишь младший инженер, а математик Каппель, судя по его досье, особыми талантами не блещет.

Фортиц сумел ангажировать лучшего специалиста в этой области на планете, не говоря уже о чудо-мальчике Юэлле, который, как заметил Майлз, как раз в данный момент спорил с Фортицем и выигрывал спор. Имея в своем распоряжении данные и время, Радоваш мог бы прийти к тем же выводам, что и Рива, но Судха такой возможности сейчас не имеет. Разве что нашел замену Радовашу... Майлз мысленно пометил себе поручить СБ проверить, не исчез ли за последние недели какой-нибудь еще специалист-пятимерщик.

Пожалуй, бегство Судхи имеет три варианта. Либо они все бросили и сбежали, либо легли на дно, чтобы заново собраться с силами и попробовать в другой раз. Или сдвинули расписание и предпочли рискнуть всем ради атаки на что-то там. Интересно, принимали ли они решение голосованием, как это принято на Комарре? Все они комаррцы, в конце концов, и похоже, все добровольцы. Заговорщики-дилетанты, хотя в этой области дипломов не дают. Первый вариант сомнителен, исходя из имеющихся данных. Второй кажется более вероятным, но дает СБ выигрыш во времени. Значит, комаррцы тоже могли это сообразить.

Если уж собираешься беспокоиться, беспокойся из-за третьего варианта. В третьем варианте много есть о чем беспокоиться. Люди напуганные и отчаявшиеся совершают иногда воистину странные поступки, вспомнить хотя бы некоторые эпизоды его собственной биографии.

— Профессор Фортиц, доктор Рива. — Майлзу пришлось дважды окликнуть ученых, чтобы они наконец обратили на него внимание. — Значит, вы нацеливаете этот агрегат на п-в-туннель, включаете его и начинаете качать энергию. В какой-то момент она доходит до нужной точки и возвращается к вам обратно. Что случится, если его выключить раньше?

— Боюсь, что именно это и произошло, — ответила Рива. — Обратная волна могла быть вызвана как избытком энергии, так и преждевременным отключением источника.

— Значит, эта штука, раз запущенная, сама по себе угрозы не представляет? И если ее выключить, то она просто выключится?

— Не уверена. Хорошо бы это проверить.

Но с почтительного расстояния.

— Что ж, если вычислите это, дайте знать. Продолжайте.

Некоторое время мудрые ученые молчали, либо переваривая вопрос, либо выжидая, не прервет ли он их снова каким-нибудь замечанием, потом вернулись к обсуждению на смеси английского, математического и инженерного. Майлз поерзал на стуле, чувствуя себя далеко не успокоенным.

Если Судха планировал использовать агрегат как гравидеструктор и с его помощью разнести военную станцию и тем самым внезапно открыть военные действия... то единственный путный вариант — взорвать все шесть станций одновременно, скоординировав по времени со всекомаррским восстанием, не уступающим по размаху пресловутому Комаррскому Восстанию двадцатипятилетней давности. Пока что достижения Имперской безопасности в этом деле не радовали, но группа Судхи — совсем крошечная, неприметная. А признаки глобального восстания СБ никак не могла упустить, потому что, невзирая ни на какую конспирацию, слухи бы все равно просочились. Кроме того, все главные заговорщики в том возрасте, что уже пережили одно восстание. Каждый, кто пережил Комаррское Восстание, имеет все основания не доверять своим согражданам ничуть не меньше, чем барраярам. Последнее, чего захочет Судха в своем загово-

ре, — это увеличения количества участников. К тому же... шести агрегатов у них нет. Было пять, четвертый уничтожен, а три остальных вроде бы маленькие прототипы. Это как с пистолетом, в котором осталась одна пуля. Приходится очень тщательно выбирать мишень.

Предположим, Судха до сих пор воображает, будто обладает оружием, способным схлопывать п-в-туннели, хоть и с некоторыми недочетами в разработке. В пространстве Комарры шесть задействованных п-в-туннелей, но совершенно очевидно, какой из них выберет Судха.

Единственный путь к Барраяру. *Отрезать нас одним махом, ага.* С точки зрения комаррца такой заговор стоит пяти лет терпения, тягот и риска. Перекрыть Барраяру единственный выход в остальную Галактику. *Бескровная революция, Бог ты мой, наверняка очень привлекательный вариант для этих технарей.* Таким образом, они возвращают Комарру к старым добрым временам столетней давности, а Барраяр — к старым скверным временам Периода Изоляции. Независимо от того, хочет ли этого кто-то еще на Комарре или Барраяре. *Неужели они полагают, что действительно останутся в живых, едва только правда обнаружится?*

Скорее всего нет. Но если доктор Рива не ошибается, процесс схлопывания туннеля необратим. Дело будет сделано, и никакие слезы и мольбы его не откроют. Необратимо, как убийство. Судха со товарищи, возможно, воображают себя новым поколением мучеников и готовы удовлетвориться посмертной часовней. Вообще-то они кажутся для этого слишком практичными, но кто знает? Иногда ты бываешь настолько загипнотизирован стоящим перед тобой выбором, что решение принимается не на уровне рассудка.

Да. Майлз понял, куда направились комаррцы, если они уже не там. Гражданская или военная? Нет, гражданская пересадочная станция, обслуживающая п-в-туннель к Барраяру.

Ты только что отправил туда Катриону. Она уже там.

Как и жена профессора и еще несколько тысяч ни в чем не повинных людей, напомнил себе Майлз. Он поборол панику, чтобы додумать мысль до конца. У Судхи на станции наверняка какая-то нора, подготовленная заранее, за многие месяцы, а может, и годы. Он планировал установить там агрегат, нацелить его на п-в-туннель и взять энергию... откуда? Если со станции, то кто-то может это заметить. Если они собрали установку на корабле (а это должен быть корабль такого класса, которому разрешено там находиться), то могут воспользоваться энергией корабля. Но служба контроля за движением и баррарские военные вряд ли позволят какому-то кораблю болтаться возле туннеля без конкретного маршрута полета, который лучше не нарушать.

Так корабль или станция? Не хватает данных. Но если Судха не модифицировал по-крупному свой агрегат, то заговор, имеющий своей целью бескровную революцию, закончится кровавой катастрофой на пересадочной станции. Майлзу доводилось видеть всякие катастрофы в космосе. И он не испытывал ни малейшего желания увидеть еще одну.

Исходя из имеющихся данных, можно придумать еще с десяток других сценариев, но лишь этот не оставлял времени на ошибку. *Давай.* Он подошел к закрытому коммуну и вызвал штаб-квартиру Имперской безопасности в Солстисе.

— Говорит лорд Аудитор Форкосиган. Немедленно свяжите меня с генералом Ратьенцем. Это срочно.

Фортиц оторвался от своих математических расчетов.

— Что такое?

— Я только что догадался, что если они что-то и предпримут, то это будет на пересадочной станции возле туннеля на Баррар.

— Но, Майлз, Судха наверняка не настолько глуп, чтобы совершить еще одну попытку после такой катастрофы!

— Я Судхе не доверяю ни в чем. Вы что-нибудь получили от Катрионы и вашей жены?

— Да. Катриона звонила, когда ты выходил... э-э-э... за лекарством. Она благополучно добралась до гостиницы и пошла встречать мою жену.

— Она оставила номер?

— Да, он на комме...

На головиде появилось лицо генерала Ратьенца.

— Слушаю, милорд Аудитор.

— Генерал, у меня появились новые данные, на основании которых можно сделать вывод, что наши беглые комаррцы уже находятся или вот-вот прибудут на баррарскую пересадочную станцию. Я хочу, чтобы тотальный поиск начался немедленно как на самой станции, так и на всех подлетающих к ней судах. Прочешите все. И мне срочно нужен имперский курьерский корабль. Подробности сообщу по дороге. Пока вы все это запустите, я хочу также передать по закрытому лучу послание, — он быстро нашел запись, — вот по этому номеру.

Брови Ратьенца поползли вверх, но он сказал лишь:

— Слушаюсь, милорд. Мне будет очень интересно услышать подробности.

— Уж наверняка. Спасибо.

Лицо Ратьенца исчезло, а через несколько секунд сигнал показал, что можно начинать передачу по лучу.

— Катриона, — быстро и настойчиво заговорил Майлз, будто мог таким образом ускорить пересылку послания. — Хватайте тетю и прыгайте на первый попавшийся транспорт, куда бы он ни направлялся — на орбиту, на другую станцию или еще куда, — не важно. Мы подберем вас обеих и доставим домой в целости и сохранности. Просто убийтесь со станции немедленно.

Он колебался, не зная, на что решиться. Нет, говорить «я вас люблю» еще слишком рано. К тому времени, когда послание дойдет, она уже может вернуться в номер вместе с женой Фортица, и та тоже будет слушать.

— Будьте осторожны. Форкосиган.

Майлз встал и собрался идти.

— Как по-твоему, мне с тобой ехать? — с сомнением в голосе спросил Фортиц.

— Нет. Думаю, вам всем надо остаться здесь и попытаться выяснить, что произойдет, если кто-то выключит эту адскую машину к чертовой матери. А когда додумаетесь, не считите за труд отправить мне инструкции.

Фортиц кивнул. Майлз махнул рукой, развернулся и ушел.

ГЛАВА 19

Катриона мрачно наблюдала, как акустический туалет поглотил ее туфли, даже не поперхнувшись.

— Все равно стоило попробовать, дорогая, — заметила тетя Фортиц.

— На этой космической станции слишком много дуракоустойчивых приспособлений, — буркнула Катриона. — У Никки это получилось, когда мы летели сюда на скачковом корабле. Ну и рев стоял! Корабельный стюард очень на нас обиделся.

— Думаю, мои внуки тоже устроили бы сейчас грандиозное шоу, — согласилась тетя. — Жаль, что с нами нет парочки девятилеток.

— Да, — вздохнула Кэт. *И нет.* То, что Никки сейчас находится в безопасности на Комарре, несказанно ее

радовало. Но ведь должен же быть способ сломать этот чертов акустический толчок настолько основательно, чтобы сюда примчались станционные службы выяснять, в чем дело. На то, чтобы превратить акустический толчок в оружие, Катрионе явно не хватало подготовки. Форкосиган-то уж наверняка справился бы, кисло размышляла она. Типично для мужчин — болтаться у нее под ногами дни напролет и оказаться за несколько парсеков, когда в них действительно есть нужда.

Катриона в десятый раз ощупала стены и обшарила свою и тетину одежду. Практически единственным воспламеняющимся предметом в этом помещении были их волосы. Вообще-то поджигать помещение, где находишься сам, — не очень здравая мысль, хотя как последняя возможность сгодится и это. Стукнув руками по панели, она включила акустическую чистку, вычистившую одежду. Ультрафиолетовые лучи убили микробов, а вытяжка, предположительно, убрала прочь их микроскопические тельца. Катриона снова подняла руки. Инженеры могут сколько угодно уверять, что акустический душ более эффективен, но Катриона после него не чувствовала себя более посвежевшей, чем после обычного водяного. И как, интересно, засунуть попку младенца в эту штуку? Она мрачно глянула на очиститель.

— Будь у нас какие-нибудь инструменты, мы наверняка смогли бы что-то сотворить вот с этим.

— У меня был с собой кинжал фор-леди, — печально сообщила тетя. — Мой самый лучший, украшенный эмалью.

— Был?

— В ножнах, в сапоге. В том сапоге, что я швырнула.

— Ой!

— А ты свой не носишь?

— Не на Комарре. Я пыталась быть, ну, современной, что ли. — Катриона скривила губы. — Я до сих пор

все время размышляю о том культурном послании, что несет кинжал фор-леди. Я хочу сказать, что, конечно, с ним ты чувствуешь себя более вооруженной, чем крестьянка, но это не идет ни в какое сравнение с двумя мечами фор-лорда. Может, фор-лорды боялись, что жены их прирежут?

— Если вспомнить мою бабушку, то очень даже может быть, — хмыкнула тетя Фортиц.

— М-м-м. Или мою двоюродную бабушку Форвейн. Катриона вздохнула и озабоченно посмотрела на тетю. Госпожа профессор опиралась одной рукой на стенку и выглядела очень бледной и усталой.

— Если ты покончила с попыткой саботажа, дорогая, то я предпочла бы снова сесть.

— Да, конечно. В любом случае это была дурацкая затея.

Тетя благодарно опустила на единственное сиденье в крошечном туалете, а Катриона в свою очередь подперла стенку.

— Мне так жаль, что я втянула вас во все это. Если бы вас со мной не было... Одна из нас должна выбраться отсюда.

— Если тебе представится хоть малейший шанс, Катриона, даже не раздумывай. Не жди меня.

— Тогда у Судхи все равно останется заложник.

— Думаю, сейчас это не самое главное. Если, конечно, комаррцы сказали правду о том, что может сотворить это уродливое сооружение в доке.

Катриона поскребла пальцем ноги мягкую серую облицовку стены.

— Как по-вашему, наши пожертвуют нами, если придется все здесь уничтожить? — спокойно поинтересовалась она.

— Из-за этой штуки? Да, — решительно кивнула тетя. — В любом случае... они, безусловно, должны.

Профессор, лорд Форкосиган и СБ знают, что это за штукавина?

— Нет. Во всяком случае, вчера не знали. Им известно, что Судха что-то сконструировал. По-моему, им даже удалось это реконструировать.

— Значит, узнают наверняка, — твердо заявила тетя Фортиц. И добавила менее твердо: — Со временем...

— Надеюсь, они не подумают, что мы должны пожертвовать собой, как в Трагедии Девы Озера.

— Вообще-то ее принес в жертву ее брат, как положено по традиции, — сообщила профессор истории. — И меня всегда интересовало, действительно ли она пошла на это добровольно, как он позже заявлял.

Катриона принялась размышлять об этой старой барраярской легенде. Согласно ей, город Форкосиган-Сюрло, что на Длинном Озере, был осажден силами Хазельбрайта. Верные отсутствующему графу вассалы, офицер-фор с сестрой, держались до последнего. И в ожидании последней решительной атаки Дева Озера подставила свое нежное горло под меч брата, предпочтя принять смерть пленению. А на следующее утро осада была внезапно снята с помощью ее жениха — дальнего предка лорда Аудитора Форкосигана, приславшего осаждающим ложную информацию о подходе подкрепления к осажденным. Враги отступили. Но для Девы Озера, естественно, было уже поздно. Больше всего сочувствия в барраярских исторических трудах в виде поэм, песен и пьес было к обоим опечаленным мужчинам. Одну из самых коротких поэм Катриона помнила еще со школьной скамьи.

— А меня всегда интересовало, если бы на следующий день атака действительно состоялась и, как и положено, последовали бы грабежи и насилие, сказали бы они: «О, тогда все сделано правильно»?

— Скорее всего, — криво улыбнулась тетя Фортиц.

После недолгой паузы Катриона сообщила:

— Я хочу домой. Но не хочу на древний Барраяр.

— Я тоже, дорогая. Чудесно и романтично читать обо всем этом. Так славно уметь читать, знаешь ли.

— Я знаю девочек, просто помешанных на этом. Они любят одеваться в старые наряды и изображать древних фореда, которых спасают от опасности романтические юные фореда. Но почему-то они никогда не играют в смерть при родах, или в выворачивание желудка при красной дизентерии, или в вышивание, пока не ослепнешь и не станешь калек от артрита, в смерть от яда или в убийство детей. Нет, иногда они изображают романтическую смерть от какой-нибудь болезни, но почему-то это всегда такая болезнь, что придает вам интересную бледность, и все очень сожалеют о вашей смерти, но эта болезнь не предусматривает утраты контроля над своим кишечником.

— Я преподаю историю тридцать лет. И как мы ни пытаемся, мы не можем охватить всех. В следующий раз пришли их на мои занятия.

— С удовольствием, — хищно усмехнулась Катриона.

Повисло молчание. Катриона уставилась в противоположную стенку, а тетя откинулась назад, прикрыв глаза. Катриона наблюдала за ней с растущей тревогой. Посмотрев на дверь, она сказала:

— Как вы думаете, вы сможете прикинуться более больной, чем на самом деле?

— О, это будет совсем нетрудно, — ответила тетя Фортиц, не открывая глаз.

Из чего Катриона вывела, что тетя притворяется более здоровой, чем есть на самом деле. Похоже, на этот раз морская болезнь достала ее сильнее обычного. Этот серый оттенок кожи действительно следствие укачки? Парализатор при больном сердце может оказаться смертельным. Может, в этом и кроется причина, по которой тетя

не попыталась кричать и звать на помощь, когда Ароцци угрожал ей?

— Ну... а как ваше сердце в последнее время? — робко поинтересовалась она.

Тетя Фортиц мгновенно открыла глаза. И через некоторое время ответила:

— Так себе, дорогая. Я стою в очереди на новое.

— Я считала, что органы для трансплантации теперь легко выращивают.

— Да, но команды хирургов, делающих эти операции, растут не так быстро. А мой случай не срочный. После проблем, возникших у одной моей приятельницы, я решила, что, пожалуй, подожду самой лучшей команды врачей.

— Понятно. — Катриона помолчала. — Я вот о чем думаю. Сидя тут взаперти, мы ничего не можем предпринять. Если мне удастся привлечь кого-нибудь к дверям, полагаю, вам стоит прикинуться, что вы опасно больны, чтобы они выпустили нас отсюда. Вам нужно только безвольно лежать и стонать.

— С удовольствием, — кивнула тетя Фортиц.

— Тогда ладно.

Катриона принялась со всей силы колотить в дверь и звать комаррцев по именам. Минут через десять замок щелкнул, дверь отодвинулась, и показалась госпожа Радоваш. За ее спиной стоял Ароцци с парализатором на изготовку.

— В чем дело? — спросила госпожа Радоваш.

— Моя тетя больна, — заявила Катриона. — Ее все время знобит, а кожа стала влажной. Я боюсь, что у нее шок от скачковой морской болезни, а у нее больное сердце, а тут еще стресс... Ей нужно прилечь где-нибудь в теплом месте или хотя бы горячее питье. А может, и врач.

— Врача мы вам сейчас предоставить не можем. — Госпожа Радоваш озабоченно поглядела на обмякшую

тетю Фортиц. — А все остальное, думаю, вполне можно организовать.

— К тому же кое-кто из нас не возражал бы снова получить доступ к туалету, — пробормотал Ароцци. — Нет ничего хорошего в том, что нам приходится тащиться по коридору к ближайшей общественной уборной.

— Их больше негде было запереть, — огрызнулась госпожа Радоваш.

— Значит, посадите их куда-нибудь посередине и не спускайте с них глаз. А сюда их можно будет снова засунуть потом. Одна больна, другой надо за ней ухаживать. Что они могут сделать? Нехорошо, если старая леди у нас тут умрет.

— Я посмотрю, что можно придумать, — сказала госпожа Радоваш Катрионе и снова закрыла дверь.

Довольно быстро она вернулась и отвела обеих бар-рарок к раскладушке и складному стулу, установленным в углу дока, как можно дальше от сигнала тревоги. Катриона с госпожой Радоваш помогли тете Фортиц лечь и накрыли пледом. Оставив Ароцци приглядывать за ними, госпожа Радоваш куда-то сходила и принесла чашку горячего чая. Ароцци передал ей парализатор и вернулся к работе. Госпожа Радоваш принесла себе еще один складной стул и предусмотрительно уселась в нескольких метрах от пленниц. Катриона поддерживала тетю за плечи, пока та не выпила чай и, благодарно моргая, со стоном не улеглась обратно. Катриона разыграла спектакль, потрогав тете лоб, и с озабоченным видом принялась растирать ей руки. Она гладила взлохмаченные седые волосы и исподтишка изучала док, который в первый раз толком не успела разглядеть.

Агрегат по-прежнему стоял на своем постаменте, но теперь к нему тянулось еще больше кабелей. Судха наблюдал, как один из кабелей крепят к конверторам у ос-

нования рога. Незнакомый Катрионе мужчина был чем-то занят в диспетчерской. Повинуясь его жесту, Каппель аккуратно рисовал мелом линии на полу возле агрегата. Закончив, он посоветовался с Судхой, и Судха лично взял дистанционное управление платформы и осторожно начал ее поднимать, двигая вперед, пока она не коснулась внешней стены, а там аккуратно опустил строго на нарисованные мелом линии. Рог теперь был нацелен на дверь большого грузового шлюза. Они готовятся загрузить его на корабль и увезти, чтобы нацелить на п-в-туннель? Или его можно включить прямо здесь?

Катриона вынула из кармана голокарту. Госпожа Радоваш тревожно встрепелась, подняла парализатор, но, увидев, что у Катрионы в руках, беспокойно уселась обратно, однако не попыталась отнять. Катриона определила местонахождение дока Южной транспортной. Компании принадлежало целых три разгрузочных причала, и Катриона не знала, на котором из них они сейчас находятся. Трехмерная проекция не показывала, куда ориентированы доки, но она готова была поклясться, что доки расположены со стороны п-в-туннеля, из чего следовал вывод, что этот шлюз выходит прямо на него. Похоже, времени не остается совсем.

Помимо того спуска, по которому она сюда попала, и дверей в туалет, из дока имелось еще три выхода. Один — это совершенно очевидно — выход для персонала наружу, рядом со шлюзом. Второй вел в секцию, где мог располагаться офис, если они сейчас действительно на среднем причале.

Катриона мысленно проследила путь до ближайшего коридора. Несколько комаррцев прошли через эту дверь. Возможно, они все тут обитают. В любом случае через эту дверь ходят чаще, чем через ту, в которую ее сюда притащили. Но она ближе. А диспетчерская — тупик.

Она перевела взгляд на комаррскую вдовушку. Странно осознавать, что их совершенно разные браки привели в конечном итоге к одному и тому же результату. Госпожа Радоваш выглядела усталой и какой-то помятой.

Похоже, это чистый кошмар для всех.

— Вы считаете, что вам после всего этого удастся сбежать? — с любопытством спросила Катриона. — А нас с собой возьмете?

Наверняка комарцам придется это сделать.

Госпожа Радоваш поджала губы.

— А мы на это и не рассчитывали. Пока вас не принесло. Мне почти что жаль. Раньше было проще. Захлопнуть п-в-туннель и умереть. А теперь все изменилось, снова треволнения и заботы.

— Заботы? Хуже, чем ожидание смерти?

— Я оставила троих детей на Комарре. Если бы я умерла, то у Имперской безопасности не было бы повода... их дергать.

Похоже, везде сплошные заложники.

— Кроме того, — добавила госпожа Радоваш, — я за это голосовала. Я не могла сделать меньше, чем совершил мой муж.

— Вы голосовали? По этому вопросу? А как можно поделить акции в восстании? Вам же нужно было привлечь всех: если бы кто-то, кто знает обо всем, остался и его бы допросили с суперпентоталом, все всплыло бы наружу!

— Судху, Фоскол, Каппеля и моего мужа сочли основными акционерами. И решили, что я наследую акции моего мужа. Выбор был довольно прост: сдаться, убежать или сражаться до последнего. За то, чтобы сражаться, проголосовали трое против одного.

— О? И кто же голосовал против?

Она немного поколебалась.

— Судха.

— Как странно, — изумленно протянула Катриона. — Он ведь ваш главный инженер. Вас это не беспокоило?

— У Судхи, — чопорно ответила госпожа Радоваш, — нет детей. Он хотел подождать и попробовать еще раз позже, будто это «позже» когда-то наступит. Если мы не нанесем удар сейчас, Имперская безопасность очень быстро возьмет наших родных в заложники. Но если мы закроем п-в-туннель и умрем, то СБ некому будет угрожать. Мои дети окажутся в безопасности, пусть даже я их больше никогда не увижу. — Ее взгляд был ясным и искренним.

— А как насчет всех барраярцев на Комарре и Зергияре, которые тоже больше никогда не увидят своих родных? Отрезанных, не знающих даже, какая их ждет судьба... — *Мои, в частности.* — Получится, что они как бы умерли друг для друга. Снова будет Период Изоляции.

Катриона содрогнулась от ужаса, представив себе все последствия.

— Ну так радуйтесь, что вы по другую сторону туннеля! — рывкнула госпожа Радоваш. Столкнувшись с ледяным взглядом Катрионы, она сбавила обороты. — Это будет совсем не как в Период Изоляции. У вас прекрасно развита индустриальная база, да и население заметно выросло, к тому же получило значительное вливание новых генов. Существует масса миров, которые практически не поддерживают отношений с другими планетами и при этом чувствуют себя прекрасно.

Тетя Фортиц приоткрыла глаза:

— Думаю, вы недооцениваете силу психологического удара.

— То, что вы, барраярцы, сделаете друг с другом потом, меня нисколько не волнует, — отрезала госпожа Радоваш. — Все равно вы больше никогда не сможете ничего сделать с нами.

— И как... вы собираетесь умереть? — спросила Катриона. — Дружно принять яд? Открыть шлюзы?

И убьете ли сначала нас?

— Думаю, что вы, баррарцы, сами об этом позаботитесь, когда узнаете, что произошло, — ответила госпожа Радоваш. — Фоскол с Каппелем считают, что мы можем потом сбежать или нам позволят сдаться. Лично я считаю, что это снова будет Солстисская Бойня. У нас даже есть для этого персональный Форкосиган. Я не боюсь. — Она помолчала, как бы взвешивая свои смелые слова. — Ну, в любом случае я слишком устала, чтобы меня это волновало.

Вот это Катриона как раз вполне могла понять. Но, не желая соглашаться хоть в чем-то с комаррианкой, она промолчала, незаметно поглядывая в другой конец причала.

Полностью отстраненно она оценила собственный страх. Да, сердце колотится, желудок завязался в узел, и дышит она тяжело. И все же эти люди не пугали ее, во всяком случае, пугали значительно меньше, чем она думала.

Когда-то, когда очередная вспышка ревности Тьена растворилась в том фантастическом мире, откуда пришла, муж чистосердечно заверил ее, что выбросил нейробластер (которым владел незаконно, поскольку не имел на то разрешения от своего сюзерена, графа) в реку и избавился от него. А она и знать не знала, что он у него вообще был. Комаррцы в отчаянии и этим опасны. Но она годами спала рядом с тем, кто пугал ее куда сильнее, чем Судха и компания, вместе взятые.

В баррарском фольклоре есть сказка об одном мутанте, которого невозможно было убить, потому что он хранил сердце в ларце на таинственном острове вдали от своего замка. Естественно, некий юный фор выпытал секрет у похищенной невесты мутанта, выкрал сердце, и

бедный мутант, как и положено, нашел свой конец. Может, ее страх умер, потому что Никки — ее сердце — находится в безопасности, далеко отсюда? Или потому, что, возможно, впервые за всю свою жизнь она целиком и полностью принадлежала себе.

В нескольких метрах от нее Судха снова подошел к агрегату, навел дистанционное управление на платформу и поправил ее положение. Тут его окликнул Каппель с другого конца причала, и Судха, положив панель управления на край платформы, пошел вдоль одного из кабелей, пристально его рассматривая, пока не дошел туда, где стоял математик. Они дружно склонились над чем-то там — возможно, отсоединившимся концом. Каппель проорал какой-то вопрос мужчине в диспетчерской, тот покачал головой и спустился, чтобы присоединиться к ним.

Если я начну раздумывать, то упущу шанс. Если начну раздумывать, то даже мое сердце мутанта мне изменит.

Имеет ли она право брать такой риск на себя? Вот этого она действительно боялась, причем так, что ее мысленно затрясло. Эта задача не по ней. Это задача для Имперской безопасности, полиции, армии, героя-фора. Для кого угодно, но не для нее. Но кого угодно здесь нет. Да, но если она попытается и у нее все сорвется, то сорвется для всего Барраяра, навсегда. И кто тогда позаботится о Никки, если он потеряет обоих родителей? Самое безопасное — это подождать, пока придут взрослые дяди и спасут ее.

Такие, как Тьен, да?

— Вы хоть немного согрелись, тетя? — спросила Катриона. — Вас больше не знобит?

Встав, она наклонилась к тетке — спиной к госпоже Радоваш, сделав вид, что поправляет плед, хотя на самом деле опускала его. Госпожа Радоваш была ниже и тоньше Катрионы, к тому же на двадцать лет старше. «Сейчас», — одними губами сказала Кэт тете.

Она повернулась, тихо, но не резко пошла к госпоже Радоваш и накинула плед ей на голову. Стул опрокинулся. Еще два шага, и Кэт обхватила невысокую женщину, намертво пригвоздив ее руки к телу. Парализатор выстрелил в пол у их ног, и волна чуть задела ноги Катрионы. Она оторвала госпожу Радоваш от земли и потрясла. Парализатор выпал, и Катриона пинком метнула его тете, которая пыталась встать с раскладушки. Катриона со всей силы отшвырнула обернутую в плед госпожу Радоваш в сторону, повернулась и понеслась к платформе.

Схватив панель дистанционного управления, она рванула к застекленной диспетчерской со всей скоростью, на которую были способны ее длинные ноги. Босые ступни не скользили по гладкому полу. Мужчины с воплями понеслись за ней. Катриона даже не оглянулась.

Она выскочила за угол и, взлетев по ступенькам в двери, с размаху шлепнула ладонью по дверной панели. Казалось, дверь открывается целую вечность. Каппель был уже почти в двух шагах, когда Кэт трясущимися руками, после двух неудачных попыток, заперла замок. Каппель с разбегу налетел на дверь и принялся колотить в нее кулаками.

Катриона не смотрела — не смела, — что происходит с тетей. Она подняла панель дистанционного управления и навела ее сквозь стекло на платформу с уродливым агрегатом. На панели было шесть маленьких кнопок и одна большая. Она никогда не умела обращаться с такими вещами. К счастью, точность ей сейчас и не требовалась.

С третьего захода она обнаружила кнопку «вверх». Очень медленно платформа начала отрываться от пола. Возможно, существовали какие-то сенсоры, регулирующие ее уровень. Первые четыре комбинации не дали никакого результата. Наконец Кэт ухитрилась заставить эту штуку вращаться. Платформа с противным скреже-

том наткнулась на мостки наверху. Отлично. Кабели лопнули, разлетаясь в разные стороны. Незнакомец с трудом уклонился от веера полетевших искр. Судха орал, пытаясь ногами высадить стекло перед Катрионой. Она едва слышала его. В конце концов, это стекло должно выдерживать вакуум. Он отошел назад и навел на нее парализатор. Луч рикошетом отлетел от стекла.

Наконец Катрионе удалось высветить на маленький монитор программу сенсоров. Она отменила заложенные инструкции, и тогда платформа ожила. Кэт перевернула ее на 180 градусов, практически вверх дном. И выключила управление.

От мостков до пола было не больше четырех метров. Катриона понятия не имела, из чего сделан этот гнусный рог, и думала, что придется повторить фортель раза два-три, чтобы сломать что-то такое, что Судха не сможет починить за день. И тогда хватит времени, чтобы их с тетей начали искать. Но колокол раскололся сразу, как... как цветочный горшок.

От удара причал завибрировал. Осколки шрапнелю брызнули во все стороны. Один, весь зазубренный, пролетел в нескольких сантиметрах от головы Судхи и врезался в стекло. Катриона невольно присела. Но стекло выдержало. Потрясающий материал! Как хорошо, что рог сделан не из такого. Из ее горла вырвался смех, ее охватила бешеная радость берсеркера. Ей хотелось уничтожить сотню таких агрегатов. Она снова включила управление и шмякнула разбитые останки об пол еще раз-другой — просто потому, что могла это сделать. Дева Озера наносит ответный удар!

Тетя Фортиц сидела у дальней стенки дока, наклонившись вперед. Не бежит, даже не собирается. Нехорошо. Госпожа Радоваш уже была на ногах и снова завладела парализатором. Математик Каппель колотил по двери диспетчерской здоровенной монтировкой. Ароцци, с за-

литым кровью лицом, убеждал его прекратить, пока не сделал ее вообще неоткрываемой. Подбежал Судха с какими-то электронными приспособлениями и вместе с Ароцци исчез под дверным окном. Раздались скрежещущие звуки, более пугающие, чем удары Каппеля.

Катриона затаила дыхание и оглядела диспетчерскую. Она может выпустить воздух из дока, но там тетя. Ага, тут есть комм! Может, ей с самого начала надо было воспользоваться им? Нет, все правильно. Не важно, насколько плохо сработает служба безопасности, не важно, насколько неверной будет ее тактика, теперь уже Барраяр они не потеряют.

— Алло, служба экстренной помощи? — Катриона пыталась отдышаться, пока включался головид. — Меня зовут Катриона Форсуассон. — Ей пришлось остановиться, потому что автоматическая система попыталась отправить ее вызов службе помощи пассажирам. Найдя службу безопасности станции, Катриона начала заново, не зная, говорит ли она с человеком, и молясь, чтобы вызов оказался записан.

— Меня зовут Катриона Форсуассон. Я племянница лорда Аудитора Фортица. Нас с тетей держат в заложниках комаррские террористы в доках Транспортной компании Южного порта. Я сейчас нахожусь в диспетчерской грузового причала, но они вот-вот взломают дверь. — Оглянувшись, она увидела, что Судха справился с замком. Дверь, поврежденная Каппелем, скрипела и не желала уходить в пазы. Судха с Ароцци уперлись в нее плечами, кряхтя, и дверь медленно поддавалась. — Передайте лорду Аудитору Форкосигану... передайте Имперской службе безопасности...

И тут в диспетчерскую ввалился Судха, за которым следовал Каппель с монтировкой в руках. Истерически хохоча, с льющимися ручьем слезами, Катриона повернулась навстречу своей судьбе.

ГЛАВА 20

Майлз с трудом сдерживал желание прижаться лицом к иллюминатору имперского курьерского корабля, пока дожидался стыковки. Когда дверь наконец открылась, он одним прыжком вылетел из корабля, приземлился на ноги и оглядел коридор. Встречающая делегация в лице старшего на станции офицера Имперской безопасности и какого-то парня в сине-оранжевом комбинезоне гражданской СБ станции вытянулись по стойке «смирно», как только оправились после краткого замешательства, вызванного ростом Майлза (он понял это, отследив их взгляды) и способом десантирования.

— Лорд Аудитор Форкосиган, — приветствовал его Форгир, подтянутый офицер Имперской безопасности. — Это командер Хусави, глава местной службы безопасности.

— Капитан Форгир. Командер Хусави. Есть какие-нибудь новости за, — Майлз глянул на хроно, — последние пятнадцать минут?

После первой информации от Форгира, превратившей перелет с комаррской орбиты в кошмар, наполненный плохо скрываемой паникой, прошло уже три часа. Никогда в жизни имперский курьер не казался Майлзу таким медленным, а поскольку никакие вопли Имперского Аудитора не могли изменить физические законы, Майлз был вынужден молча сидеть, скрежеща зубами.

— Мои люди вместе с людьми командера Хусави уже практически готовы к штурму, — заверил его Форгир. — Мы полагаем, что сможем подвести трубу экстренной эвакуации к внешней двери шлюза, где содержатся обе фор-леди, прежде чем комаррцы успеют выпустить оттуда весь воздух. Как только заложники будут спасены, наши люди в броне смогут запросто войти в док. Все закончится в считанные минуты.

— Это вряд ли! — рявкнул Майлз. — У нескольких инженеров в распоряжении было несколько часов. Чтобы подготовиться к встрече с вами! И уверяю вас, эти комаррцы, может, и в отчаянии, но гарантирую, что они далеко не дураки! Если даже я могу додуматься приделывать к шлюзу взрывное устройство, реагирующее на перепад давления, то уж они наверняка.

Слова Форгира вызвали целый каскад ярких мысленных картинок — трубу подводят неправильно или слишком поздно, тела Катрионы и госпожи Фортиц вылетают в космос — какой-то бронированный громила СБ не может их удержать, — Майлз чуть ли не слышал его смущенное «оп-ля!» по аудиоканалу. Какое счастье, что Форгир не сообщил ему об этом раньше, когда Майлз был еще в пути и размышлял обо всем, запертый в курьерском корабле.

— Фор-леди — не расходный материал! У госпожи Фортиц слабое сердце, как мне сообщил ее муж, лорд Аудитор Фортиц. А госпожа Форсуассон просто... просто незаменима. А комаррцы — наименее расходный материал из всех. Мы хотим заполучить их живыми для допроса. Извините, капитан, но ваш план для меня неприемлем.

Форгир напрягся.

— Милорд Аудитор, мне понятна ваша озабоченность, но я считаю, что наиболее эффективное и быстрое решение проблемы — военная операция. Гражданские власти могут помочь, не путаясь под ногами и не мешая профессионалам делать свое дело.

— Это моя операция, капитан, и я отчитаюсь лично перед императором во всех подробностях. Я десять лет прослужил в Имперской безопасности в качестве галактического опера и решил больше проблем, чем кто бы то ни было другой в реестре Саймона Иллиана, и знаю совершенно точно, как могут загубить операцию профес-

сионалы. — Майлз постучал себя в грудь. — Так что слазьте-ка с вашей форской лошади и доложите как следует.

Форгир выглядел несколько офонаревшим. Хусави спрятал ухмылку, сказавшую Майлзу многое о местном раскладе. Надо отдать Форгиру должное, опомнился он довольно быстро.

— Пойдемте, милорд Аудитор, в штаб операции, — предложил он. — Я доложу вам подробности, чтобы вы сами могли обо всем судить.

Уже лучше. Они двинулись по коридору, причем достаточно быстро, чтобы почти удовлетворить Майлза.

— Были ли какие-либо изменения в потреблении энергии в районе Южной транспортной?

— Пока нет, — ответил Хусави. — Как вы приказали, мои инженеры отрубили им все, кроме необходимой энергии для поддержания жизни. Не знаю, сколько энергии комаррцы могут взять с каботажного грузовика, что у них там на причале. Судха заявил, что, если мы попытаемся захватить или отогнать корабль, они откроют шлюз там, где сидят фор-леди. Так что мы пока выжидаем. Наши дистанционные сенсоры пока ничего необычного там не отмечают.

— Отлично.

Непонятно, но хорошо. Майлз не понимал, почему комаррцы не запустили свой свертыватель п-в-туннелей в последнем усилии выполнить свою столь давно вынашиваемую миссию. Судха догадался о дефекте? Исправил его или попытался исправить? Или агрегат еще не готов к запуску и коммарцы сейчас всю его готовят? Как бы то ни было, как только они его включают, все здесь окажутся в глубокой дыре. Потому что профессор Фортиц с доктором Ривой пришли к выводу, что существует вероятность примерно пятьдесят на пятьдесят мгновенного гравитационного выброса из п-в-туннеля, который

разнесет пересадочную станцию, стоит только этой штуке заработать. Когда Майлз поинтересовался, какая разница между «пятьдесят на пятьдесят» и «мы не знаем», толкового ответа он не получил. Дальнейшие теоретические выкладки резко оборвались, когда пришли новости о положении на станции. Сейчас профессор уже на пути сюда, лишь на несколько часов отставая от Майлза.

Они свернули за угол и вошли в лифт.

— Как идет эвакуация? — поинтересовался Майлз.

— Мы развернули все подходившие корабли, какие возможно, — ответил Хусави. — Двум пришлось пристать на дозаправку, иначе они не могли добраться в другое место. — Дождавшись, пока они выйдут в коридор, Хусави продолжил: — На данном этапе мы сумели эвакуировать большинство транзитных пассажиров и примерно пятьсот человек персонала.

— И под каким соусом?

— Говорим, что получили сообщение о заложенной бомбе.

— Превосходно.

И удивительно правдиво.

— Большинство охотно подчиняется. Некоторые — нет.

— Хм.

— Но возникает серьезная проблема с транспортом. Просто-напросто не хватает кораблей, чтобы вывести всех менее чем за десять часов.

— Если потребление энергии в доке Судхи вдруг резко подскочит, вы немедленно начнете отправку людей на катерах на военную станцию. — Хотя Майлз был далеко не уверен, что гравитационный выплеск, ежели таковой произойдет, не уничтожит заодно и военную станцию. — Они помогут.

— Мы с капитаном Форгиром обсуждали такую возможность с военным комендантом, милорд. Он не очень-

то обрадовался возможному нашествию... хм... случайных людей на свою станцию.

Кто бы сомневался?

— Я сам с ним поговорю, — вздохнул Майлз.

«Штаб операции» Форгира при ближайшем рассмотрении оказался офисом местной Имперской СБ. Центральное помещение действительно имело отдаленное сходство с тактической рубкой боевого корабля. Форгир высветил на головиде нужные им доки и причалы, причем с гораздо большим количеством деталей, чем были в распоряжении Майлза последний час. Форгир показал предположительную дислокацию своих людей, график и технику ведения штурма. План был неплох, если дело и впрямь дойдет до штурма. В молодости, в бытность свою опером, Майлз выдавал такие же идиотские планы и так же быстро. *Ладно... гораздо более идиотские*, нехотя признал он. «Я надеюсь, что когда-нибудь, Майлз, — сказал ему как-то Саймон Иллиан, — ты доживешь до того момента, когда в твоём подчинении окажется дюжина таких, как ты». Он только сейчас понял, что Иллиан тогда его форменным образом обругал.

В мыслях Майлза выкладки Форгира растворились, на смену им пришло воспоминание о последнем послании Катрионы, которое Форгир благо разумно переслал Майлзу по лучу. «Я сейчас нахожусь в диспетчерской грузового причала, но они вот-вот взломают дверь». Она ничего не сказала об агрегате. Если только что-то не должно было последовать за словами «передайте лорду Аудитору Форкосигану... *Передайте Имперской безопасности...*», и тут экран заслонила багровая физиономия Судхи. На заднем плане ничего нельзя было различить, кроме диспетчерской. И Каппеля, математика, со здоровенной монтировкой в руке. Причем вид у него был такой, будто он намеревался применить оружие для чего-то, не имеющего никакого отношения к зак-

ручиванию гаек, но не применил. Служба безопасности сумела получить видеоизображение обеих женщин, прежде чем Судха отрубил канал. Это изображение тоже все время стояло перед глазами Майлза.

— Ладно, капитан Форгир, — прервал офицера Майлз. — Оставьте свой план на самый крайний случай.

— Чтобы ввести его в дело по обстановке, милорд Аудитор?

Только через мой труп. Но Майлз промолчал. Форгир может не понять, что это вовсе не шутка.

— Прежде чем мы начнем разносить стены, я хочу поговорить с Судхой и его друзьями.

— Это комаррские террористы. Психи. С ними нельзя вести переговоры!

Покойный барон Риоваль был психом. Покойный Сер Гален тоже был психом, вопроса нет. И покойный генерал Метцов неплохо вписывался в их компанию, если подумать. Майлз вынужден был признать, что все те переговоры имели весьма плачевные последствия.

— У меня есть опыт в таких делах, Форгир. К тому же я сомневаюсь, что доктор Судха — псих. Он даже не сумасшедший ученый. Он просто очень огорченный инженер. Эти комаррцы на самом деле самые сентиментальные революционеры, которых я когда-либо видел.

Майлз немного постоял, отстраненно глядя на цветную голограмму плана Форгира. В голове его проносились мысли о транспорте для эвакуации станции и размышления о том, в каком состоянии духа пребывают сейчас комаррцы. Их заблуждения, политические страсти, личные качества, возможные суждения... а на заднем плане — ужас и отчаяние Катрионы. Если даже такая здоровенная штука, как комаррские купола, вызывает у нее клаустрофобию... *Пре-крати.* Майлз мысленно воздвиг стеклянную стену между собой и внутренним потоком тревоги. Раз уж его власть здесь абсолютна, он обязан иметь ясные мозги.

— Каждый час покупает жизни. Мы сыграем на время. Соедините меня с командующим военной станцией, — приказал Майлз. — А потом проверим, ответит ли Судха по комму.

Пустая комната, где расположился Майлз, могла с тем же успехом находиться на ближайшей военной станции или на корабле в тысячах километров от станции, а также и в нескольких сотнях метров от причалов Южной транспортной, где в действительности и находилась. Местонахождение Судхи, когда его физиономия наконец возникла на головиде, было не столь анонимным. Инженер сидел в той самой диспетчерской, откуда в последний раз говорила Катриона. Майлз размышлял, кто из техников Имперской безопасности следит за коридорами, а кто держит палец на кнопке внешней двери для выхода персонала. Они настроили ее на блокировку?

Лицо Судхи было мрачным и откровенно усталым. Да, от невозмутимого спокойствия, с которым он тогда лгал Майлзу, не осталось и следа. Справа от него на подлокотнике сидела Лена Фоскол, выглядевшая как какой-то неряшливый визирь. Госпожа Радоваш тоже здесь присутствовала, ее лицо оставалось немного в тени. Капель стоял в стороне, практически не в фокусе. Отлично. Кворум комаррских акционеров, если Майлз правильно понял сигнал. По крайней мере они хоть так почтили власть Имперского Аудитора.

— Добрый вечер, доктор Судха, — начал Майлз.

— Вы здесь? — Брови Судхи поползли вверх, когда он глянул на дисплей, уточняя, откуда идет передача.

— Ну да. В отличие от администратора Форсуассона я освободился от оков и выбрался с опытной станции живым. Я по-прежнему не знаю, рассчитывали ли вы, что я выживу.

— Он ведь не умер, правда? — прервала его Фоскол.

— Увы, умер. — Майлз сознательно заговорил как можно мягче. — А я вынужден был на это смотреть, в точности, как вы планировали. Каждую минуту до самого конца. Это была удивительно некрасивая смерть.

Фоскол умолкла.

— Теперь это не имеет значения, — произнес Судха. — Единственное, что мы хотим от вас услышать, это что для нас готов скачковый корабль, который перевезет нас на нейтральную территорию — Пол или Эскобар, — после чего вы получите обратно ваших фор-леди. Если вы нас вызвали не за этим, я немедленно отключаюсь.

— Сначала мне хотелось бы сообщить вам кое-какую информацию, — сказал Майлз. — Не думаю, что вы ее ожидаете.

— Валяйте, — махнул рукой Судха.

— Боюсь, что ваш свертываеть п-в-туннелей больше не может считаться секретным оружием. Мы взяли на «Боллен дизайн» все технические характеристики. Профессор Фортиц пригласил доктора Риву из Солстисского университета в качестве консультанта. Вы признаете ее репутацию?

Судха осторожно кивнул. Глаза Каппеля расширились. Госпожа Радоваш смотрела равнодушно. Фоскол вся подобралась.

— Ну вот, собрав воедино все технические характеристики вашего сооружения, а также данные об аварии на отражателе, присовокупив к этому познания в области физики доктора Ривы — кстати, еще присутствовал математик, Юэлл, если это имя вам о чем-нибудь говорит... Так вот, ведущий специалист империи по анализу технических неполадок и ведущий специалист империи в области пяти-мерного пространства пришли к единодушному выводу, что на самом деле вы никакого сворачивателя п-в-туннелей не

изобрели. Вы изобрели п-в-бумеранг. Доктор Рива утверждает, что, когда амплитуда резонансных колебаний превышает пороговое значение, туннель вовсе не схлопывается, а выбрасывает всю эту энергию в трехмерное пространство в виде мощной гравитационной волны. Именно такой выброс и уничтожил солнечный отражатель и рудовоз, а также — прошу прощения, госпожа Радоваш, — убил доктора Радоваша и Марию Трогир. Аварийщики обнаружили ее тело несколько часов назад, о чем я с сожалением вам сообщаю, завернутое в какой-то кусок обшивки, который они нашли еще неделю назад.

Горе Каппеля выразилось лишь в вырвавшемся у него вздохе, но по его щекам текли слезы. *В яблочко*, подумал Майлз. *Так я и думал. Уж больно рьяно он это отрицал.* Никто из комаррцев не выглядел удивленным, лишь расстроенным.

— Так что если бы вам удалось довести дело до конца, вы бы всего-навсего уничтожили эту станцию вместе с пятью тысячами человек, которые на ней находятся, и самих себя. А завтра утром Барраяр все еще был бы здесь. — Майлз сознательно опустил голос чуть ли не до шепота. — Все ради ничего. Даже меньше, чем ничего.

— Он лжет! — яростно воскликнула Фоскол. — Он лжет!

Судха издал что-то вроде тихого рычания, взъерошил волосы и покачал головой. Затем, к великому изумлению Майлза, расхохотался в голос.

Каппель уставился на своего коллегу:

— Ты думаешь, именно поэтому? Потому что он срабатывал именно так?

— Это все объясняет, — начал Судха. — Это объясняет... О Господи... — Судха увял. — Я думал, все дело в рудовозе, — проговорил он наконец. — Что это он каким-то образом помешал.

— Также должен вам сообщить, — заявил Майлз, — что Имперская служба безопасности арестовала всех сотрудников отдела использования избыточного тепла и их семьи, которых вы бросили в распоряжении Транспортной компании Южного порта в Солстисе. А также прочих ваших друзей и родственников, ни в чем не повинных, ни о чем не подозревавших людей. Игра в заложников — скверная игра, печальная и жуткая, которую легче начать, чем прекратить. Худшие варианты этой игры, которые мне доводилось видеть, заканчивались тем, что ни одна из сторон не брала верх или не получала того, что хотела. А больше всего при этом теряют те, кого в эту игру втянули в виде заложников.

— Барраярские угрозы, — мотнула головой Фоскол. — Вы действительно полагаете, что после всего мы не сможем вам противостоять?

— Уверен, что сможете, но зачем? Во всей этой каше призов не осталось. Самый крупный исчез. Вы не можете изолировать Барраяр. Вы не можете сохранить вашу тайну или прикрыть тех, кого оставили на Комарре. Единственное, что вы можете сделать, это убить еще несколько невинных людей. Великие цели могут претендовать на большие жертвы, это верно, но ваши возможные награды постепенно усохли.

Все, хватит на них давить. Наоборот, сбавим прессинг.

— Не для того мы прошли через все это, — прохрипел Каппель, утирая глаза руками, — чтобы вручить величайшее оружие века барраярцам.

— Так оно уже у нас. Хотя как оружие эта штука имеет на данном этапе ряд существенных дефектов. Но доктор Рива говорит, что есть свидетельства, что из п-в-туннеля выходит больше энергии, чем входит туда. Что предполагает дальнейшее мирное использование, когда явление будет изучено лучше.

— Правда? — Судха даже выпрямился. — Как она это вычислила? Какие у нее получились цифры?

— Судха! — неодобрительно воскликнула Фоскол. Госпожа Радоваш поморщилась, а Судха нехотя замолк, пристально, слегка сощурилась, глядя на Майлза.

— С другой стороны, — продолжил Майлз, — до тех пор, пока дальнейшие исследования не покажут, что закрыть п-в-туннель действительно невозможно, ни один из вас никуда не двинется, особенно на планеты за пределами империи. Это как раз одно из ужасных военных решений. И боюсь, исходит оно от меня.

«Фор-леди — не расходный материал», — сказал он Фор-гиру. Он лгал тогда или солжет сейчас? Майлз и сам толком не знал. Может, комаррцы тоже не догадаются.

— Вы все, безусловно, отправитесь в барраярскую тюрьму, — продолжил он. — Договор с дьяволом о том, чтобы стать фором, включает в себя элемент, который многие, включая и некоторых форов, не замечают. Он гласит, что наши жизни предназначены для жертвы. Никакие угрозы, никакие пытки, никакое медленное умерщвление, которым вы можете подвергнуть захваченных вами барраярских женщин, не изменят вашей судьбы.

Правильно ли он выбрал путь? На головиде их лица выглядели непропорционально, расплывчато, и было трудно прочесть выражение. Майлз пожалел, что не может вести этот разговор лицом к лицу. Половина скрытых подсказок, такие, как положение тела, жесты, оказалась недоступна. Но предстать пред ними лично означало пополнить ряды заложников, а это вряд ли способствовало бы разрешению проблемы. Майлз вспомнил женскую руку, выскользнувшую из его пальцев и исчезнувшую в тумане. Он бессильно сжал кулаки. *«Больше никогда», — ты говорил. «Не расходный материал», — говорил.* Майлз пристально вглядывался в лица комаррцев,

пытаюсь прочесть на них хоть что-нибудь: верят, не верят, насторожились, расслабились.

— В тюрьме есть определенные преимущества, — убедительно заговорил он. — Некоторые тюрьмы довольно комфортабельные, и в отличие от могилы из них когда-нибудь, со временем, выходят. А теперь я предлагаю вам в обмен на безоговорочную капитуляцию и дальнейшее сотрудничество лично гарантировать вам жизнь. Не свободу, обратите внимание. С этим придется подождать. Но время проходит, на смену старым кризисам приходят новые, у людей меняются взгляды. У живых, во всяком случае. Опять же существуют амнистии по случаю крупных событий. Рождения императорского наследника, в частности. Сомневаюсь, что кому-либо из вас придется просидеть в тюрьме полных десять лет.

— Какое заманчивое предложение! — ядовито бросила Фоскол.

Майлз позволил себе приподнять бровь:

— Зато честное. У вас больше шансов получить амнистию, чем у Тьена Форсуассона. А пилот грузовика уже не порадуетсся встрече с детьми. Я тут заново просмотрел результат ее аутопсии, я не говорил? Результаты аутопсии всех погибших. Если у меня и есть угрызения совести, то лишь из-за того, что я лишаю семьи погибших на отражателе возможности добиться справедливости. За такое убийство положен гражданский суд.

После этих слов даже Фоскол отвела взгляд.

Отлично. Продолжим. Чем больше времени он займет, тем лучше, к тому же они его слушают. До тех пор, пока он не дает Судхе отключить комм, он таким образом добивается своего рода успеха.

— Вы все время поносите барраярскую тиранию, но почему-то мне кажется, что вы, ребята, не провели всекомаррского голосования, когда намеревались запечатать —

или украсть — их будущее. А если бы провели, то вряд ли посмели бы. Двадцать лет назад, может, и пятнадцать вы и получили бы поддержку большинства. Но даже десять лет назад уже было поздно. Неужели ваши сограждане захотели бы запечатать навечно ближайший рынок и потерять там торговлю? Потерять всех родственников, переехавших на Барраяр, и своих внуков полубарраярцев? Ваш торговый флот обнаружил, что барраярский военный эскорт ой как им полезен, причем довольно часто. Так кто же здесь настоящий тиран — грубые барраярцы, которые, пусть и неловко, стараются включить Комарру в свое будущее, или комаррские интеллектуалы, которые желают исключить всех и вся, кроме себя самих? — Майлз сделал глубокий вздох, чтобы подавить закипающий гнев, сознавая, что балансирует на лезвии ножа. *Осторожно, осторожно.* — Так что единственное, что нам остается, это спасти как можно больше жизней из обломков.

Через некоторое время госпожа Радоваш спросила:

— Как вы можете гарантировать нам жизнь?

Это были первые слова, что она произнесла за все время. До этого она лишь внимательно слушала.

— Моим приказом как Имперского Аудитора. Только император Грегор может его отменить.

— А почему император Грегор этого не сделает? — скептически поинтересовался Каппель.

— Ему все это очень не понравится, — честно ответил Майлз. *А мне придется ему обо всем этом докладывать, помоги мне Боже...* — Но... если я дам слово, не думаю, что он станет возражать. — Помолчав, Майлз добавил: — Или мне придется подать в отставку.

— Как приятно нам знать, что после нашей смерти вы подадите в отставку! — фыркнула Фоскол. — Какое утешение!

Судха теребил губу, глядя на Майлза... *на голоизображение*, напомнил себе Майлз. Похоже, не только ему не

хватает подспудных подсказок... Инженер молчал, размышляя... *О чем?*

— Ваше слово? — скривился Каппель. — Знаете, что оно для меня значит?

— Да, — резко ответил Майлз. — А вы знаете, что оно значит для меня?

Госпожа Радоваш склонила голову набок, и ее спокойный взгляд стал, если таковое возможно, более сфокусированным.

Майлз наклонился к комму:

— Мое слово — это единственное, что стоит между вами и ретивыми героями из Имперской службы безопасности, намеревающихся прорваться к вам сквозь стены. Им коридоры не нужны, знаете ли. Мое слово вынуждает меня держиваться данной мною присяги Аудитора, которая в данный момент помогает мне не моргнув глазом выполнять долг, а я считаю его более ужасающим, чем вы можете себе представить. У меня только одна клятва. И она не может быть правдива в отношении Грегора, если ложна перед вами. Но если печальный опыт моего отца в том мерзком эпизоде в Солстисе и научил меня чему-то, то лишь одному — не обещать того, что не в моих силах. Если вы спокойно сдадитесь, я смогу удержать все под контролем. Если же службе безопасности придется захватывать вас силой, то возможно всякое. В возникшем хаосе и неразберихе перевозбужденные барраярские юнцы запросто способны перестрелять бешеных комаррских террористов.

— Мы не террористы! — горячо запротестовала Фоскол.

— Да? Вам вполне удалось затерроризировать меня, — холодно отрезал Майлз.

Фоскол поджала губы, но Судха казался не столь уверенным.

— Если вы спустите на нас СБ, то все последствия будут на вашей совести! — бросил Каппель.

— Почти верно, — согласился Майлз. — Если я спущу службу безопасности, то это будет моей ответственностью. В этом и разница между «быть ответственным» и «держат под контролем». Я — ответственный, вы — держите под контролем. Представляете, как это меня пугает?

Судха фыркнул. Майлз невольно дернул уголком губ. Ага, Судхе такой расклад тоже знаком.

Фоскол наклонилась вперед:

— Все это треп и дымовая завеса. Капитан Форгир сказал, что за скачковым кораблем послали. Где он?

— Форгир лгал, как ему и положено по должности. Никакого скачкового корабля не будет.

Черт, вот оно! Теперь остается лишь два возможных варианта.

А их и прежде было только два.

— У нас двое заложников. Нам выкинуть одну из них в космос, чтобы доказать, что мы не шутим?

— Уверен, что вы совсем не шутите. А которая будет смотреть, тетя или племянница? — мягко поинтересовался Майлз, снова устремившись поудобнее. — Вы заявляете, что вы не чокнутые террористы, и я вам верю. Вы не террористы. Пока. А также вы не убийцы. Я принимаю, что все трупы, оставленные вами на пути, — чистая случайность. На данном этапе. Но я также хорошо знаю, как легко преступить эту черту. Прошу вас обратить внимание, что вы уже зашли предельно далеко. Следующий шаг автоматически превратит вас в точную копию того самого врага, которому вы дружно решили противостоять.

Он дал своим последним словам повиснуть в воздухе, чтобы до них получше дошел смысл.

— Думаю, Форкосиган прав, — неожиданно заявил Судха. — Мы подошли к концу игры. Или к началу следующей. Но на нее я не подписывался.

— Мы должны держаться вместе, иначе ничего хорошего не будет, — быстро сказала Фоскол. — И если нам

придется кого-нибудь из них выкинуть в шлюз, то я голосую за эту бешеную кошку Форсуассон.

— Ты сделаешь это своими руками? — медленно произнес Судха. — Потому что я отказываюсь.

— Даже после того, что она учинила?

Да что, во имя Господа, вам сделала нежная Катриона? Майлз старался сохранить невозмутимое выражение лица, хотя внутренне замер.

Помолчав, Судха сказал:

— Похоже, это в конечном итоге не имеет значения.

Каппель и госпожа Радоваш заговорили разом, но Судха жестом остановил их. Он медленно выдохнул, как человек, скрывающий сильную боль.

— Нет. Давайте продолжим, как начали. Выбор простой. Остановиться сейчас и безоговорочно сдаться или решить, что Форкосиган блефует. Ни для кого из вас не секрет, что я хотел на время укрыться, чтобы попытаться еще раз позже. Вы знали об этом еще до того, как мы покинули Комарру.

— Мне жаль, что я голосовал тогда против тебя, — сообщил Судхе Каппель.

Судха пожал плечами:

— Ага... Ну, если мы собираемся заканчивать, то время пришло.

Нет, еще нет! — отчаянно думал Майлз. *Это слишком резко. Есть время поболтать еще часов десять как минимум.* Он хотел склонить их к сдаче, а не самоубийству. Или к убийству. Если они поверили ему, что их машина дефектна, а они, судя по всему, поверили, то им довольно скоро должно прийти в голову, что они могут удерживать в заложниках всю станцию, если они не исключают вариант самоуничтожения. Ну, если они сами до этого не додумаются, то уж он-то им точно подсказывать не станет. Майлз откинулся на стуле, грызя ноготь, и принялся наблюдать и слушать.

— Ждать в любом случае нечего, — продолжил Судха. — Риск растет с каждой минутой. Лена?

— Никакой капитуляции, — упрямо заявила Фоскол. — Мы продолжим. — И уже спокойнее: — Каким-нибудь образом.

— Каппель?

Математик долго колебался.

— Не могу смириться с тем, что Мария погибла зря. Держимся.

— Я сам... — Судха опустил свою широкую ладонь. — Стоп. Поскольку эффект неожиданности утрачен, все это не ведет никуда. Весь вопрос в том, это как быстро мы туда придем.

Он повернулся к госпоже Радоваш.

— Ой, уже моя очередь? Я не хотела оказаться последней.

— Ваш голос все равно решающий, — заметил Судха.

Госпожа Радоваш замолчала, уставясь в окно. На дверь шлюза? Майлз не удержался и проследил за ее взглядом. Она поймала его на этом, и он вздрогнул.

Вот теперь ты этого добился, парень. Жизнь Катрионы и твоя душа зависят от вшивого комаррского голосования акционеров. Как ты это допустил? Это не было запланировано...

Взгляд госпожи Радоваш снова вернулся к окну. Ни к кому не обращаясь, она заговорила:

— Прежде наша безопасность зависела от секретности. А теперь, даже если мы улетим на Пол, или Эскобар, или дальше, Имперская безопасность побежит за нами. У нас не найдется даже одной свободной минутки, чтобы бросить наших заложников. В изгнании или нет, но мы все равно будем пленниками, вечными пленниками. Я устала быть пленницей надежды или страха.

— Ты не была пленницей! — воскликнула Фоскол. — Ты была одной из нас. Я так думала.

Госпожа Радоваш поглядела на нее:

— Я поддерживала мужа. А если бы не поддержала, он был бы сейчас жив... Я устала, Лена.

— Может, тебе надо отдохнуть, прежде чем принимать решение? — заискивающе спросила Фоскол.

Взгляд, которым наградила ее госпожа Радоваш, вынудил Фоскол опустить глаза.

— Ты ему веришь, что установка дефектна? — спросила госпожа Радоваш Судху.

Судха нахмурился:

— Да. Боюсь, что так оно и есть. Иначе голосовал бы по-другому.

— Бедный Барто. — Она долго глядела на Майлза с какой-то отстраненной задумчивостью.

Поощренный ее кажущимся спокойствием, Майлз заинтересовался:

— А почему ваш голос — решающий?

— Вся эта схема изначально была идеей моего мужа. И эта одержимость довлекла надо мною семь лет. Его пакет акций всегда считался самым большим.

Как по-комарски. Значит, Судха действительно был вторым в команде и вынужден был прыгнуть в ботинки покойника... Все это настолько сейчас не имеет значения... Может, они назовут это его именем. Эффект Радоваша. Возможно.

— Значит, мы оба наследники в некотором роде.

— Действительно. — Губы вдовы искривились в подобии улыбки. — Знаете, я никогда не забуду выражение вашего лица, когда этот дурак Форсуассон заявил, что у него нет бланков императорских приказов. Я тогда чуть не рассмеялась вслух, несмотря ни на что.

Майлз коротко улыбнулся, едва осмеливаясь дышать.

Госпожа Радоваш изумленно покачала головой, но не отметая его обещания.

— Что ж, лорд Форкосиган... Я поверю вам на слово. И узнаю, чего оно стоит. — Она посмотрела в лицо своим коллегам, но когда заговорила снова, то смотрела на Майлза: — Я голосую за то, чтобы закончить сейчас.

Майлз напряженно ждал возражений, возмущения, местного бунта. Каппель грохнул кулаком по стеклу, которое от удара завибрировало, и отвернулся. Фоскол зарылась лицом в ладони. И повисла тишина.

— Значит, быть по сему, — промолвил Судха, явно выдохшись.

Майлз подумал, не поразила ли его новость о внутреннем дефекте агрегата больше, чем все остальное.

— Мы сдаемся в обмен на ваше слово, что нам сохранят жизнь, лорд Аудитор Форкосиган. — Он крепко сжал веки, потом открыл снова. — И что теперь?

— Множество очень медленных движений. Сначала я ласково лишаю СБ мечты о героическом штурме. Они тут изрядно поработали. Затем вы сообщаете новости остальным участникам вашей группы. Затем отключаете все ловушки-страшилки, которые понаставили, и складываете все оружие, какое у вас имеется, подальше от себя в аккуратную кучку. Отпираете двери. Потом спокойно садитесь на пол дока, убрав руки за голову. И тогда я позволю мальчикам войти. — И осторожно добавил: — Пожалуйста, избегайте резких движений и всего такого.

— Быть по сему.

Судха отключил комм. Комаррцы исчезли. Майлза потрясло от внезапной растерянности. Он снова сидел один в пустой комнате. Вопящий человек за стеклянной стеной у него в мозгу просто надсаживался, судя по ощущениям.

Майлз переключил канал и приказал, чтобы офицеров Имперской безопасности и местной секьюрити, которые будут осуществлять арест комаррцев, сопровождала группа медиков. И никакого оружия, кроме парализато-

ров, чтобы никто не брал. Последний приказ он повторил дважды, на всякий случай.

Майлз чувствовал себя так, будто провел на этом стуле лет эдак сто. Когда он попытался встать, то чуть не упал. И тогда он побежал.

Единственная уступка, которой удалось добиться от Майлза Форгиру, стремящемуся обеспечить безопасность лорда Аудитора, это что он войдет на причал позади, а не впереди взвода охранников. Около десятка комаррцев, сидевших по-турецки на полу, повернули головы, когда барраряры вошли внутрь. За Майлзом следовал взвод техников, который немедленно рассредоточился по помещению в поисках мин и ловушек, а за ними — бригада медиков с воздушной платформой.

Первое, что попало Майлзу на глаза после живых мишеней, была перевернутая вверх дном платформа, лежащая посреди причала на куче лома. Майлз с трудом узнал знакомый по диаграммам пресловутый агрегат. От этого зрелища он почему-то сильно воспрянул духом.

Майлз обошел вокруг платформы, внимательно изучая объект, затем направился туда, где обыскивали и брали в наручники Судху.

— Бог ты мой, похоже, с вашим свертывателем п-в-туннелей случилась авария. Но вам от этого проку никакого. У нас есть чертежи.

Каппель и человек, в котором Майлз узнал пропавшего инженера с завода «Боллен дизайн», стоявшие неподалеку, злобно посмотрели на него. Фоскол отчаянно рвалась подойти поближе, чтобы услышать разговор. Арестовывающая ее женщина-офицер еле ее удерживала.

— Это не мы, — вздохнул Судха. — Она.

Его указующий перст привлек внимание Майлза к внутренней двери, ведущей к служебному шлюзу. Дверь

блокировала вставленная наискось металлическая балка. Концы ее были приварены к двери и стене.

Глаза Майлза расширились, и он затаил дыхание, предвкушая...

— Она?

— Эта сучка из ада! Или с Барраяра, что почти одно и то же. Госпожа Форсуассон.

— Потрясающе. — Теперь становились понятными некоторые странности в поведении и ответах комаррцев во время переговоров. — Хм... И каким образом?

Все три комаррца заговорили разом, что вылилось в поток фраз примерно следующего содержания:

«Если бы госпожа Радоваш не выпустила ее... если бы ты не позволил госпоже Радоваш выпустить ее... откуда я мог знать? Старая леди показала мне больной... Она и сейчас так же выглядит... если бы ты не положил дистанционное управления прямо рядом с ней... если бы ты не вышел из этой проклятой диспетчерской... если бы ты двигался побыстрее... если бы ты побежал к платформе и вырубил напряжение... так что ж ты сам об этом не подумал, а?»

Из чего Майлз постепенно восстановил ход событий и получил самую знаменательную картинку дня. Да что там дня — года! Вообще-то за несколько лет, ежели подумать.

Я влюблен. Я влюблен. Прежде я лишь думал, что влюблен. А теперь действительно влюбился. Я должен, должен, должен заполучить эту женщину! Моя, моя, моя. Леди Катриона-Найла Форвейн-Форсуассон-Форкосиган! Да!

Она тут не оставила никаких дел для Имперской безопасности и Имперских Аудиторов, кроме как собрать осколки. Майлзу хотелось кататься по полу и выть от радости, что было бы с его стороны в нынешних обстоятельствах очень не дипломатично. Так что он сохранил невозмутимость, такую сдержанность. В любом случае он сомневался, что комаррцы способны оценить всю прелесть ситуации.

— Когда мы ее там заперли, я приказал замуровать дверь, — мрачно сообщил Судха. — Я не мог ей позволить обставить нас в третий раз.

— Третий раз? — спросил Майлз. — Если это был второй, то что же она сделала в первый?

— Когда этот придурок Ароцци приволок ее сюда, она чуть было сразу не сорвала нам все дело, нажав сигнал пожарной тревоги!

Майлз глянул на рукоятку сигнала:

— И что произошло потом?

— На нас обрушился станционный аварийный контроль. Я уж думал, что никогда от них не отделаюсь.

— Ага. Понятно. — *Любопытно. Форгир об этом эпизоде не упоминал. Ладно, с этим позже.* — Вы хотите сказать, что мы пять часов зря из кожи вон лезли, чтобы эвакуировать станцию?

Судха мрачно улыбнулся:

— Вы ищете у меня сочувствия, барраярец?

— Хе. Не важно.

Большую часть пленников уже увели. Майлз жестом приказал Судху пока придержать.

— Момент истины, Судха. Вы заминировали эту штуковину?

— Есть взрывное устройство на внешней двери. Отсюда оно не взорвется.

С железным самообладанием Майлз наблюдал, как техники СБ режут металлический прут. Наконец тот со звоном упал на пол. Майлз на мгновение в ужасе замер.

— Чего вы ждете? — поинтересовался Судха.

— Просто раздумываю о глубине ваших политических убеждений. Предположим, эта штука запускает взрывное устройство, и в самом конце наша добыча от нас ускользает?

— Сейчас? Зачем? Все ведь уже закончено, — недоуменно произнес Судха.

— Месть. Манипулирование. Может, вы намереваетесь вывести меня из себя, чтобы спровоцировать повтор Солстисской Бойни, хоть и в меньших масштабах. Пропагандистский трюк. Все что угодно, ради чего можно пожертвовать жизнью. С вашей точки зрения, конечно. При должной подаче этот инцидент мог бы привести к очередному Комаррскому Восстанию, я полагаю.

— У вас действительно извращенный ум, лорд Форкосиган, — покачал головой Судха. — Это у вас наследственное или благоприобретенное?

— И то, и другое, — вздохнул Майлз. Немного подумав, он жестом приказал охранникам увести Судху.

После разрешающего кивка Имперского Аудитора техник нажал на дверную панель. Внутренняя дверь скрипнула и застряла на полпути. Майлз тихонько отжал ее сапогом, и она открылась.

Катриона стояла между дверью и госпожой Фортиц, которая сидела на полу в накинutom на болеро пиджаке племянницы. Лицо Катрионы было все в ссадинах, волосы растрепались. Со стиснутыми кулаками она выглядела очень решительной и в то же время притягательной, с личной точки зрения Майлза. Широко улыбаясь, он протянул руки и вошел внутрь.

Катриона одарила его сердитым взглядом:

— Давно пора! — и прошла мимо, бормоча под нос: — Эти мужчины!..

Несколько оторопев, Майлз все же сумел превратить вытянутые было руки в почтительный поклон госпоже Фортиц.

— Госпожа доктор Фортиц! С вами все в порядке?

— О, привет, Майлз! — Она моргнула. Лицо ее было пепельно-серым, и она явно продрогла до костей. — Бывало и получше, но я переживу, надо полагать.

— Вас ждет воздушная платформа. Эти решительные парни вам помогут.

— Ой, спасибо, милый.

Майлз жестом велел техникам подойти. Госпожа профессор казалась очень довольной, когда ее уложили на платформу и накрыли теплыми одеялами. Беглый медицинский осмотр и небольшой спор завершились инъекцией половины дозы синергина, а не четырех. Платформа поднялась в воздух.

— Профессор скоро будет, — заверил госпожу Фортиц Майлз. — Вообще-то он прибудет задолго до того, как вас выпустят из станционного медпункта. Я прослежу, чтобы его сразу же препроводили к вам.

— Я очень рада. — Госпожа Фортиц жестом велела ему приблизиться. Когда он наклонился, она схватила его за ухо и поцеловала в щеку. — Катриона была просто великолепна! — шепнула она.

— Знаю! — прошептал он в ответ. Его глаза смеялись, и она улыбнулась тоже.

Майлз выпрямился, отойдя от платформы, встал рядом с Катрионой, надеясь, что пример тети вдохновит ее... Ну, он бы не отказался от некоторого проявления благодарности за спасение...

— Кажется, вы не удивлены моим появлением, — пробормотал он.

Платформа поплыла прочь в сопровождении медика, а Майлз с Катрионой пошли следом. Технари Имперской безопасности вежливо ждали, пока они освободят площадку, чтобы обезвредить взрывное устройство.

Катриона убрала за ухо прядь волос едва заметно дрожащей рукой. На руках тоже атели ссадины. При виде них Майлз нахмурился.

— Я знала, что это, должно быть, наши, — просто ответила она. — Иначе открылась бы другая дверь.

— Э-э-э. Верно. — *Она три часа обдумывала эту возможность.* — Мой скоростной курьер оказался слишком медленным.

В следующий коридор они вошли в задумчивом молчании. Чувство благодарности могло заставить ее кинуться ему в объятия, рыдая от облегчения ему... ну, если не в грудь, то в макушку на глазах у всех этих ребят из СБ. Майлз вынужден был признать, что нынешняя ее манера поведения ему нравится даже больше. *Так что там у тебя насчет высоких женщин и невостребованной любви? Кузен Айвен наверняка нашел бы пару едких фраз по этому поводу.* Майлз мысленно зарычал, предвидя реакцию брата. Ладно, с Айвеном и другими проблемами во время своего ухаживания он разберется позже.

— А вы знаете, что спасли примерно пять тысяч жизней? — спросил он.

Катриона нахмурилась:

— Что?

— Этот агрегат был дефектным. Если бы комаррцам удалось его запустить, обратная гравитационная волна из п-в-туннеля разнесла бы станцию, как перед этим отражатель. И меня приводит в содрогание возможный счет за ущерб. И подумать только, что Иллиан жаловался на мои затраты на оборудование, когда я был опером...

— Вы хотите сказать... Эта штука не работала? Я сделала все это зря?

Кэт резко остановилась, плечи ее затряслись.

— То есть как это зря? Мне попадались имперские генералы, которым за всю их карьеру удавалось сделать куда меньше. По-моему, вы заслужили как минимум медаль. Только вот проблема в том, что вся эта история будет глубоко засекречена. Им придется придумывать новый уровень секретности, чтобы зарыть ее там. А затем засекретить и это.

Губы Кэт дрогнули не очень весело.

— И что бы я делала с такой бесполезной вещью, как медаль?

Майлз весело подумал о содержимом одного ящика в особняке Форкосиганов.

— Повесили бы в рамочку? Использовали как пресс-папье? Стирали с нее пыль?

— Всю жизнь об этом мечтала. Чтобы было больше хаоса.

Майлз ухмыльнулся. Катриона наконец улыбнулась в ответ, явно начиная приходить в себя, но при этом не ломаясь. Вздохнув, она двинулась дальше, и Майлз пошел с ней рядом. Она встретила с противником, воспользовалась шансом сделать дело и три часа висела в преддверии ада. И у нее еще хватает энергии держаться на ногах и ворчать. *Чопорная, ха!*

Ага, па, я хочу вот эту!

Майлз остановился у двери в медпункт. Госпожа Фортиц исчезла внутри, окруженная стайкой медиков, как дама в паланкине. Катриона задержалась.

— Я вынужден вас покинуть на некоторое время, надо проверить, как там мои пленники. О вас позаботятся.

— Пленники? — выгнула она бровь. — Ах да! Как вы отделались от комарцев?

Майлз жестко улыбнулся:

— Убедил.

Она уставилась на него, уголок ее красивого рта пополз вверх. Нижняя губа у нее была рассечена. Майлзу хотелось поцеловать ее, чтобы вылечить. *Пока нет. Выбери время, мальчик. Всему свое время.*

— Вы можете быть очень убедительным.

— Надеюсь. — Он вздохнул поглубже. — Я блефовал, заверив, что не выпущу их, что бы они с вами ни делали. Только вот я вовсе не блефовал. Мы не могли их отпустить.

Вот. В предательстве признался. Майлз стиснул руки.

Она недоверчиво смотрела на него. Сердце Майлза ушло в пятки.

— Конечно же, нет!

— Э-э-э... Что?

— Вы что, не знаете, что они собирались сделать с Барраяром? — требовательно спросила она. — Это же спектакль ужасов! Просто жуткий! А они этого даже не понимали! Даже пытались объяснить мне, что свертывание п-в-туннеля никому не причинит вреда! Чудовищные идиоты!

— Вообще-то я тоже так думаю.

— Неужели вы не рискнули бы жизнью, чтобы их остановить?

— Да, но я ведь рисковал не своей жизнью, а вашей.

— Но я ведь фор, — просто ответила Катриона.

Сердце Майлза ожило, радостно затрепетав, и он улыбнулся.

— Истинный фор, миледи, — выдохнул Майлз.

Подошла женщина-медик, беспокойно позвав:

— Госпожа Форсуассон?

Майлз хмыкнул на ее покровительственный тон, попрощался с Катрионой и отбыл. К тому времени, когда он свернул за угол, он уже бодро подпрыгивал.

ГЛАВА 21

Персонал станционного медпункта настоял на том, чтобы из предосторожности продержать у себя обеих фореда до следующего дня. Несмотря на усталость, Катриона все же сходила за своим чемоданом в так и не понадобившийся гостиничный номер, куда ее проводил очень юный бдительный эсбэшник, называющий ее «мэм» в каждой фразе и твердо намеренный нести ее багаж.

На комме гостиничного номера ее поджидало единственное срочное послание от лорда Форкосигана с приказом

немедленно вместе с тетей убраться со станции, высказанное таким настойчиво убедительным тоном, что она чуть было не поторопилась его исполнять, несмотря на явную запоздалость данного распоряжения. Одни указания, отметила она. И никаких объяснений. Вне всякого сомнения, он когда-то был военным командиром. Контраст между сдержанным, решительным лордом и чуть ли не детской радостью молодого человека, поклонившегося ей в дверях шлюза, позабавил Катриону. Так какой же из них настоящий лорд Форкосиган? Несмотря на его якобы откровенные выступления, этот человек неуловим, как вода. *Вода в пустыне*. Эта мысль неожиданно пришла ей на ум, и Кэт потрясла головой, чтобы ее прогнать.

Вернувшись в медпункт, она немного посидела с тетей, поджидая профессора. Дядя Фортиц прибыл через час. Он выглядел непривычно подавленным и выдохшимся, когда присел на край кровати и обнял жену. Та обняла его в ответ, и по щекам ее впервые за все это время потекли слезы.

— Не смей меня так пугать, женщина! — с деланной суровостью заявил он. — Позволяет себя похитить, душит комарских террористов, оставляя Имперскую безопасность без работы... Твой безвременный уход полностью нарушил бы мои эгоистические планы сыграть в ящик первым, чтобы ты меня догоняла. Так что уж будь любезна этого не делать!

Госпожа Фортиц слабо засмеялась.

— Я постараюсь, милый!

Больничная рубашка не очень ее красит, но цвет лица уже лучше, думала Катриона, глядя на тетю. Синергин, горячее питье, тепло и безопасность помогли убрать самые тревожные симптомы без дальнейшего медицинского вмешательства, так что ее встревоженный супруг довольно быстро успокоился. Катриона позволила тете

рассказать Фортицу об их пребывании у комаррцев, лишь изредка внося поправки, когда та уж слишком сильно начинала превозносить племянницу.

С некоторой долей зависти Катриона размышляла об этой супружеской паре с пятидесятилетним стажем, чей брак с годами только креп. *Это не для меня. Я упустила свой шанс.* Профессор с женой относятся к редким счастливым. Какими личными качествами надо обладать, чтобы достичь такого счастья? Катриона не знала, поскольку, совершенно очевидно, она сама ими не обладала. *Значит, так тому и быть.*

Громкий голос и четкая преподавательская дикция немедленно вернулись к профессору, когда он принялся подгонять медиков, причем совершенно напрасно. Катриона решительно вмешалась, сообщив, что единственное, в чем сейчас нуждается тетя, это в хорошем отдыхе. Профессор, завернув на секунду в туалет, отправился на поиски лорда Форкосигана, чтобы потом обследовать бывшее поле боя в доках. Катриона сомневалась, что после всех этих приключений она уснет, но, когда она вымылась и добрела до кровати, ей принесли какую-то микстуру. Катриона все продолжала жаловаться, что снотворное на нее не действует, когда вдруг простыни словно всосали ее.

Благодаря то ли микстуре, то ли усталости и нервному истощению, а может, отсутствию девятилетнего сына, но спала она долго. Спокойное утро, проведенное в беседах с тетей, уже близилось к полудню, когда в медпункт вошел лорд Форкосиган. Он был чист и сияющ как кот, а серый костюм — свеж и отглажен, хотя на лице еще сохранялись следы усталости. В обеих руках он тащил по огромному нескладному букету. Катриона поспешила освободить его от цветов, положив на стол, прежде чем он успел выронить оба.

— Добрый день, госпожа Фортиц! Вы выглядите гораздо лучше. Очень хорошо. Госпожа Форсуассон, — кивнул он Катрионе, ухмыльнувшись.

— Где вы отыскиали такие великолепные цветы на космической станции? — изумленно спросила Катриона.

— В магазине. Это ведь комаррская космическая станция. Они продают все. Ну, не совсем все, иначе это был бы уже Архипелаг Джексона. Но это имеет смысл, поскольку здесь непрерывно кого-то встречают и провожают, так что наверняка должна быть ниша для такой торговли. Знаете, они выращивают их прямо здесь, на станции, вместе с овощами. Но почему они называют это грузовыми садами, объяснил бы мне кто? Сомневаюсь, что в них выращивают грузовики. — Он подтащил стул и уселся рядом с Катрионной, у изножья кровати госпожи Фортиц. — Между прочим, по-моему, вот эта темно-красная кудрявая штука растет на Баррааре. Я нутром чую.

— Да, кровавая пуховичка, — подтвердила Кэт.

— Это что, название или оценка?

Катриона улыбнулась:

— Думаю, ее так называют из-за цвета. Она растет на Южном континенте, на западных склонах Черных гор.

— Я как-то был на зимней подготовке в Черных горах. К счастью, в это время года эти штуки, по всей видимости, погребены под несколькими метрами снега.

— Но как мы повезем их домой, Майлз? — посмеиваясь, поинтересовалась тетя.

— Не стоит вам себя обременять, — посоветовал он. — Вы всегда можете отдать их медикам перед отъездом.

— Но они ведь очень дорогие! — озабоченно воскликнула Катриона. Глупо платить такие деньги за то, чем они смогут наслаждаться лишь несколько часов.

— Дорогие? — моргнул он. — Автоматические системы управления оружием дорогие. Боевые задания, кото-

рые идут наперекосья, дорогие. А это дешево. Правда. К тому же надо ведь поддерживать бизнес, полезный для империи, так? Если представится возможность, попросите показать вам перед отъездом станционную гидронную секцию. Думаю, это будет весьма интересно.

— Посмотрим, будет ли на это время, — ответила Катриона. *Это был такой необычный опыт. Странно сознавать, что я еще даже не опоздала забрать Никки. Еще несколько дней процедур, и я покончу с Комаррой.*

— У вас есть все необходимое? Все, что вам нужно? Ведь теперь ваша тетя, — он кивнул на госпожу Фортиц, — с вами.

— Думаю, что теперь я справлюсь с чем угодно, — заверила его Кэт.

— Я так и думал. — На его лице снова мелькнула кривая улыбка.

— Мы только пропустили корабль, на котором должны были лететь сегодня утром, потому что дядя Фортиц настоял, чтобы мы подождали и отправились с ним на Комарру на скоростном курьере. Вы не знаете, когда это будет? Я должна отправить весточку госпоже Фортторрен.

— Вашему дяде еще надо кое-что сделать. Из штаб-квартиры Имперской безопасности на Комарре нам прислали целую толпу ученых и техников, чтобы вычистить и задокументировать то месиво, которое вы оставили в документах...

— Ой, мамочки! Мне очень жаль... — машинально начала она.

— Нет-нет, это прекрасное месиво! Я бы и сам лучше не сделал, а я в свое время нечто подобное учинял. Ну, как бы то ни было, он за ними присмотрит, а потом вернется на Комарру, чтобы создать закрытую комиссию по изучению агрегата, его возможностей и все такое. А мне прислали сильных следователей, которых я хочу лично

проинформировать, прежде чем они займутся моими пленниками. Капитан Форгир не очень обрадовался, когда я не позволил его людям допросить наших заговорщиков, но я уже убрал все подробности этого дела под гриф «совершенно секретно» и запечатал аудиторской печатью, так что ему не повезло. — Он откашлялся. — Мы с вашим дядей решили, что я прямо отсюда полечу в Форбarr-Султан и лично сделаю императору Грегору предварительный доклад. А то от СБ он получает лишь выжимки.

— Ой! — ошарашенно воскликнула Кэт. — Так скоро уезжаете... А как же остальные ваши вещи... Вы ведь не можете улететь без вашего активатора, верно?

Форкосиган машинально потер висок. Бинты с запястий исчезли, заметила Кэт, остались лишь бледно-красные полоски новых шрамов. Для коллекции, надо полагать.

— Я приказал Тумонену собрать мои вещи и прислать сюда с командой из штаб-квартиры. Они прибыли пару часов назад, так что я упакован. Старая добрая служба безопасности. Иногда она действительно выводит меня из себя. Тумонен получит здоровенную черную метку за то, что проморгал этот заговор в куполе «Серифоза», хотя на самом деле по шапке должно в первую очередь получить Имперское финансовое управление. А этот идиот Форгир получит поощрение. Нет на свете справедливости.

— Бедный Тумонен. Он мне понравился. А вы ничего не можете для него сделать?

— М-м-м, я уже как-то раз занимался внутренними делами Имперской безопасности, так что нет, пожалуй, не стану.

— А он сохранит свой пост?

— Пока неизвестно. Но я сказал ему, что если он обнаружит, что его военная карьера застопорилась, то пусть свяжется со мной. Думаю, что на этой аудиторской работенке я найду применение хорошо обученному помощнику. Хотя работа не постоянная. Мечта всей моей жизни.

Форкосиган задумчиво пожевал нижнюю губу и искоса глянул на Катриону.

— Боюсь, что закапывание этого дела на такую глубину секретности сильно ограничивает вашу возможность рассказать что-то Никки. А дело это окажется в черной дыре настолько быстро, насколько мы сумеем его туда засунуть, и останется там весьма надолго. Однако никаких публичных расследований не будет, так что вам не придется давать показания, хотя СБ может попросить о паре интервью. Без суперпентотала, разумеется. Задним числом я очень доволен, что провел все это дело настолько скрытно, насколько это было возможно. Но для Никки и для родственников Тьена, а также для все остальных остается в силе версия, что он погиб из-за небрежного обращения с респиратором. Других подробностей вы не знаете. Госпожа доктор Фортиц, к вам это тоже относится.

— Понимаю, — кивнула тетя Фортиц.

— Я одновременно и довольна, и встревожена, — медленно проговорила Катриона.

— Со временем уровень секретности смягчится. И тогда вы сможете еще раз взвесить эту проблему, когда... ну, когда многое может измениться.

— Я тут размышляла, не должна ли я ради спасения чести Никки выплатить империи те деньги, что Тьен получил в виде взятки.

Форкосиган изумился:

— Бог мой, конечно, нет! Если кто-то что-то и должен, так это Фоскол. Это она их украла. А от нее мы уж точно ничего не получим.

— Но кое-что осталось невыплаченным, — печально заметила она.

— Тьен расплатился с долгами своей жизнью. Он чист перед империей, уверяю вас. Голосом императора, если нужно.

Катриона переваривала услышанное. *Смерть списывает все долги. Лишь не стирает из памяти боль. Чтобы вылечить эту рану, нужно время. Время теперь принадлежит тебе самой. И это странно ощущать. У нее столько времени, сколько она захочет. Или сколько ей понадобится. О таком богатстве она и не мечтала.*

— Хорошо, — кивнула она.

— Прошное оплачено. Пожалуйста, дайте мне знать, когда будут похороны Тьена. Я хотел бы присутствовать, если смогу. — Он нахмурился. — Я тоже тут кое-что должен.

Катриона молча покачала головой.

— Ну, в любом случае позвоните мне, когда вы с тетей вернетесь в Форбарр-Султан. — Он снова посмотрел на тетю Фортиц. — Они с Никки ведь поживут у вас некоторое время, так?

Катриона так толком и не поняла, что это: вопрос или требование.

— Безусловно, — улыбнулась тетя.

— Тогда вот все мои адреса, — повернулся Форкосиган к Катрионе, протягивая ей пластиковую карточку. — Номера резиденций Форкосиганов в Форбарр-Султане, Хассадаре и Форкосиган-Сюрло, а также номер господина Циписа в Хассадаре — мой управляющий, я вам как-то говорил о нем. Он обычно знает, где меня поймать, если я болтаюсь по графству. И номер в Императорском дворце, где всегда знают, как меня найти. В любое время, днем и ночью.

Тетя Фортиц, откинувшись на подушку, прижала палец к губам и с растущим весельем наблюдала за Форкосиганом.

— Думаешь, этого хватит, Майлз? Может, дашь еще пару-тройку номеров на всякий случай?

К удивлению Катрионы, лорд Форкосиган слегка покраснел.

— Полагаю, этого вполне достаточно, — ответил он. — А я в свою очередь смогу вас найти через вашу тетю, так?

— Конечно, — промурлыкала тетя Фортиц.

— Мне бы хотелось как-нибудь при случае показать вам мой округ, — добавил он, избегая взгляда тети Фортиц. — Там есть много такого, что может показаться вам интересным. Крупный проект лесонасаждений в Дендарийских горах и кое-какие эксперименты с дезактивацией почвы. Моей семье принадлежит несколько виноделен и фабрик по изготовлению кленового сиропа. Вообще-то там сплошная ботаника. Шагу нельзя сделать, чтобы не наступить на какое-нибудь растение.

— Возможно, позже, — неуверенно ответила Кэт. — А что будет с Проектом Терраформирования в результате этой заваренной комаррцами каши?

— М-м-м, да практически ничего, я сильно подозреваю. Немедленное засекречивание всего дела ограничит возможные публичные политические конфликты.

— И в перспективе тоже?

— Хотя с точки зрения отдельного гражданина средства, украденные из бюджета Серифозы, кажутся громадными, с государственной точки зрения — это капля в море. В конце концов, этих чертовых секторов есть еще целых девятнадцать. Вот ущерб, нанесенный отражателю, — это уже другая история. Там счет куда как побольше.

— А империя его починит? Я так надеялась, что да. Форкосиган просветлел:

— У меня есть по этому поводу грандиозный план! Я собираюсь закинуть Грегору мысль, что починку — расширение отражателя — нужно объявить свадебным подарком Лаисе от Грегора и Комарре от Барраяра. Я порекомендую, чтобы его вдвое увеличили в размерах, добавив еще шесть панелей, которые комаррцы выпрашивают вот уже целую вечность. Думаю, что все это недоразумение можно пре-

вратить в прекрасный пропагандистский трюк, если правильно рассчитать по времени. Мы быстренько протащим эту идею через Совет графов и Кабинет Министров, до праздника Середины лета, пока Форбарр-Султан еще весь в сентиментальных переживаниях по поводу Императорской Свадьбы.

Катриона радостно захлопала в ладоши — и вдруг замерла:

— А это получится? Сомневаюсь, что проржавевший Совет графов подвержен тому, что Тьен называл романтическими бреднями.

— О, — легкомысленно отмахнулся он. — Уверен, что они вполне этому подвержены. Я сам — младший член Совета графов. В конце концов, мы тоже всего лишь люди. К тому же мы можем подчеркнуть, что всякий раз, как комаррцы будут смотреть вверх, — ну, ладно, *через раз*, — они будут видеть висящий у них над головой бар-рарский подарок, сознавая при этом, что этот подарок помогает создавать их будущее. Это может нас спасти от затрат на следующий комаррский заговор.

— Надеюсь, что так, — вздохнула Катриона. — Думаю, это прекрасная идея.

Форкосиган улыбнулся, явно довольный. Он посмотрел на тетю Фортиц, огляделся по сторонам и достал из кармана маленький пакет.

— Не знаю, госпожа Форсуассон, даст вам Грегор медаль или нет за то, что вы быстро соображаете и хладнокровно действовали в доке Южной транспортной...

Она затрясла головой:

— Мне не нужно...

— Но я подумал, что у вас должно остаться что-то на память обо всех этих событиях. Вот.

Он протянул руку.

Катриона взяла пакетик и рассмеялась:

— По-моему, я это узнаю!

— Уж наверное.

Кэт развернула знакомую обертку и открыла коробочку с крошечной моделью Барраяра, купленной в ювелирном магазине Серифозы. Теперь планетка висела на тоненькой золотой цепочке. Кэт подняла руку, и украшение заиграло на свету.

— Смотрите, тетя! — радостно воскликнула Кэт и протянула вещицу пожилой родственнице, чтобы та могла ее как следует рассмотреть.

Госпожа профессор с интересом изучала миниатюрную планету.

— Очень мило, дорогая. Действительно очень мило.

— Называется это «Премия лорда Форкосигана за облегчение ему работы», — сказал Форкосиган. — Вы ведь действительно мне ее облегчили, знаете? Если бы комарцы уже не потеряли эту свою адскую машину, они ни за что бы не сдались, убалтывай я их хоть до своего собственного посинения. Вообще-то Судха кое-что высказал в этой связи во время предварительного допроса, так что можете рассматривать это как факт. Если бы не вы, то сейчас станция представляла бы собой груды летящих в разные стороны обломков.

Катриона колебалась. Может ли она это принять? Она посмотрела на тетю, которая добродушно ей улыбалась, явно не видя ничего особенного в этом подарке. Впрочем, тетя Фортиц вообще была равнодушна к собственности. Именно за это безразличие Катриона и любила ее больше всех своих родственников.

— Спасибо, — искренне поблагодарила она лорда Форкосигана. — Я буду помнить. И помню, — добавила она.

— Хм, вообще-то вам полагается забыть этот злосчастный эпизод с прудом.

— Ни за что! — Ее губы изогнулись в улыбке. — Это был самый светлый момент того дня. Это было своего

рода предвидение, когда вы положили эту вещицу отдельно?

— Не думаю. Удача покровительствует подготовленному уму, и все такое. К моему счастью, со стороны трудно отличить быструю работу мысли от запоздало осознанной возможности и глубокого планирования. — Он довольно хмыкнул, когда Катриона надела цепочку на шею. — А знаете, вы первая подр... первая женщина-друг, кому мне удалось подарить Барраяр. Хотя нельзя сказать, что я не пытался.

В ее глазах зажглись веселые искорки.

— А у вас было много подружек?

Если нет, то придется счесть весь женский пол круглыми идиотками. Этот мужчина способен выманить змей из норы, девятилетних мальчишек из запертой ванной и комаррских террористов из их бункера. Почему же женщины не ходят за ним толпами? Неужели барраярки не способны видеть дальше его внешности или своих собственных вздернутых носов?

— М-м-м... — Последовало довольно долгое молчание. — Ну, в обычной пропорции, я бы сказал. Безнадежная первая любовь, всякое-разное в течение ряда лет, безответная сумасшедшая страсть.

— И кто же был первой безнадежной любовью? — зачарованно спросила Кэт.

— Элен. Дочь оруженосца моего отца, который был моим телохранителем, когда я был юным.

— Она все еще на Барраяре?

— Нет, она эмигрировала много лет назад. Сделала военную карьеру и ушла в отставку в чине капитана. Сейчас она шкипер торгового корабля.

— Скачкового корабля?

— Да.

— Никки умер бы от зависти... Хм... А что означает это «всякое-разное»? Если, конечно, мне будет дозволено об этом спросить?

Интересно, он ответит или нет?

— Э-э-э... Ну, да, наверное, вы можете спросить, учитывая все остальное... Надо думать, чем скорее, тем лучше.

Он просто на глазах становится все больше и больше баррарцем, подумала Кэт. Это его «надо думать» — типичный дендарийский горский диалект. Этот взрыв откровенности оказался не менее интересным, чем если бы она допрашивала его с суперпентоталом. Даже лучше, если вспомнить, что он говорил о своей неадекватной реакции на этот наркотик.

— Ну, еще Элли. Она была свободной наемницей-стажером, когда я ее впервые встретил.

— И кто она сейчас?

— Адмирал флота. В данный момент.

— Значит, она — это всякое. А кто был «разное»?

— Таура.

— А она кем была, когда вы с ней познакомились?

— Джексонианской рабыней дома Риоваль — преппаршивым местечком был этот дом Риоваль.

— Как-нибудь при случае мне надо будет подробнее расспросить вас о вашей деятельности галактического опера... И кто же она сейчас?

— Старший сержант наемного флота.

— Того самого, где и... хм... «всякое»?

— Да.

Катриона беспомощно подняла брови. Тетя Фортиц полужела на подушке, снова прижав палец к губам. Ее глаза смеялись. *Нет, тетюшка явно не собирается вмешиваться.*

— И?... — подтолкнула его Катриона. Ей вдруг стало безумно интересно, как далеко он может зайти в своих откровениях. С чего это вдруг он решил, что она должна знать все эти романтические истории? Но останавливать его она не стала бы ни за что... Судя по всему, тетя Фортиц тоже. Даже за взятку в виде пяти килограммов шоко-

лада. Но мнение Катрионы о женском роде начало медленно улучшаться.

— М-м-м... еще Вербена. Это было... это длилось долго.

— И она была?..

— Техническим служащим дома Фелл. Сейчас она криохирург-реаниматор в независимой клинике на Эскобаре. О чем я рад сообщить. И очень довольна своим новым гражданством.

Тьен гордо защищал ее в маленькой домашней крепости фор-леди, размышляла Катриона. Тьен десять лет так основательно защищал ее, особенно от всего, что способствовало росту, что она в свои тридцать лет чувствует себя не намного более взрослой, чем была в двадцать. Что бы там лорд Форкосиган ни предлагал своим удивительным любовницам, защита не из этого числа.

— Вы не видите во всем этом определенной тенденции, лорд Форкосиган?

— Вижу, — уныло ответил он. — Ни одна из них не захотела выйти за меня замуж и жить на Барраяре.

— Итак... что там насчет безответной сумасшедшей страсти?

— А! Это Райан. Я тогда был совсем мальчишка. Свежеиспеченный лейтенант, отправленный с дипломатической миссией.

— И что же она сейчас делает?

Форкосиган откашлялся.

— Сейчас? Она императрица. — Заметив ставшие как площадки глаза Катрионы, он, чуть помедлив, добавил: — Цетаганды. Их там несколько, понимаете.

Повисло долгое молчание. Форкосиган неловко заерзал на стуле, на лице его то появлялась, то исчезала улыбка.

Катриона, подперев подбородок ладонью, смотрела на него. Ее брови восторженно встали домиком.

— Лорд Форкосиган, а не могу ли я получить номер и встать в очередь?

Неизвестно, что он ожидал от нее услышать, но явно не это. Он настолько обалдел, что едва не свалился со стула. *Погодите-ка, я вовсе не собиралась, чтобы это прозвучало как...* Его улыбка застыла в положение «включено», но как-то ну совершенно набок.

— Следующий номер, — выдохнул он. — Первый!

Тут пришел ее черед обалдеть. Она опустила взгляд, испугавшись его горящих глаз. Он заставил ее почувствовать себя невесомой... *Сам виноват, раз такой... привлекательный.* Катриона принялась шарить глазами по комнате, судорожно пытаясь придумать какую-нибудь нейтральную фразу, чтобы иметь возможность отступить на запасные позиции. Это ведь космическая станция. Здесь нет никакой погоды. «Вакуум сегодня такой тяжелый...» Нет, это тоже не годится. Она беспомощно глянула на тетю Фортиц. Форкосиган наблюдал за ее невольными метаниями, и его улыбка приняла виноватый оттенок. Он осторожно посмотрел на госпожу профессора.

Тетя Фортиц задумчиво погладила подбородок.

— Вы полетите на Барраяр коммерческим рейсом, лорд Форкосиган? — любезно поинтересовалась она.

Обе несколько ошарашенные заинтересованные стороны ей благодарно моргнули.

— Нет, — ответил Форкосиган. — На скоростном курьере. Вообще-то он уже ждет меня прямо сейчас. — Кашлянув, он вскочил и демонстративно посмотрел на хроно. — Да, прямо сейчас. Госпожа профессор, госпожа Форсуассон, надеюсь вскоре обеих вас увидеть в Форбарр-Султане.

— Да, конечно, — заверила его Катриона, едва дыша.

— Я буду ждать этого с большим нетерпением, — благовоспитанно сказала тетя Фортиц.

Форкосиган криво ухмыльнулся, ни на секунду не обманувшись ее тоном. Он с достоинством поклонился и ушел. Правда, его эффектный уход был немного испорчен тем, что он споткнулся о порог. Его быстрые шаги затихли в конце коридора.

— Очень милый молодой человек, — заметила тетя Фортиц во внезапно опустевшей комнате. — Жаль, что он такой коротышка.

— Он не коротышка, — воинственно заявила Катриона. — Он просто... собранный.

Улыбка тети стала раздражающе широкой.

— Я это вижу, дорогая.

Катриона, собрав остатки собственного достоинства, гордо подняла голову:

— Как я вижу, вы себя чувствуете гораздо лучше. Как насчет экскурсии в секцию гидропоники?

ВСЕЛЕННАЯ МАЙЛЗА

Плетельщица снов*

Анайю Рюи, сочинительницу фили-снов, выдернуло из блаженного забвения, точно рыбу гарпуном. Она успела отметить краешком сознания, что, если бы такое вкралось в ее собственное творение, она бы его немедленно отредактировала. Более или менее проснувшись, она догадалась, что этим гарпуном стало мелодичное позвякивание видеофона. Расправив спутанные простыни, женщина перевернулась на другой бок и злобно впилась глазами в мигающий красный огонек. Безмозглый аппарат продолжал надрываться, и Анайя, в глубине души уверенная, что ее любопытство скорее всего будет наказано, а не вознаграждено, повернула к себе экран и прохрипела:

— Отвечай.

Дьявольская штукавина отказалась повиноваться. Пришлось кашлянуть и повторить команду нормальным тоном.

На экране появилось лицо Хельмута Гонзалеса, самого успешного дистрибьютора фили-снов Рио-де-Жанейро — крупного напористого мужчины. Общение с ним до первой утренней чашки кофе было истинным испытанием для Анайи.

* Dream weaver's Dilemma © Lois McMaster Budjold, 1995. © А. Новиков, перевод с английского, 2000.

— В чем дело? — поинтересовалась она, вложив в интонацию всю возможную нелюбезность.

— Сегодня первое число, Анайя, — ответил Гонзалес, хмурясь в ответ. — Где он?

— У тебя сегодня снова фаза импресарио? — спросила она, начиная атаку с фланга.

— Значит, он еще не закончен... — риторически изрек Гонзалес, расшифровав ее ответ с удручающей точностью. — А подписание контракта для тебя что-либо означает, или это просто развлечение вроде секса?

— У-у, вредина, — вздохнула Анайя. — Как я тоскую по золотым денькам, когда можно было ответить: «Уже отправила! Затерялось на почте!» Мы живем в нецивилизованный век, Хельмут.

Собеседник едва не улыбнулся, но вспомнил о цели разговора и взял себя в руки.

— Но ты его хотя бы начала?

— Да, начала. — Она пожала плечами. — Но потом стерла. Получилась какая-то ерунда.

Лицо собеседника явило зрительный эквивалент выжимания воды из камня.

— Если бы я получил его на текущей неделе, «Триада» принесла бы нам хорошие деньги. Если бы я его получил в прошлом месяце, как и планировал, мы были бы просто богаты. Знаешь, ведь эти задержки дорого обходятся не только мне, но и тебе.

— Ненавижу сериалы. Мне надоедает тема, — уклонилась Анайя.

— Чушь. Как может надоесть романтическая история? — упрямо возразил он. — К тому же ты профессионал — сама об этом разглагольствовала. Вот садись и работай как профессионал. К черту эмоции!

— Но ты же получил «Триаду», — напомнила она.

— А ты получила аванс за ее продолжение, — парировал он, не давая ей увильнуть. — Два месяца задержки — ты

нарушила контракт. С сегодняшнего дня я начинаю удерживать все гонорары за «Триаду» в счет погашения аванса и буду делать это до тех пор, пока ты не исполнишь условия договора.

— Капиталистическая свинья!

— Ты мне когда-нибудь еще спасибо скажешь. Когда разбогатеешь. Кое-кому, — он фыркнул, — просто-напросто требуется больше дисциплины, чем прочим. — И решив, что ему хотя бы на этот раз удалось оставить последнее слово за собой, Хельмут отключился.

Анайя натянула простыни до подбородка и угрюмо нахмурилась. В глубине души она понимала, что Гонзалес имел право так с ней разговаривать. Благодаря его педантичности финансовые дела Анайи шли весьма сносно. Весьма полезно иметь под рукой бездушного и приземленного фистимлянина. Кроме того, компания Хельмута выпускала рыночные копии «ощущалок» высочайшего качества. Тем не менее несколько минут она отводила душу, продолжая мысленную перепалку с Гонзалесом.

Расставшись с надеждой снова заснуть, она выбралась из постели и побрела умываться. Зеркало в ванной, которое она привычно игнорировала, отразило хрупкую молодую женщину со скуластым и слегка грубоватым лицом того типа, который воспитанные люди называют необычным. Кожа на лице была мягкой, бледной и знающей о солнечных лучах не больше, чем только что проклюнувшийся шампиньон. Прямые черные волосы окаймляли лицо безжалостной рамкой, но ясные и блестящие темные глаза с лихвой компенсировали неприятный эффект.

Она небрежно оделась, заказала на пульте большую кружку кофе и уселась за рабочий стол. Взгляд скользнул за окно, успокаиваясь на геометрических изломах лабиринта зданий, обрезанного вдали сверкающим на солнце морским простором. Это зрелище напомнило ей, что за

вид из окна с нее берут дополнительную плату, поэтому она ненадолго отвлеклась, вызвав на экран фона справку о своем финансовом положении. Как выяснилось, некоторые цифры еще можно подправить, но гнетущий итог это не изменит. Денег осталось в обрез.

— М-да-а-а... — протянула она на манер заклинания и изгнала призрака безденежья взмахом руки. — Пора браться за работу.

Она поудобнее расположилась в кресле и вытянула пару проводов, подключенных к очень дорогому синтезатору снов — аккуратной черной коробочке, похожей на антикварную книгу в мягкой обложке. Пять лет она билась над созданием фили-снов, чтобы расплатиться за столь дорогое и сложное устройство — исключительно за счет денег, заработанных с его же помощью. Этот факт был предметом ее особой гордости, тем самым она начислила себе еще одно очко в заочном состязании с бывшим женихом, тетушкой-хранительницей и прочими скептиками из ее прошлого. Анайя вставила в синтезатор чистый мастер-картридж и подключила провода к вживленным в кожу на висках металлическим кружочкам. Потом закрыла глаза и сосредоточилась.

Ее дыхание постепенно замедлилось и стало очень ровным. Со стороны она могла показаться спящей в кресле, если бы не напряженность позы, наводящая на мысль о трансе, чарах или экстатических видениях.

Принявшись за работу, она начала создавать сцену, увиденную глазами героини. Анайя тщательно подобрала ее эмоции при виде любимого: преданность, восхищение и страх. В комнату вошел герой — в костюме для верховой езды, высокий, бронзовый мускулистый красавец с ровными белыми зубами. От него исходил неотразимый мужской аромат хорошего одеколона, свежего ветра, кожи и лошадей. Его окружала ошеломляющая

сексуальная аура, подобная электрическому заряду и дополнительно усиленная тем, что он пребывал в ярости.

— Итак, — произнес он звучным сочным басом, — вот как ты оправдала мое доверие!

— Я... тебя не понимаю, — пробормотала героиня, чье сердце трепетало от вины и смущения. В висках ее стучало, а откуда-то из середины тела волнами расходился жар. Пластины тесного корсета затрудняли дыхание.

— Ты ослица, а он осел! — Голос Анайи разбил сцену на осколки, подобно приговору, вынесенному человечеству в судный день. — Сдавайся! Вы явно созданы друг для друга.

Измученного героя смыл поток вонючей навозной жижи. Анайя вздохнула, выпрямилась и потеряла глаза.

— Зануда паршивый, — пробормотала она. — Сама не знаю, зачем я тебя вообще выдумала. — Она стерла запись и восстановила начало. — Дубль второй. Попробуем изменить диалоги.

Преисполненная решимости, она вновь принялась за дело. Звякнул фон. Анайя раздраженно отозвалась. На экране возник незнакомец с маслянистыми черными волосами и выдающейся вперед челюстью.

— Мисс Рюи? — любезно начал он. — Меня зовут Рудольф Кинси. Не могли бы мы договориться о встрече? У меня к вам важное деловое предложение.

— Важное? — переспросила Анайя и подозрительно добавила: — А вы, часом, не из страховой компании?

— О нет-нет. — Он отверг ее предположение, как-то по-акульи улыбнувшись. Возможно, подобный эффект возникал из-за того, что улыбались лишь его губы, а глаза оставались холодными. Возможно, причиной тому был подбородок. — Я имел в виду личную встречу. Гм... это деликатный вопрос.

Анайя обдумала его предложение. На поклонника или журналиста он не походил. В его манерах чувствовалось

нечто скользкое, как у профессионального шантажиста или сутенера. Быстрая ревизия совести не выявила скандальных грехов; самым сенсационным в жизни Анайи было ее собственное воображение, которое она не только не прятала, но и выставляла на продажу в разбавленной и обузданной форме «ощущалок». Анайя с некоторым сожалением рассталась с этим довольно романтичным предположением (она не отказалась бы пообщаться с настоящим шантажистом, чтобы разобраться в психологии подобных типов) и пришла к выводу, что Кинси, вероятнее всего, хочет заказать ей частную «ощущалку», причем из некоей пакостной категории.

— Ладно, — согласилась она. — Вы знаете, где я живу?

Он кивнул.

— Тогда приходите... — совесть, посопротивлявшись, сдалась, — сегодня в четыре.

— Очень хорошо. — Кинси растаял, точно призрак в магическом зеркале.

В тот день работа шла из рук вон плохо. Персонажи, каждому из которых полагалось обладать собственным «я» и неординарными чувствами, упорно сбивались на штампованные монологи. Раздражение и скука Анайи, вынужденной работать в рамках опостылевшей темы, вырывались всплесками эмоций, что несколько раз вынуждало ее стирать сделанное и начинать сначала. Но едва у нее начинало что-то получаться, с роковой неизбежностью вякал видеофон.

Поэтому к четверем она успела позабыть о назначенной встрече и жужжание дверного звонка восприняла как очередную помеху. Она рывком вышла из мира создаваемого сна и очутилась в реальности, безвозвратно погубив хитроумно задуманную сюжетную цепочку, которую сплетала последние несколько минут. Едва не зарывав, Анайя выключила синтезатор.

Вспомнив, что гость может предложить денежную работу, причем принципиально иную, нежели ее нынешняя голгофа, она сняла с висков провода и укротила эмоции.

— Войдите!

Живьем Рудольф Кинси оказался еще менее привлекателен, чем на экране. Его рукопожатие напоминало прикосновение улитки. Однако в нынешнем своем состоянии Анайя восприняла его как более предпочтительную альтернативу создаваемому герою.

Усевшись, он сразу перешел к делу, и за это она его мысленно поблагодарила. Робеющие клиенты с экстравагантными просьбами могли до бесконечности ходить вокруг да около или, что еще хуже, сами толком не знали, чего хотят.

— Как мне говорили, вы иногда делаете сны по частным заказам — дополнительно к работе, выполняемой по контракту с компанией «Сладкие сны», — начал он. Анайя кивнула. — Мне также дали понять, что вы сохраняете определенную степень... как бы это сказать?... профессионального благоразумия по отношению к частным заказам. Это так?

Анайя кашлянула.

— Что ж, естественно. Когда меня просят воплотить чьи-то самые сокровенные мысли и желания, оживить их, то любой публичный показ личных чувств, заключенных в готовой работе, стал бы величайшей бестактностью, — ободряюще ответила она, имитируя его стиль. Ей уже стало интересно: окажутся ли просьбы Кинси слишком непристойными, чтобы выразить их вслух, или же слишком глупыми, чтобы в этом признаться. Над вторым вариантом она поработала бы с удовольствием и развлекалась бы от души, но, судя по его внешности, она была готова поспорить, что ее ждет первый вариант. Ну что ж, это тоже будет полезно.

— У меня с собой, — сказал он, доставая, к ее удивлению, стопку листов из дипломата, — сценарий сна, который я хочу заказать. Я желаю, чтобы он был воспроизведен в точности. Прошу вас, прочтите. Если вы сочтете, что сможете выполнить заказ, то у меня будут два требования. Во-первых, вы обязуетесь никогда и ни при каких обстоятельствах не обсуждать его с кем-либо. Во-вторых, единственный экземпляр работы и право на ее использование становятся моей абсолютной собственностью. За первоклассное воплощение задания и ваше согласие с упомянутыми условиями я готов заплатить двадцать тысяч песодолларов.

Глаза Анайи расширились, но она тщательно подавила всякие эмоции — например, желание прыгать и вопить от радости.

— Достойная сумма, — ухитрилась произнести нейтральным тоном Анайя. «Этот тип наверняка настоящий извращенец», — подумала она и после секундного внутреннего редактирования выдала второй вариант этой же фразы: — Задание настолько трудное?

— Увидите, — ответил гость, вручая ей листки.

— Почему на бумаге? — любопытствовала она, принимая их.

— Прошу вас не задавать вопросов. — Он игриво хлопал себя по губам и улыбнулся. Анайя решила, что лучше бы он этого не делал.

Она принялась читать, осторожно переворачивая страницы.

— Действительно, весьма подробно. Это поможет. — Краткое молчание. — Весьма странная структура. Больше напоминает кошмар, нежели сон по заказу. — Еще одна страница. — Определенно кошмар. — Она прочла дальше. — Вы правда хотите все это пережить? — Вспомнив о предложенном гонораре, она откровенно добавила: — Что ж, о вкусах не

спорят. — Если подумать, то и эта фраза прозвучала несколько бестактно, но у Кинси, похоже, возражений не вызвала. — Тут есть несколько технических проблем. Та сцена, где играющие дети превращаются в стаю акул, а спящая проскальзывает в глотку одной из них — с переходом к сцене пыток, которая сменяется пистолетом, чей выстрел разносит голову... Вы хотите сделать переходы между сценами «наездами» или «наплывами»? Каков должен быть уровень боли? Какие запахи?

Она смолкла, уже прокручивая в голове возможные решения.

— Здесь я полагаюсь на ваше... э-э... чутье художника.

Она дочитала последнюю страницу.

— Не очень-то хорошее окончание, верно?

— Если оно для вас слишком трудно, то я могу отыскать и другого...

— Нет-нет. Должна признаться, для меня это вызов. Мне почти не приходилось работать в жанре ужасов.

Этот странный и неприятный сон уже всколыхнул ее артистическое воображение. В любом случае он не был тривиальным. Муза пахивала серой, но, в конце концов, именно муза, а не деньги повлияла на ее решение.

— Хорошо. Я попробую. Могу я оставить сценарий? — Она пошуршала листками.

— Да, конечно, — отозвался Кинси, вновь улыбаясь. — Надеюсь, не стоит напоминать, что их нельзя копировать или... э-э... потерять. Когда, по-вашему, заказ может быть готов?

— Что ж, — задумчиво проговорила она, потирая кончик носа, — задание сложное, но не очень трудоемкое. Возможно, две недели, если я брошу все остальное ради работы над ним. Быть может, чуть дольше, — добавила она для подстраховки. — Мне вам позвонить?

— О нет. Я к вам зайду. Скажем, в это же время через две недели, начиная с сегодняшнего дня.

Он встал.

— Согласна.

Кинси церемонно пожал ей руку и ушел. Хозяйка проводила его до двери и, рассеянно вытирая ладонь о домашние брючки, нахмурилась.

Завершал фон. Анайя вздохнула.

— Если я хочу над тобой поработать, — заявила она сценарию, — то придется выдрать эту проклятую штуковину из стены. — Она шагнула к аппарату, думая о своем друге и иногда любовнике, который имел привычку почти никогда не отвечать на звонки. — А это мысль, — пробормотала она, резко останавливаясь. — Заявлюсь-ка я на пару недель к Чалмису. Никто и не догадается, что я у него, а если и догадается, то нарвется на его невозмутимый автоответчик. Отличная еда, никаких помех... идеально!

Вдохновленная столь блестящим планом, она встала перед фоном и скомандовала:

— Отвечай!

На экране показался Хельмут Гонзалес. Не успел он раскрыть рот, как Анайя произнесла:

— Это запись. Я уехала. Если хотите оставить сообщение, у вас есть пятнадцать секунд.

Улыбаясь и помаргивая, Анайя простояла еще секунд пять, глядя на экран, где ошарашенный Хельмут пытался связать несколько слов, и отключила его на половине фразы.

Чалмис Дюбаор однажды назвал себя изгнанником во времени. Более инженер, чем поэт, он говорил точными фразами, без метафор. Около двадцати пяти субъективных лет он прослужил на древних атомных буксирах, летавших с околосветовой скоростью между Землей и ее единственной — до эпохи, когда были обнаружены «червоточины», — колонией. Это соответствовало почти шестидесяти объективным годам, прошедшим на Земле

и Колонии Бета, и навсегда лишило его синхронизации с историей любой из этих планет. Он трижды проходил интенсивнейшую техническую переподготовку — и всякий раз безнадежно отставал за время полета. Жену и детей он оставил на Бете, когда его призвали младшим офицером для участия в экспедиции по возвращению в Америку — тогда до колонистов дошло устаревшее на двадцать четыре года известие о большой войне. Семью поглотило время еще до его затянувшегося возвращения теперь уже в должности капитана корабля. Судно принадлежало правительству, которого и в помине не было, когда он впервые покинул Землю. Колония Бета, куда он вернулся, достигла небывалого расцвета. Он повел достаточно приятную жизнь, поселившись у своего единственного дожившего до его возвращения ребенка — дочери, ныне превратившейся в морщинистую, хрупкую и благодушную прабабушку, взирающую на него с изумлением, как на какого-нибудь лепрехуна. А когда отец смотрел на нее, то ощущение, что здесь он не на своем месте, охватывало его с такой силой, что у него начинала кружиться голова. Позднее, когда Чалмис в последний раз возвращался на Землю, открытие и быстрое развитие новой технологии «червоточин», позволяющей мгновенно переноситься через бездны пространства, лишили все принесенные им жертвы последних остатков смысла.

Поэтому он ушел в отставку. Построил себе старомодный дом в стиле лучших образцов времен его детства, возвел его на огромном участке в той географической зоне, где родился, и укрылся в нем, как укрывается в раковине краб-отшельник. Журналисты и историки на некоторое время сделали капитана Дюбаора объектом преследования, но он защищал свое уединение с непреклонной последовательностью.

В его-то уединенное убежище Анайя и направилась на следующий день после разговора со странным заказчиком.

Возле ворот в силовом экране никого не оказалось. Впрочем, в этом не было ничего необычного, поэтому она спокойно вошла и отправилась на поиски хозяина, которого так и не смогла предупредить о своем приезде. День стоял ясный и жаркий, поэтому женщина принялась обыскивать окрестности дома. Чалмис часто повторял, что годы, проведенные взаперти в металлических коробках, несущихся в пространстве, наградили его клаустрофобией. Анайя подметила, что это состояние проявлялось у него в хорошую погоду и исчезало в пасмурную; его страсть к прогулкам никогда не оказывалась настолько сильна, чтобы терпеть дискомфорт. Минут через пятнадцать систематических поисков Анайя обнаружила его в уголке сада среди цветов изумительной красоты.

Сад Чалмиса тонул в сиянии летнего дня, напоминая коралловый риф, экзотический по форме и расцветке. Жужжание насекомых, пронизывающее мягкую и теплую атмосферу, подчеркивало тишину и делало ее почти осязаемой. Дорожка, выложенная белыми до боли в глазах мраморными плитками, вилась мимо клумб высоких летних цветов в направлении группы старых дубов, что башнями возвышались в дальнем конце участка и создавали островок прохладного полумрака. Чалмис сидел на скамейке в их тени, невозмутимый как ламантин, и наблюдал за гостьей, идущей к нему по белым плиткам. Это был мужчина крепкого сложения, среднего роста и возраста. Поседевшие на висках светлые волосы он зачесывал назад над широким лбом. Округлое лицо казалось бы мягким, если б не пронизательные до мурашек серые глаза.

В сверкающем красками саду Анайя смотрелась как нечто чужеродное, напоминая ночное существо, внезапно извлеченное из укрытия на яркий дневной свет. Эффект усиливала ничем не смягченная чернота ее одежды: блестящий антрацитом комбинезон и кожаные сапож-

ки. Все это вполне соответствовало кондиционированному помещению, которое она покинула сегодня утром.

— Итак, — буркнул Чалмис, не потрудившись встать при ее приближении, — откуда ты взялась и как вошла?

— Из Рио, сегодня утром, — ответила она, нимало не смутившись подобным приемом. — Как я поняла, ты не стер отпечаток моего голоса из аппаратуры ворот после моего последнего визита. И это хорошо, иначе я, наверное, до сих пор стояла бы там, ругалась и ждала, пока твой повар ответит, если услышит. — Она уселась рядом, и он извинился за холодную встречу поцелуем. — Я оставила на твоём автоответчике сообщение, что приезжаю, но, как видно, зря. Прилетела на шаттле в Торонто, а там наняла легкий флайер, чтобы добраться сюда.

— Тебе повезло с погодой, — заметил он.

— Да, полет был приятным. Слушай, я заметила много новых полей на той радиоактивной полосе к северу...

— Кливленд, — сухо прервал он. — Там сейчас выращивают много масличных культур, используя устойчивые к радиации гибриды. Подсолнечник, который воистину светится.

Он по-крокодильи моргнул и принялся ждать, когда гостья объяснит причину своего появления. Анайя обвела взглядом пышный сад.

— А твоим цветам неплохо живется, — позавидовала она.

Послышалось негромкое жужжание, и на ее ногу опустился кузнечик.

— Ай! — взвизгнула она, стряхивая насекомое.

— Они не кусаются, — улыбнулся Чалмис.

— А выглядят так, точно могут укусить. Зачем ты развел в саду столько живности? Тебе и так приходится постоянно держать силовое поле включенным, чтобы не пробрались москиты.

— Ты рассуждаешь в точности как мой садовник. — Он задумчиво помолчал. — Ностальгия, наверное. Когда я рос в этих краях, кузнечики и лето были неразделимы. Но, должен признать, послевоенные насекомые — явление совершенно иное.

Несколько минут никто из них не нарушал тишины. Чалмис заговорил первым, облегчая ей объяснение:

— Как нынче идут «ощущалки»? Ты небось от кредиторов сбежала?

— И да, и нет, — улыбнулась она. — Вообще-то бизнес идет неплохо. «Триада» продается хорошо. Перуанская «Лига морали» ее запретила, и это здорово оживило продажу. Мой дистрибьютор в Рио был этим весьма доволен — не удивлюсь, если узнаю, что он сунул кому-то взятку, чтобы ее включили в «черный» список. Теперь он хочет, чтобы я сделала продолжение. Я даже подписала контракт.

— А я думал, что все «ощущалки» — порнография, — сообщил изумленный Чалмис.

— Нет. Некоторые сочинители работают для подростков, — серьезно пояснила она, сразу усевшись на любимого конька. — Но приставки для воспроизведения снов есть лишь у немногих детей, так что этот рынок ограничен. Я сама подумываю сочинить нечто подростковое о Колонии Бета — если сумею выкачать из тебя достаточно подробностей для общего фона.

— Любопытная идея. А сможешь ли ты сочинить четко детализированный сон о месте, где никогда не была и вряд ли когда будешь?

Она пожала плечами.

— Будущие зрители тоже там не были, поэтому никто не станет придирается к подробностям. Ты единственный, кто сможет меня раскритиковать, но ты снов не сочиняешь. И даже не смотришь.

— И слава Богу! Я испытываю непреодолимое отвращение к мысли напичкать свои мозги электродами. — Он указал на два серебряных кружка на висках Анайи. — Тут, несомненно, сказывается мое древнее американское воспитание.

— Ты неисправимо старомоден, — ответила она, ничуть не обидевшись. — Но все же... операция по вживлению имплантата для воспроизведения записей намного проще, чем вживление имплантата для сочинителя. И совершенно безболезненна. Зато потом ты сможешь покупать мои работы.

— Умоляю, не искушай меня. Я возражаю вовсе не против боли, тут дело принципа.

— Как хочешь. В любом случае я прилетела в такую даль не для того, чтобы рекламировать аппараты для просмотра «ощущалок». Я задумала одно исследование...

— Для эротического сна? Дорогая, так это здорово! Буду счастлив тебе помочь.

Он церемонно поцеловал ей руку. Она улыбнулась и отняла ее.

— Сумасшедший. Впрочем, мы можем заняться и этим. На самом же деле я хотела спросить, не могу ли остаться здесь на неделю или две, чтобы закончить одну работу? Дома мне буквально не дают покоя.

— Ага. Значит — не кредиторы. Так ты сильно просрочила контракт?

— Есть немного. Если честно... на несколько месяцев. И мой дистрибьютор уже грозитя принять меры. — Она попыталась изобразить невинную жертву.

— И аванс ты, разумеется, потратила...

— Разумеется. — Она уставилась на носки своих сапожек. — Но причина не в этом. Мне сейчас просто не хочется сочинять продолжение того сна или что угодно в том же духе. То была ерунда, пустышка. А я хочу испро-

бовать совершенно новую область. И поработать над новыми идеями.

Она подумала, что условия необычного контракта не позволяют ей излишнюю откровенность. А жаль. Ни с кем она не обсудила бы его столь охотно, как с Чалмисом. Его мнение она ценила наиболее высоко, поскольку на него не влияли мода или мнение друзей. Эта его особенность компенсировала в глазах Анайи безразличие к современной культуре, порой доводящее ее до бешенства.

— Разумеется, дорогая. Прогуливай сколько душе угодно. — Чалмис не стал напоминать, что она была здесь незваной гостьей. — Расположиться можешь в той же комнате, где жила в прошлый раз, если она тебе понравилась; ею с тех пор никто не пользовался. Поговори с Чарлзом насчет постельного белья, еды и всего прочего. А потом я покажу тебе новейшие музейные экспонаты.

Кроме садов и эпикурейской жизни, у Чалмиса было еще одно хобби — восстановление старинной техники для музеев. В его распоряжении имелась прекрасно оборудованная мастерская, где он, позабыв обо всем, мог часами ковыряться в микроскопической филигрании всевозможных плат и схем. Некоторые образцы датировались временами его молодости; постепенно он стал таким экспертом, что брался за любую конструкцию. Зато Чалмис совершенно не разбирался в современной бактериальной электронике, где компьютеры выращивались, а не создавались. Его усилия очень высоко ценились несколькими историками науки и оставались совершенно неизвестными для простых смертных.

Анайя понимала в его работе еще меньше, чем он в ее, но у них имелось и нечто общее — страстная ненависть ко всяческого рода помехам. Каждый проявлял такое же уважение к рабочему времени другого, какое желал получать сам, и это взаимное невмешательство сильно их сближало.

В последующие дни Анайя, с головой погрузившись в работу, могла пропустить обед или ужин, нисколько не тревожась, что кто-то придет ее искать и тем самым оторвет от дел. Чалмис в свою очередь снимал с себя обязательства хлебосольного хозяина. Когда же их орбиты случайно пересекались, эти встречи наполняла взаимная благодарность за предыдущее отсутствие другого.

Такая встреча произошла как-то вечером примерно через неделю после приезда Анайи. Гостя и хозяин блаженно расположились возле дома в уличных креслах — мягких, как кушетки. Они полулежали рядом, глядя в небо. Горизонт на западе полыхал багрянцем и лимоном, чистая зелень по краям плавно переходила в ультрамарин. Над закатившимся солнцем сверкала искорка Венеры, кое-где уже замерцали самые яркие звезды. Деревья и трава вокруг дышали теплым и незабываемым санным ароматом лета Среднего Запада. Анайя подсчитывала похожие на падающие звезды вспышки — в сотне футов над их головами сгорали москиты, натыкаясь на автоматический силовой барьер.

— ...семь, восемь... Слышишь, Чалмис, а это правда, что они могут высосать из человека всю кровь за пятнадцать минут?

— Сомневаюсь, — лениво отозвался он. — Полагаю, если на тебя нападет целая стая, то можно потерять много крови. Но хотя они и пяти дюймов в длину, в основном это крылья и ноги. Вряд ли москит сможет высосать больше пяти миллилитров зараз. А вот их яд — это настоящая проблема. — Он отпил из высокого бокала глоток лимонада со льдом. — Особенно если эти твари из районов с высокой радиацией — такие могут наградить и лучевым ожогом.

— Берегись тех, кто светится в темноте, да? Двенадцать, тринадцать... ух, смотри, какой красавец полетел!

Некоторое время они молчали, потягивая лимонад.

— Как — получается новый сон? — спросил наконец Чалмис. — Сделала столько, сколько надеялась?

Анайя помедлила с ответом.

— Да, актуализация идет очень гладко.

— И тем не менее у тебя нет желания похвастаться успехами. Что тебя тревожит? Но если я лезу не в свое дело...

— Нет-нет... А что, я выгляжу встревоженной? — обеспокоенно спросила она.

— Ты, конечно, не совсем прозрачна, — успокоил Чалмис. — Но для того, кто наблюдает за тобой достаточно пристально... гм... похоже, то, над чем ты работаешь, влияет на твое поведение. Либи́до, например.

Анайя поморщилась.

— Да... Ты прав, конечно. — Она протянула руку и слегка коснулась Чалмиса. — Этот сон скорее... антифродизиак.

— Для начала сойдет. На какую тему?

Анайя заколебалась, борясь с искушением, но через некоторое время поддалась ему.

— В основном о смерти. Это частный заказ. И довольно зловещий. Слушай, вообще-то мне не разрешено об этом говорить, но...

— Но? — иронично повторил Чалмис. — Кажется, я знаю, что означает «но». Сейчас ты заставишь меня поклясться хранить молчание, а потом все выложишь.

— Если ты добавишь: «Это так по-женски», я тебе врежу, — пообещала Анайя. — Но... Чалмис, это действительно леденящая кровь история, и дело не только в образном ряде сценария. И чем дольше я над ним работаю, тем более зловещим все становится.

Она описала ему визит Рудольфа Кинси, а завершила рассказ тем, что принесла Чалмису сценарий и переносную лампу.

Анайя с тревогой наблюдала, как ее друг читает страницу за страницей. Закончив, Чалмис перевернул пачку

листных и углубился в сценарий снов. Она уже внутренне сжалась, ожидая услышать упреки в том, что согласилась на такой заказ, но первые слова Чалмиса, когда он закончил чтение в третий раз, застали ее врасплох:

— Ты заметила, что эта штука задумана в виде бесконечной петли?

— Что? Не могу представить, кому такое может понадобиться... Разумеется, сюжет идет по кругу — тут я с тобой согласна. Прежде мне казалось, что это нечто вроде художественной аффектации. Может, этот тип начинался романов двадцатого века?

— Это лишь впечатление. Но все же... что ты знаешь о заказчике?

— Только то, что уже сказала. Напоминает жуликовского адвоката. Но кто я такая, чтобы судить других?

— О, ты бываешь весьма восприимчивой и наблюдательной, когда перестаешь витать в облаках. Впрочем, для тебя это процесс не вполне осознанный.

Анаия задумалась: считать ли его слова комплиментом?

— Итак, ты не сможешь с ним связаться, если захочешь, — размышлял вслух Чалмис. — Ни адреса, ни номера фона, а контракт у вас устный — кстати, ты уверена, что тебе вообще заплатят?

До сих пор такая жуткая мысль даже не приходила ей в голову.

— Короче, ты даже не знаешь, действительно ли это его настоящее имя. Твоя проблема в том, дорогая моя, что ты слишком честна. Даже не представляю, откуда у тебя подобное прямодушие. Воспитание тут явно ни при чем.

Анаия выпрямилась.

— Что еще за оскорбления?! А ты сам кто такой? Преступный гений, затаившийся в центре паутины интриг?

Чалмис ухмыльнулся:

— А что ты предпочтешь услышать?... Ладно, вернемся к сути. Да, я согласен, заказ очень необычный и зло-

вещий, но то, что тревожит меня больше всего, тебе, похоже, даже в голову не приходило. Но ты была там, а я нет. Не надо отдаваться во власть предположений.

— Чалмис, как по-твоему, стоит мне этим заниматься? — серьезно спросила Анайя.

— О небо, ну и вопросыки ты мне задаешь! Это же твоя работа. Мне-то не нужно зарабатывать на жизнь, так какое я имею право давать советы тем, кому это требуется? Но...

— Но? — передразнила его Анайя.

— Можно причинить человеку вред, используя филисон? Тут у тебя преимущество, ведь я не представляю, что это такое.

— Конечно, есть такие, кто смотрит сны слишком часто, потому что не может оторваться от полюбившихся кассет. Но я не вижу, чем «ощущалки» в этом отношении отличаются от прочих развлечений. На мой взгляд, даже самые отвратительные фили-сны приносят больше пользы, чем вреда: во сне можно вести себя как угодно, и никто от этого не страдает.

— За исключением воздействия на душу, которое могут оказать подобные видения.

— А как такое можно измерить? Нет, я все же думаю, что «ощущалки» есть лишь новый способ заниматься все тем же старым и привычным.

— Тогда ты ответила на собственный вопрос.

— Могла бы и догадаться, что ты не станешь на него отвечать.

Он вернул ей сценарий и с любопытством спросил:

— А этот твой мистер Кинси не произвел на тебя впечатления человека, для которого все это, — он показал на листки, — любимейшее развлечение?

— Нет, — задумчиво ответила Анайя. — По-моему, для него подобное — слишком большая роскошь. У меня создалось впечатление, что он чей-то агент.

— Я тоже так подумал. Любопытная головоломка. Мне будет интересно узнать, чем эта история закончится. Позвони мне, когда вернешься в Рио.

— Неужели ты подойдешь к фону? — рассмеялась Анайя.

— Только если позвонишь ты, дорогая.

Анайя наконец удалось уговорить себя отбросить сомнения, и за следующую неделю она завершила сочинение сна. Обычно окончание работы приносило ей облегчение, но сейчас она ощущала себя скорее вымотанной, чем удовлетворенной, подобно ныряльщику, глотнувшему воздуха после слишком долгого пребывания под водой. Прекращение боли вовсе не равнозначно удовольствию. И все же она гордилась своим мастерством. Анайя обладала ясным и образным воображением, полным поэтической силы, и щедро приправила этой силой получившийся сон. Кроме того, ее ждали деньги.

Положив мастер-картридж в нагрудный карман, она попрощалась с Чалмисом, нагло одолжила у него денег на флайер и начала возвращение к цивилизации. Путешествие было омрачено мелкими неприятностями: скверной погодой в Торонто и потерей багажа после приземления шаттла в Рио. Потребовался целый час упорства и ругани, чтобы служащие наконец-то отыскали ее чемодан в каком-то дальнем углу багажной зоны. Анайя вошла в свою квартиру злая и голодная. Похоже, жизнь затворницы привлекает ее все больше и больше.

Торопливо распаковав вещи и проглотив состряпанный роботом ужин, показавшийся ей особенно гадким после двух недель гостеприимства у Чалмиса, она обнаружила самую серьезную из приключившихся сегодня неприятностей. Ее синтезатор снов, точнее, та его половина, что находилась за пределами ее головы, исчез. Она трижды

перевернула квартиру вверх дном и пришла к неутешительному выводу, что забыла его у Чалмиса. Она позволила ему и, не дождавшись ответа, оставила сообщение с просьбой поискать синтезатор.

На следующий день у нее была назначена встреча с Кинси. День этот тянулся медленно. Хельмут Гонзалес каким-то образом пронюхал, что она вернулась в город, и вновь предпринял попытку заставить ее закончить работу. Как ни странно, теперь она с большей благосклонностью смотрела на костюмированные романтические бредни и не стала лишать его надежд.

Отделавшись от Гонзалеса, она принялась бесцельно бродить по квартирке, перебирать наброски полузабытых проектов и вспоминать заброшенные хобби, пока ровно в четыре не прожужжал дверной звонок.

То был Кинси — скользкий, как и прежде, но старательно подавляющий возбуждение. Это навело Анайю на мысль, что сон он все-таки заказал для себя. Гость уселся на кушетку и поставил на колени большую сумку.

— Я принес свой плеер, — пояснил он, доставая аппарат. — Вы, разумеется, понимаете, что мне хочется... э-э... проверить продукт перед тем, как оплатить заказ.

— Естественно.

Анайя протянула ему картридж. Кинси вставил его в плеер и прикрепил единственный провод к металлическому кружочку за левым ухом. Потом включил плеер и закрыл глаза.

Через несколько минут он выключил аппарат — как ей показалось, довольно торопливо. Выпрямившись, Кинси долго смотрел на нее с неким уважением крокодила.

— Это просто... замечательно, — проговорил он наконец. Анайя мысленно расцвела, но сохранила невозмутимость.

— Не стесняйтесь, досмотрите сон до конца, — щедро предложила она.

— О, не стоит. Я вполне удовлетворен, — заверил ее Кинси. — И мне действительно пора. Мое время ограничено. Мне осталось лишь забрать сценарий и расплатиться.

Анаия насторожилась.

— Можете перевести деньги, воспользовавшись моим фоном, — предложила она.

— Я принес оплаченный чек. Так вас устроит? — с тревогой спросил он. — Пусть это немного старомодно, но совершенно надежно, уверяю вас. Вам надо лишь прийти в банк и удостоверить свою личность отпечатком голоса. Знаете, в последнее время было столько махинаций с электронными платежами... вот я и решил, что так будет безопаснее.

Кинси достал прямоугольник бумаги, снабженный магнитной полоской.

— А вы любитель бумаги, — заметила Анаия, принимая чек и рассматривая его гораздо внимательнее, чем обычно. Похоже, чек в полном порядке. Он был выписан к погашению в городском банке, оплачен и, вероятно, не мог быть отозван клиентом. А подобная мысль у нее в голове мелькнула, потому что завтра в банке был выходной. Она вернула Кинси несколько измятые листки сценария, и тот изучил их с тем же вниманием, с каким она разглядывала его чек.

— Да, все в порядке. — Он встал, собравшись уходить, но возле двери остановился и посмотрел на нее с некоторой хитрецей. — Могу я попросить вас о небольшой услуге? Не бесплатной, разумеется.

— Спросить всегда можно, — пожала плечами Анаия. — Валяйте.

— Завтра день рождения моей тетушки. А она ваша большая поклонница. Вот я и подумал, не согласитесь ли вы сделать для нее очень короткую вещицу — нечто вроде поздравительной открытки? Ей очень нравится поэма

«Подарок Дорин». И если вы сможете переложить ее на сон, тетушка будет в восторге.

Анайю поразила сама мысль о том, что у Кинси есть тетушка. Он казался ей существом, вылупившимся из яйца, причем кожистого. А «Подарок Дорин» — очень популярная нынче слащавая поэма. Переведенная в версии для всех видов масс-медиа, она насытила коммерческую культуру задолго до приближения Рождества.

Очевидно, Кинси прочитал сомнение на ее лице, поэтому что привел более веский аргумент:

— Я вам щедро оплачу затраченное время.

— Что ж, — ответила Анайя, не желая показаться неблагодарной, все еще держа чек, делающий ее свободной на год, — в принципе это нетрудно. Но я забыла синтезатор в доме друга. И вряд ли успею вернуть его до завтра.

— Ах, вот как... Но вдруг вы все же успеете? И если успеете... давайте я зайду завтра во второй половине дня. К тетушке я пойду вечером. Если сможете выполнить мою просьбу — прекрасно, а если нет, то подыщу ей другой подарок.

Они снова обменялись церемонным рукопожатием. Кинси улыбнулся.

— До свидания, мисс Рюи, — попрощался он и выскользнул за дверь.

Анайя закрыла дверь и вернулась в комнату, которую обычно считала своим гнездышком, но сегодня воспринимала как клетку. Она задумалась, не сходить ли ей развлечься на пляж — все равно раньше чем послезавтра она не сможет получить деньги и кутнуть, — но решила пойти на компромисс и потратить избыток энергии на давно откладываемую уборку. И по ходу дела наткнулась под кушеткой на синтезатор.

— Ура и аллилуйя! — завопила она, прижимая свою драгоценность к груди. — А я-то решила, что позабыла тебя в дикой глуши. Прекрасно, прекрасно!

И она со счастливой улыбкой поставила его на привычное место на рабочем столе.

— Вот теперь я смогу по-настоящему развлечься. — Она задумалась, за что взяться в первую очередь — романтический сон для Гонзалеса, «поздравительную открытку» для Кинси или подростковую приключенческую вещь, идеи для которой неприкаянно бродили у нее в голове уже несколько недель. Но пока она размышляла над столь роскошным выбором, ее охватило легкое беспокойство.

— Как ты мог оказаться под кушеткой, черт побери? — спросила она. — Если бы я тебя уронила, когда распаковывала вещи, то это произошло бы в спальне.

Когда дело касалось мелочей, Анайя своей памяти не доверяла. Она частенько забывала, приняла ли утреннюю таблетку витаминов, еще не завинтив колпачок флакончика, и даже по влажности щетины зубной щетки проверяла, почистила ли зубы. В то же время, готовясь к работе над очередным сном, она умудрялась запоминать длиннейшие диалоги героев, поэтому не считала, что у нее проблемы с памятью, и причина таких провалов лишь в сосредоточенности на главном. А синтезатор никак не относился к категории витаминов и зубной щетки.

Вчера ее некоторое время изводила параноидальная мысль о том, что синтезатор украден, но логика настаивала, что она наверняка его забыла. Синтезатор нельзя было провезти через границу, не предъявив на таможне, и Анайя не могла представить, зачем кому-то было его красть — разве что ради весьма экзотической попытки выкупа. Она потянулась было к проводам, собираясь подключиться, но ее остановила новая мысль.

— Что за дурацкая идея. Ты позволила себе поддаться влиянию Чалмиса, дорогая, — пробормотала она. Его всегда беспокоили провода в ее голове, потому что ему

вечно мерещилось архаичное зрелище неожиданного короткого замыкания. Фактически же на контактных разъемах синтезатора попросту не могло появиться опасное напряжение — они сгорели бы первыми. Тем не менее она купила диагностический набор и куда-то его сунула. У нее никогда не возникало проблем с синтезатором, поэтому случай воспользоваться покупкой так и не представился. По сути, этот набор был совершенно не нужен, потому что для любого ремонта синтезатор все равно полагалось отправить изготовителю, и теперь он служил для Анайи наглядным примером ее уступчивости навязчивой торговой рекламе. Для очистки совести она встала и занялась его поисками.

Приборчик оказалось найти почти столь же трудно, как и синтезатор, но в конце концов она откопала его в дальнем углу ящика стола под кучей всякой всячины. Она поставила его рядом с синтезатором и подготовила к работе. Потом вытянула из синтезатора провода, вставила их в разъемы и включила прибор.

Мгновенно послышался громкий треск, сверкнула яркая голубоватая вспышка, и по пластику на секунду пробежало оранжевое пламя. Запахло горелым. Анайя отшатнулась, руки ее затряслись. Она кое-как встала и глотнула воздуха. Сердце бешено колотилось.

— Боже мой, — выдохнула она, потрясенная до такой степени, словно в нее выстрелил любовник. Потом еще минут десять она уговаривала себя, что страхи ее глупы и что ожидала она вовсе не такого подтверждения. Она долго смотрела на груды дымящихся обломков на столе.

— Мой синтезатор! — всхлипнула она, резко села, протянула к нему руку, отдернула ее и разревелась.

Через некоторое время она перестала всхлипывать, заперла дверь и позвонила в полицию. Завершив разговор, набрала новый номер. К ее удивлению, Чалмис ответил почти сразу.

— Должно быть, у меня сегодня счастливый день, — поприветствовала она его.

— Просто я случайно проходил через кабинет, — пояснил он. — Ты в порядке? — добавил он, увидев выражение ее лица.

— Мой синтезатор только что сгорел. Я до смерти перепугалась. Чалмис, он никак не мог сгореть!

— Ты была подключена? — с тревогой спросил он.

— Нет. Я его тестировала. Вот взгляни. — Она развернула экран фона, чтобы Чалмис увидел стол. — Окажись я подключена, так сейчас выглядела бы моя голова.

Анайя, последовав за своим воображением, представила, как вся паутина тончайших проводков, тянущихся от имплантата через мозг, мгновенно вспыхивает, и точно в замедленном фильме увидела, как умирает от электрического разряда, взрывающего и сжигающего ее клетки.

— Но почему, Анайя? — спросил потрясенный Чалмис. На его лице, как и на лице Анайи, появилось то странное напряжение, которое обычно описывают словами «выглядел довольно бледно».

— Первое, что пришло мне на ум, — угрюмо предположила она, — так это то, что покойники не могут подтвердить голосом свою личность, получая деньги по чеку. — Она показала ему чек. — Его оставил сегодня мой скользкий заказчик. А отнести эту бумажку в банк я могла лишь послезавтра. И отыскался мой синтезатор сразу после ухода визитера.

Она описала ему вчерашнюю историю с багажом, увенчавшуюся потерей любимого синтезатора.

— Ты думаешь, что он обрек тебя на смерть только ради денег? — спросил Чалмис.

— Не знаю. В этом нет смысла. Я выполнила бы его заказ и за гораздо меньшую сумму. Он даже не пытался

торговаться. — Анайя вспоминала недавние события, постепенно успокаиваясь. — И еще эта история с его тетушкой...

— Его тетушкой? — переспросил удивленный Чалмис.

— Готова поспорить, что у него нет никакой тетушки. И даже матери нет, — гневно добавила Анайя.

Чалмис рассеянно почесал верхнюю губу.

— Ты сообщила в полицию?

— Сразу же, как только заперла дверь.

— Думаешь, он попробует снова?

— Возможно. — Последние несколько минут ее воображение с поразительной скоростью выдавало всевозможные варианты убийств, описанные в романах. — Я немного нервничаю, потому что живу одна.

— Понимаю. Только не надо вздрагивать от каждого шороха. Он наверняка думает, что добился успеха или вот-вот добьется. И у него нет необходимости что-либо предпринимать, пока он не поймет, что разоблачен. Надеюсь, это произойдет, когда его арестуют. Но послушай, почему бы тебе не завершить дела с полицией, а потом прилететь ко мне ближайшим шаттлом? У меня ведь не дом, а настоящая крепость. Я даже могу попросить Чарлза встретить тебя в аэропорту.

Анайя благодарно улыбнулась.

— А я тем временем попробую по своим каналам убедить полицию отнестись к твоему делу с максимальной серьезностью. Позвони мне еще раз, когда будешь готова выехать. Буду ждать.

— Спасибо тебе, Чалмис.

Полиция прибыла довольно быстро. Офицер-детектив и специалист по взрывным устройствам наполнили ее квартирку ощущением реальности, подобно порыву ветра, ворвавшемуся через распахнутую дверь в душную

комнату. Такая непререкаемость присуща полицейским, врачам и знаменитостям. К заявлению потерпевшей они отнеслись серьезно и с профессиональной любезностью. Детектив, лейтенант Мендес, мужчина средних лет, с привычной компетентностью задал ей ряд вопросов, весьма напоминающих те, что задавал Чалмис неделю назад. Анайя снова поняла, какую беспечность проявила.

Техник уложил останки синтезатора в пластиковый ящик и унес на экспертизу. Увы, чек у Анайи тоже забрали, поскольку он стал единственной уликой в этом деле. Теперь до женщины окончательно дошло, какую предусмотрительность проявил ее заказчик, не оставив ни единого физического или электронного следа. Но детектив держался вполне оптимистично.

Анайя сообщила ему, что при необходимости с ней можно связаться через Чалмиса, и вскоре была уже на борту шаттла. Полет до Торонто предоставил ей время поразмыслить о том, каким чудом она избежала смерти. И чем больше она думала, тем сильнее убеждалась, что одни лишь деньги не могли стать веским мотивом убийства. У Анайи возникло печальное подозрение, что ее сознательно использовали в качестве инструмента в гораздо более отвратительной игре. И к тому времени, когда она добралась до Чалмиса, подробности созданного ею сна, вспомнившиеся с тошнотворной ясностью, подсказали ей совершенно иной мотив преступления.

— Я уверена, что все было затеяно ради сна, — заявила она своему другу. — И считаю, что он будет использован в качестве оружия.

Ранним утром они сидели в роскошной библиотеке Чалмиса. Анайя смертельно устала, но нервное возбуждение не позволило ей заснуть. Чалмис заботливо потчевал ее успокаивающими словами и изысканными закусками, пытаясь как-то снять напряжение.

— Ведь я это почувствовала, даже ты почувствовал! Но я так увлеклась, восхищаясь своими способностями... я хотела сделать тот сон! Надо вернуть злополучный картридж, и чем скорее, тем лучше.

— Успокойся, не торопись. Давай начнем сначала. Как сон может стать оружием?

— Сон — своеобразное гипнотическое внушение, только намного сильнее. Моя работа сделана на заказ, настроена на конкретную личность. Я думаю, что если жертва просмотрит сон несколько ночей кряду, то самоубийство станет неизбежным. План идеальный: убийце даже не придется приближаться к жертве. А потом он уничтожит картридж, и уже никто и никогда ничего не докажет.

— Очень интересная идея. Что о ней думает полиция? Анайя нахмурилась.

— Кажется, вся эта история не заинтересовала их так, как следовало бы. Детектив ухватился за реальные улики.

— Что ж, им ведь придется доказывать дело в суде, сама понимаешь. А идея — понятие эфемерное. Я всегда полагал, что «ощущалки» есть нечто вроде супервидео. Более совершенная иллюзия, и только.

— Да, большая часть сюжетов именно такова. Но ведь есть и откровения, и чистые абстракции. Они действуют более открыто и непосредственно. Совсем не обязательно маскировать психический символизм в персонажах или сюжетах, он и так на виду. — Встревожившись, Анайя принялась расхаживать. — Но, видишь ли, если меня, сочинителя, одолевает страх или некая другая сильная эмоция, то я могу в определенном смысле упаковать ее в сон и избавиться от нее. Очень терапевтический получается эффект — для меня. Я обретаю власть над проблемой в процессе работы над ней. Но это не всегда срабатывает подобным же образом для человека на другом конце — того, кто смотрит мой сон. Эмоция возникает, пробивается в его сознание, и теперь уже ему надо отыскивать способ

избавиться от нее — или не избавиться, такое тоже не исключено.

— Ладно, примем твою теорию в качестве рабочей гипотезы. Кстати, я заметил, что ты говоришь об абстрактном «убийце», а не о Кинси. Почему?

— Я ни в чем не уверена, — покачала головой Анайя. — Никогда не встречала столь скользкого типа, как Кинси. К тому же он не произвел на меня впечатления человека, у которого хватит вдохновения написать такой сценарий. Так что давай назовем его автора Босс.

— Босс? — повторил Чалмис и взглянул на нее с удивленным упреком.

— Ну что поделаешь, я так мыслю. Понимаешь, Чалмис, ведь эта штука была хороша. Сильная вещь, полная внутренней мощи. Она заставила меня выложиться, показать все, на что я способна. Нет, Кинси всего лишь посредник.

— Хорошо. Запишем это в колонку «факты».

— А разве у нас есть какие-то факты? Мне это больше напоминает стрельбу в темноте наугад.

— О, ты знаешь намного больше, чем это может показаться. Если твоя теория верна, то тебе известны такие вещи, которые заставят заказчика пойти на любые хлопоты и риск, чтобы от тебя избавиться. И раз Босс о тебе столь высокого мнения, то кто мы такие, чтобы с ним спорить? Давай начнем с самого сна. Что он тебе говорит о намеченной жертве? Это мужчина или женщина?

— Женщина, — уверенно ответила Анайя. — Ты ничего не знаешь о телесных образах в «ощущалках», но если бы потребовалась действительно хорошая работа, предназначенная для мужчины, им пришлось бы обратиться именно к мужчине.

— Старая или молодая?

— Не очень старая и определенно не ребенок — среднего возраста.

— Замужем?

— Тут я не уверена. Во всяком случае, не девственница.

— Дети?

— Почти наверняка. Это придавало некоторым самым жутким образам сна больше силы.

— Личность сильная или слабая?

— Слабая, хрупкая... но упрямая. — Анайя начала ухватывать образ. — Это лишь дедукция, но будь она слабой и податливой, убийца смог бы добиться от нее желаемого, не прибегая к таким изощренным методам.

— Гм-м.. Возможно. Итак, жертва — женщина среднего возраста, замужняя, с одним или несколькими детьми и имевшая проблемы с психикой. Мы также знаем, что у нее есть имплантат дримера, следовательно, она не из бедных. Нутром чую, в этой истории замешаны деньги. Во всяком случае, убийца считает деньги сильной мотивацией, если учесть, сколько он тебе предложил за работу и на какой риск пошел, лишь бы ты не получила эти деньги. Еще мы знаем, что между убийцей и жертвой достаточно интимные отношения, поскольку он может прикоснуться к ней спящей — хотя и не исключено, что он просто подкупил нужного человека. И еще: согласно твоей гипотезе, нам стал известен его роковой просчет.

Чалмис увлекся ролью детектива, позабыв о том, что хотел успокоить Анайю и уложить ее спать.

— Какой еще просчет? По-моему, его план безупречен.

— Он не может оставить свидетелей. Не попытайся он тебя убить, ты наверняка стала бы и дальше жить своей жизнью, позабыла о подозрениях и не захотела больше копаться в этой истории. Но признаю, что если бы покушение на тебя удалось, то все кончилось бы иначе. Из-за меня.

— Да, вряд ли он предусмотрел тебя.

— Я в этом совершенно уверен. Если позабыть о твоём несомненном таланте, ты одинокая незамужняя женщина. Тебе некому открыться. Некому излить душу. И

никто не станет дотошно расследовать твою таинственную смерть.

— Верно. — Она нервно грызла зеленую пластиковую палочку, на которую недавно был насажен ломтик лосося, свернутый в форме розы. — Я не хочу ждать полицию. Если я права — Господи, надеюсь, я ошибаюсь, — то созданный мною сон, быть может, уже сейчас отравляет подсознание той женщины. Ждать некогда. Я хочу немедленно отыскать этого негодяя Кинси, вытащить его из берлоги, где бы он ни находился, и выбить из него правду. Только не знаю, с чего начать или что использовать в качестве приманки.

— Ты сама и есть приманка, — заметил Чалмис.

— Как так?

— Отсутствие сообщений о твоей смерти должно сильно его встревожить. Он начнет гадать: в чем же причина, почему не сработал его план? И я уверен, что рано или поздно он не сможет удержаться от желания прийти и проверить, в чем дело. Вот тут-то и надо поставить ловушку.

— Как это можно ускорить?

— Пожалуй, к твоему визитеру ведет лишь единственная ниточка — чек. Полиция уже работает с ним по официальным каналам. Ты же хочешь действовать независимо. Связаться с ним напрямую ты не имеешь возможности. А как насчет общественных каналов связи?

— Это идея. Допустим, я дам во всех персональных каналах службы новостей Рио такое объявление: «Господин Рудольф Кинси, банк отказывается платить по вашему чеку. Прошу связаться со мной и решить проблему». И укажу твой номер. Если мне удастся хотя бы поговорить с ним, то есть шанс заманить его сюда. Но это такой зыбкий план... А что, если он не просматривает каналы личных объявлений?

— Я вспомнил о твоём бывшем друге — том самом, что приехал брать у меня интервью, когда мы с тобой

впервые встретились, и который сам отвечал на свои вопросы. Ты ничего не сможешь сделать через него?

Анайя поморщилась:

— Пожалуй, смогу раскрутить на статейку в видео-журнале «Заочное интервью с автором «Триады», ныне отдыхающей в Огайо». Минут пяти хватит — я появлюсь там радостная и здоровая, скажу, что решила сделать долгий перерыв в работе. И вставлю фразочку о том, что положила синтезатор на полку, или отправила на фабрику, или еще что-нибудь придумаю. Может, оброну намок на частный заказ, который только что закончила и очень от него устала. Надеюсь только, что Хельмут этого не услышит, а то его удар хватит. Но услышит ли Кинси?

Кончик зеленой палочки превратился в плоскую лопаточку.

— Он наверняка станет следить за любыми новостями о тебе. На мой взгляд, шансы очень неплохие.

— Тогда попробуем оба варианта. Да... если план срывается?... Если он заявится сюда вооруженным? У тебя есть оружие? — спросила Анайя.

— Оружия у меня нет. Но не могу тебя винить в том, что ты не смотришь на жизнь глазами инженера. Вокруг нас много разного оружия, и оно намного лучше пистолетов. И если ты заманишь мерзавца сюда, то остальное предоставь мне.

— Так и решим.

Последующие дни стали для Анайи просто кошмаром. Лишившись привычной работы, ее воображение занялось постройкой городов-башен и хитроумных лабиринтов дальнейших предположений на узком фундаменте имеющихся фактов. Из сочувствия Чалмис заказал и оплатил для нее новый синтезатор, но прибор не могли доставить быстрее чем через неделю, и Чалмису приходилось терпеть приступы хандры своей подруги. Наконец он не выдержал и зая-

вил, что она ведет себя как капризный ребенок накануне Рождества, и это немного образумило Анайю.

Они не теряли связи с полицией в Рио. Улики, которыми располагало следствие, ничего не дали. Как выяснилось, в синтезатор вмонтировали обычный коммерческий электрет*, который попросту разрядился, когда прибор включили. Такую подлость мог устроить любой, имеющий элементарные познания в электронике. Не нашлось ни отпечатков пальцев, ни волосков, ни волокон ткани. Чек был проплачен в одном из отделений банка человеком, чья внешность соответствовала описанию Кинси, однако имя он назвал другое. Банкноты, которыми он заплатил, давно растворились в обороте, хотя полиция и предприняла попытки их отследить. Имя и адрес оказались фиктивными, а отпечаток голоса не совпадал с голосами известных полиции преступников. Сейчас этот отпечаток долго и тщательно сравнивался с голосами из других архивов. В Ла-Плате и Манаосе отыскиались два Рудольфа Кинси: один оказался пекарем на пенсии, а второй молодым студентом, и оба не имели никакого отношения к объекту поисков.

Чалмис тоже кое о чем договорился с ближайшим соседом — местным шерифом. Ситуацию усложняло то, что их предполагаемый посетитель мог и не совершать прежде никаких преступлений в Северной Америке. Арестовав его на месте, они защитили бы Анайю, но вряд ли бы им удалось предъявить ему какие-либо обвинения. И даже в случае ареста в Рио он имел превосходные шансы отвертеться — если не потеряет головы и станет упорно все отрицать.

В среду вечером Анайя услышала звонок у входных ворот. Ее сердце дрогнуло. Она подошла к экрану, нажала кнопку и увидела зубасто улыбающегося Рудольфа Кинси.

* Электреты — диэлектрики, длительно сохраняющие поляризацию при их затвердении в сильном электрическом поле, то есть, по сути, электрические аналоги магнитов. — *Примеч. пер.*

— О-о... — протянула Анайя. — Странно видеть вас здесь. — Она тут же дала себе мысленного пинка, надеясь, что больше не сморозит какую-нибудь глупость.

— Добрый вечер, мисс Рюи. Я так рад, что отыскал вас, — произнес Кинси, сохраняя безупречное самообладание. — Не могли бы вы уделить мне немного вашего времени?

— Я... Мне надо спросить капитана Дюбаора. У него весьма своеобразное отношение к посетителям.

— Да, меня предупреждали, — улыбнулся Кинси.

— Если вы по поводу открытки ко дню рождения, то примите мои извинения. У меня сломался синтезатор, пришлось отправить его в ремонт. Быть может, я смогу вам это чем-то возместить?

Кинси слегка встревожился.

— Ничего страшного, мисс Рюи, и вам вовсе незачем беспокоить хозяина. Если вы подойдете к воротам, я очень быстро завершу свое дело.

«Не сомневаюсь», — подумала Анайя и улыбнулась.

— Подождите, пожалуйста, — попросила она и нажала кнопку «пауза».

— Чалмис! — закричала Анайя, припустив во весь дух. Пробежка на полсотню метров привела ее на кухню, где Чалмис испытывал терпение повара. — Он здесь! У ворот. Сам Кинси. Хочет со мной встретиться.

— Да, знаю, — небрежно отозвался Чалмис, обмакивая палец в соус. — Он больше часа бродил вдоль периметра силового экрана. Наверное, понял, что пролезть не удастся, решил рискнуть и атаковать с фронта.

Анайя метнула на своего друга яростный взгляд:

— Так ты знал! И даже не предупредил меня!

— Не было времени, — спокойно ответил он.

— Что будем делать?

— Ты можешь пойти к фону и вызвать шерифа Йодера. Попроси его заехать примерно через час. Потом жди в кабинете. Чарлз, отложи обед на час. Думаю, мы управимся.

— О-о-о! — Анайя приплясывала вокруг Чалмиса, как нетерпеливая планетка-спутник вокруг Юпитера. — А ты что собираешься делать?

— Пригласить нашего гостя на прогулку.

— Ладно, будь по-твоему, — хмуро согласилась она. — Но, пожалуйста, осторожней.

— Я всегда осторожен. И не забудь — ты согласилась предоставить эту часть плана мне.

Чалмис вышел из дома, направляясь к воротам. Сгустились сумерки.

«Главные ворота» представляли собой похожую на паутину конструкцию, расположенную в некотором удалении от дома. Интерком был вмонтирован с наружной стороны в один из пилонов ворот. Кинси ждал рядом, прислонившись к пилону и ковыряя землю острым носком ботинка. Он насторожился, заметив Чалмиса, потом слегка расслабился, убедившись, что хозяин пришел один.

— Господин Кинси? — вежливо осведомился Чалмис.

— Э-э... капитан Дюбаор? — спросил Кинси. — Очень сожалею, что побеспокоил вас, но мне надо обсудить очень срочное дело с вашей гостьей, мисс Рюи.

— Да, она мне передала. — Чалмис набрал код. — Проведите свой флайер через ворота, поставьте его на той полянке, и мы пройдем к мисс Рюи.

Кинси выполнил его инструкции. Было заметно, что он нервничает. Чалмис запер ворота другой кодовой комбинацией и направился к лесистому участку на своей территории. Вскоре его догнал Кинси.

— Это довольно деликатное и личное дело, — намекнул Кинси. — Возможно, она пожелает обсудить его только со мной. — Его тон подразумевал некие близкие отношения с Анайей. Чалмис оценил артистизм фразы.

— Ну конечно, — сердечно согласился он. — Мисс Рюи в летнем домике, как раз за этим лесом. Там вам ничто не помешает: полное уединение.

— Наше дело потребует некоторого времени. — Кинси мгновенно проглотил приманку.

Они вошли в лес. Здесь было темнее, прохладные влажные лощины и землю под ногами покрывал толстый упругий слой листьев, накопившийся за много лет. Сверху они потрескивали, а ниже размягчались до скользкой черноты, заглушая звуки шагов. Подлесок выбрасывал на тропу шупальца ветвей и кривых узловатых корней.

— Идите впереди, дальше тропа станет узковатой для двоих, — предупредил Чалмис. Он остановился и присел стряхнуть какой-то мусор с обуви, потом достал из кармана дистанционный пульт и магнитофон. Пройдя еще несколько шагов, он поудобнее расположился на упавшем дереве и произвел кое-какие манипуляции.

— Пожалуй, мы зашли достаточно далеко, господин Кинси. Мне не хочется, чтобы вы заблудились в лесу.

Чалмис положил пульт и магнитофон на бревно рядом с собой. Кинси резко обернулся, на его лице вспыхнуло подозрение.

— Что это? — Глаза гостя обшарили Чалмиса. Не обнаружив ничего напоминающего оружие, он бросился к хозяину и с разбегу наткнулся на невидимую стену силового экрана. Кинси отпрянул, но не упал. — В чем дело, капитан?

— А ни в чем, — радушно ответил Чалмис. — Я просто подумал — вдруг вам захочется со мной поговорить? — И он с намеком постучал пальцем по магнитофону.

— О чем? — спросил Кинси, неуверенно нащупывая хоть какую-то точку опоры в изменившейся ситуации.

— Тему я предоставляю выбрать вам, — сказал Чалмис. — И не сомневаюсь, что через некоторое время вы вспомните что-нибудь интересное.

Наступило долгое молчание.

— Чтобы расшевелить вашу память, могу указать на несколько пикантных особенностей ситуации, в которой

вы оказались, — пришел на помощь гостю Чалмис. — Как мне кажется, вы проявили большую осторожность, и никто не знает, где вы. Вы совсем один, без транспортного средства, в незнакомой местности, где наступает ночь. До ближайшего соседа как минимум восемь километров — вы уж извините, если я не подскажу, в каком направлении, — и на этом пути вас ждет пересеченная местность: кустарники, болота и так далее. Вы мне кажетесь городским человеком... интересно, когда вы в последний раз путешествовали пешком?

Кинси злобно сверкнул глазами, но промолчал. Один из первых вечерних москитов превратился в беззвучную вспышку, наткнувшись на силовой экран.

— Ах да, совсем забыл про москитов, — продолжил Чалмис. — Вы, жители цивилизованного юга, и понятия не имеете о ненасытности насекомых здесь, на диком и радиоактивном севере. Хотя неправда, что они могут высосать из человека кровь за пятнадцать минут — на это им нужно гораздо больше времени. Однако гораздо меньше, чем требуется человеку, чтобы прошагать восемь километров.

— Да вы сумасшедший! — заорал Кинси и выхватил из кармана пиджака маленький лучевой пистолет. — Немедленно прекратите! — потребовал он.

— О, друг мой, надеюсь, вы немного разбираетесь в физике, — предупредил Чалмис, даже не шелохнувшись.

Выражение на лице Кинси подтвердило, что в физике он разбирается. Сжав губы, он сунул лучевик в карман.

— Благодарю вас. Магнитный резонанс — очень мощная сила. Там, где вы стоите, получилась бы внушительная воронка. Я мог бы превратить ее в пруд для золотых рыбок. Но вы правильно сделали, что не выбросили оружие. Оно вам может потом потребоваться, если вы все же решите прогуляться. Знаете, тут водятся лесовики.

— Какие еще лесовики? — не сдержался Кинси.

— Ну, это были довольно неуклюжие маленькие и мохнатые животные — когда я был мальчиком, еще до войны. Война настолько все изменила. Москиты, лесовики... — Чалмис смолк, поглядывая на вспыхивающие за листьями вдоль границы силового экрана искры погибающих москитов. Кинси, обрушив на хозяина поток яростной брани, отошел было в лес, но тут же вернулся.

— Москиты, — назидательно пояснил Чалмис, — отыскивают жертву, улавливая углекислоту, которая содержится в выдыхаемом млекопитающими воздухе. Могут вам посоветовать некоторое время не дышать.

Над головой Кинси послышалось назойливое басовитое жужжание. Взвизгнув, он отбил крупное насекомое ладонью. Кинси прислонился к экрану, образовавшему вокруг него золотистую ауру.

— Чего вы от меня добиваетесь? — рявкнул он. — Признания? Любое признание, полученное под угрозой, не считается в суде доказательством.

— Верно, если признание выбито полицией, — согласился Чалмис. — Но когда дело касается частных лиц, понятие угрозы несколько расплывается и утрачивает четкость. Рад, что вы догадались: я весьма заинтересован в правосудии. Хочу лишь напомнить, что для исполнения правосудия совершенно не обязательно прибегать к помощи неповоротливой судебной машины.

— Вы говорите об убийстве! — взвизгнул Кинси. В серых глазах Чалмиса на мгновение вспыхнул огонек гнева, и Кинси, позабыв о москитах, отпрянул от силового экрана, точно впервые осознав, насколько силен хозяин поместья. Затем Чалмис слегка опустил веки, и на его лице вновь появилась маска ироничного шутника.

— Я как раз надеялся, что мы подойдем к этой теме. Что-то я монополизировал разговор...

— Такое вам с рук не сойдет! — выкрикнул Кинси.

— Что? Невежественный горожанин заблудился ночью в лесу, и его настигла предсказуемая судьба. И не просто предсказуемая; такое происходит регулярно. Только в этом году в болотах Толедо утонули двое — лето было влажное.

Послышалось мерзкое басовитое жужжание, и Кинси отвернулся, обороняясь. Пока он загонял двух mosquitos на силовой экран, третий сзади впился ему в ногу. Кинси заверещал, когда в кровь проник яд, заплясал от боли и оторвал присосавшегося москита.

Чалмис терпеливо ждал.

Кинси в состоянии шока забормотал какую-то историю про Анайю, полную инсинуаций и наглой лжи об их вымышленных сексуальных отношениях.

— Сказки меня утомляют, — оборвал его Чалмис, — к тому же я опаздываю на обед. Пойду-ка лучше в дом.

— Вы блефуете.

— Мистер Кинси, насколько я понял, Вселенная существует для вас, пока существуете вы. Похоже, солипсизм — общая особенность сознания всех преступников. Но вы уж поверьте, для меня это ничто.

Чалмис встал. В кустах запели москиты. Кинси сломался.

— Меня зовут Карлос Диас, — торопливо заговорил он, прижимаясь к экрану. — Я был частным детективом в Рио. В прошлом году потерял лицензию. А потом эта большая шишка из фармацевтической компании «Портобелло» — доктор Бианка, заведующий отделом развития, — предложил мне тысячу песодолларов за то, чтобы я сходил к мисс Рюи и заказал ей сон. Но так, чтобы заказ нельзя было проследить. И дал мне свою отмытую «наличку». Ай! Ой! Снимите его с меня!

Кинси завертелся, отчаянно размахивая руками и пытаясь избавиться от маленького кошмара, погрузившего хоботок в его спину.

— Прислонитесь спиной к экрану, — посоветовал Чалмис.

Кинси/Диаз последовал совету и продолжил исповедь в еще более быстром темпе.

— Я увидел возможность сорвать куш, — тараторил он, задыхаясь. — Вложить деньги в именной чек... закоротить синтезатор мисс Рюи... и побудить ее включить его до того, как она сходит с чеком в банк. Никто не заподозрит связи между чеком и несчастным случаем. Потом выждать три месяца и обменять чек обратно на деньги. У меня есть старый друг в аэропорту... он думал, что я расследую какое-то дело. Я добрался до багажа мисс Рюи, вытащил синтезатор, вставил в него что надо и подбросил ей в квартиру, когда приходил. Это было легко.

— Значит, вас не нанимали убить ее, — заметил внимательно слушавший Чалмис. — Просто к двум великим мыслителям пришли одинаковые идеи.

Диаз смолк, очевидно, осознав, что только что утратил возможность оправдать себя.

— Вы доставили сон заказчику? Для чего он ему потребовался? Что вы еще о нем знаете?

— Он мне не сказал зачем. А диск сейчас у него. Я отдал его в понедельник.

Диаз отчаянно пытался вспомнить новые факты, чтобы убажить своего мучителя. Вокруг него все яростней жужжали москиты.

— Прежде я никогда о нем не слышал. Он богатый человек, живет в одном из старинных поместий кофейных плантаторов. Дом с видом на море. Я предположил, что он хочет защитить свою репутацию, и не стал совать нос в его дела. И он не должен был предлагать исполнителю такую крупную сумму, — нашел Диаз оправдание и для себя. — Да впустите же меня, ради всего святого!

Чалмис, чье лицо оставалось в тени, взгляделся в Диаса, освещенного слабым сиянием защитного поля, и ре-

шил, что тот наконец сказал правду. Во-первых, для выдуманной его история не была достаточно драматичной. А во-вторых, из-за mosquitoного яда у жертвы слегка поехала крыша, и бедняге стало уже не до изощренного фантазирования.

— Положите лучевик возле экрана и встаньте к тому дереву, — приказал Чалмис.

Он кое-что подстроил на пульте, протянул руку сквозь появившееся в экране светящееся окошечко и взял оружие. Потом расширил круг и пригласил Диаса внутрь. Прихрамывая и спотыкаясь, тот поплелся через лес в сторону дома. Чалмис шел следом.

В кабинете их ждала встревоженная Анайя в компании шерифа Йодера и его помощника Шримла.

— Боже мой, — произнесла она, увидев напряженное и уже распухающее лицо Диаса, потом сжала губы и воздержалась от комментариев. Чалмис был привычно вежлив и благожелателен. Преисполненный подозрений Диас хранил упорное молчание.

— Добрый вечер, Билл, — поздоровался Чалмис с соседом. — Это и есть та небольшая проблема, о которой я тебе говорил. Думаю, пока можно оставить в стороне сложности международных законов, — он кивнул Анайе, — и арестовать этого человека за нарушение границ частных владений. Такое вполне в пределах юрисдикции местных стражей порядка. Ах да, еще можете проверить этот пистолет. — Он вручил шерифу лучевик. — Как мне кажется, он им владеет незаконно.

Шериф Йодер приступил к формальностям ареста. Диас встрепенулся и попытался обороняться.

— Этот человек сам меня пригласил, — начал он. — Он мне угрожал... пытался убить... и все это записано на диске...

— Ну-ну, господин Диас, — охладил его Чалмис. — Не начинайте того, чего не сможете закончить. Вспом-

ните, что еще есть на этом диске. Я вас и пальцем не тронул. Вы были вооружены смертельно опасным оружием, а я безоружен. Кстати, вы больше часа провели в пределах моей собственности, прежде чем объявили о своем присутствии. Да будет вам известно, что я владею несколькими сотнями акров земли и вокруг огороженного силовым экраном дома.

— Капитана Дюбаора в нашем округе очень уважают, — вставил шериф невинным тоном гида, обращающего внимание туриста на местную достопримечательность. — Это я говорю на тот случай, если вы сомневаетесь, чьим словам здесь охотнее поверят — его или вашим.

— Учитывая альтернативу, вам выгоднее предстать перед судом за мелкое нарушение закона, — добавил Чалмис.

До Диаса внезапно дошло, что его не обвиняют в покушении на убийство — во всяком случае, пока. Его рот резко захлопнулся.

— В окружной тюрьме тоже есть немалый запас сыворотки против яда москитов, — задумчиво произнес Чалмис, когда Диаса выводили. — Думаю, Билл, этот подопечный вам хлопот не доставит.

— Чалмис! — восхищенно проворковала Анайя, когда они остались наедине. — Ты гений! Как тебе это удалось? Узнал что-нибудь про мой сон?

Чалмис устало выдохнул и сел.

— Что за грязная история... Пожалуй, я приму душ перед ужином. — Он повернулся к экрану фона и стал набирать инструкции. — То, что произошло в лесу, я обсуждать не желаю. А насчет твоего сна — да, я, кажется, знаю, где он сейчас. Как в конце концов выяснилось, Босс не замышлял твоего убийства. То была идея Кинси — то бишь Диаса. Роль посредника он провалил по всем пунктам и ухитрился подвести и заказчика, и исполнителя, попытавшись украсть предназначенные тебе деньги.

На экране Чалмиса появилась эмблема доступа к справочной системе библиотеки Рио-де-Жанейро.

— Посмотрим, что мы сможем узнать сами, не обращаясь к полиции.

— Кто такой доктор Бианка? — спросила Анайя, взглянув на экран.

— Думаю, что он и есть Босс. Посмотрим, подойдут ли другие приметы. Гм-м... Степени по химии и психологии. Интересная комбинация.

— Он женат, — отметила Анайя.

— Да, давай узнаем что-нибудь о ней. Поищем в социальном регистре.

— Смотри, — показала Анайя. — Она уже была замужем. Один ребенок. Но ничего не сказано о проблемах с психическим здоровьем.

— Такая информация хранится в медицинских архивах, а нам туда не влезть. Законным способом, во всяком случае. Так, а как насчет денег? — Он быстро застучал по клавишам. — Ага! В яблочко!

Как выяснилось, жена доктора Бианки владела шестьюдесятью процентами акций знаменитой компании, в которой работал ее муж. Вскоре выявилась и причина: она была внучкой покойного основателя фирмы.

— Женился на дочке начальника. Вот тебе и мотив убийства, — прокомментировала Анайя. — У нее огромное состояние.

— И поэтому он должен был действовать с величайшей осторожностью, чтобы ее смерть не вызвала никаких подозрений. Но зачем ее убивать? На мой взгляд, он и так уже получил все.

Чалмис уставился на экран, как на магический кристалл, но тот его больше ничем не порадовал.

— Ты ведь понимаешь, — сказал он после краткого молчания, — что мы хотели обвинить его в убийстве, предполагая, что он заказал покушение на тебя. Теперь мы

знаем, что он этого не делал. И наши подозрения могут оказаться совершенно необоснованными.

Аная обдумала проблему с этой новой точки зрения.

— Мои выводы совпадают с твоими, — признала она, — но...

— Это знаменитое «но», — пробормотал Чалмис.

— Но мне станет намного спокойнее, если я верну заказанный сон, — договорила она. — И не желаю выслушивать шуточки насчет женской интуиции.

— Дорогая моя, твою интуицию я приравниваю к силам природы — например, к приливам. Я не царь Канут. И несмотря на прочие твои недостатки...

— Огромное спасибо.

— ...ты свое дело знаешь. По крайней мере насколько я могу судить.

— Полагаешь, мы сможем его выкрасть?

Чалмис обиделся, услышав такое предложение.

— Возьмите себя в руки, Ватсон. В этом нет необходимости. Правы мы или нет в своих предположениях, я не вижу вреда в том, что ты потребуешь вернуть работу. Однако не вижу и оснований для любых обвинений против доктора Бианки. Даже если худшие твои предположения верны, он, по сути, не сделал ничего противозаконного.

— Даже если он использует мой сон против своей жены?

— Такое будет чертовски трудно доказать в суде. И, насколько я тебя знаю, ты гораздо больше заинтересована в предотвращении преступления, чем в возмездии.

— Разумеется.

— Хорошо. Полагаю, тебе вполне удастся... гм... вакцинировать доброго доктора против искушения, даже не поднимая деликатной темы доказательств. Ты по-своему чрезвычайно тонко ощущаешь чувства людей в тех редких случаях, когда ухитряешься обращать на них хоть какое-то внимание. И когда ты туда попадешь...

— Когда я попаду — куда? По-твоему, мне надо просто прийти к нему и сказать: «Привет, я не хочу, чтобы вы убивали свою жену. Отдайте диск с моим сном». Чалмис, да у него в подвале наверняка есть бассейны с акулами и аллигаторами как раз для таких, как я.

— У этих зверюг от тебя начнется несварение желудка, — ухмыльнулся Чалмис. — Но вот что я предполагаю. Если учесть образование и должность нашего клиента, это, как мне кажется, его первая попытка насильственного преступления. И если ты сумеешь его убедить, что он разоблачен, и при этом не повергнуть в панику, то готов поспорить, что напугаешь его сильнее, чем он может напугать тебя. Но, учитывая, что перепуганные мужчины способны на идиотские поступки, я организую какой-нибудь предлог, чтобы во время встречи с ним тебя сопровождал полицейский эскорт. В любом случае это усилит эффект. Только постарайся не схлопотать иск за клевету.

Анайя была далеко не в восторге от предложенной схемы, но вспомнила о своем зловещем сне и сказала:

— Хорошо. Надеюсь, ты прав. Давай начнем. Чем быстрее все кончится, тем лучше.

На следующее утро Анайя вылетела в Рио первым же шаттлом. Лейтенант Мендес, с которым она предварительно договорилась, встретил ее в аэропорту. Его очень обрадовало известие о том, что Диас сидит под замком в Огайо.

На очереди стоял доктор Бианка. Анайе представлялось, что его немедленно арестуют, а кассету со сном конфискуют в качестве доказательства. Мендеса заинтериговала ее теория о предполагаемом использовании этого фили-сна, хотя сам он не имел имплантата и вероятность подобного воздействия «ощущалки» мог оценивать скорее с помощью воображения, чем интуиции. Как профессионал он имел больше оснований для скепсиса.

— Когда преступление еще не совершено, то доказать преступное намерение весьма трудно, — сказал он. — На мой взгляд, богатый убийца ничуть не лучше бедного, но богатому по карману более опытные юристы. И если только он не осчастливит вас спонтанным признанием, хороший адвокат изрубит ваши обвинения в лапшу да еще выдвинет встречный иск за оскорбление и клевету. Новые технологии порождают новые преступления — это известная проблема. Всем ясно, что противозаконно убить человека, воткнув в него нож. Но, насколько мне известно, нет закона, запрещающего убить его, вонзив в него идею.

— Так как же мне заставить доктора вернуть диск, если он не пожелает? Полагаю, теперь это его собственность, раз я взяла плату за работу.

— Да, это так. — Мендес поразмыслил. — Мне в любом случае придется задать ему вопросы о Диасе, и хотя Диас отвел от него подозрение в убийстве, остается еще любопытная проблема «отмытой» личности. Так что в целом я охотно помогу вам заставить доктора ощутить себя, скажем, неуютно. Но выходить за эти рамки я не имею права.

— Надеюсь, этого окажется достаточно. Остальное, пожалуй, будет зависеть от моих способностей.

Добраться до доктора Бианки и договориться о встрече оказалось нелегко. Анайе пришлось пробиваться сквозь несколько слоев секретарей и ассистентов, но когда доктор услышал ее имя, то охотно согласился встретиться у него в кабинете дома. О цели визита она даже не намекнула — пусть помучается в догадках.

Дом доктора располагался в прекраснейшем и богатейшем жилом районе города. Старинные дома с чудесными садами, выстроившиеся вдоль улиц, пережили период упадка, но последнее поколение жильцов вложило немало средств в их реставрацию, когда наступила

очередная мода на старину. Анайя решила, что здесь Чалмис чувствовал бы себя как дома.

Дверь Анайе и лейтенанту Мендесу открыл самый настоящий дворецкий. Он повел их наверх по широкой лестнице; навстречу им спускалась женщина лет под сорок, худая и настороженная.

Анайя считала, что умеет со вкусом одеваться, но одежда женщины отличалась такой элегантностью, что у гостей возникло ощущение, будто свой собственный гардероб она подбирала в подвале и на ощупь. Высокомерно-презрительные глаза хозяйки дома задержались на Анайе и ее облаченном в штатское спутнике — женщина не смогла быстро определить, на какую полочку в ее мире их следует поместить. Когда она повернула голову, увенчанную пышными и блестящими черными волосами, Анайя заметила, как за украшенным драгоценностями левым ухом блеснул серебряный кружок коннектора. Она намеренно поймала глазами скользнувший по ней взгляд хозяйки и ответила ей вежливым кивком и улыбкой, а потом остановилась, надеясь улучшить момент для дальнейшего наблюдения.

— В чем дело, Хуан? — Женщина обратилась к слуге так, точно Анайи и полицейского рядом не было.

— Доктор назначил им встречу, мадам, — пояснил слуга с извинением в голосе.

— Это что, очередная часть его схемы развития? — Она повернулась к Анайе, раздувая ноздри от плохо скрываемой ярости. — Можете передать моему так называемому мужу, что я не поддержу его на совете директоров. Этот Даккуто положил предел моему терпению. Во времена моего отца мы не связывались с такими продуктами. И не станем связываться.

— Кажется, у нас вышло некоторое недоразумение... миссис Бианка? Мое дело не имеет никакого отношения к вашей компании, — ответила Анайя, продлевая момент.

— О, — равнодушно бросила она, утратив к ней интерес. — Мило. Хуан, напомни доктору, что через час нам надо ехать на обед к Гендерсонам.

Она пошла вниз по лестнице, оставляя за собой шлейф дорогих духов. Анайя задумчиво сжала губы, глядя на ее прямую спину, потом повернулась и направилась следом за дворецким в кабинет доктора.

Когда гостья вошла, Бианка встал и с церемонной любезностью пожал ей руку. Он оказался мужчиной лет сорока с едва тронутыми сединой волосами, загорелым и подтянутым. Явной нервозности он не проявил, но его взгляд быстро скользнул по спутнику Анайи, о котором она предусмотрительно не сообщила, договариваясь о встрече.

— Здравствуйте, мисс Рюи. — Анайе показалось, что он изучает ее лицо с тем же интересом, с каким она изучает его. — Чему обязан удовольствию нашей встречи? — Он явно намеревался хранить спокойствие.

— Я встретила в холле вашу жену, — начала Анайя замаскированную атаку. — Весьма элегантная женщина. И, как я слышала, еще и деловая.

— Это она так думает, — едва заметно улыбнулся Бианка. — На самом деле большинство своих талантов она проявляет в светской жизни. Ей трудно оценить уровень конкуренции на современном рынке. Компания же — совокупность сотен работников... Но вы человек творчества, и не стану утомлять вас болтовней о бизнесе. Э-э... — Он кивнул на лейтенанта.

— Позвольте вам представить лейтенанта Мендеса из городского бюро по расследованию убийств. Он со мной. — Она сделала паузу, чтобы до хозяина дошел подтекст сказанного. — У меня возникла небольшая проблема с вашим служащим Карлосом Диасом.

— А-а... Я не назвал бы его нашим служащим, — быстро поправил ее Бианка. — Просто у человека были про-

блемы с работой, и мне захотелось помочь ему снова встать на ноги. Я не верю в прямую благотворительность, но небольшое поручение, предложенное в нужный момент, зачастую приносит гораздо больше пользы.

— Зато господин Диас, очевидно, по-иному расценил ваше доверие, — сухо заметила Анайя. — И попытался извлечь выгоду из моего скромного заказа, совершив покушение на мою жизнь.

— Боже милостивый! — Насколько Анайя могла судить, потрясение доктора оказалось искренним. — Я и понятия об этом не имел! — Он внезапно выпрямился. — Э-э... что это был за заказ?

Анайя поймала его взгляд и с фальшивой улыбочкой пояснила:

— Фили-сон для вашей жены. Кажется, ко дню ее рождения, да?

Бианка с тревогой взглянул на лейтенанта. Тот флегматично ждал, и лицо его оставалось невыразительным, словно пудинг. Анайя почувствовала, что сейчас Бианка начнет все отрицать, и сделала упреждающий ход. Подавив вздох сожаления, она достала из сумочки чек Диаса и положила его на полированный стол из настоящего дерева.

— Я возвращаю деньги, которые вы мне заплатили. По этому чеку вы сможете получить их в любом отделении банка. И прошу вас вернуть диск с заказанным сном. В процессе работы в него вкралась ошибка.

Анайя затаила дыхание. Если Бианка в присутствии лейтенанта заявит, что понятия не имеет ни о каком заказанном сне, это погубит все ее шансы на успех. Но выведенный из равновесия доктор — он ведь не знал об откровениях Диаса — сделал ошибочный ход.

— Я сам проверил этот сон, — заявил он. — Вероятно, вы слишком изыскательны к своему творчеству. Заверяю вас, заказ выполнен безупречно.

И он подтолкнул к ней чек. «Попался», — подумала Анайя, однако не шелохнулась.

— Как раз наоборот, я допустила принципиальную ошибку. — Гостя выразительно взглянула на Мендеса. Тот, уютно устроившись на стуле, делал вид, будто с большим интересом разглядывает что-то в саду за окном.

Бианка встревожился не на шутку и впервые косвенно признал реальную суть дела.

— Но почему это вас настолько тревожит, если клиент удовлетворен? А я весьма доволен вашей работой, причем настолько, что могу даже удвоить ваш гонорар.

Анайя улыбнулась и покачала головой, отклоняя взятку. Теперь она не сомневалась, что наступление удалось.

— Если бы я была машиной и производила некий товар подобно машине, то мне было бы все равно. Но я зарабатываю, создавая образы, слова, идеи — то, что существует лишь в воображении. Мою продукцию надо «принимать внутрь», как лекарство. Вот почему меня так заботит, чтобы мой продукт не имел ядовитых примесей — вы наверняка оцените такую аналогию.

Анайя вонзила в него эту словесную шпильку с превеликим удовлетворением.

— А мне о фили-снах говорили совершенно иное, — едко парировал Бианка.

Анайя с чувством вины вспомнила некоторые свои прежние работы, но решила, учитывая величину ставок в этой игре, что капелька лицемерия сейчас будет извинительна.

— У разных композиторов разные стандарты, — пояснила она, глядя в потолок. — И зависят они от величины таланта.

— Знаете, художник, к которому пристанет репутация человека, неспособного выполнить заказ, может лишиться средств к существованию, когда про такое узнают все. — Бианка нахмурился, отчаянно пытаясь придумать

угрозу, которую можно без опаски произнести в присутствии полицейского. — А я вряд ли смогу рекомендовать вас своим друзьям. На вас даже можно подать иск за нарушение контракта.

Лейтенант выпрямился на стуле и взглянул на доктора, чуть заметно улыбаясь. Бианка на мгновение метнул в него ненавидящий взгляд.

— Да, процесс может оказаться интересным, — проговорила Анайя. — Сон, разумеется, станет фигурировать в суде как доказательство. Его захочет просмотреть судья. Возможно, и эксперты. И изучат его весьма тщательно. А огласка... лично я люблю огласку. Когда твое имя мелькает на публике, его вспоминают, услышав снова — скажем, в другом контексте.

Бианка ответил ей кислым взглядом человека, только что заляпавшего почти заверченный манускрипт. Анайе сразу вспомнились опасения насчет акул и аллигаторов, и она вдвойне порадовалась соседству лейтенанта Мендеса, терпеливо дожидавшегося момента, когда он сможет приступить к своим непосредственным обязанностям.

Медленно и неохотно безупречный убийца расстался с надеждой завершить тщательно замысленный план досрочного овладения покоем, свободой и властью.

— Как вам будет угодно, — сдался он. — Я вам его верну.

И он занялся тактильным замком сейфа, скрытого за картиной на стене кабинета. Анайя послала Мендесу краткий торжествующий взгляд, тот ответил улыбкой и тут же стер ее с лица, когда Бианка достал мастер-картридж и положил на стол рядом с чеком.

Анайя достала из сумочки свой старый плеер.

— Я, естественно, желаю ознакомиться с продуктом, — процитировала она и быстро проверила запись. Это действительно был оригинал. Она положила его в сумочку и встала.

— Доктор Бианка, благодарю вас за то, что уделите мне несколько минут своего времени. — Она быстро придумала, как загнать последний гвоздь в крышку гроба его надежд. — Передайте мои наилучшие пожелания вашей жене. Она произвела на меня неизгладимое впечатление. Теперь, когда я с ней познакомилась, если так можно выразиться, и снаружи, и внутри, я стану внимательнее искать ее имя в светских новостях. Это придаст всей истории более личный интерес.

Анаия решила, что если задержится еще немного, то может перестараться — она и так балансировала на грани допустимого.

— А теперь позвольте оставить вас, господа. Не стану более отвлекать вас от реальных дел. Меня же ждет мир моих неописуемых фантазий.

Когда она выходила, доктор Бианка не поднялся из кресла, чтобы проводить даму.

Анаия облегченно выдохнула, выйдя на мягкий дневной свет зимнего солнца. Ей казалось, что она побывала в пещере, где время остановилось на целые столетия, или сбежала из дворца злобного царя эльфов. Крепко сжав сумочку с картриджем, она отправилась на поиски ближайшего общественного транспорта, который доставил ее домой, в не столь роскошный район города.

Заброшенная на неделю квартира показалась ей холодной, к тому же в ней установился неприятный запах. Разбросанные вещи напомнили о торопливом отъезде. Она увидела кофейную чашку, в которой над слоем черной слизи на дне уже выросла плесень, и кучу грязной одежды. Обычно Анаия не очень-то жаловала домашнюю работу, но мерзость запустения ее доконала, и следующий час она посвятила энергичной чистке и уборке. Даже самые навороченные и автоматические домашние приборы не станут работать, если их не включать, не программировать и не

обслуживать. Финальным актом наведения порядка стало церемонное извлечение из сумочки картриджа и его электронная кремация в утилизаторе. Анайя так и не решила, куда его отправила — в ад или рай для снов, но знала, что призрак этого видения останется с ней надолго.

Ее труды и добродетель оказались вознаграждены. Вскоре после скудного ужина ей доставили новенький синтезатор — Чалмис предусмотрительно переадресовал доставку. Анайя схватила его с нескрываемой жадностью.

Плетельщица снов благоговейно поставила коробочку на рабочий стол и ненадолго отвлеклась, глядя в окно, где переливались городские огни, напоминая драгоценности в витрине ювелира. Потом села и задумалась — за какую работу взяться в первую очередь. Она все же испытала краткую остаточную тревогу, подключая провода к вискам, но сразу же забыла о ней, когда перед ее мысленным взором возник новый яркий мир.

Девочка смотрела сквозь стекло купола на бесконечные поющие пески Колонии Бета — то охряные, то цвета ржавчины, но никогда не замирающие, никогда не умолкающие. Она смотрела на них с тоской и желанием, прижав пальцы к прохладной гладкости оберегающей ее тюрьмы, почти не замечая обволакивающего ее негромкого гудения машин, позволяющих ходить в простой одежде и дышать без маски. Воздух в ноздрях был сух и прохладен — его выдыхала машина, а не что-то живое и зеленое. Девочка повернулась к стоящему рядом брату...

Анайя вернулась домой.

Мой первый роман*

Первые наброски к романам я начала еще в восьмом классе. То были подражания приключенческим романам Хайнлайна, так и не воплотившиеся сценарии по мотивам любимых сериалов — словом, обычные импульсивные юношеские порывы. Пробовала писать я и в колледже, где пыталась посвятить себя изучению английского языка (лишь с тем, чтобы разочароваться в науке и полностью переключиться на мужа, работу и семейную жизнь).

На первый роман меня вдохновила Лиллиан Стюарт Карл, подруга школьных лет. Как и я, она увлекалась творчеством ради творчества, но обзавелась семьей. Затем она все же вернулась к литературной деятельности, написав сначала несколько смешных историй, а потом и роман; и, наконец, вышел ее первый сборник рассказов. Я тем временем сидела на мели в Марионе, штат Огайо, с двумя детьми (четыре лет и одного года от роду), с домом, который никак не удавалось продать, без работы и без надежды эту работу найти — во всяком случае, такую работу, которая позволила бы нанять няню. Но для литературного труда в качестве хобби не требовалось ничего, кроме ручки, бумаги да уймы всяческих знаний, без дела томившихся у меня в голове.

* My First Novel © Lois McMaster Bujold, 1990. © Д. Селиверстова, перевод с английского, 2000.

В 1982 году в День благодарения я, следуя примеру Лиллиан, написала первый отрывок того, чему предстояло стать рассказом. Начинать сразу с романа у меня просто не хватило духа, хотя сюжет у меня уже сложился. Именно он лежал в основе одного старого сценария, сотворением которого я развлекалась в былые годы, еще до рождения детей, отдыхая таким образом от работы. Закончив рассказ, я отправила его по почте Лиллиан в Даллас, а та, в свою очередь, переслала ее в Миннеаполис Патрисии С. Уэред, писательнице, работающей в жанре «фэнтези». Пэт сама стала публиковаться только недавно, и воспоминания о том, как-то это на первых порах, были у нее достаточно свежи. Она прислала мне письмо на четырнадцать страницах, письмо, полное критических замечаний и одобрительных высказываний, — и это был самый человечный знак внимания, который я получила на протяжении многих последних лет. Я внесла в рассказ кое-какие поправки, упаковала его, отправила в журнал, подсчитала доход (0,7 доллара за слово; 13 000 слов) и стала с нетерпением ждать (рассказ так и не взяли).

В декабре 1982-го я взялась за роман, который назвала «Зеркала». Закончив одну его часть, я разослала копии Пэт и Лиллиан и вскоре извлекла из почтового ящика письма с отзывами от «считай, ты уже победила» до «если ты гонорар уже получила, то это замечание не учитывай», а также с главами их собственного производства — и с просьбой высказать свое мнение. Кажется, в ту пору это был мой единственный контакт с внешним миром. Другим связующим звеном с человечеством была Ди Реддинг, жена пастора, полностью разделявшая литературные пристрастия своего супруга, в прошлом преподавателя английского.

Ди разрешала наведываться к ней на часок-другой и читать ей свои от руки накорябанные манускрипты, а

сама что-то тут же подправляла, над чем-то посмеивалась и то и дело подбадривала меня одобрительными высказываниями. Ее муж той зимой как раз устроил литературный кружок при нашей приходской церкви, но и это было для меня не так важно, как сама Ди. Мне нужно было, чтобы меня СЛУШАЛИ.

Работала я интенсивно, за девять месяцев получилось не меньше 450 страниц. Дойдя до финала, я вынуждена была вновь пересмотреть написанное: мне сообщили, что опусы свыше шестисот страниц издатели от новичков не принимают. Некоторые сцены я переписывала по четыре-пять раз. В начале работы я не позаботилась о делении на главы и теперь с трудом разбиралась в чередовании сюжетных линий. Иные отрывки я переделывала раза по четыре — лишь с тем, чтобы в конце концов их просто выбросить. Я упорно училась методом проб и ошибок. Пэт и Лиллиан усердно наставляли меня в области стратегии, убеждая быть лаконичной и решительной в деловой переписке.

Съездив тем летом в Даллас, я выжала из Лиллиан побольше критических замечаний, после чего уселась у себя на кухне, обратив к родному семейству спину, и принялась выстукивать под копирку на старенькой, оставшейся еще со студенческих лет машинке окончательный вариант своей рукописи. Температура в те августовские дни порой достигала 103 градусов по Фаренгейту. Обычной моей дневной нормой было 10–15 страниц, но однажды, махнув рукой на все и вся, ни на кого и ни на что не обращая внимания, я добилась рекорда — 25 страниц. Выдержав борьбу с собственной совестью из-за почтовых расходов, я отправила завершенную рукопись агенту. Через месяц я начала свой второй роман, «Ученик воина».

Агент полгода продержал у себя рукопись и наконец вернул ее с любезным письмом и отказом представлять

мои интересы. Тогда я отправила ее в издательство сама. Спустя месяц, так и не получив уведомления о вручении, я сделала запрос, была ли доставлена моя рукопись по адресу. В ответ я получила открытку с кратким сообщением, что рукопись была «получена и возвращена». Это означало не только то, что ее не приняли, но и то, что ее еще и потеряли на почте (пятнадцать страниц в день при температуре 103 градуса, припоминаете?). Мне остались только непригодные для представления куда-либо копии. Значит, по меньшей мере шесть недель на перепечатывание. В этот же день мое двухлетнее чадо, как раз учававшееся к туалету, выбралось из кровати, стащило свою пеленку и затолкало ее в кондиционер.

Поняв, что хуже уже не будет, я снова взялась за оставленный было второй роман. Первый же я решила перепечатать как-нибудь позже. К моему изумлению, первый экземпляр «Зеркал» обнаружился спустя три месяца у нас в почтовом ящике, дополненный личным письменным отказом редактора. Как выяснилось, рукопись и не думала пропадать на почте: все это время она провалялась где-то в издательстве. В свете дальнейших событий издателю я это простила: как видите, никаких имен я не называю. Но и забыть этого не смогу.

Завершив и отослав второй роман, я вернулась к «Зеркалам». Письмо с отказом содержало пару строк с советами, какие изменения следовало бы сделать (внести «значительные сокращения», добавить «пару поворотов сюжета»), а заодно и намек, что редактор был бы не прочь взглянуть на это все в переработанном виде. Инструкции, как вскипятить воду, явно были бы содержательней, но я все же решила попробовать. Из второй рекомендации ничего путного выйти не могло, зато уж текст я сокращала, выкинув десятков восемь страниц, до тех пор, пока он не начал трещать по всем швам. Ушло

на это два месяца. И печатала я теперь на выпрошенном у отца компьютере (и никаких вам больше потерянных экземпляров! У нас был «Coleco Adam», самая дешевая марка «ромашки» на тогдашнем рынке — и весьма недурная!).

В сущности, сокращение это оказалось превосходной тренировкой; с тех пор я вообще стала писать в более сжатой манере. Не думаю, чтобы правка оказалась столь успешной, не напиши я за это время второй роман, набравшись, таким образом, опыта в делении на главы и выстраивании сюжетной схемы.

По совпадению «Ученик война» и исхудалые «Зеркала» вернулись, отвергнутые, от одного и того же издателя и были отправлены к следующему. Я продала свой первый рассказ в «Твайлайт зон мэгэзин» и начала третий роман — «Этан с планеты Эйтос». «Зеркала» между тем вернулись опять, и я решила попробовать показать их Терри Карру. Я знала, что он болен и что он завален целой тьмой рукописей и в эту черную дыру затягивает едва ли не все научно-фантастические произведения, едва вышедшие из-под пера. Но мне также говорили, что его серия «SF Specials» весьма престижна, и тут имело смысл подождать своей очереди. Так что я отослала ему «Зеркала» и попыталась выбросить их из головы.

Между тем я отдала «Ученика война» в «Баэн букс». В октябре состоялась моя вторая успешная сделка: приняли все три моих романа. Все предыдущие отказы теперь пере-квалифицировались в завуалированные благословения. «Зеркала», переименованные в «Осколки чести», вышли в свет в июне 1986 года — за шесть недель до смерти моего отца.

Мои советы начинающим писателям, работающим над первыми романами, наверное, покажутся банальными. Перво-наперво доведите дело до конца. Нет большей оплошности, нет более прямого пути к неудаче, нежели про-

волочки. Поправьте все, что только возможно, но в конце концов перестаньте тянуть резину и переходите к следующему замыслу. Вы словно возведете водонепроницаемую переборку: вторая книга покажет, что именно нужно переделать в первой. Не останавливайтесь после первой книги в ожидании, когда ее у вас купят. Именно второй мой роман, а не первый, привлек внимание издателя, хотя, по счастью, привело это к публикации обоих. Некоторые писатели «прорываются» с третьим, четвертым или еще каким-нибудь следующим романом. Издатели ищут не просто хорошие книги — они ищут авторов, способных написать несколько книг.

Целеустремленность, слепая вера, упрямство, отрешенность от реальности — зовите это как угодно, но это необходимо. Все написанное мной со времени первого романа брали неизменно — но лишь недавно стали брать с первого раза. Мой личный рекорд — четырнадцать отказов от одного рассказа.

Определитесь с направлением, которому хотите следовать. Не отвлекайтесь, не переключайтесь на научные труды в области английского языка (если, конечно, не надумаете стать учителем) или на статьи в местной газете (если, конечно, не надумаете стать журналистом). Писателем-фантастом вы станете, только если будете писать фантастику.

Я написала первую книгу, чтобы доказать, что могу это сделать, вторую — чтобы доказать, что первая не была пшиком, а третью, наверное, из упрямства. И это было грандиозно. Я поняла, что я — писатель. Публикация книги доказала это целому миру, но это было лишь окончательное доказательство для себя самой.

ОТВЕТЫ*

Это эссе возникло из двух телефонных интервью с Лоис от 11 и 27 июля 1995 года. Готовясь к нему, я отправил ей семь страниц с вопросами. Я отредактировал и реорганизовал наш разговор и исключил посторонние моменты — в первую очередь мои вопросы и замечания. Если временами фразы кажутся неловкими, прошу винить в этом меня. Все, что осталось от моей роли, набрано другим шрифтом, таким, как этот. Сафорд Льюис.

В эссе, которые здесь собраны, вы мимоходом упоминаете о семье и карьере вашего отца. Принимая во внимание практику того времени, я заключаю, что ваша мать, вероятно, была «факультетской женой» и растила вас и ваших братьев. Расскажите, пожалуйста, какая была ваша мать?

Моя мать и сейчас жива и здорова. Ей восемьдесят четыре года, и она живет в собственной квартире. Мои отношения с ней складывались более сложно, чем с отцом. Я была одной из тех девочек-подростков, которые не ладят с матерями. Она очень старалась превратить меня в нечто такое, чем я не была. Я не следовала «сценарию», но она очень много для меня сделала. К.С. Льюис как-то заметил, что мужчины более склонны уважать права че-

* Answers. © Черезова Т.Л., перевод с английского, 2000.

ловека, а женщины более склонны оказывать услуги. Это очень подходит к моим родителям. Мой отец был гораздо более склонен уважать индивидуальность людей, а моя мать была гораздо — гораздо! — более склонна что-то для них делать. Она была очень деятельной, так что я делала множество самых разных вещей благодаря чисто физической поддержке, которую я от нее получала. Одному Богу известно, сколько часов она стояла и дожидалась меня, пока я училась ездить верхом.

Когда я родилась, моя мать уже собиралась вернуться к учебе. Ей так и не удалось окончить университет. У нее была пара фальстартов, а когда родился третий ребенок, она вообще отказалась от этих планов. В какой-то момент она увлеклась живописью. Мне все время казалось, что она вот-вот начнет учиться, но этого так и не произошло. В ней таятся какие-то неиспользованные способности: один раз она упомянула о том, что мечтала стать архитектором, а потом решила, что просто в ней говорил инстинкт домохозяйки, мечтающей о собственном доме. Но мне кажется, что это не так, что она действительно хотела стать архитектором.

Не думаю, чтобы у нее было много возможностей реализовать свой потенциал в ту эпоху, когда она росла, но ее жизнь сложилась удачно. Для обоих моих родителей их жизнь стала самостоятельным шагом вперед. Они оба родом из Питтсбурга. Отец моего отца был управляющим складом. Ему пришлось бросить школу, чтобы помогать семье, потому что его отец умер совсем молодым. Поэтому он так и не закончил образование, но некоторые из его старших братьев смогли это сделать и стали инженерами. Мой отец выбрался из Питтсбурга периода Великой депрессии благодаря стипендии и перед самым началом Второй мировой войны попал в Калифорнийский технологический.

У него были потрясающие преподаватели. В тот момент там работали все ведущие ученые: Оппенгеймер, Карл Андерсон... Его докторский диплом подписан Робертом Миллиkenом.

Тем самым Миллиkenом, знаменитым экспериментатором!

Вот какой у нас в семье был фон. И именно там я, конечно, приобрела вкус к научной фантастике: будучи выпускником Калтеха, мой отец читал «Аналог» (тогда он назывался Astounding — «Удивительное») и другие издания. В пятидесятые и начале шестидесятых, когда я только начинала читать взрослые книги, именно такая литература была у нас дома.

Моя мать не понимала, как это может быть хоть чем-то полезно. В ее понимании это было совершенно бессмысленным занятием, поэтому я все время слышала: «Почему ты целый день сидишь и читаешь эту глупую научную фантастику? Неужели нельзя почитать что-нибудь полезное, историю или еще что-нибудь?» Кажется, до нее только сейчас постепенно начинает доходить — с таким опозданием, — что в этом искусстве все-таки есть нечто полезное, раз я зарабатываю им себе на жизнь. Поскольку моему отцу такие книги нравились, это было для меня достаточной рекомендацией, и ничто не могло убедить меня в том, что это не первоклассная литература. Моя мать вообще не очень хорошо воспринимает художественную литературу, а уж научная фантастика была для нее совершенно непонятной.

Я пережила несколько уроков игры на фортепиано, но серьезно не занималась. Скоро стало очевидно, что это — пустая трата денег, и поскольку моя мать была женщиной экономной, уроки музыки прекратились. Музыкальных способностей у меня нет вообще. Мне просто

этого не дано. Учить меня музыке было совершенно бесполезно: я ничего не усваивала.

У меня был пони. Когда мне было года четыре, мы переехали в городское предместье. Теперь там все покрыто асфальтом. (И мое детство — тоже.) Чуть дальше по дороге, примерно в четверти мили от нас, был клуб верховой езды, а рядом с ним — ферма, на которой старый джентльмен, вышедший на покой, держал пони. Это стало для меня настоящим магнитом. Со временем мне удалось вымолить себе пони, так что я ездила верхом на пони со второго по седьмой класс. Мы держали пони на ферме Эймора Богена. Это был очень приятный период моей жизни. Я тогда этого не ценила, потому что мне он казался нормальным. Оглядываясь назад, я понимаю, что это было удивительно здорово: поля, по которым можно ездить верхом, возможность одной уходить на целый день в хозяйственные постройки. Я сама заботилась о моем пони, мыла его шампунем, готовясь к соревнованиям по верховой езде, которые устраивали в клубе. Это было ужасно весело.

Я проводила много времени на свежем воздухе, я делала что-то совершенно самостоятельно. На этих соревнованиях у меня появился вкус к конкуренции. В какой-то степени все это формировало характер. И конечно, я использую всю эту конноспортивную науку. Мне даже удалось пристроить ее в научную фантастику.

Ездила верхом только я одна. В моей семье у каждого был свой собственный способ передвижения. Мой старший брат увлекся полетами и получил лицензию пилота-планериста в 14 лет. Он все еще участвует в соревнованиях. По правде говоря, я совсем недавно виделась с ним: он возвращался домой с соревнований планеристов в Юте, или Нью-Мексико, или еще где-то рядом с Техасом. Это по-прежнему его любимое заня-

тие. У него было недостаточно хорошее зрение, чтобы стать профессиональным пилотом, а иначе он, по-моему, выбрал бы именно эту профессию.

Моего среднего брата заинтересовали поезда. В подвале у него была огромная игрушечная железная дорога. Куда бы мы ни приезжали, он обязательно отправлялся фотографировать депо. Поезда — это классно! Я помню, как в очень раннем детстве мы всей семьей отправлялись в поездки для любителей железных дорог. В нашей семье хобби детей получали всяческую поддержку. Нам предоставляли транспорт и давали все необходимые разрешения. В моей семье можно было делать то, что вас интересует. Я считала, что это совершенно нормально. Сначала я увлекалась лошадьми, а от лошадей перешла прямо к научной фантастике: от Маргариты Генри прямо к Роберту Хайнлайну.

Мои братья на шесть и восемь лет старше меня. Мне кажется, что мое рождение не было запланированным, но мои родители были рады появлению девочки после двух мальчиков. Между мной и братьями такая разница в возрасте, что мы принадлежим почти к разным поколениям. Я окончила школу в 1967 году и оказалась в высшей школе в самые неудачные годы — с 1968-го по 1972-й. Мои братья к тому времени уже окончили колледж и завершили свое обучение прежде, чем дела пошли совсем странно. Так что у меня с ними почти конфликт отцов и детей.

У одного брата сейчас три сына, а у второго — сын и дочь. Но к тому времени, как у них появились дети, они уже переехали в другие штаты, так что у меня с моими племянниками и племянницей мало контактов. Мы живем в разных штатах, только изредка навещаем друг друга по праздникам. Этого мало, чтобы сложились какие-нибудь отношения.

Оба мои брата учились в университете штата Огайо, поскольку там преподавал папа. Они еще застали консервативную эпоху футбола, а в мои университетские годы уже был запах слезоточивого газа по утрам. В 1971 году на территории университетского городка были отряды национальной гвардии. Мне особенно запомнился случай, когда в 11 часов утра наступил большой перерыв между занятиями, а они решили, что начался бунт, и провели атаку слезоточивым газом.

Те годы были очень сложным периодом. Для человека вроде меня, без четкого понимания того, чего хочется добиться в жизни, университетское образование оказалось пустой тратой времени. Я постоянно меняла специализацию. Не знаю, много ли у вас знакомых, которым подходила бы такая характеристика, но я подозреваю, что немало. Сколько специализаций? Ну, шесть, кажется. Я ни на одной не задержалась подолгу.

Та, которой я занималась дольше всего, — биология. Оглядываясь назад, я вижу, что самым полезным мероприятием периода биологической специализации была шестинедельная исследовательская поездка в Восточную Африку (если говорить о том, что нам разрешалось делать в юности). В тот момент я очень увлеклась живой природой и фотографией, так что в результате вернулась с восемью сотнями слайдов с жуками. Это была интереснейшая поездка.

Ландшафт Восточной Африки после переработки превратился в ландшафт планеты в «Осколках чести». Когда я села писать свой первый роман, именно это было у меня в голове. Шестиноги были чем-то вроде гиен. Жуки... Ну, в Восточной Африке полно всяких жуков. А вот шарывампиры — это было весело.

Мне удалось избежать огромных объемов образования. В старших классах нас заставляли читать Диккенса.

Но я поняла, что Шекспир — это здорово, прежде чем мы добрались до него в школе. Я помню, как обнаружила, что Шекспир — это здорово: в пятнадцать лет я попала на спектакль Королевского шекспировского театра. Это случилось (кстати, о том, что нам разрешали делать родители), когда мне было пятнадцать, а моему брату двадцать один. И мы путешествовали по Англии автостопом.

А было так. Мои родители запланировали поездку в Европу. Папа должен был участвовать в научно-технической конференции в Париже, и они собирались освободить себе все лето, чтобы проехаться по Европе в автомобиле. Мой брат, который всегда отличался умением выжимать из денег максимум и заключать выгодные сделки, приобрел более дешевый авиабилет, по которому мог попасть за океан на три недели раньше. Я исхитрилась прицепиться к нему, и нам разрешили отправиться в Европу вдвоем, а потом встретиться с родителями в Париже. Брат пытался тратить в день не больше пяти долларов, в результате чего мы порой оказывались в довольно странных местах.

Наверное, это были последние годы, когда молодежь могла в относительной безопасности путешествовать автостопом, как это сделали мы. Но на третий вечер нашего пребывания в Англии мы оказались в Стратфорде и чисто случайно забрели на спектакль Королевского шекспировского театра. Мы попали на «Бесплодные усилия любви». Я была ошеломлена. И с тех пор я знала, что Шекспир — это великолепно, потому что я сама это видела. Это было настоящее откровение.

Недели странствий по Англии были очень интересными. Франция доставила гораздо меньше удовольствия. Мы проехали на машине по Германии. Родители навестили каких-то друзей в Рейтлингене *(это в двадцати милях к югу от Штутгарта и примерно в восьми милях к востоку от Тю-*

бингена), а брат потом отправился на север: в его школе по обмену в течение года училась девушка из Финляндии. Так что он отправился в Хельсинки, чтобы встретиться с ней, и в конце концов автостопом проехал вдоль всего Полярного круга и вернулся домой через Норвегию.

Мы с родителями поехали на машине на юг, в Италию, и помимо прочего день провели в Венеции, которая тоже упоминается в моем романе. Многие из впечатлений позднее принесли свои плоды, хотя и очень странным и косвенным образом. Мое первое и единственное знакомство с Италией состоялось именно тогда.

Ах эти три недели в Англии! Далеко не все родители разрешают своим пятнадцатилетним дочерям такое. Я не случайно стала такой, как я есть. Это произошло благодаря тому, что мне позволяли расти так, как это удавалось очень немногим.

В юности — между 1968-м и 1971 годами — у меня был период «фанатства». Я тогда работала в книжном магазине. Это была чуть ли не первая моя работа — в перерыве между школой и университетом. Я еще не знала тогда, чем хочу заниматься, и устроилась в книжный отдел большого универмага в центре Коламбуса. Я не очень подхожу для работы по найму. Писательство мне удается гораздо лучше. Я проработала всего пару месяцев, до пред рождественского наплыва покупателей.

В магазин зашел один человек из местной группы любителей научной фантастики, мы с ним разговорились у отдела фантастики, и он пригласил меня на очередную встречу. Помню, что встреча проходила в подвале у Рона Миллера. Там присутствовал Боб Хиллис, который интересовался военной историей и выглядел практически так же, как он выглядит сейчас, Дэррол Пардоу, аспирант университета штата Огайо, и Ллойд Кропп, учившийся

на последнем курсе того же университета. Позже я познакомилась с Бобом и Бетти Гейнсами. Там оказалось двадцать парней и я. Но, увы, мне было тогда девятнадцать, и я так и не смогла воспользоваться этим преимуществом. Все пропало даром. Вот так я и вошла в круг активных любителей фантастики и побывала на нескольких слетах штатов.

Свой первый фэн-журнал я выпустила на мимеографе Джона Эйотта. Рон Миллер сделал художественное оформление для нашего с Лиллиан Стюарт (ныне Карл) фэн-журнала «Звездный путь». Вышел один выпуск. Теперь это редкость и имеет только исторический интерес. Однако забавно вспоминать, как все мы, творцы-младенцы, начинали пробовать свои силы.

Лиллиан позже стала писать фэнтези, потом любовно-приключенческие романы, а сейчас переходит на детективы. Рон Миллер позже стал прекрасным профессиональным художником. Ллойд Кропп тоже публиковался. Сейчас фэн-журналы, по-моему, меньше ориентированы на рассказы и иллюстрации. Теперь там в основном письма, эссе, статьи. Кажется, что для начинающих талантов стало меньше места. По-моему, в какой-то период фэн-журналы были питомником для начинающих писателей.

Все идет циклично. В начале 60-х был период, когда в фэн-журналах было больше писем и эссе. Все либо возвращается на круги своя, либо становится разнообразнее. Фэн-журнал NESFA «Proper Boskonian» («Настоящий босконец») публикует художественную прозу. NESFA также проводит конкурс рассказов, направленный именно на то, чтобы помочь начинающим писателям.

Мне кажется, что для любительского искусства осталось слишком мало места. Проблема художников, певцов и других любителей в том, что при широком распространении прекрасных репродукций, CD, музыки и радио кон-

курировать всегда приходится с лучшими в мире. Слушатели всегда могут поставить CD или открыть книгу и прочесть нечто самое лучшее. Подмастерью бывает очень трудно приобрести тот опыт, который необходим, чтобы стать мастером.

Перед тем как я стала профессиональным писателем, я успела побывать любителем и немного представляла себе, каким должен быть этикет. По-моему, я ориентировалась гораздо лучше, чем те писатели, которые начинают публиковаться, никогда не попробовав фэнства: им гораздо труднее адаптироваться.

Я снова начала ездить на встречи примерно в 1984 году, за пару лет до того, как мне удалось опубликоваться. Я пыталась наладить контакты и найти кого-то, кто прочел бы мои вещи. Мне встречались в основном новые люди, но первым, кого я встретила — буквально в дверях, — оказался Боб Гейнс, которого я помнила еще по прошлым временам. Он, Боб Хиллис и Бетти Гейнс снова ввели меня в общество.

С большинством моих друзей в Мэрион я познакомилась именно на этих встречах — иначе нам бы просто не встретиться. Мы не работали вместе и вообще никак не сталкивались. Единственным местом, где мы могли с ними познакомиться, оказался Коламбус. Именно там я познакомилась с Уэсом Метцем, Р. Дж. Бикингом и Лори Холденраном. Барбара Гомф по-прежнему живет в Мэрион и работает в «Уолденбукс». Благодаря встречам у меня появился круг знакомых, который иначе никак не мог появиться. Мне фэнство нравится. Это может быть полезным тем людям, которые в остальных случаях с трудом завязывают знакомства. Мне знакомства были нужны — и тусовки мне их обеспечили. Так что у меня к ним самое хорошее отношение.

С тех пор как я включилась в систему, я оказываюсь в самых неожиданных местах. Теперь я стараюсь принимать участие во встречах в разных уголках страны, выбирая те из них, где организаторы присылают дополнительные авиабилеты, чтобы можно было брать с собой детей. Но встреча в Коламбусе, штат Огайо, остается для меня родной, и я бываю там каждый год. А что до других... Ну, когда вас приглашают куда-то в качестве почетной гостьи, то они обычно не повторяют приглашение на следующий год.

Мэрион, штат Огайо, имеет свои преимущества и недостатки. Если бы в нем был большой колледж, а не большая тюрьма, в нем, наверное, было бы очень приятно жить. Он немного простоват. Там было хорошо, пока дети были маленькие, но теперь, когда они стали подростками, им стало невероятно скучно. Возможностей заработать там очень мало. Мы переехали туда из-за бывшей работы моего бывшего мужа примерно в 1980 году, попали в рейгановскую депрессию примерно в 1982 году — и работы просто не стало.

Мы купили дом в Мэрион и не смогли его продать и уехать. Выплаты по закладным подскочили до небес, количество рабочих мест уменьшилось, так что с точки зрения недвижимости все застыло. Мы там застряли. Это оказалась экономическая черная дыра, и выбраться оттуда мы не могли. Вот почему я начала писать: потому что не могла найти работу. У нас как раз родился второй ребенок, и глупо было нанимать няньку к четырехлетнему и годовалому ребенку, чтобы получать минимальную заработную плату. Затрат оказалось бы больше, чем доходов, так что мне необходимо было сидеть дома, быть домохозяйкой и прозябать в бедности. Спустя какое-то время это стало очень неприятно.

Так что я начала писать от отчаяния. Лиллиан Стюарт Карл, которую я часто упоминаю в моих биографиях, начала писать снова (мы писали вместе, когда учились в старших классах школы). Она начала с любительских журналов, а затем продала несколько рассказов в профессиональные издания и начала работать над романом. Моя жизнь в тот период стала очень унылой. Я общалась преимущественно с родителями детей, которые были ровесниками моих детей и жили в нашем квартале на Спенсер-стрит, что весьма сузило мои горизонты. Однако я по-прежнему переписывалась с Лиллиан, которая жила в Далласе. Мне пришло в голову, что если она это может, то могу и я: в конце концов, мы же занимались этим вместе.

Так что я начала писать повесть и отправила ее Лиллиан на отзыв, а она переслала ее Патрисии Рид в Миннеаполис. Та прислала мне чудесное письмо на четырнадцати страницах с комментариями по поводу моей повести: она включена в этот томик. Это повесть, где действуют Чалмис и Эниас («Плетельщица снов»). Боюсь, что она осталась в первоначальном виде. Но это — небольшой кусочек моей истории.

«Плетельщица снов» была первой моей взрослой попыткой создать литературное произведение — до этого я писала только в школе и университете. Мое творчество прямо связано с невозможностью уехать из Мэрион, отсутствием денег и работы и желанием заняться чем-то, для чего не понадобится нанимать няньку.

Эту повесть мне возвращали несколько раз, с очень милыми отказами. Это стало для меня достаточным поощрением. Затем я взялась за роман. Это получилось лучше. По-моему, роман — это естественный для меня масштаб.

В течение этих лет я писала в самых разных местах. Сначала я работала тогда, когда дети спали днем. Потом они, конечно, выросли и спать днем перестали. В тот момент я писала первые варианты от руки, еще не приобретя текстовый процессор. Первые полтора романа были затем напечатаны на той издававшей виды пишущей машинке, на которой я печатала свои студенческие работы. Вообще-то «Осколки чести» были начаты в общей тетради на спирали, но вскоре я перешла на тетради со сменными блоками. Писала я карандашом. Так я могла носить свою работу куда угодно. Я брала ее в публичную библиотеку нашего городка, потому что только там мне удавалось поработать в тишине. Я сдавалась и нанимала няню или уходила из дому в те часы, когда мой муж был дома, урывая себе рабочие часы в библиотеке.

Я написала три романа, прежде чем мне удалось продать хоть что-то. Так что с того момента, как я начала писать в 1982 году, и до осени 1985 года я получала за этот труд ноль долларов, если не считать одного рассказа, который у меня взяли в журнале «Твилайт зоун Мэгэзин». Я не уверена, что близкие верили в перспективность моего занятия. Отец купил мне мой первый текстовый процессор (Coleco Adam, представляете?), так что именно от него я получила реальную поддержку. Он и сам был писателем и техническим редактором (300 статей и 17 патентов), так что, думаю, он разбирался в этом процессе немного лучше, чем остальные мои родственники. Однако они в достаточной мере старались мне не мешать, так что я могла работать.

Мой муж по большей части относился к моему писательству нейтрально. Он не был против. В меня не то чтобы особо верили, но мне содействовали. Итак, до окончания «В свободном падении» я писала в библиотеке. А потом примерно в тот момент, когда я начала «Братья по

оружию», мой младший ребенок пошел в школу. И во время уроков я смогла работать дома. С тех пор я всегда работаю дома. Я сижу либо на крыльце, либо у себя в спальне, или — иногда — в гостиной. Мне было трудно найти то место, где бы я могла остаться одна.

Только в последние два года я смогла работать непосредственно на компьютере — просто потому, что прежде у меня не было для этого места. Я слишком мало оставалась дома одна. Прошлым летом я купила крошечный столик для компьютера, который поставила у себя в спальне рядом с туалетным столиком. Когда я опускаю на нем доску, то у меня получается открыть дверцу встроенного шкафа. Это приятно: у меня наконец появилась комната с дверью, которую я могу закрыть.

До этого мой компьютер стоял в дальнем углу столовой, смежной с гостиной. Работать мне удавалось только тогда, когда дома никого не было, что было достаточно сложно устроить. Я могла отвечать на письма и делать еще какие-то мелочи, пока дети смотрели телевизор, но я не могла в этот момент набирать на компьютере черновой вариант. Переместив компьютер к себе в спальню, я смогла перейти от блокнотов непосредственно к компьютерному набору именно благодаря тому, что у меня появилось крошечное личное пространство — пусть даже совсем маленькое. А когда я переехала в Миннеаполис, то получила отдельный кабинет! Собственная комната! Совсем как в эссе Виргинии Вульф!

В Мэрион «хвастливая полка» находилась в столовой. Теперь она у меня в кабинете. Это нечто вроде архива. Я обнаружила, что хранение этих материалов не только питает мое «я», но и оказывается полезным. Всегда можно снять книгу с полки и посмотреть, когда именно была первая публикация, уточнить информацию по авторским правам и так далее. Это бывает очень кстати.

У меня выстроены все первые издания: «Истон пресс», «Баэн» в бумажных переплетах, все немецкие, испанские итальянские издания... Так что я уже заполнила две полки и перешла на третью. Там есть много разного, включая выпуски журнала «Аналог», в которых мои вещи публиковались частями.

Когда я получила мою первую премию «Небьюла», какое-то время я держала ее на полочке над кухонной мойкой, а не на каминной доске, потому что так я могла чаще ее видеть. Конечно, на нее при этом попадала вода, что было обидно. Когда я получила первую премию «Хьюго», то она над мойкой не поместилась, так что я перенесла их на камин, установив в красивой симметрии.

В самом начале моей писательской карьеры мне регулярно писал один джентльмен (увы, он уже умер), живший в Ньюарке, Огайо: семидесятишестилетний отставной сержант по имени Джон Конлон. Он прочел мои вещи, и какое-то время мы поддерживали переписку. Он прислал мне фотографию каминной доски Пола Андерсона, нацарапав на обратной стороне «Космопорт Пола Андерсона». Это действительно выглядело похоже! Там стоял целый лес космических кораблей, «Небьюл» и вещей, которые я даже опознать не могла. Они были поставлены вплотную друг к другу. Это дало мне некий объект для честолюбивых стремлений. Да! Я хочу камин, как у Пола Андерсона. В тот момент это казалось мне недостижимым, но теперь, когда я смотрю на свою каминную доску, то думаю: «Ого, я уже близко». Даже страшно становится.

Признание требует некоторого количества времени. Вам надо писать достаточно долго, чтобы вас открыли. Именно так работает процесс присвоения премий. Механизм не рассчитан на мгновенный успех. Время от времени появляется кто-то вроде Уильяма

Гибсона. Но обычно для того, чтобы попасть на рынок, требуется больше времени. 1986 год — год моих первых публикаций — был годом Орсона Скотта Карда. Он набирал ускорение в течение всего предыдущего десятилетия — и наконец достиг этой точки. То был год, когда он пожал плоды своих трудов.

Мне понадобился сходный пробег для того, чтобы набрать нужное ускорение. Со временем пришло признание. Мне кажется, что даже в то время я не выбрала бы «Игру форов» в качестве моей любимой книги, заслуживающей премии «Хьюго». Однако плохих «Хьюго» не существует. Я была очень рада, когда на следующий год премию получил «Барраяр». И поклонники фантастики чертовски неплохо понимают что к чему: они не всегда выбирают правильную книгу, но всегда выбирают правильного автора. По-моему, в процессе номинации на «Хьюго» признание получают те, кто этого заслуживает. Со временем все становится на свои места.

Любимая книга со временем меняется. Обычно любишь ту книгу, которую пишешь, или ту, которая только что вышла. При этом чувство перемещается на каждое новое произведение — именно так оно становится достаточно интересным для того, чтобы его захотелось создать. С точки зрения автора этот список постоянно меняется. Моя самая-самая любимая книга — это, наверное, та, которую я еще не написала. «Танец отражений» идет впереди по очень личным причинам, но это может измениться. Так уж обстоят дела: то, над чем вы работали в последнее время, и становится вашим любимым детищем.

Меня приглашали принять участие в написании и «Звездного пути», и «Звездных войн», но я отказалась. Не из-за того, что считала это ниже своего писательского достоинства, а просто потому, что я пишу изнутри нару-

жу и не могу писать снаружи вовнутрь. Я не могу принимать участие в проектах «общей Вселенной», потому что мои сюжеты рождаются по-другому. Вселенная — это последнее, что я создаю, и она создается так, чтобы подходить к сюжету и персонажам. Так что когда начинаешь со Вселенной, то для меня все идет задом наперед. Мне хотелось бы стать наемным писателем, только я этого не умею. Я очень их уважаю. По-моему, очень трудно охватывать умом нечто не-свое и усваивать это настолько, чтобы создавать нечто творческое. Мне кажется, что это намного труднее, чем многие думают.

Было время, когда я была бы счастлива написать роман для серии «Звездный путь», но это было давно, и тогда меня никто не приглашал. И теперь, когда приглашают, я это уже переросла. Я предпочитаю заниматься чем-то своим. И занимаюсь. Это похоже на те грустные романтические истории, когда два корабля проходят мимо друг друга в ночи. Я упустила свою возможность стать автором «Звездного пути».

У меня нет типичного рабочего расписания, потому что работа — это редкое счастье, и мне не всегда удастся устроить все так, чтобы оно ко мне пришло. Я не пишу ежедневно. И очень об этом жалею. Но возьмем, к примеру, зимний период, когда дети ходят в школу. Они встают утром и уходят, а я встаю и заправляюсь кофе. Если я была на подъеме, то, возможно, накануне вечером сделала набросок. Я обнаружила, что мое творчество идет стадиями. И я научилась делать наброски частью процесса. Я делаю записи в блокноте — карандашом, от руки — какой-то сцены или нескольких сцен, над которыми работаю.

Я набрасываю и набрасываю, слоями. Я начинаю с самого приблизительного наброска: вот последовательность событий следующих трех глав. Тогда вот эти три

эпизода должны составить первую главу — или что-то около того. Иногда эпизоды растут или ужимаются, и в конце концов я начинаю переставлять их из главы в главу. Потом мне удастся поймать группы эпизодов, которые, похоже, получаются как раз длиной в одну главу. Я сужаю фокус и начинаю прорабатывать ее — эпизод за эпизодом. Моя основная рабочая единица — это всегда эпизод. Когда я действительно сажусь работать за компьютер, то мой набросок состоит из того эпизода, над которым я в этот момент работаю.

Я расписываю и разрабатываю куски диалогов и накануне вечером сижу в постели и придумываю, что эти люди будут говорить друг другу и в каком порядке расположатся их реплики. Все это превращается в маленькие записки. На следующее утро я сяду с этими записочками за компьютер и попытаюсь превратить их в цельный и динамичный эпизод, у которого есть начало, середина и конец. Иногда за один раз мне удается создать целый эпизод, а иногда он растягивается на пару дней.

Теперь я совсем избаловалась. Я работаю большими кусками. Раньше мне приходилось прерываться чуть ли не после каждого абзаца, потому что мое время было гораздо более разорвано. Теперь мне удастся сесть и проработать несколько часов кряду. Это — настоящая роскошь. В конце концов у меня получается вся группа эпизодов. В какой-то момент я ощущаю, что подошла к концу главы, и попадаю на ту самую строчку, когда можно сказать: «Ага! Вот оно! Именно на этой строчке и можно удачно остановиться. Давай остановимся здесь». После этого я распечатываю главу, и она попадает к моим пробным читателям.

Я беру распечатку главы и читаю ее в моей писательской группе, проверяю ее на нескольких друзьях, включая Лиллиан и Пэт. У нас уже много лет работает писательский

семинар по почте. Глава обсуждается, покрывается пометками — и отправляется ждать в записные книжки. Когда книга закончена, я возвращаюсь обратно и стараюсь внести изменения и поправки во все то, что вызывало замечания у моих пробных читателей, стараюсь принять во внимание их возражения. И это станет тем вариантом, который я отправлю в издательство «Баэн букс».

К тому времени, как рукопись попадет в издательство, ее уже прочитывают несколько человек, помимо меня самой, так что обычно редакторская правка не очень травмирует. Время от времени они высказывают какие-то пожелания — например, усилить службу безопасности злодеев. Обычно правка происходит на макроуровне. Микроредактированием они не занимаются. Это работает. Я вношу изменения, которые рекомендует редакция (что обычно не требует особых трудов), и в результате получается окончательный вариант книги. В следующий раз я вижу его уже в виде верстки.

С именами всегда бывает очень трудно. Я над ними работаю. Я пролистываю телефонные справочники. Я разглядываю фирменные названия на продуктах в холодильнике и пытаюсь их трансформировать. Я брожу по дому и бормочу себе под нос: «Как мне назвать этих ребят?» На протяжении половины эпизода они могут называться «Х», пока я не найду нужных имен. Я ужасно сожалею о своей системе форов и о том, как я ее устроила, потому что, если мне хочется написать роман, действие которого происходит на Барраяре, очень много фамилий должно начинаться с приставки «Фор», так что разобраться в них становится почти невозможно. Мне приходится находить способы ограничений на эти имена, чтобы они все не превратились в Фор-как-их-там.

Диалоги относятся к тем вещам, для которых мне необходимо вдохновение. Мне надо, чтобы я могла сесть

и представить себе происходящее, мысленно услышать все эти разговоры. Только тогда я могу записать то, что они говорят. Это не происходит на уровне логического мышления. Значительную часть повествования можно выполнить логически: «Ладно, если идет драка, то они должны сделать то-то, такое-то физическое действие должно последовать за таким-то...» И для этого вдохновение не требуется. Но для диалога, похоже, нужно нечто большее. Он возникает где-то в подсознании, и для этого необходимы определенные условия. Вот одна из тех причин, по которой я расписываю и режиссирую диалоги. Если я запустила мысленный диалог, успела его ухватить и записать, почувствовала его динамику, тогда я могу сесть и написать эпизод целиком, со всеми «он сказал» и «она ответила». Только тогда я вставляю все ярлычки, жесты, мимику и тому подобное.

Диалог очень близок к пьесе или сценарию. Это очень динамичная форма действия. И очень тонкая. Интонации и странные вещи, которые люди произносят, могут изменить ход событий. Это очень непросто. Это самая сложная часть для написания и требует наибольших усилий и напряжения всех способностей. Я делаю несколько заходов, прежде чем мне удастся записать все в нужном порядке, расположить все удачные моменты, которые я придумала, так, чтобы они плавно перетекали один в другой.

Иногда персонажи выдают какую-то фразу или поступок, которые я не планировала. Это просто падает на страницу — и привет. Так получается гораздо лучше. Я ужасно люблю, когда что-то приходит непосредственно из подсознания. При этом почти всегда результат бывает прекрасный. Та часть моего ума, которая занимается писательством, имеет нелинейный характер, хотя само написание проходит через линейный процесс и текст записывается строчка

за строчкой. Но по существу это нечто глобальное, сложное и хаотичное, возникающее словно из ниоткуда, но на самом деле вовсе не из ниоткуда. По-моему, очень прав Марвин Мински с его ментальной моделью различных актеров, которые удаляются, перерабатывают, генерируют нечто — и время от времени представляют свои результаты основному потоку. Он — человек очень сообразительный. Сознание людей работает нелинейно. Все обстоит гораздо сложнее, интереснее и забавнее.

После научной фантастики мой самый любимый жанр — детектив. Я всегда читала научную фантастику, фэнтези и детективы: рассказы с Шерлоком Холмсом, романы Дороти Сэйерс... Главным образом это были британские детективы. Я так никогда и не любила жесткие детективы, а вот британский вариант обожала. Конфликт интеллекта с силами тьмы, а-ля Шерлок Холмс. Почему-то это имеет особую притягательность — не только для меня, но и для многих других людей в нашей культуре. Видимо, именно поэтому этот жанр пользуется такой популярностью. Я мыслю категориями детектива. Он стал частью моей внутренней среды. Именно такие сюжеты я считаю интересными. Так что, когда я сажусь писать интересную историю, я обращаюсь к тому, что сама считаю интересным. А это определенно детектив.

Мне надо рассказать вам кое-что о той стилизации под Шерлока Холмса, которую вы у меня выманили для этой книги. Это было единственное, что я написала после университета, но до начала своей писательской карьеры. Тогда я работала в университетской больнице. (Кстати, я должна извиниться за то, что последней пары страниц там, кажется, нет. У меня сохранилась только плохая фотокопия, оригинал давно потерян, и я была

совершенно не в состоянии вспомнить, чем же я все это закончила. А этот год был у меня настолько безумно занятым, что я не могла даже пытаться хоть чем-то залатать эту дыру). Но этот кусок научил меня одной очень важной вещи относительно писательства — возможно, самой важной. И это не имеет никакого отношения к процессу писания или к чему-то, что я когда-нибудь слышала на занятиях по литературе.

Я писала этот фрагмент от руки, во время перерывов на работе и дома, потом печатала на машинке. А потом возникла насущная — и постоянная проблема найти кого-то — кого угодно! — кто бы согласился это прочитать. В тот момент я работала в отделении глазной хирургии, но я разговорила с пациентом, который забрел к нам с другого этажа. Я заметила его за чтением книг в пестрых мягких обложках — это были вестерны, но все же достаточно близкий жанр. И я спросила, не согласится ли он прочесть мое произведение. Чтобы понять остальную часть этого рассказа, вам следует сейчас прочесть пару абзацев из начала того рассказа. Прочли? Ну ладно. Он прочел первую страницу, положил ее и ушел.

И я с опозданием вспомнила, что он пришел из онкологического отделения, где проходил лечение по поводу очень тяжелой формы рака. Я готова была сгореть от стыда. В своем желании быть прочитанной я даже не задумалась о том, кто именно это сделает, и о том, что это может причинить ему ненамеренную, но сильную боль.

Нет, писатель не может отвечать за то, как именно их произведение будет интерпретировать некий псих, но я с тех пор всегда помнила о том, что писательство и чтение — это две стороны одного процесса. Для каждого мяча есть ворота, для каждой мелодии — ухо, для

каждой пули — цель, которая истекает болью и кричит. Писательство — это занятие обжигающее.

Это было началом моего постепенно значительно углубившегося понимания того, в какой степени читатели завершают то, что я делаю, насколько они мне нужны и почему я испытываю почти непреодолимую потребность, выражаясь словами Шекспира, «лишь уладить, не причинив вреда». Я ни за какие деньги не стала бы критиком.

Оглядываясь назад, я вижу, что читала классику типа Марка Твена и Александра Дюма, но в основном сосредоточивалась на своих любимых жанрах. Для меня литература с большой буквы никогда не была чем-то близким. Это не совпадает с моим представлением о том, что можно читать ради удовольствия, что люди готовы покупать. Такая литература практически находится вне моего опыта. Так что я склонна писать то, что читала: детективы, научную фантастику, фэнтези, историю, конечно (и в больших количествах). Нехудожественную литературу я почти не читала — например, описания реальных преступлений. То, что закладывается на входе, то и получаем на выходе. О да — еще книги о любви. Я открыла для себя эти книг довольно поздно. Я начала читать любовные романы, когда мне было уже за двадцать. Ну и готова признаться, что читала несколько романов Генри Джеймса.

Я не знаю, откуда у меня берутся военные образы и метафоры. Когда я училась в старших классах, то в течение шести недель была в гражданской авиаохране, но это длилось недолго. Я немного читала военную историю. Первое, что меня подтолкнуло в этом направлении, — это «Лоуренс Аравийский». Этот фильм вышел на экраны, когда мы с Лиллиан только начали учиться в старших классах. Мы смотрели его семь раз. И я немедленно прочитала «Семь столпов мудрости». В мои

пятнадцать лет эта книга была мне совершенно не по зубам, но я ее все равно прочла. Это — одна из тех книг, которые я перечитываю каждые десять лет, потому что она постоянно меняется.

В школе я интересовалась и Второй мировой войной — возможно, этот интерес был вызван телевизионными шоу, которые мне понравились. Я помню, как смотрела «Поединок» и «Самый психованный корабль в армии». И конечно, в то время шло множество фильмов про войну. Я много читала о концентрационных лагерях, и впоследствии это выразилось в повести «Границы бесконечности», когда я написала собственную историю о лагере для военнопленных.

В подростковом возрасте я читала в основном приключенческую научную фантастику, так что произошел импринтинг. Среди первых прочитанных мной вещей были рассказы Флэндри, а также ранние произведения Хайнлайна, Азимова (детективы с Дэнилом Оливо — «Стальные пещеры» и «Открытое солнце»). Кстати, об уважении к научной фантастике как к жанру: эти два романа Азимова мне нравились больше всего, гораздо больше, чем трилогия «Основание». Те вещи, которые печатал журнал «Аналог» в начале 60-х годов, были в то время моей главной радостью.

По правде говоря, я начала писать, вспоминая все «приключения» конца 50-х — начала 60-х, до начала «Новой волны». Я обошла стороной практически всю «Новую волну»: этот период пришелся примерно на то время, когда я перестала читать фантастику. Тому было множество причин, но так или иначе я успела привязаться именно к научной фантастике начала 60-х (и, конечно, 40-х и 50-х, которая по-прежнему оставалась на библиотечных полках). Так что я действительно засела на довольно раннем периоде.

Я пропустила 70-е и начало 80-х годов, потому что в этот период я читала все остальное, все те вещи, которые, по мнению матери, мне следовало читать раньше. В тот момент я играла в догонялки и читала все, начиная с «Исповеди Блаженного Августина» и кончая Джорджеттой Хейер. Казалось бы, влияние Джорджетты Хейер должно ощущаться во всем — но только в том случае, если вы читали достаточно ее произведений, чтобы это ощутить. Такой элемент романтики всегда присутствует.

Я сошла с дистанции на мрачной литературности. Это — не то, что мне нравилось и что мне хотелось бы воспроизвести или воссоздать для нового поколения читателей. Я возвращаюсь к чему-то более старому, яркому и светлому, но пропущенному через ощущения моей жизни, которая прошла через несколько неожиданных поворотов и придала моему искусству несколько неожиданных направлений. Невозможно вернуться до того уровня неосознанности, который был вам доступен в 1964 году.

Я выбрала русский, французский, британский и греческий фон для Барраяра чисто случайно. Я работала над «Осколками чести», и писательство все еще было для меня хобби. Эйрел Форкосиган возник в законченном виде и начал генерировать вокруг себя мир. Вот вам пример сконцентрированности на персонаже! На самом деле центром моей Вселенной является Эйрел Форкосиган, потому что у меня возник этот персонаж и мне надо было его объяснить. Кто он? Как он попал туда, где находится?

Он прилетел с некой планеты, так что эта планета должна иметь определенную историю, в результате которой возникла определенная культура, чтобы произвести такого человека. Я начала с Эйрела и, двигаясь обратно, разработала историю Барраяра. У нас был очень мрачный и страдающий готический герой, так что мне надо

было объяснить его себе и читателю, так что он должен был стать продуктом своей культуры и истории. Почему я выбрала русскую основу? Не знаю, право. Просто в тот момент это показалось мне удачной идеей. В ней есть нечто печальное. В тот момент между США и Россией существовала довольно сильная напряженность, а мне нужно было нечто угрожающее, так что я придала ему это качество. Когда Корделия пыталась понять, кто сжег ее базовый лагерь, она упомянула трех или четырех других врагов. А это оказался Эйрел.

Культуры Барраяра, Беты и прочих стали результатом прочитанного и моего понимания истории. У барраярцев европейская культура: они имеют русские, британские, греческие и французские корни, но с точки зрения истории и формы их культуры они основаны на Японии периода Мэйдзи. У них был свой период изоляции, у них развилась своя военная каста, они тоже пережили очень болезненный новый контакт с внешним миром. Именно так развивалась история Барраяра. Правда, Япония не переживала вторжения, а Барраяр — пережил, что придало ему более русский характер. В Россию вторгались несколько раз и со всевозможных сторон. Это стало сочетанием историй двух стран, Японии и России, с разнообразными и порой логичными последствиями — не всегда похвальными, но логичными. Главная идея барраярской культуры возникла именно отсюда.

«Фор» — это просто интересно звучащий слог, который упал из моей головы прямо на страницу. Он немного напоминает немецкое «фон», так что в нем есть нечто аристократическое. Для меня эта приставка также ассоциируется со словами «война» и «воин», а мрачно-милитаристский тон показался мне уместным. Позже я узнала, что по-русски этот слог созвучен слову «вор», но аристократические роды обычно возникают именно так.

Я начинала писать с довольно туманным представлением о том, как устроена моя аристократия. Система развивалась постепенно, поэтому я не всегда соблюдаю точность. Я уверена, что те, кому нравится придирается к титулам моих аристократов, могут найти поводы для придинок. Немного поразмыслив, я решила, что у аристократов на Барраяре будет только один титул — граф. И он возникнет не из древнего титула, а из бухгалтерского термина «графа». Они будут первыми сборщиками налогов централизованного правительства и вообще представителями власти. По мере развития истории они приобретают другие политические обязанности. Сын графа тоже граф, а его жена — графиня. Другие дети получают титул лорда. Наследник графа пользуется своей фамилией: он лорд Форкосиган, если он наследник графа Форкосигана. Все, кто не является наследниками графа, прибавляют титул лорда или леди к имени. Наследник графа будет лорд плюс фамилия, а его жена — леди плюс фамилия. Думаю, что третье поколение вообще не имеет титула.

Проблема мутаций на Барраяре началась с первыми поселенцами. Это — проблема изоляции. У них не было такой медицины, которая могла бы справляться с мутациями. Их технологии деградировали слишком быстро, чтобы проводить генетическую коррекцию. Они остались бы с теми дефектами, которые получили с генофондом, если бы не были готовы избавиться от них на, так сказать, соматическом уровне. На них воздействовали различные мутагенные факторы. Там, безусловно, были токсины, возможно — радиация. Я не углублялась в историю Барраяра настолько, чтобы знать все подробности. А если я когда-нибудь это сделаю, то у меня будет немалый выбор факторов, которые могли бы обусловить высокий уровень мутаций у населения. Возможных при-

чин множество. Все, начиная с аллергий на местную флору и фауну и кончая естественным спектром солнечного излучения и дополнительного облучения в процессе колонизации. Выбирайте сами — причин может быть сколько угодно. Я не вдавалась в конкретизацию, поскольку, если мне когда-нибудь захочется написать еще одно произведение, мне хочется иметь право выбора.

Корделия могла бы вернуться в Колонию Бета между «Осколками чести» и более поздним периодом жизни Майлза. Это был бы тщательно охраняемый визит на государственном уровне. Она не могла бы путешествовать как частное лицо — как ей того хотелось бы. Я полагаю, что в какой-то момент по прошествии пяти-шести лет после ее эмиграции на Барраяр с юридическими аспектами разобрались. И потом — она перестала быть гражданкой Беты, она стала барраярской подданной. По этому поводу юристам тоже пришлось спорить пару лет. У Майлза — двойное гражданство. Я не уверена, что это работает в обе стороны. По-моему, бетанцы признают двойное гражданство, но не уверена, что это делают барраярцы. Колония Бета понимает разнообразие, Барраяр ему сопротивляется.

Я понятия не имею, что произошло с командором Кавилло после «Игры форов». Она может появиться снова, если понадобится, — а может и не появиться. После «Памяти» Майлз пойдет в несколько новом направлении, и я пока точно не знаю, каковы здесь возможности. Пока перспективы самые широкие. Кавилло — это один из многих незакрытых мотивов в моей Вселенной. Они присутствуют в каждой книге.

Мне кажется, что на Эскобаре ощущается сильное испанское влияние — Испании или Латинской Америки, — как с этнической точки зрения, так и с культурной. Если не

считать этого, мы видели там слишком мало, чтобы что-то утверждать с определенностью. В этой Вселенной нет чистых колоний. К тому времени, как открыты п-в-туннели, все уже порядком перемешалось. На Земле практически не осталось чистых наций, из которых можно было бы черпать ресурсы. Так что мы получаем колонии, которые в основном европейские, или в основном латиноамериканские, или в основном арабские, но там присутствуют примеси других генотипов.

Цетаганда также имела восточные образцы. Меня очень интересовала Хэйанская Япония, период высокого развития культуры в девятом веке, в который, помимо прочего, был написан первый роман — женщиной, Мурасаки Сикибу. Это «Гэндзи-моноготари», классика японской литературы. Меня интересовала эта культура, как и культура Китая того же периода и более позднего периода последних маньчжуров (конец XIX и начало XX веков). Я почерпнула оттуда некоторые идеи государственного устройства и культуры, которые соединились с очень прогрессивными идеями генной инженерии и мыслями о том, как люди будут жить в условиях технологического производства. Все это соединилось в моем сознании и дало плоды в виде цетагандийцев, у которых есть высокоразвитая культура, иерархическое общество, — и все это, если заглянуть дальше поверхностного блеска, имеет чисто биологическое объяснение. Все это соединилось, чтобы дать Цетаганду.

Создавать цетагандийцев было забавно, потому что до какого-то времени я давала их в виде очень неполного и эскизного наброска. Когда же я принялась за сюжет, который разворачивался непосредственно на Цетаганде, мне захотелось вырваться из своих собственных рамок. Мне хотелось разрушить те ожидания, которые уже сформировались у моих читателей. Хорошо: когда мы по-насто-

ящему узнаем эту культуру, то какой она оказывается? Потому что все всегда оказывается не таким, как кажется на первый взгляд. Было забавно углубиться в цетагандийское общество и показать, как оно действует и почему оно совершенно не похоже на то, что все ожидали увидеть.

Я твердо верю в то, что не следует делать того, что от вас ожидают. Человек всегда ошибается и никогда не видит полной картины. Ошибки всегда интересны. Интересны в двух смыслах — в смысле старинного китайского проклятия и в смысле вежливой реакции в центральных штатах Америки. В этом районе США всякий раз, когда вам демонстрируют нечто совершенно ужасное, а вежливость не позволяет вам так и сказать, вы восклицаете: «О! Как интересно!» Это — сочетание обоих этих вещей.

Мое краткое описание Архипелага Джексона состоит в том, что его, вероятно, заселили космические пираты. Там нет правительства. Все утверждают, что хотели бы жить в мире без правительства. Ну так вот вам мир без правительства. Ну, как он вам нравится? Вот мое понимание Архипелага Джексона. Это — вариант. Каковы все возможные варианты человеческого общества? Ну, давайте возьмем мир без правительства и посмотрим, во что он превратится. А он превращается в сборище клановых корпораций, которые позволяют себе все, что у них проходит. Это — интересное место. Можно неплохо устроить свою жизнь на Архипелаге Джексона, если вы сообразительный и везучий. И безжалостный.

Кто-то должен выпекать булочки, выращивать кофе и выполнять повседневную работу. Никакое общество не может существовать без множества людей, занимающихся повседневной работой. Может быть, они объединяются в ассоциации, чтобы не дать себя затоптать. По-моему, главный вопрос на Архипелаге Джексона звучит так: свя-

заны ли вы с каким-то домом, который готов вас обслуживать и защищать, или вы — бездомный? Мне кажется, что люмпены на Архипелаге Джексона — это люди, которые по какой-то причине не связаны должным образом с каким-то из домов и не имеют своего «защищенного» места в обществе. Но я не занималась серьезным анализом Архипелага Джексона. Если бы я написала какую-то вещь об Архипелаге Джексона, в которой рассматривалось именно это, мы, наверное, узнали бы о подобных деталях гораздо больше.

Если место действия какого-нибудь моего будущего романа будет именно там, то мы сможем рассмотреть какие-то новые аспекты этого общества. У каждого общества есть тысячи самых разных аспектов, которые можно исследовать в одном романе. А я уже упоминала о нескольких планетах и миллионах и миллиардах людей; таким образом, количество сюжетов становится просто астрономическим, даже не выходя за рамки времени Майлза. А ведь можно исследовать еще десять тысяч лет возможной хронологии!

Бел Торн и бетанские гермафродиты просто взялись ниоткуда. Это показалось мне весьма очевидной, легкой и ранней генетической программой. Гермафродиты существуют в реальности. Это — нечто такое, что творит сама природа. Существуют люди, которые рождаются с двумя полами или с полом, который оказывается где-то между двумя полюсами спектра мужчина — женщина. В настоящее время идут тихие споры относительно детей, которые рождаются без явно выраженных признаков пола. Обычно врачи выбирают для них один из полов, проводится хирургическое и гормональное лечение, и в результате тот или иной пол закрепляется. Иногда врачи ошибаются. Некая женщина-врач, которая ведет исследования по этому вопросу, утверждает, что этим людям

следует предоставить возможность быть тем, чем они родились. От них не следует требовать выбора пола, им не следует силой навязывать пол.

О подобных явлениях в настоящее время редко приходится слышать, потому что они исправляются путем медицинского вмешательства. Раньше они встречались чаще. Например, в Древнем Риме таких новорожденных считали отмеченными богами. Их будущее было обеспечено: они становились жрецами, им поклонялись. В «Сатириконе» описывается похищение гермафродитов из святилища и о том, как из этого следуют всяческие неприятности. Мне это просто показалось простым и легким видом генной инженерии, результатом которой становится новый вид человеческого существа. Во Вселенной Майлза вместо инопланетян мы будем иметь десять тысяч лет всевозможной генной инженерии, которая приведет к взрывному росту особенностей человеческих существ, разбросанных по галактике. В течение жизни немногих поколений, начиная с периода до рождения Майлза и далее, инопланетянами станем мы сами. Мы станем разнообразными производными существами, и это будет происходить очень быстро, поскольку мы обойдем нормальные темпы эволюции и ускорим ее за счет технологий.

Преимущества брака между двумя гермафродитами заключаются в том, что они понимают общие для них проблемы взаимоотношений с окружающим миром моносексуальных существ. Мне представляется, что они не будут согнаны в гетто, но будут иметь тенденцию объединяться друг с другом. Полагаю, их задумали в качестве решения проблемы неравенства мужчин и женщин. По первоначальному замыслу все должны были стать гермафродитами, потому что это будет популярно. Так не случилось. Дело заглохло. Кто-то в какой-то момент ре-

шил, что это — хорошая мысль, и вот мы имеем всех потомков этих созданий, у которых не было иного выхода. Однако теперь они живут неплохо, можете не беспокоиться, и им нравится быть такими человеческими существами, какие они есть.

Несколько неудачных экспериментов послужат уроком. Любой закон существует потому, что кто-то пытался что-то сделать, и получилось очень плохо. По мере проведения все новых генетических экспериментов будут создаваться все новые и новые законы, которые должны решать возникающие при этом проблемы. Эти законы в разных обществах будут иметь разную форму, обусловленную историей того или иного общества. Будет множество законов и множество различных путей управления технологией и ее плодами.

Человек, подвергшийся воздействию генной инженерии в детстве, это единственный человек, не имеющий права голоса. Родители могут делать выбор за своих детей, но самим детям принимать решения обычно не дают. По мере развития технологии определенно станет возможной ретрогенная инженерия. Я не говорила, существовала ли она уже во времена Майлза. Это морально-этическая проблема: меняете ли вы себя, или меняете кого-то без их согласия.

На Земле, как мы видим в «Игре форов», поднялся уровень моря. Дамба не подпускает море к Лондону, как это сейчас происходит в Голландии. Во время прилива уровень моря становится настолько выше уровня воды в Темзе, что ее приходится перекачивать. Так я представляю себе происходящее. При нормальном положении уровень моря достаточно низок, чтобы река текла как обычно, но при высоком приливе река разливается. Я не сомневаюсь в том, что у инженера-гидравлика это вызвало бы множество возражений.

Основной принцип заключается в том, чтобы удерживать воды, так сказать. Основной принцип научной фантастики таков: если вы не можете говорить точно, говорите неопределенно. Мне кажется, что я говорю достаточно туманно, так что те, кто разбирается в вопросе, могут должным образом заполнить пропуски, а кто не разбирается — сделают все кое-как, но их это не будет волновать, поскольку их это не волнует.

Если бы я писала книгу о человеке, который работает инженером-гидравликом, который должен был бы обеспечивать работу дамбы и спасать город, мне пришлось бы углубиться в технические детали, потому что рассказ будет именно об этом. Тогда такие детали были бы уместными. Но читателям не нужна лишняя технология, описанная в мельчайших подробностях, потому что они и так ею сыты. Единственная технология, которая должна описываться подробно, это та, на которой основан сюжет. В этом случае дамба была только фоном, а рассказ шел совсем о другом. Конфликт происходил на первом плане. Вы получаете небольшой импульс, достаточно неопределенное описание, чтобы мысленно создать необходимый фон. Вы не изучаете его, если вам не надо ничего с ним делать.

Именно это было признаком того, что в «Метеорологе» основной кризис не будет иметь отношения к погоде: вы не описали технологию достаточно подробно, чтобы читатель заинтересовался драмой предсказания погоды.

Вот именно. Рассказ был не о прогнозе погоды. Он был о власти и о том, что у Майлза проблемы с людьми, которые обладают большей властью, нежели он сам. Метеорология была, в сущности, фоном. А на переднем плане находился конфликт между Майлзом и Метцковым, причем это конфликт на этическом и личностном уровне.

Майлз, кажется, должен стать техником. У него есть для этого мозги. У техника есть еще одно преимущество: если у вас есть мозги, а у остальных — нет, то остальные к вам не пристают, чтобы вы не сделали с ними чего-нибудь ужасного. Место техника подразумевает власть, как знает каждый, кому приходилось ползать на брюхе перед человеком, который может устранить неполадки в вашем компьютере. Их надо задабривать. Место техника очевидно подходило для Майлза — вот только его личность была для этого не приспособлена.

Вот так у вас и получается сюжет. Вы берете персонаж и делаете с ним все самое ужасное, что только для него можно придумать. Это должно проистекать из характера персонажа. Самое плохое для персонажа А не будет самым плохим для персонажа В. У В будут совсем другие личные фобии, которые уведут сюжет в совершенно ином направлении. Так что сюжет становится чем-то вроде скальпеля для персонажа, прижизненным вскрытием, с помощью которого вы забираетесь ему внутрь, рассматриваете его потроха и смотрите, из чего он сделан. Порой это бывает жестоко.

«Осколки чести» и другие романтические истории, написанные именно так, когда в них препарируются два главных персонажа и демонстрируются друг другу, являются самыми удачными романтическими историями. Персонажи узнают друг друга гораздо лучше, чем это обычно бывает.

К концу книги Эйрел и Корделия узнали друг о друге очень многое — и читатели тоже. Это — исследование характеров. Исследование характеров является достойной целью романа. Это цель не единственная, но определенно достойная. «Осколки чести» — это преимущественно исследование характеров. В «Танце отражений» характеры исследуются максимально. Это — книга о том, что проис-

ходит у Марка в голове. Так можно коротко охарактеризовать эту книгу.

«Танец отражений» о том, как быть тем, кто ты есть. Я могу описать ее тематически как расширенное размышление о вопросах личности. Главным образом это происходит через Марка, но вторичный сюжет также служит этой цели. Второстепенные персонажи, такие, как группа Дюрона и два брата, Фелл и Риоваль, также имеют отношение к этому вопросу. Айвен — тоже его часть. Эта книга гораздо более структурирована, чем все остальные мои произведения, но по большей части это было сделано подсознательно. Какой-нибудь психолог или литературовед могут получить немало удовольствия, пытаясь проследить положение всех конструктивных элементов, деталей и подпорок.

Читатель должен проникнуть глубже поверхностного слоя, потому что при этом роман представляет собой динамичное приключение. И если вы будете читать его слишком быстро и не доберетесь до других уровней, то пропустите то, что движет героями. Все глубинные слои вполне можно не заметить. Честно говоря, меня это тревожит.

Книга — это не сюжет. Книга — это персонажи и тема. Сюжет нужен только как каркас, на котором все это можно укрепить.

Не существует обязательного порядка, в котором я решаю, как развиваются события или какие изменения претерпят персонажи. Тут работает постоянная обратная связь. У меня бывает некое представление о том, что я буду делать с сюжетом. Иногда я знаю, какого эмоционального результата хочу добиться, и создаю сюжет так, чтобы его достигнуть. Это почти равносильно работе на уровне темы. Это обычно получается и обычно приносит глубокое удовлетворение. Иногда у меня задумана некая

последовательность действий, а эмоциональные последствия становятся для меня сюрпризом. Эмоциональный или симфонический рисунок романа — это шаблон, который я стремлюсь создать. Поступки, сюжет создаются так, чтобы они сочетались с этой последовательностью эмоций, развития, тем, полной взлетов и спадов.

«Какую самую ужасную вещь мы можем сделать с Майлзом на этот раз?» — это чудесный источник сюжетов. Повествование может иметь в своем центре либо сюжет, либо персонаж. Оба варианта могут быть удачными. Обычно повествование, сконцентрировавшееся на сюжете, позволяет представить несколько точек зрения. При этом вы перескакиваете от персонажа к персонажу — туда, где происходят наиболее интересные события. Так что вы следуете сюжетной линии, и это служит основой повествования.

Если повествование концентрируется на персонаже, вы сосредотачиваетесь на человеке. Там, где находится этот человек, там и идет повествование. При этом оно ведется с одной точки зрения. Большинство книг о Майлзе имеют одну точку зрения, потому что повествование обычно следует за Майлзом. Приключения придумываются для того, чтобы продемонстрировать персонаж, а не персонаж — чтобы продемонстрировать приключения. Мне самой кажется, что при этом создается гораздо более органичная и эмоционально действенная смесь.

Я писала и другим способом. «Этан с планеты Эйтос» гораздо больше концентрировался на сюжете, «Кольца духов» — тоже. Итак, писать можно как угодно, но я обычно сосредоточиваюсь на персонажах, и именно поэтому повествование обычно ведется с одной точки зрения: оно следует за персонажем и тем, что происходит с ним в ходе развития сюжета.

С самого начала, когда я еще только писала «Осколки чести», когда я еще не задумала историю Майлза, я уже знала, что у Эйрела и Корделии будет сын-инвалид. Это согласовывалось с их положением. Что было бы самым ужасным, что можно устроить для этих людей? Именно это. Дадим им наследника, который не укладывается в баррарские нормы, и посмотрим, что получится. И Ботари тут пригодился. Первая сцена, которую я придумала для «Ученика воина» — та самая песчинка, вокруг которой начинает расти жемчужина, — это была гибель Ботари. Она стала первым эпизодом, который я себе представила: Майлз и Ботари окажутся где-то далеко от дома, и Ботари погибнет, защищая Майлза. Ботари играл в этой книге очень важную роль, хотя и отодвинулся куда-то в сторону, когда накопились другие вещи. Но на самом деле в центре «Ученика воина» была именно эта история: Майлз и Ботари. И название за «Учеником воина» закрепилось очень рано. Идея сюжета пришла из «Ученика волшебника»: молодой человек обнаруживает, что может заварить кашу круче, чем удастся расхлебать. Иногда вещи имеют очень странный источник. Порой вы знаете этот источник, а иногда нет. А иногда знаете, но не хотите никому в этом признаваться.

Майлз очень живой. Я им весьма довольна. А еще он — персонаж переходный. Он находится в патриархальной культуре со старомодными рыцарскими ценностями, которым он старается соответствовать. Но одновременно он же — «чуткая личность». Его мать родом с Колонии Бета, а Колония Бета похожа на Южную Калифорнию, доведенную до крайности. Ну, может, теперь уже и не Южная Калифорния: к старости она становится странной и эксцентричной. Но Бета очень «политически корректна», очень либеральна, однако в ней присутствуют некие скрытые ограничения. Майлз —

это пробный камень для всех, кто мучается с нашей собственной меняющейся культурой.

Это — метафорический уровень моих книг. Барраяр — это мы. Это культура, которая за очень короткое время пережила мучительные перемены. И это, конечно, относится ко всему двадцатому веку. Вот почему научная фантастика — это литература двадцатого века. Это — единственный литературный жанр, который в метафорической форме решает основную проблему нашего времени. Эта проблема состоит в ошеломляющих и стремительных переменах — слишком стремительных для обычных людей, которые привыкли к гораздо более медленному темпу изменений. Именно этим научная фантастика притягивает читателей двадцатого века: она — про наши проблемы. Барраяр — это типичное для двадцатого века место, где люди стремительно перешли из прошлого в будущее и ощущают этот переход как весьма болезненный. Интересный, но болезненный.

Две фотографии из архива издателя: его собственный отец на сборах армии в 30-х годах верхом на лошади и еще одна, сделанная спустя 25 лет: он в летном костюме и готовится сесть в кабину реактивного истребителя.

Меня довольно быстро начали переводить. И это идет очень недурно. Один мой рассказ переведен даже на китайский язык! Это — потому что я человек жалостливый. Молодой джентльмен из Китая учился по обмену на факультете экономики в университете Дэйтона и оказался на научно-фантастической конференции, где присутствовала и я. Он спросил, не пожертвую ли я что-нибудь для их еще не ставшего на ноги журнала фантастики. И я подарила ему рассказ в обмен на несколько экземпляров журнала. Так меня представили китайским читателям. А

у меня в подвале лежит несколько экземпляров «Последствий» на китайском. Ошеломляет.

Я выбрала «Последствия» за краткость. Три маленьких рассказа издательства Putnam были забавные, но мне кажется, что «Последствия» в большей степени соответствуют основным моим произведениям. По ним легче ощутить, что собой представляют рассказы о Форкосигане. Но это зависит от качества перевода, а этого мне никогда не оценить. Я никогда не узнаю, что люди черпают из этих крошечных закорючек на странице, когда они их прочитывают.

Мне не приходили письма от заграничных читателей. Я не знаю, попадают ли они к переводчикам, или их просто не пишут, но непосредственной обратной связи у меня никогда не было. Кое-что я узнаю из компьютерных сетей. Время от времени мне присылают компьютерные распечатки, и я вижу какие-то разговоры, но большинство этих людей все равно читают мои книги по-английски. Я получила-таки одно письмо из Владивостока, но и в этом случае его отправитель читал мои книги по-английски: на русский их в тот момент еще не перевели. Мне было бы интересно получить какие-то отзывы из бывшего Советского Союза.

Издатели переводов не делают заявок на что-то конкретное. Похоже, они закупают все оптом. Не знаю, прочитывают ли они книги, или покупают их просто по списку. Я написала предисловие к русскому изданию «Осколков чести» и «Ученику воина», которые издаются одним томом. Это первая вещь, которая вышла у меня в переводе на русский.

Я не сталкивалась с проблемой «Орудия дьявола», потому что, похоже, никто из этих людей не читал моих книг и не слышал о моем существовании. Обычно я попадаю под огонь в рамках жанра. Кому-то хотелось бы,

чтобы мои книги были иными. Им не нравятся приключения, они хотят видеть мрачные картины общества будущего, или, может быть, их устроила бы некая фокусировка на технике. Им хотелось бы, чтобы мои книги были какими-то иными, больше соответствовали их вкусам. С подобными людьми я время от времени сталкиваюсь, и они бывают недовольны. Книга должна была бы быть какой-то другой. Тут ничего нельзя поделать — можно только попытаться угадать, какого именно писателя им хотелось бы читать, и тактично указать им нужное направление: идите и почитайте такого-то, это вам может понравиться.

Больше всего подготовительной работы мне потребовалось для книги «Кольца духов», потому что там действие происходит, в сущности, в историческом контексте, хотя это история слегка измененного Ренессанса. Прежде чем начать писать эту книгу, я проделала такую же исследовательскую работу, какую потребовал бы любовно-исторический роман. Так что моя самая тщательно проработанная книга это вообще не научная фантастика, а фэнтези. Что касается остальных книг, то некоторые также потребовали предварительной подготовки, в частности, «В свободном падении». Я специально задавалась целью написать произведение в стиле журнала «Аналог», чтобы запихнуть в него как можно больше техники и настоящей науки. И мне действительно потом удалось пристроить роман в «Аналог». Я доказала себе, что действительно способна сделать и такое.

Я выяснила, что наилучший способ подготовки — это беседы со знающими людьми. Они могут рассказать вам самое интересное. Они поделятся с вами эпизодами, которые вам даже в голову не придет разыскивать, — и вы можете их украсть! Мне доставили огромное удовольствие

те личные контакты, которые мне потребовались при подготовке «В свободном падении». Большинство книг про Майлза не требуют большой подготовки. Повествование концентрируется на персонаже, так что все создается по ходу дела, в соответствии с требованиями сюжета. Мне не нужно проводить глубоких технических исследований для книг про Майлза, потому что большинство из них основаны не на технических моментах. Главное в них — это характеристики персонажей, или этика, или еще что-то в том же духе. Я владею неким объемом знаний в области биологии и пользуюсь ими. Но я совсем не обязательно проверяю их по справочникам.

В момент написания «Осколков чести» я не знала всех подробностей «Барраяра». Когда я писала «Осколки чести», то вырвалась за пределы концовки. Это был мой первый роман, и я не очень четко представляла себе композицию и вообще то, что я делала. Персонажи просыпались на следующий день, и история продолжалась! Я нашла конец «Осколков чести», остановившись на том, что написала, и вернувшись назад, чтобы найти самое удачное место для концовки, которое не тянуло бы за собой следующую историю. Когда я остановилась в 1983 году в конце рукописи книги (которая в тот момент называлась «Зеркала»: название «Осколки чести» возникло уже в процессе публикации), то я была уже на эпизоде восьмой главы «Барраяра», в которой Корделия разговаривает с доктором Ваагеном и они решают, что прерывание беременности не обязательно и что вместо этого они попробуют перенести плод в маточный репликатор. Я сознавала, что предстоят еще новые проблемы и что Корделия будет в них участвовать, но я не представляла себе, как будут дальше развиваться события.

Шесть лет спустя я поднялась на чердак, просмотрела все эти материалы и поняла, что здесь у меня есть

начало романа. То, что я отрезала от «Осколков чести», на самом деле оказалось началом следующей книги (и именно поэтому я отрезала его именно в этом месте), и мне следовало взяться за окончание этой второй истории. У меня была масса материала, относящегося к началу «Барраяра», так что я вернулась обратно и свела все воедино.

Мое представление о том, как должен развиваться сюжет дальше, сильно отличалось от первоначального. Хотя я уже представила себе, как капитан Негри вываливается из флайера и умирает на лужайке перед сельским особняком Форкосиганов. Этот эпизод был в моем воображении, но на страницах его еще не было. Так что когда я писала «Барраяр», я взяла все прежние наброски, разобрала их на части и по мере необходимости вставила новые эпизоды, используя при этом как можно больше старых. Так что в некотором отношении можно сказать, что премию «Хьюго» я получила за свой первый роман. Но только в определенном смысле. Шесть лет спустя «Барраяр» получился гораздо более удачной книгой, нежели он был бы, если бы я попыталась его написать сразу после «Осколков чести». На порядок более удачной. Сюжет развивался совсем по-другому и во многом неожиданно для меня, и я была очень довольна тем, какой получилась эта книга.

В тот момент я планировала написать что-то после «Колец духов», в том же историческом контексте. Возможно, я возьму кое-какие идеи и пойду в ином направлении, а не буду продолжать описывать историю тех же персонажей. Возможно, я возьму замкнутый мир города-государства наподобие Венеции и пойду от этого. Это даст мне больше свободы действий и задаст повествованию иную тональность. В историческом произведении присутствует нечто мрачное, если вы чест-

но следуете времени: в прежних исторических периодах было мало веселого, особенно для женщин. Я могла бы получить мир в более светлых тонах, если бы освободилась от исторических моделей или по крайней мере не следовала бы им слишком рабски и преданно. Это была бы гораздо более жизнерадостная и легкая фэнтези.

В «Кольцах духов» я опустила эти гадкие моменты. Мы на них просто не смотрим. По правде говоря, именно так сейчас принято поступать. Это интересная морально-этическая проблема. Где границы в прошлом и пространстве, после которых просто уже нельзя позволить себе сопереживание? Потому что если распространить его слишком далеко в пространство и прошлое, то всегда можно набрать столько ужасов, что груз станет непосильно тяжелым. Каждый где-то проводит границу. Вопрос в том, где именно вы ее проводите. Что находится внутри — только вы сам, или вас волнует ваши соседи, или весь ваш народ, или вся планета? С моей точки зрения морально несостоятельны те, кто тревожится о всей планете и при этом не делает ничего, кроме защиты своей собственной шкуры. Это — показная добродетель.

Мой собственный подход к причинам и следствиям в истории с математической точки зрения весьма хаотичен. Имеются глубинные причины, которые слишком медленны для того, чтобы поддаваться измерению, но при этом они имеют наглядные результаты (вы помните ту историю с крылом бабочки), так что если вы внесете даже самое небольшое изменение, в конечном итоге могут воспоследовать изменения громадные. Фантазийная часть заключается как раз в предположении, что вы можете вносить любые изменения и при этом не получать совершенно иной мир. Это похоже на жульничество —

создавать нечто близкое к нашей истории и в то же время допускать какие-то отличия.

Мне не хотелось прибегать к обычному волшебству. Мне хотелось вернуться к реальным историческим корням и сделать, чтобы волшебство работало именно так, как это представляли себе люди того времени. А потому я прочитала кое-какие исторические повествования. В «Автобиографии» Бенвенуто Челлини есть интереснейший отрывок, в котором он рассказывает о том, как пошел с несколькими людьми творить заклинание, вызывающее демона. Читая его, я все еще пытаюсь разобраться, кто там кого разыграл. Им удалось перепугать себя до полусмерти. Так что существуют представления о том, как действовало волшебство. Конечно, они считали, что волшебство творится как по волшебству. Я очень быстро обнаружила, что современному читателю требуется, чтобы волшебство творилось в соответствии с законами физики. Им хочется, чтобы волшебство работало логично, им нужны причины и следствия, им нужен принцип сохранения материи и энергии. Чтобы убедить читателя двадцатого века в том, что волшебство реально, необходимо волшебство, похожее на физику. Они не хотят, чтобы волшебство творилось как по волшебству, что ужасно досадно, поскольку отрезало меня от исторической модели. Так что в конце концов у меня получилась некая смесь того, каким было волшебство в представлении людей того времени, и того, каким оно стало в представлении читателей нашего времени: некий гибрид.

Бенвенуто Челлини был законченным эгоистом. Помоему, он был близок к тому, чтобы его можно было считать социопатом, — но все же не дошел до этой крайности. Он придерживался правил своего времени, которые совершенно непохожи на наши. Кое-какие из его поступков, когда о них слышишь, заставляют просто от-

крыть рот — как у зрителя, который смотрит «Весну для Гитлера» в «Режиссерах». Хорошая книга.

«Кольца духов» имели три источника. Первый толчок я получила, познакомившись с некой диссертацией*. Остальные два — это «Автобиография» Бенвенуто Челлини и «De Re Metallica»**. Диссертация содержалась в томике, доставшемся мне по наследству. Там рассматривается история о благодарных мертвецах. Я описала ее в послесловии к «Кольцам духов», а ее ускоренная версия звучит так: некий молодой человек отправляется искать счастья и сталкивается с ситуацией, когда тело должника оставлено непогребенным до тех пор, пока долги не будут уплачены. Он отдает свои запасы и закапывает беднягу, а сам отправляется на дальнейшие приключения, в которых ему помогает благодарный призрак мертвеца. Существует пятьдесят различных вариантов. Рассказ соединяется с другими народными преданиями, и его можно обнаружить в двадцати странах на протяжении двадцати веков. Это один из основных традиционных сюжетов, по популярности следующий за тем, где юноша встречает девушку. Подобные истории сохраняют привлекательность для самых разных культур и самых разных времен. Я прочла сухие версии рассказов, изложенные суровым академическим стилем, и сразу же вспомнила волшебные сказки. А потом решила, что попробую написать свое повествование в том же духе.

Я обдумывала различные способы того, как это можно сделать. Событие могло разворачиваться в любой исторический период. Можно было бы написать сотню

* «The Grateful Dead, the History of a Folk Story» («Благодарные мертвецы: история народного рассказа»), Gordon Hall Gerould, B. Litt. (Oxon.). Published for the Folk-Lore Society by David Nutt, 57–59 Long Acre, London, 1908.

** Существуют по-английски во многих изданиях.

разных книг на одну и ту же основную тему, включая криогенный вариант, при котором кого-то замораживают, а затем размораживают в результате благородного поступка (или наоборот). Я уже использовала эту тему в «Танце отражений», так что, наверное, убила для себя такую возможность. Под воздействием Челлини и книги о мертвецах я в конце концов остановилась на конце пятнадцатого века. Еще один источник, который вошел в мою книгу, — это «De Re Metallica» Агриколы (это латинский псевдоним немца по имени Георг Бауэр, а по-немецки это слово означает «фермер», как и латинское слово «agricola»).

Бауэр был ученым-металлургом в Германии шестнадцатого века и считался авторитетом в вопросах горной добычи и выплавки металлов в том виде, какими они были до открытия Периодической системы элементов. Все делалось по рецептам, по заведенному порядку, методом проб и ошибок. Существовало множество неверных теорий о том, почему все происходит так, как происходит. Это было основой. Это было началом. Очень интересно сравнивать Агриколу и Челлини. В каждой книге ощущается человек, который ее написал. Если бы Агрикола жил сегодня, у него был бы в кармане электрошок и калькулятор: этакий незаметный технарь. Но его книга целиком посвящена его науке, а он прячется за материалом. Он там присутствует, но скрыто, тогда как Челлини постоянно выставляет себя напоказ, он в своей «Автобиографии» центральная фигура.

Агрикола явно был предшественником современного инженера. Поскольку я написала Просперо Бенефорте с Челлини (приблизительно таким, каким Челлини представляет себя, но немного подчищенным, чтобы не так шокировать читателя), то прототип Тейра Окса, молодого

го рудокопа, это Агрикола, каким его можно увидеть через его текст: явно серьезный, умный и порядочный человек. Так что я взяла своих персонажей из этих двух источников. Интересно, что кобольды пришли от Агриколы. Где-то в середине его книги есть сноска на тему о кобольдах. Это — цитата, взятая из одной из других книг, написанных тем же Агриколой: описание кобольдов — таких, в которых верили немецкие рудокопы в то время.

Кобольды не принадлежность жанра фэнтези. Они пришли из исторического источника. Они — то, в существование чего люди в то время верили. Так что я сделала их немного пологичнее — и получила своих кобольдов. Удивительно, что именно может послужить источником идей, когда читаешь исторические повествования: примечания! Обязательно надо читать примечания — никогда не знаешь, что именно там найдешь. В этом случае я нашла кобольдов. Мне понравилось собирать материал для этой книги. Мне бы хотелось написать еще что-то в том же духе. Посмотрим. Сейчас я еще не знаю, в каком направлении отправлюсь дальше.

Моя хронология для предыстории барраярской вселенной подразумевает, что в двадцать первом веке или, может быть, в начале двадцать второго были сделаны первые усилия по межзвездной колонизации и были отправлены первые корабли. Это были не совсем «корабли поколений»: они добирались до цели примерно лет двадцать. Были сделаны попытки колонизовать пару ближайших звездных систем. «Ближайшие» значило на расстоянии сорока световых лет от Земли. Одной из таких колоний была Колония Альфа, которая казалась биологически многообещающей, но полностью провалилась. Второй была Колония Бета в унылой пустыне, казавшейся гораздо менее многообещающей. На ней люди жили так,

словно зарывали свои космические корабли в землю. Но как это ни странно, это предприятие оказалось гораздо более успешным. Колонию Бета заселяли из США.

Затем в конце двадцать первого — начале двадцать второго века произошла катастрофа, после которой некоторое время всем было не до космических дел. Не то чтобы после первичной колонизации поддерживался какой-то контакт с поселениями. Колония Бета на какое-то время оказалась отрезанной от Земли, но свои технологии не потеряла. Наступила пауза, а потом были открыты скачки через п-в-туннели, и исследования пошли взрывообразно во всех направлениях, однако п-в-туннель к Колонии Бета был открыт не сразу. И когда туда наконец добрались, то оказалось, что дорога от Земли к Колонии Бета идет очень непрямо. Я не вдаюсь в астрономические подробности. Те люди, которые разбираются в астрономии, могут заполнить пробелы правильными данными, а те, кто не разбирается, могут этим не затрудняться. Пусть читатель сам выполняет эту работу или не выполняет — как ему заблагорассудится.

В результате катастрофы был стерт с лица Земли Кливленд и, возможно, несколько других городов, которые я не люблю, а потом вывел Америку из числа стран, занимающихся колонизацией космоса. Так что Колония Бета действительно была потомком США, а остальные системы заселялись более смешанными мировыми культурами. Не то чтобы в США изначально не было смешанной культуры. Вот что происходило до открытия п-в-туннелей. Чалмис Дюбауэр из «Плетельщицы снов» — это предок того Дюбауэра, который фигурирует в «Осколках чести».

Когда произошла катастрофа, один корабль отправился, чтобы попытаться установить контакт с Землей и посмотреть, что случилось. Его отправили обратно, хотя

в колонии у него остались дети. К тому времени, как он добрался до Земли, пыль уже осела и обстановка коренным образом изменилась. В подсознании я создавала историю Чалмиса. Мне пришлось отправить его еще в пару полетов к Колонии Бета на околосветовой скорости: вот почему он идет настолько не в ногу со временем. Они двигались со скоростью, достаточно близкой к скорости света, — околосветовой. Именно тогда может проявиться эйнштейновский эффект замедления, так что в конце концов, вернувшись на Колонию Бета, Чалмис оказывается в гостях у собственной правнучки. К тому времени все, кого он знал, умерли, так что он вернулся на Землю и вышел в отставку, когда начались полеты через п-в-туннели. Его работа технологически устарела.

До того момента, которым заканчивается последняя из опубликованных книг этой хронологии (на момент этого интервью это — «Танец отражений»), я и связана. Дальше все может пойти в каком угодно направлении. Теперь, когда я пишу книги и о более ранних этапах хронологии, мне приходится согласовывать повествование по всем направлениям, что само по себе нелегкая задача. Что касается того, куда пойдет вселенная Майлза и куда пойдет сам Майлз, — это не решено. У меня нет плана. У меня нет книги сюжетов. У меня нет общей стройной картины. Я описываю то, что есть, и знаю о том, что будет, не лучше, чем он сам, Майлз. Это — нечто, что я могу узнать, только написав об этом. Все создается так, как происходит, книга за книгой.

Я пока проработала только отдельные кусочки прошлого. У меня есть общее представление. Есть кое-какие конкретные идеи, но все, что еще не напечатано, может измениться. Я стараюсь по возможности оставлять вселенную незамкнутой, чтобы не ограничивать себя в творчестве.

Проблема вселенной в том, что она очень богата. Мы можем вскочить на коня и скакать в любую сторону. Потенциально в этой вселенной существуют тысячи ответвлений, прошлых событий и продолжений, так что я могла бы обходиться уже имеющимся материалом, не создавая ничего нового. А времени у меня не так уж много. Я могу писать только одну книгу в год. Я поняла, что мой выбор определяется скорее темой, которую мне хочется затронуть, нежели сюжетными моментами, которые мне хотелось бы осветить. Так что каждая книга, независимо от того, где она располагается по хронологии, действительно имеет новую тему или взгляд на тему. Я выбираю приключение, которое мне нравится, в соответствии с тем, какие идеи я хотела бы обдумывать в течение следующего года. Изменения, происходящие в моей жизни, имеют некоторое отношение к тому, какие изменения попадают в книгу. Я не могу предсказать, куда все это идет, потому что мне приходится учиться все быстрее и усваивать все больше, чтобы сохранять свежесть.

Будут годы, когда я не смогу сказать ничего нового. Если я буду способна только на это, то напишу просто ремесленническую книгу, а на следующий год смогу предложить нечто более глубокое. Но если вы собираетесь написать двадцать или тридцать книг, то они все равно окажутся неровными. У вас будут годы подъема и годы спада. Но со временем все выравнивается.

Не думаю, чтобы я была готова продать права на свою вселенную. Создание книги правил прямо противоречит тому, как я работаю. Это одна из причин, по которой я до сих пор этого не сделала. Я пишу свои вещи изнутри. Начинаю с темы, с персонажей, а сюжеты и фон собираю в последнюю очередь и только по мере надобности. Будучи уже создан, фон оказывает свое влияние на ос-

тальные элементы повествования, но я с него не начинаю. А люди, которые говорят: «Давайте сделаем сюжет об этой вселенной», работают по совершенно противоположному принципу. Они начинают со вселенной и располагают все в пределах той коробки, которую они же и создали вокруг своего сюжета. Это значит, что темы персонажей ограничены, а это может помешать их полному развитию.

В моих романах присутствуют автобиографические моменты, и с течением времени их становится все больше. Я более ясно вижу, как моя жизнь впитывается в мои произведения и какие при этом происходят трансформации и преобразования. Теперь я уже смутно представляю себе этот процесс. Он по-прежнему идет на уровне подсознания, но я быстрее замечаю, что происходит. Я не хочу никоим образом в это вмешиваться. Не останавливайся! Это работает! В книгах разбросаны биографические кусочки, однако основная модель — тематическая автобиография — становится все яснее. Первые книги были более жанровыми, больше подражали другим книгам. Последующие стали более прямыми, более оригинальными.

Во всех персонажах есть кусочки меня — хорошие, плохие и средние. Что-то от меня есть в Брюсе Ван Атта из «В свободном падении». Какой-то уровень меня не входил в книги до того, как появился Марк. Вот почему он такой необычайно живой.

К Корделии это относится не больше, чем к любым другим моим персонажам — к любым другим *значительным* персонажам. Майлз получил от меня очень многое: в Майлзе много неисполненных желаний. Иногда вы создаете персонажи, которые являются вами, а иногда — персонажи, которыми вы хотели бы быть. Майлз, например, ни-

когда не забывает ничьи имена! У меня это не получается. Он хорошо ориентируется в пространстве. Я — нет.

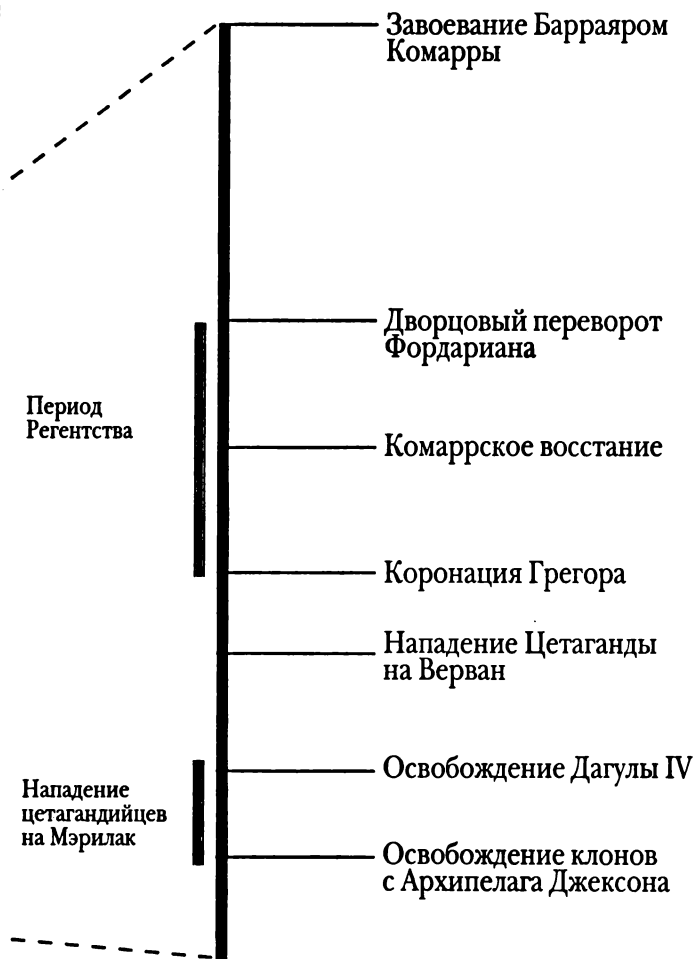
Все это множество персонажей необходимо потому, что вместить все в одного невозможно. В Марке есть элементы, которые не подходили Майлзу. Весь опыт материнства невозможно было вложить в Майлза или Марка. Это — интересный процесс. Мне кажется, что писатели иногда подобны людям с расщеплением личности, потому что вы отрываете от себя кусочки, чтобы персонажи справлялись с различными ситуациями. А потом по мере надобности снова их объединяете. Искусство сильно упрощено. Такова его природа. И тем не менее удается получать удивительные результаты.

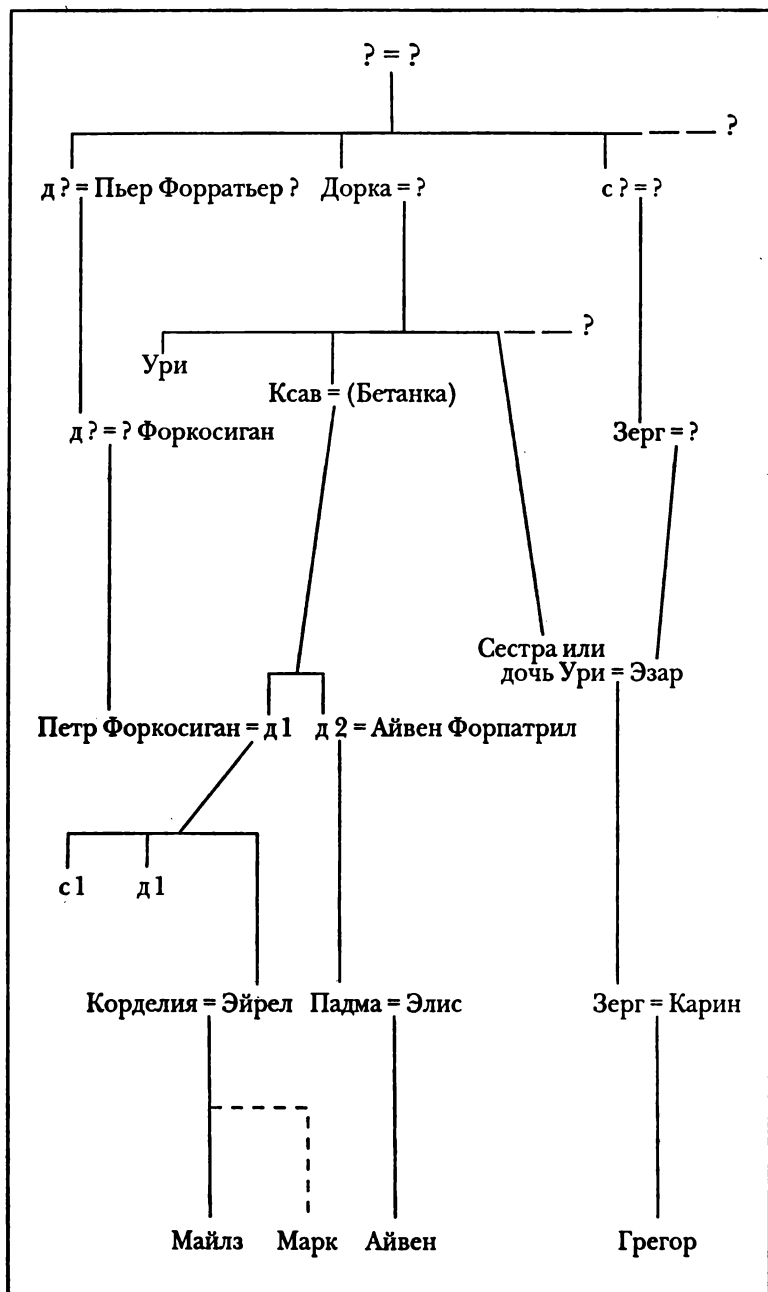
Вот в чем секрет научной фантастики: она не берет вещи такими, какие они есть. Она их изменяет, трансформирует. Это — преображающий жанр, он почти превращает вещи в метафоры, однако с чего-то приходится начинать. Подо всем этим должно присутствовать какое-то содержание. Мне нравится это ее свойство проводить работу сразу над двумя, тремя или четырьмя аспектами. Я особенно люблю многоуровневость научной фантастики.

800 лет истории Барраяра и Галактики

60 лет истории Барраяра и Галактики

Кое-что о генеалогии лорда Майлза Форкосигана и некоторых других* (в изложении Сафорда Льюиса)

В «Ученике воина» Майлз упоминает, что состоит в родстве с императором Ури Безумным по двум линиям. Одну мы можем легко определить через дочь принца Ксава, откуда и идет родство с Айвеном. В «Осколках чести» Эйрел упоминает, что этот же принц Ксав был женат на бетанке, из чего можно сделать вывод, что вторая линия идет со стороны старого графа Петера. Поскольку граф Петер относится к девятому поколению Форкосиганов, то скорее всего родство идет по линии матери Петера или его бабки. Есть намеки, что мать Петера из семьи Форратьеров. Если это так, то из рода Форбарра одна из бабок Петера.

Сколько лет Петер был женат, вычисляется довольно точно. Дорка правил, когда Петеру было двадцать два года, а Ури — когда Петеру было сорок четыре. Когда Эйрелу было одиннадцать, Петер уже был женат как минимум тринадцать лет. (Нам известно, что у Эйрела име-

* Towards a Genealogy of Lord Miles Vockosigan and Other Persons of Interegt. © Suford Lewis, 1995. © Косова О.Г., перевод с английского, 2000.

лись сестра и старший брат. Сестра могла быть старше или моложе. Единственное, что нам о ней известно, поскольку об этом упоминается в «Танце отражений», это что она похоронена на родовом кладбище, которое граф показывает Марку.) Если Петер женился где-то в тридцать два года, то получается, что событие сие имело место в конце первой цетагандийской войны, для победы в которой генерал Петер приложил немало сил. Этим наверняка и объясняется, почему он удостоился заполучить в жены столь высокородную особу, как старшая дочь принца Ксава.

Если для того, чтобы проследить в генеалогии Майлза линию Ури, нужно восходить к Дорке, то родственная связь может приходиться на одно из двух поколений. Поскольку притязания Дорки на императорский трон идут по женской линии, то связь с линией Ури может быть со стороны любого из родителей Дорки. С линией Ури, но не обязательно с императорским тронном. Это важно, поскольку совершенно очевидно, что для Ури представлял угрозу Эйрел, а не Петер. Следовательно, если Петер приходится родственником Дорке через одну из своих бабок, которая доводилась Дорке либо дочерью, либо теткой, и в особенности если это бабка со стороны матери, то Ури мог смело не принимать Петера в расчет, поскольку родство Петера с Доркой идет чисто по женской линии, да еще и через два поколения. Именно так и отображены эти родственные связи в моей диаграмме.

Есть также намеки на то, что генетическая предрасположенность к психическим заболеваниям идет от Форратьеров. Сумасшествие Ури, Зерга и Джеса Форратьера тогда имеет один источник. Во время царствования Дорки, Ури и Эзара Форратьеры были очень близки к трону. Чудовищная архитектура правительственных зданий, построенных в период правления Ури, является плодом де-

ятельности одного из Форратьеров, бывших в фаворе у Ури. Дорка мог быть женат на женщине из Форратьеров, хотя более вероятно, что он женился на родственнице, более близкой к ветви семейства Форбарра, которую он сменил на троне. Эзар женился на дочери или сестре Ури в попытке объединить ветви. По всей вероятности, Эзар с Петером были сколько-то-там-юродными братьями. И похоже, их жены тоже были кузинами. Эйрел с Джесом, по всей видимости, были троюродными братьями по линии Форратьеров. Такое же родство, как у Майлза с Айвеном.

Если предположить, что Петер Пьер — первородный сын, тогда Пьер — первое имя отца его матери, и был он скорее всего Форратьером. Если же Петер Пьер — не первородный сын, то разобраться с именами несколько сложнее, но это не влияет на вероятное родство с Форратьерами. Возможен еще вариант, что этот Пьер Форратьер был в родстве с отцом Дорки. Поскольку Дорка унаследовал трон по материнской линии, то вполне мог носить другую фамилию (Форратьер, к примеру) и взял фамилию матери, чтобы придать легитимность своим притязаниям на трон. Жена Пьера Форратьера тоже вполне могла быть сестрой (или иной близкой родственницей) Дорки. Если родственная связь восходит в сестре или тетке Дорки, то этим вполне можно объяснить слова Майлза о «совершенно отдельных» линиях. К тому же Майлз рассуждает скорее о генетике, чем о юридических тонкостях, так что родственная связь по женской линии в двух поколениях или через любого из родителей Дорки вполне вероятна.

Эзар, лежа на смертном одре в «Осколках чести», говорит, что существует пять человек, имеющих по крови больше прав на трон, чем он. И Эйрел Форкосиган возглавляет этот список. Остальные, судя по всему, — это

Фордариан, Падма Форпатрил, лорд Фортейн (упоминается как наследник Айвена) и Фордроза (упоминается как наследник Фортейна). Поскольку Эзар заявляет, что у них всех больше прав на трон, чем у него, то, по всей вероятности, имеет в виду их более близкое кровное родство с Доркой. Таким образом, мы приходим к принцу Ксаву и можем пересчитать его дочерей. От старшей дочери мы приходим к Эйрелу, затем к Майлзу. От второй — к Падме Форпатрилу и Айвену. Прочие потомки Ксава не пережили устроенную Ури резню. Остальные ветви могут идти со стороны братьев Ури и Ксава, но — чтобы оказаться в списке Эзара после Эйрела — через дочерей. Затем следуют потомки сестер Ури и Ксава, так что Фордариан, Фортейн и Фордроза легко вписываются в картинку.

Поскольку Эйрел заявляет, что салический закон исключает его из списка наследников, из этого вытекает, что притязания Эзара на трон более правомерны, так как идут по мужской линии. Ergo, дед Эзара со стороны отца — брат Дорки. Следовательно, отец Эзара, совершенно очевидно носивший имя Зерг Форбарра, является двоюродным братом Ури и Ксава. Тогда почему же в таком случае Грегора не зовут Эзаром? Ну, возможно, его полное имя Эзар Грегор, а отца принцессы Карин звали Грегор Фор-какой-то. Может быть, окружающим было неловко называть мальчика Эзаром и его звали вторым именем, и под этим именем он и взошел на трон.

В «Играх форов» Майлз упоминает о шести вариантах наследования, хотя и не совсем ясно, не выдумал ли он их специально, чтобы задурить голову Кавилло. Хотя вполне возможно, что дочь лорда Фортейна, которой, согласно упоминанию в «Ученике воина», за пятьдесят, вышла-таки замуж и родила детей, обеспечив таким образом продолжение линии Фортейнов. Да, довольно со-

лидный возраст для рождения детей, но моя прабабка родила последнего ребенка в пятьдесят два года, а некоторые женщины сохраняют способность к деторождению и в более позднем возрасте. У Фордрозы могли быть братья и сестры, через которых продолжилась эта линия возможных престолонаследников. Тот факт, что в «Ученике воина» не упоминается никто из потомков Фордариана, вовсе не означает, что эта линия возможных претендентов на нем и закончилась. А учитывая многочисленные родственные связи между Форратьерами и Форбарра, то вполне могут иметься и претенденты в стане Форратьеров. Если притязания Дорки на трон идут по материнской линии, то вполне могут иметься более старшие ветви «истинных» Форбарра по мужской линии. Так что вычислить шестерых возможных претендентов на трон не так уж и сложно: Форкосиган, Форпатрил, Фордроза, Фортейн, Фордариан, Форратьер и «истинные» Форбарра. Вопрос лишь в том, кого оставить за бортом.

И в данном случае просто не рассматривается вариант, что кто-то, кого считают мертвым, жив, или кто-то, кого считают умершим, холостым и без потомства, вполне может быть живым или тайно женатым. Барраярцы еще не дошли до полного и четкого контроля за численностью населения, как на Колонии Бета, и на Барраяре вполне могут где-то скрываться еще пара-тройка наследников, прячущихся от возможной резни типа той, что устроил Ури потенциальным соперникам. Могут они также и оказаться истинными патриотами, не желающими ради блага Барраяра нарушать существующий и вроде бы вполне разумный порядок вещей. Наконец, они могут быть полными идиотиками — вследствие форратьеровского генетического наследия — и попросту не знать, что Империя могла бы принадлежать им. Так что выбор вариантов не ограничен!

МАЙЛЗ ФОРКОСИГАН-НЕЙСМИТ И ЕГО ВСЕЛЕННАЯ

Краткая хронология

Время	События	Книга хроники
Приблизительно за 200 лет до рождения Майлза	Методами геной инженерии созданы квадды — существа, приспособленные к жизни в условиях невесомости...	<i>«В свободном падении»</i>
Во время бетано-барраярской войны	Прямой и честный, контр-адмирал Эйрел Форкосиган стал жертвой изощренных интриг знатных заговорщиков Барраярской империи. Разжалованный, он сослан на только что открытую планету, имеющую для Барраяра огромную стратегическую важность. Там, во время военного конфликта с открывшими планету колонистами Беты, Эйрел встретил	<i>«Осколки чести»</i>

Корделию Нейсмит.
Враги, они полюбили
друг друга. Супруги,
они прошли сквозь ад,
чтобы спасти Барраярс-
кую империю от надви-
гающегося кошмара
гражданской войны...

Попытка
дворцового
переворота
Форда-
риана

Императорский дворец
захвачен заговорщика-
ми. Дворцовый перево-
рот грозит свергнуть в
кровавый хаос всю
Барраярскую империю.
Казалось бы, предотвра-
тить кошмар невозмож-
но... Но совершить
невозможное ценой
нечеловеческого усилия
удается Корделии,
которая во что бы то ни
стало должна спасти
своего сына Майлза,
жестоко пострадавшего
от ядовитого газа...

«Барраяр»

Майлзу
17 лет

Майлз Форкосиган, не
сумевший из-за послед-
ствий газового отравления
поступить в Император-
скую военную акаде-
мию, создает среди
бесчисленных опаснос-
тей боевой флот денда-
рийских наемников.
Отныне вся Галактика
будет с восторгом повто-
рять его новое имя —

«Ученик воина»

имя адмирала Нейсмита, величайшего из героев космоса...

Майлзу
20 лет

Майлз Форкосиган вынужден проводить расследование безжалостного убийства ребенка-мутанта, рискуя собственной жизнью. Сам в детстве чудом избежавший гибели, он дерзает выступить против варварского древнего обычая — уничтожать детей с физическими отклонениями...

*«Горы скорби» из
книги «Границы
бесконечности»*

Майлз Форкосиган, все же окончивший академию, получает первое назначение — на полярную базу... Назначение, завершившееся абсурдным обвинением в государственной измене. И тем не менее Майлз ставит на карту свою жизнь, чтобы спасти от верной гибели молодого императора Барраяра. Бесстрашные дендарийцы становятся частью Имперских сил безопасности...

«Игра форов»

Майлзу
22 года

Майлз Форкосиган отправляется на планету Цетаганда — на похоро-

«Цетаганда»

ны Императрицы. Но, прибыв на скорбную церемонию, он помимо своей воли оказывается втянут в самый центр паутины дворцовых интриг, где на кон поставлены власть и могущество, удары наносятся в спину и из-за угла, а доверять нельзя никому...

Доктор Этан Эрхарт с отдаленной планеты Эйтос со сверхсекретным заданием отправляется на космическую станцию — и неожиданно для себя становится соратником Элли Куин, самой верной и бесстрашной из сподвижников Майлза Форкосигана, в смертельно опасной операции — борьбе против лучших сил цетагандийских спецслужб...

«Этан с планеты Эйтос»

Майлзу
23 года

Архипелаг Джексона — планета-притон, планета — логово галактических негодяев всех мыслимых мастей. На Архипелаге Джексона действуют лишь два закона — закон денег и закон силы. В такое чудовищное место

«Лабиринт» из книги «Границы бесконечности»

бесстрашно отправляется Майлз Форкосиган — на новое рискованное задание. Ему предстоит любой ценой похитить и вывезти на Баррая гениального специалиста по генной инженерии...

Майлзу
24 года

На мрачной планете-тюрьме Дагула IV расположен цетагандийский лагерь военнопленных. Именно туда отправляется Майлз Форкосиган. В аду, в котором практически невозможно выжить, он должен не просто уцелеть, но и выполнить новое задание — провести операцию по освобождению заключенных...

«Границы бесконечности» из книги «Границы бесконечности»

Майлзу
24 года

Много лет назад, когда Майлз был еще ребенком, террористы с планеты Комарра, похитив из госпиталя его ткани, создали из них клона — двойника Майлза. И вот теперь, когда Майлз оказался на Земле, вдали от Барраяра, комарриане пытаются подменить его клоном и, ввергнув Барраяра в кровавый водоворот дворцового переворота, возвести

«Братья по оружию»

клона на императорский трон. Но бесстрашие и хитроумие Майлза опрокидывают все планы террористов...

Майлзу
25 лет

После предыдущей операции Майлз госпитализирован. Сломанные кости рук заменены синтетическими. Лежа на больничной койке, Майлз помогает Саймону Иллиану предотвратить еще одну попытку государственного переворота...

«Границы бесконечности»

Майлзу
28 лет

Марк, брат-клон Майлза, воспользовавшись его отсутствием, прибывает на флагманский корабль Дендарийского флота и выдает себя за адмирала Нейсмита, дабы осуществить нападение на Архипелаг Джексона. Операция завершается катастрофой, во время которой убивают примчавшегося на выручку Майлза. Его тело помещают в криокамеру, но криокамера бесследно исчезает. Поиски ведутся по всей Галактике...

«Танец отражений»

Майлзу
29 лет

Криогенное оживление Майлза привело к неожиданному и траги-

«Память»

ческому результату: его признали непригодным к военной службе, однако, когда над Барраяром нависает новая опасность, бесстрашный лорд Форкосиган вновь вступает в игру. Трудно даже вообразить, к чему может привести разрушение чипа памяти, вживленного в мозг шефа Имперской безопасности. Кто и зачем это сделал? Только Майлз может найти предателя и спасти империю...

Майлзу
30 лет

Майлз Форкосиган, ныне — Имперский Аудитор, послан на планету Комарра, на орбите которой при весьма загадочных обстоятельствах взорвался солнечный отражатель, дающий свет этому сумрачному миру. Рутинное расследование? Или смертельно опасная борьба с группой жестоких заговорщиков? Возможно, от отваги и хладнокровия лорда Аудитора зависит судьба не только Комарры, но и всей Барраярской империи...

«Комарра»

Майлзу
30 лет

На Барраяре близится
императорская свадьба.
Дворцовые интриги
достигли апогея. Майлз
Форкосиган, как все-
гда, в центре событий.

«Гражданская
кампания»

СОДЕРЖАНИЕ

Комарра	5
Вселенная Майлза	441
Плетельщица снов	443
Мой первый роман	498
Ответы	504
Кое-что о генеалогии лорда Майлза Форкосигана и некоторых других	560
Хронология	565

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "КООРДИНАТЫ ЧУДЕС"

Лучшие из лучших произведений мировой фантастики, признанные мастера, живые классики жанра и талантливые новые авторы последнего поколения фантастов, буквально вошедшие в литературу...

Величайший фантастический шедевр нашего времени — трилогия Дэна Симонса "Гиперион", "Падение Гипериона" и "Эндимион", неподражимо оригинальные романы Дугласа Адамса из цикла "Автостопом по Галактике" и остросюжетный, полный приключений сериал Лоис М. Буджолд о космическом герое Майлзе Форкосигане, великолепные Грег Бир, Конни Уиллис, Джонатан Летем, Джордж Мартин и многие другие...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".
Издательство высылает бесплатный каталог.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Лужанская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

Буджолд Лоис Макмастер

**Комарра
Вселенная Майлза**

Редакторы Е.А. Барзова, Г.Г. Мурадян
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.11.00.

Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая с ФПФ.

Бумага типографская. Усл. печ. л. 30,24.

Тираж 15 000 экз. Заказ 215.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»

Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.

674460, Читинская область, Агинский район,

п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84.

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Харвест».

Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.2001.

220040, Минск, ул. М. Богдановича, 155-1204.

Налоговая льгота — Общегосударственный
классификатор Республики Беларусь
ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

Лоис Макмастер Буджолд принадлежит своеобразный рекорд: она удостоена ТРЕХ "Хьюго" за РОМАНЫ — успех, уступающий лишь достижению Роберта Хайнлайна. И еще рекорд — все эти романы относятся к одному и тому же циклу — самому, пожалуй, популярному циклу в истории научной фантастики — циклу о Майлзе Форкосигане, циклу, который переведен на десятки языков и покори́л миллионы читателей.

Вселенная Лоис Макмастер Буджолд — это Вселенная могущественных супердержав и долгих, жестоких войн; Вселенная тонкой политической игры и изощренных придворных интриг. И, конечно же, самое главное — это Вселенная одного из самых запоминающихся персонажей научной фантастики — Майлза Форкосигана, полководца, путешественника, дипломата, придворного и, наконец, просто ГЕРОЯ.

Что же принесло саге о Майлзе Форкосигане такой огромный успех и обеспечило такую популярность? Острый сюжет? Захватывающие приключения? Блестящий замысел, блестяще воплощенный в жизнь? Искрометный юмор?

Прочитайте — и узнайте сами!!!

ISBN 5-17-004123-3

9 785170 041237

